

Дома и быт американских аборигенов

Льюис Генри Морган

Houses and House-Life of the American Aborigines

Lewis Henry Morgan

Электронная книга проекта "Гутенберг" о домах и домашней жизни американских аборигенов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Дома и быт американских аборигенов

Автор: льюис Генри Морган

Дата выхода: 1 мая 2005 г. [Электронная книга № 8112]

Последнее обновление: 26 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Роберт Принс, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДОМА И БЫТ АМЕРИКАНСКИХ АБОРИГЕНОВ" ***

Продюсеры: Джульет Сазерленд, Роберт Принс, Чарльз Фрэнкс

и Команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру.

ВКЛАД В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКУЮ ЭТНОЛОГИЮ

ТОМ IV

ДОМА И БЫТ АМЕРИКАНСКИХ АБОРИГЕНОВ

ЛЬЮИС Х. МОРГАН

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следующая работа по существу составила Пятую часть оригинальной рукописи "Древнего общества" под названием "Развитие идеи архитектуры дома". Поскольку объем рукописи превысил объем одного тома, эта часть (часть V) была удалена, и, поскольку тогда не было намерения публиковать ее отдельно, большая ее часть попала в печать в виде отдельных статей. Краткое изложение Новой универсальной энциклопедии Джонсона было дано в статье "Архитектура американских аборигенов". Глава о "Домах ацтеков" легла в основу статьи под названием "Ужин Монтесумы", опубликованной в "Североамериканском обозрении" в апреле 1876 года. Другая глава, посвященная "Домам строителей курганов", была опубликована в том же журнале в июле 1876 года. Наконец, в текущем году по просьбе исполнительного комитета "Археологического института Америки" в Кембридже я подготовил на основе тех же материалов статью, озаглавленную "Исследование домов и домашней жизни индейских племен", со схемой

исследования руин в Нью-Мексико, Аризоне, регионе Сан-Хуан, Юкатане и Центральной Америке.

С некоторыми дополнениями и сокращениями факты теперь представлены в их первоначальном виде, и поскольку теперь они будут иметь более широкое распространение, чем упомянутые статьи, они будут новыми для большинства моих читателей. Приведенные факты и предложения также будут иметь то преимущество, что будут представлены в их надлежащей связи. Таким образом, аргументации в целом придается дополнительная сила. Все формы этой архитектуры возникли из общего сознания и, как следствие, демонстрируют разные стадии развития одних и тех же концепций, действующих в соответствии со схожими потребностями. Они также представляют эти несколько условий индийской жизни с достаточной полнотой. Будет видно, что их дома образуют единую систему сооружений, от Длинных Домов ирокезов до многоквартирных домов из самана и камня в Нью-Мексико, Юкатане, Чьяпасе и Гватемале, с таким разнообразием, какое естественно было бы иметь из-за разной степени развития этих нескольких племен. Изучаемые как единая система, проистекающая из общего опыта и схожих потребностей, а также в рамках институтов того же общего характера, они, как представляется, указывают на план жизни, одновременно новый, оригинальный и отличительный.

Главный факт, который одинаково демонстрируют все эти структуры, от самых маленьких до самых больших, заключается в том, что семья на протяжении этих стадий развития была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку противостоять жизненной борьбе, и искала себе убежища в больших семьях, состоящих из нескольких семей. Дом для одной семьи был исключением во всей Америке коренных народов, в то время как дом, достаточно большой, чтобы вместить несколько семей, был правилом. Более того, они были заселены как совместные многоквартирные дома. Существовала также тенденция формировать эти семьи по принципу родственного родства, когда матери и их дети принадлежали к одному роду или клану.

Если мы приступаем к великой проблеме жизни индейцев с решимостью сделать ее понятной, их домашняя жизнь и домашние институты должны дать ключ к ее объяснению. Эти страницы задуманы как начало этой работы. Это плодотворная и в настоящее время частично исследованная область. Мы были на редкость невнимательны к плану домашней жизни, который демонстрировали дома периода аборигенов. Время и влияние цивилизации сильно повлияли на их образ жизни, пока он не изменился настолько, а во многих случаях и вовсе ниспровергнут, что его следует рассматривать как новое исследование тех общих фактов, которые остались. В эпоху европейских открытий она была в полной силе в Северной и Южной Америке, но возможностями изучения ее принципов и результатов пренебрегали. Как схема жизни при устоявшихся институтах, это было замечательным проявлением состояния человечества в два четко выраженных этнических периода, а именно, в Более Древний период и Средний период варварства, первый из которых был представлен ирокезами, а второй - ацтеками, или древними мексиканцами. Ни в одной части земли эти два условия человеческого прогресса не были представлены так хорошо, как в племенах американских индейцев. Знание культуры и состояния жизненных искусств в эти периоды необходимо для определенного представления об этапах человеческого прогресса. Исходя из законов, управляющих этим прогрессом, из единообразия их действия и из необходимых ограничений принципа разумности, мы можем заключить, что наши собственные отдаленные предки прошли через подобный опыт и обладали очень похожими институтами. Изучая положение индейских племен

в эти периоды, мы можем восстановить некоторую часть утраченной истории нашей собственной расы. Это соображение придает стимул исследованию.

Первая глава представляет собой краткое изложение четырех глав "Древнего общества", а именно глав о роде, фратрии, племени и конфедерации племен. Поскольку они составляли необходимую часть этой работы, они становятся в равной степени необходимыми и для этой. Знание этих организаций необходимо для понимания домашней жизни аборигенов. Эти организации составляют основу американской этнологии. Хотя обсуждение не дает полного объяснения их характера и распространенности, оно даст читателю общее представление об организации общества среди них.

Мы слишком склонны рассматривать состояние диких и первобытных племен как стоящие на одной ступени развития. Их следует тщательно различать как непохожие условия прогресса. Более того, дикость показывает стадии культуры и прогресса, и то же самое верно для варварства. Проведение различия между этническими периодами или стадиями культуры как в дикости, так и в варварстве значительно облегчит изучение фактов, относящихся к этим двум условиям, через которые прошло человечество в своем продвижении к цивилизации. Прогресс человечества от первобытного состояния к цивилизации был заметным и насыщенным событиями. Каждая великая стадия прогресса связана, более или менее напрямую, с каким-нибудь важным изобретением или находкой, которые существенно повлияли на прогресс человечества и положили начало улучшению условий жизни. По этим причинам период дикости был разделен на три подпериода, а период варварства также на три, последние из которых имеют первостепенное значение в своем отношении к положению индейских племен. Более древний период варварства, который начинается с появления гончарного искусства, и Средний период, который начинается с использования саманного кирпича при строительстве домов и с выращивания кукурузы и других растений путем орошения, отмечают два очень разных и непохожих образа жизни. Большая часть индейских племен приходится на тот или иной из этих периодов. Небольшая часть находилась в более раннем периоде дикости, и ни одно из них не достигло Более позднего периода варварства, который непосредственно предшествует цивилизации. При рассмотрении состояния нескольких племен они будут отнесены к определенному периоду, к которому они по отдельности принадлежат в соответствии с этой классификацией.

С сожалением должен добавить, что из-за слабеющего здоровья я не смог вложить в эту рукопись ту постоянную мысль, которую произведение любого рода должно получать от своего автора. Но я не мог устоять перед приглашением моего друга майора Дж. У. Пауэлла, директора Бюро этнологии, собрать эти главы воедино настолько хорошо, насколько это было в моих силах, чтобы они могли быть опубликованы этим Бюро. Поскольку это, несомненно, будет моим последним произведением, я расстаюсь с ним с некоторым беспокойством по названной причине, но с радостью предоставляю его на милость моих читателей.

Я в большом долгу перед моим другом мистером Дж. К. Пиллингом из того же Бюро за его дружеский труд и заботу при исправлении корректурных листов и за надзор за иллюстрациями. Благодарность автора за такие услуги вознаграждается весьма несовершенно.

Покойный Уильям У. Эли, доктор медицины, доктор права, на протяжении более чем двадцати пяти лет был моим близким другом и литературным советчиком, и ему я обязан многими ценными предложениями и постоянной поддержкой в моих трудах. Посвящение этого тома его

памяти - лишь частичное выражение моего восхищения его прекрасным характером и моей признательности за его дружбу.

ЛЬЮИС Х. МОРГАН

РОЧЕСТЕР, Нью-Йорк, июнь 1881 г.

Содержание.

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Род: организован по принципу родства; права, привилегии и обязанности его членов; — Фратрия: ее характер и функции;— Племя: его состав и атрибуты;—Конфедерация племен: ее природа, характер и функции.

ГЛАВА II.

ЗАКОН ГОСТЕПРИИМСТВА И ЕГО ОБЩАЯ ПРАКТИКА.

Индийские племена в трех различных условиях —Дикие племена— Частично занимающиеся садоводством племена—Деревенские индейцы—Обычаи, влияющие на их домашнюю жизнь— Закон гостеприимства, практикуемый ирокезами; алгонкинскими племенами нижней Вирджинии; делававами и манси; племенами Миссури, долины Колумбии; племенами дакота Миссисипи, алгонкинскими племенами Висконсина; чероки, чокто и криками; деревенскими индейцами Нью—Мексико, Мексики, Центральной Америка; племенами Венесуэлы; перуанцами — Универсальность употребления - Подразумевает коммунизм в жизни большими семьями.

ГЛАВА III.

КОММУНИЗМ В ЖИЗНИ.

Закон их состояния—Большие семьи у индейских племен— Коммунизм в проживании в семье— Длинные дома ирокезов— Несколько семей в доме—Коммунизм в домашнем хозяйстве— Длинные дома индейцев Вирджинии—Скопления хижин у Ручьев—Коммунизм в скоплении— Охотничьи банды на равнинах—Захват общего поголовья— Рыболовецкие банды на Колумбии— Захват общего поголовья—Большие семьи у племен Колумбии—Коммунизм в домашнем хозяйстве— Дома мандан—Содержали несколько семей—Дома сауковцев в одной деревне индейцев Нью—Мексико—Майя в одной деревне Юкатан — Их нынешний коммунизм в жизни — Большие семьи индейцев Кубы, Венесуэлы, Карфагена, Перу.

ГЛАВА IV.

ОБЫЧАИ В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЛИ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

Племенные владения, принадлежащие племени совместно —Право собственности отдельных лиц и семей на землю, которую они обрабатывали —Государственная компенсация за земли индейцев, выплачиваемая племени; за улучшения для отдельных лиц — Квартиры в доме и права собственности на земли переходят к наследникам—неевреям—Владение землей среди

индейцев, ведущих оседлый образ жизни в деревнях Таос, Джемекс и Зуны — Среди ацтеков или древних мексиканцев, как представлено г—ном Бандельером; в Перу — Обычай употреблять только одно приготовленное блюдо в день, правило обеда среди северных племен — завтрак, а также ужин для каждого гостя. мексиканцы - За едой отдельно, мужчины едят первыми и сами по себе, а женщины и дети - потом.

ГЛАВА V.

ДОМА ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН К СЕВЕРУ ОТ НЬЮ-МЕКСИКО.

Дома индейских племен следует рассматривать как части общей системы строительства — Общий принцип пронизывает все ее формы; принцип адаптации к коммунизму в рамках домашнего хозяйства — Это объясняет эту архитектуру—Общинные дома диких племен; в Калифорнии; в долине Юкона; в долине Колумбии —Общинный дом племен на более низком уровне варварства— Лодж оджибва—палатка из кожи дакоты—Длинные дома индейцев Вирджинии; в племени Ньяч на Лонг-Айленде; в Сенеке-ирокезы; в Онондаге—ирокезы — Грязные домики манданов и миннетари; — Крытые соломой дома марикопов и мохавов в Колорадо; пимов в Гиле - Вот что показывает сравнение.

ГЛАВА VI.

ДОМА ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ НЬЮ-МЕКСИКО.

Улучшенный характер домов—Оборонительный принцип, заложенный в планировку домов— Характер их совместного проживания —Высота двух или более этажей—Улучшенная одежда, керамика и ткани —Пуэбло Санто—Доминго; из саманного кирпича—Построен в городе с террасами—Первый этаж закрыт—На террасы можно подняться по лестницам-Комнаты, в которые можно попасть через люки в потолках—Пуэбло Зуны—Потолок—Кувшины для воды и ручная мельница-Пуэбло Моки—Комната с таким же потолком, как в Зуны— Пуэбло Таос— Эстуфы для проведения советов—Размер комнат—Из дверные проемы—Оконные проемы и люки —Нынешняя правительственная организация—Комната в пуэбло-Камины и дымоходы современного образца-Нынешнее владение и наследование собственности—Деревенские индейцы пришли в упадок с момента их открытия—Поклонение Солнцу—Религия Монтесумы- Уединение по религиозным мотивам.

ГЛАВА VII.

ДОМА В РУИНАХ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ РЕКИ САН-ХУАН И ЕЕ ПРИТОКОВ.

Каменные пуэбло — Лучшие сооружения Нью—Мексико—Руины в долине реки Чако— Исследование лейтенанта Дж. Х. Симпсона в 1849 году; Уильяма Х. Джексона в 1877 году—Карта долины—Планы местности-Пуэбло Пинтадо и Ведже—ги—Построены из кусков песчаника в виде таблиц— Эстуфы и их использование—Пуэбло Уна Вида и Хунго Пави—Реставрация Хунго Пави-Пуэбло Четтро—Комната для приготовления чая в той же форме потолка—Пуэбло Бонито—Комната в той же форме—Реставрация Пуэбло—Пуэбло дель Арройо—Пуэбло Пеньяска Бланка—Семь больших пуэбло и два поменьше—Пуэбло Альто без долины на плоскогорье с северной стороны — Вероятно, "Семь городов Сиболы" экспедиции Коронадо— Основания для предположения—Пуэбло строились постепенно —Примечательный внешний вид долины при заселении.

ГЛАВА VIII.

РУИНЫ ДОМОВ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ РЕКИ САН—ХУАН И ЕЕ ПРИТОКОВ -(Продолжение.)

Руины каменного пуэбло на реке Анимас—План местности—Каждая комната облицована камнем с естественными гранями—Построена как в Чако— Глинобитный раствор —Его состав и эффективность—Известь неизвестна в Нью—Мексико—Гипсовый раствор, вероятно, используется в Нью—Мексико и Центральной Америке— Кедровые столбы используются в качестве перемычек—Кедровые балки используются в качестве балочных перекрытий—Эстуфа; ни каминов, ни дымоходов—Дом—крепость—Второе каменное пуэбло—Шесть других пуэбло в руинах поблизости—Долина Монтесума—Девять пуэбло в руинах в кластере—Схема—Руины каменных пуэбло рядом Гора Уте—Схема плана—Круглая каменная башня с тремя концентрическими стенами—Включена в пуэбло—Еще одна круглая башня с двумя концентрическими стенами —Стоит изолированно—Другие руины—Район Сан-Хуан как первоначальный центр этой индейской культуры— Строители курганов, вероятно, эмигранты из этого региона—Исторические племена Мексики, эмигранты из тех же индейских миграций — Сделаны под контролем физических причин.

ГЛАВА IX.

ДОМА СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ.

Область их занятий —Их положение как у деревенских индейцев — Вероятно, иммигранты из Нью—Мексико—Характер их земляных работ— Насыпи, огораживающие площади—Вероятные места расположения их домов— Приспособленные в качестве приподнятых платформ для длинных домов—Высокие береговые сооружения— Вместимость насыпей— Предположительное восстановление пуэбло— Другие насыпи— Их вероятное использование— Искусственные глиняные подстилки под могильными холмами — Вероятно, использовались для кремации вождей—Вероятное количество строителей насыпей —Неудача попытки перенести этот тип деревенской жизни в долину Огайо —Их уход, вероятно, добровольный.

ГЛАВА X.

ДОМА АЦТЕКОВ Или ДРЕВНИХ МЕКСИКАНЦЕВ.

Первые упоминания о мексиканских пуэбло — Их экстравагантность—Позднейшие американские преувеличения—Короли и императоры, сделанные из сахемов и военачальников—Древнее общество пробуждает любопытство и удивление—Правительство ацтеков — конфедерация трех индейских племен—Мексиканский пуэбло в искусственном озере—Дома с совместным проживанием -По несколько семей в каждом доме—Дома на Кубе и в Центральной Америке—Дома ацтеков, не исследованные полностью—Похожие на дома в Нью—Мексико—Коммунизм в жизни вероятен—Кортес в мексиканском Пуэбло—Его жилище—Объяснение Диаса—Эрреры— О Патронташ—Дом, занимаемый Монтесумой— Общинный дом—Ужин Монтесумы — По словам Диаса—Кортесу—Эррере—Х. Х. Бэнкрофту — Чрезмерные преувеличения—Общий ужин в коммунальной семье —"Социальная организация и способ правления древних мексиканцев" Банделье.

ГЛАВА XI.

РУИНЫ ДОМОВ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ ЮКАТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

Пуэбло на Юкатане и в Центральной Америке — Их положение—Архитектура их домов—Высший тип архитектуры аборигенов—Пуэбло были заселены, когда были обнаружены—Дома ушмаля, возведенные на пирамидальных возвышенностях—Дом губернатора—Характер его архитектуры—Дом монахинь—Треугольный потолок из камня—Отсутствие дымоходов—В доме не готовят —Их общая планировка, очевидно, совместная-многоквартирные дома—Нынешний коммунизм майя— Предположительно унаследованный от их предков-Руины Зайи—Закрытый дом- Квартиры, построенные поверх каменной кладки—Паленке—Мистер Неправильное представление Стивенса об этих руинах — Использовались ли столбы и перемычки из камня в качестве принципов строительства—План всех этих домов общего пользования—Также крепости—Плоскоголовые индейцы Паленке- Американская этнография—Общие выводы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ФРОНТИСПИС. Водовоз Цзуньи.

Рис. 1. Земляные домики долины Сакраменто

Рис. 2. Соломенный домик Галлиномер

Рис. 3. Домик Матду в высокой Сьерра

Рис. 4. Домики Юкута Туле

Рис. 5. Катчин Лодж

Рис. 6. План местности Некрохокио

Рис. 7. Каркас вигвама из племени оджибва

Рис. 8. Дакота Вока-йо, или Кожаная палатка

Рис. 9. Деревня Помеиок

Рис. 10. Деревня Секотан

Рис. 11. Интерьер Дома индейцев Вирджинии

Рис. 12. Хо-де-но-соте племени сенека-ирокезов

Рис. 13. План застройки Длинного дома Сенека-ирокез

Рис. 14. План местности Бартрама и поперечный разрез Онондаги
Длинный дом.

Рис. 15. Обнесенная частоколом деревня Онондага

Рис. 16. Участок деревни Мандан

Рис. 17. План застройки Мандан-Хауса

Рис. 18. Поперечное сечение Манданского дома

Рис. 19. Дом Мандана

Рис. 20. Сушильный каркас Мандана

Рис. 21. Лестница Мандана

Рис. 22. Пуэбло Санто-Доминго

Рис. 23. Поселение Зуны

Рис. 24. Комната в доме Цзуньи

Рис. 25. Пуэбло Вольпи

Рис. 26. Комната в доме Моки

Рис. 27. Северное поселение Таоса

Рис. 28. Комната в Пуэбло Таос

Рис. 29. Карта участка каньона Чако

Рис. 30. Планы застройки Пуэблос Пинтада и Веджеги

Рис. 31. Планы местности пуэбло Уна Вида и Ханго Пави

Рис. 32. Реставрация Пуэбло Хунго Пави

Рис. 33. План местности Пуэбло Четтро Кеттл

Рис. 34. Интерьер комнаты в Пуэбло Четтро Кеттл

Рис. 35. План местности Пуэбло Бонито

Рис. 36. Комната в Пуэбло Бонито

Рис. 37. Реставрация Пуэбло Бонито

Рис. 38. План местности Пуэбло-дель-Арройо

Рис. 39. План местности Пуэбло Пеуаска-Бланка

Рис. 40. План местности пуэбло на реке Анимас

Рис. 41. Камень из дверного проема

Рис. 41а. Готовый блок песчаника (для сравнения с рис. 41)

Рис. 42. Сечение кедровой перемычки

Рис. 43. Очертания Каменного пуэбло на реке Анимас

Рис. 44. Пуэбло в начале каньона Макэлмо

Рис. 45. Общий план Каменного пуэбло у подножия горы Уте

Рис. 46. План местности Высокобережного Пуэбло

Рис. 47. Восстановление Пуэбло на Высоком берегу

Рис. 48. План местности и разрезы дома на высоком берегу Пуэбло

Рис. 49. Насыпь с искусственным глиняным бассейном

Рис. 50. Боковой подъем пирамидальной платформы Губернаторского дома

Рис. 51. Дом губернатора в Ушмале

Рис. 52. План Дома губернатора, Ушмаль

Рис. 53. План дома монахинь

Рис. 54. Секция комнаты в Доме монахинь

Рис. 55. План Заи

Рис. 56. Поперечный разрез в одной квартире

ДОМА И БЫТ АМЕРИКАНСКИХ АБОРИГЕНОВ.

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

В предыдущей работе я рассматривал организацию американских аборигенов в роды, фратрии и племена с указанием функций каждого в их социальной системе. В связи с важностью этой организации и правильным пониманием их социальной и правительственной жизни необходимо краткое изложение основных черт каждого члена органического ряда.

[Примечание: "Древнее общество" или "Исследования путей человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации". Генри Холт и Компания. 1877.]

Языческая организация открывает нам один из старейших и наиболее широко распространенных институтов человечества. Это обеспечило почти универсальный план правления древнего общества - азиатского, европейского, африканского, американского и австралийского. Это был инструмент, с помощью которого общество было организовано и удерживалось вместе. Начавшись в дикости и продолжаясь в течение трех подпериодов варварства, она сохранялась до установления политического общества, которое произошло только после Зарождения цивилизации. Греческий род, фратрия и племя, римский род, курия и племя находят свои аналоги в роде, фратрии и племени американских аборигенов. Подобным же образом ирландский септ, шотландский клан, пратра албанцев и санскритские ганы, не расширяя сравнение дальше, являются тем же самым, что и род американских индейцев, который обычно называли кланом. Насколько нам известно, эта организация пронизывает весь древний мир на всех континентах, и она была доведена до исторического периода теми племенами, которые достигли цивилизации. И это еще не все. Нееврейское общество, где бы оно ни находилось, одинаково по структурной организации и принципам действия, но меняется от низших форм к высшим по мере прогрессирующего развития людей. Эти изменения дают представление об истории развития тех же оригинальных концепций.

РОД.

Род, [греч. *genos*] и гатта в латинском, греческом и санскрите имеют одинаковое первичное значение рода. Они содержат тот же элемент, что и *gigno*, [греч. *gignouas*] и *ganaman*, на тех же языках, означающие породить; таким образом, в каждом из них подразумевается непосредственное общее происхождение членов рода. Таким образом, род - это совокупность кровных родственников, происходящих от одного и того же общего предка, отличающихся родовым именем и связанных между собой кровным родством. Она включает в себя только часть таких потомков. Там, где происхождение происходит по женской линии, как это было повсеместно в архаический период, род состоит из предполагаемой предковой особи женского пола и ее детей, вместе с детьми ее потомков женского пола, по женской линии, на постоянной основе; а там, где происхождение происходит по мужской линии — в которую оно было изменено после появления собственности в массах, — из предполагаемого предка мужского пола и его детей, вместе с детьми его потомков мужского пола, по мужской линии, на постоянной основе. Семейное имя среди нас - это пережиток родового имени, происходящее по мужской линии и передаваемое таким же образом. Современная семья, выраженная в ее названии, представляет собой неорганизованный род, с разорванными родственными узами, а ее члены разбросаны так широко, как только можно найти фамилию.

Среди названных народов род указывает на социальную организацию замечательного характера, которая господствовала с древности столь отдаленной, что ее происхождение терялось во мраке очень отдаленных веков. Это также была единица организации социальной и правительственной системы, фундаментальная основа древнего общества. Эта организация не ограничивалась племенами, говорящими на латыни, греческом и санскрите, у которых она стала таким заметным институтом. Он был обнаружен в других ветвях арийской семьи народов, в семитских, уральских и туранских семьях, среди племен Африки и Австралии и у американских аборигенов.

Род прошел последовательные стадии развития в своем переходе от своей архаической формы к своей окончательной форме вместе с прогрессом человечества. Эти изменения ограничивались в основном двумя: во-первых, изменением происхождения по женской линии, которое было архаичным правилом, как у ирокезов, на мужскую линию, которая была окончательным правилом, как у греческих и римских родов; и, во-вторых, изменением наследования имущества умершего члена рода от его неевреев, которые унаследовали его в архаический период, сначала его агнатическому родственнику и, наконец, его детям. Эти изменения, какими бы незначительными они ни казались, указывают на очень серьезные изменения состояния, а также на большую степень прогрессивного развития.

Родовая организация, возникшая в период дикости и пережившая три подпериода варварства, в конце концов уступила место среди более развитых племен, когда они достигли цивилизации, требованиям которой она не могла соответствовать. У греков и римлян политическое общество возникло после родового общества, но только после того, как началась цивилизация. Тауншип (и его эквивалент, городской округ) с его фиксированной собственностью и проживающими в нем жителями, организованный как политический орган, стал единицей и основой новой и радикально отличающейся системы управления. После создания политического общества эта древняя и освященная веками организация с развившимися из нее фратрией и племенем постепенно прекратила свое существование. Именно при родовых институтах некоторые

племена человечества, находясь в состоянии дикости, победили варварство, а цивилизация была завоевана потомками некоторых из тех же племен, находясь в состоянии варварства. Языческие институты привели часть человечества от дикости к цивилизации.

Эта организация может быть успешно изучена как в ее живых, так и в исторических формах у большого числа племен и рас. В таком исследовании предпочтительнее начинать с рода в его архаической форме, поэтому я начну с рода в том виде, в каком он существует сейчас среди американских аборигенов, где он встречается в своей архаической форме и среди которых его теоретическое строение и практическое действие могут быть исследованы более успешно, чем в исторических родах греков и римлян. Фактически, для полного понимания родов последних наций настоятельно необходимо знание функций и прав, привилегий и обязанностей членов рода американских индейцев.

В американской этнографии племя и клан использовались вместо рода как эквивалентные термины из-за непонимания универсальности последнего. В предыдущих работах и вслед за моими предшественниками я использовал их именно так. Сравнение индийского клана с родом греков и римлян сразу выявляет их идентичность по структуре и функциям. Это также распространяется на фратрию и племя. Если можно показать идентичность этих нескольких организаций, в чем не может быть никаких сомнений, то вполне уместно вернуться к латинской и греческой терминологии, которые являются полными и точными, а также историческими.

План правления американских аборигенов начинался с рода и заканчивался конфедерацией, причем последняя была высшей точкой, которой достигли их правительственные учреждения. Это дало органический ряд: во-первых, род, совокупность единокровных, имеющих общее родовое имя; во-вторых, фратрия, совокупность родственных родов, объединенных в высшую ассоциацию для достижения определенных общих целей; в-третьих, племя, совокупность родов, обычно организованных во фратрии, все члены которых говорили на одном диалекте; и, в-четвертых, конфедерация племен, члены которых соответственно говорили на диалектах одного основного языка. Это привело к возникновению родового общества (*societas*) в отличие от политического общества или государства (*civitas*). Разница между ними велика и фундаментальна. Когда Америка была открыта, в ней не было ни политического общества, ни гражданина, ни государства, ни какой-либо цивилизации. Между высшими племенами американских индейцев и началом цивилизации, как правильно понимается этот термин, прошел целый этнический период.

Род, хотя и является очень древней социальной организацией, основанной на родстве, не включает в себя всех потомков общего предка. Это было по той причине, что время возникновения рода, когда браки между отдельными парами были неизвестны, и происхождение по мужской линии не могло быть прослежено с уверенностью. Родственники были связаны друг с другом главным образом узами материнства. В древнем роде родословная ограничивалась женской линией. Оно охватывало всех таких людей, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего предка женского пола, через женщин, доказательством этого факта является обладание общим нееврейским именем. Это включало бы эту предку и ее детей, детей ее дочерей и детей ее потомков женского пола, через женщин, навечно, в то время как дети ее сыновей и дети ее потомков мужского пола, через мужчин, принадлежали бы к другим родам, а именно к родам их соответствующих матерей. Таков был

род в его архаической форме, когда отцовство детей не было определенно установлено и когда их материнство представляло собой единственный определенный критерий происхождения.

Это состояние нисхождения, которое можно проследить до Среднего статуса дикости, как у австралийцев, сохранялось у американских аборигенов на протяжении всего периода Высшего статуса дикости и вплоть до более Низкого статуса варварства, за редкими исключениями. На Среднем этапе варварства индейские племена начали менять происхождение по женской линии на мужское, поскольку синдиазматическая семья того периода начала приобретать моногамные черты. На Высшем уровне варварства происхождение сменилось мужской линией у греческих племен, за исключением ликийцев, и у итальянских племен, за исключением этрусков. Между двумя крайностями, представленными двумя правилами происхождения, проходят целых три этнических периода, охватывающих многие тысячи лет.

Поскольку смешанные браки внутри рода были запрещены, это избавляло его членов от пагубных последствий кровнородственных браков и, таким образом, имело тенденцию увеличивать силу рода. Род возник на основе трех основных концепций, а именно: родственных уз, чистой линии происхождения по женской линии и отсутствия смешанных браков в роде. Когда была развита идея рода, она, естественно, приняла бы форму парных родов, потому что дети мужчин были исключены и потому что было одинаково необходимо организовать оба класса потомков. При одновременном возникновении двух родов был бы достигнут полный результат, поскольку мужчины и женщины одного рода женились бы на женщинах и мужчинах другого, и дети, следующие по родам своих соответствующих матерей, были бы разделены между ними. Опираясь на родственные узы как на свой связующий принцип, род обеспечивал каждому отдельному члену ту личную защиту, которую не могла дать никакая другая существующая власть.

После перечисления прав, привилегий и обязанностей его членов необходимо будет проследить за родом в его органических связях с фратрийским племенем и конфедерацией, чтобы найти применение, к которому он применялся, привилегии, которые он предоставлял, и принципы, которые он поощрял. Роды ирокезов будут взяты в качестве стандартного примера этого института в семье гановаман. Они перенесли свою схему правления с рода на конфедерацию, сделав ее завершенной в каждой из ее частей и прекрасной иллюстрацией возможностей родовой организации в ее архаичной форме.

Когда их обнаружили, ирокезы находились на более низком уровне варварства и были хорошо развиты в жизненных искусствах, связанных с этим состоянием. Они изготавливали сети, бечевку и канат из волокон коры, плели ремни и перевязи для ноши с основой и гав из тех же материалов, они изготавливали глиняные сосуды и трубки из глины, смешанной с кремнистыми материалами и закаленной на огне, некоторые из которых были украшены грубыми медальонами, они выращивали кукурузу, бобы, кабачки и табак на грядках в саду, и делали пресный хлеб из толченой кукурузы, который они варили в глиняных сосудах, [Примечание: Эти буханки или лепешки были около шести дюймов в диаметре и дюйм толщиной] они выделяли шкуры, с помощью которых выделяли кожу, с помощью которой они готовили. они изготавливали килты, леггинсы и мокасины, они использовали лук со стрелами и боевую дубинку в качестве основного оружия, использовали кремневые и костяные орудия труда, носили одежду из кожи и были опытными охотниками и рыбаками. Они строили длинные многоквартирные дома, достаточно большие, чтобы вместить пять, десять и двадцать семей, и

каждая семья практиковала коммунизм в жизни, но они не были знакомы с использованием камня или саманного кирпича в архитектуре домов, а также с использованием местных металлов. По умственным способностям и общему развитию они были представительной ветвью индейской семьи к северу от Нью-Мексико. Генерал Ф. А. Уокер в двух абзацах обрисовал их военную карьеру: "Карьера ирокезов была просто потрясающей. Они были бичом Божьим на континенте". [Сноска: North American Review, апрель, № 1873, стр. 360 Примечание.] С течением времени племена ирокезов стали немного различаться по численности и названиям своих соответствующих родов, наибольшее число из которых составляет восемь, следующим образом:

Сенека Каюга Онондага Онейда Ирокезы Тускарора 1 Волк Волчица Серый Волк 2 Медведь Медведь Медведь 3 Черепаха Черепаха Черепаха Черепаха Черепаха Большая Черепаха 4 Бобр Бобр Бобр Бобр 5 Олень Олень Желтый Волк 6 Бекас Бекасятник 7 Цапля Угорь 8 Ястреб Ястреб Мяч Маленькая Черепаха

Эти изменения показывают, что определенные роды в некоторых племенах вымерли в результате превратностей времени, а другие образовались в результате разделения более чем полных родов.

Со знанием прав, привилегий и обязанностей членов рода будут более полно поняты его возможности как единицы социальной и правительственной системы, а также то, каким образом он вошел в высшие организации фратрийского племени и конфедерации.

Род индивидуализируется следующими правами, привилегиями и обязанностями, которые предоставляются и налагаются на его членов и которые составляют *jus gentilitium*:

I Право избирать своего сахема и вождей

II Право смещения своего сахема и вождей

III Обязательство не вступать в брак внутри рода

IV Взаимные права наследования имущества умерших членов

V Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба

VI Право присваивать имена своим членам

VII Право принятия в род незнакомцев

VIII Общие религиозные обряды

IX Место общего захоронения.

X Совет рода

Эти функции и атрибуты придавали организации жизнеспособность, а также индивидуальность и защищали личные права ее членов. Таковы были права, привилегии и обязанности членов

рода ирокезов; и таковы были права, привилегии и обязанности членов родов индейских племен в целом, насколько было проведено исследование.

Для подробного изложения этих характеристик читатель может обратиться к Древнему обществу, стр. 72-85.

Все члены рода ирокезов были лично свободны и обязаны были защищать свободу друг друга; они были равны в привилегиях и личных правах, сахем и вожди не претендовали ни на какое превосходство; и они были братством, связанным родственными узами. Свобода, равенство и братство, хотя они так и не были сформулированы, были кардинальными принципами рода. Эти факты существенны, потому что род был ячейкой социальной и правительственной системы, фундаментом, на котором было организовано индийское общество. Структура, состоящая из таких единиц, по необходимости несла бы на себе отпечаток их характера, ибо как единица, так и составное целое. Это служит объяснением того, что чувство независимости и личного достоинства повсеместно является атрибутом индийского характера.

Таким существенным и важным элементом социальной системы был род в том виде, в каком он существовал в древности у американских аборигенов и в каком он все еще существует в полной мере у многих индейских племен. Это было основой фратрии, племени и конфедерации племен.

В эпоху европейских открытий племена американских индейцев, как правило, были организованы в роды с происхождением по женской линии. В некоторых племенах, как, например, у дакотов, роды распались; в других, как, например, у оджибва, омахас и майя на Юкатане, происхождение сменилось с женской на мужскую линию. По всей аборигенной Америке род получил свое название от какого-либо животного или неодушевленного предмета, но никогда от человека. На этом раннем этапе развития общества индивидуальность людей была утрачена в роде. По крайней мере, можно предположить, что роды греческих и латинских племен были названы так в какой-то предшествующий период; но когда они впервые попали в поле зрения истории, они были названы в честь людей. В некоторых племенах, таких как индейцы деревни моки в Аризоне, члены рода заявляли о своем происхождении от животного, имя которого они носили, — их отдаленные предки были преобразованы Великим Духом из животного в человеческую форму. У рода Журавлей оджибва есть похожая легенда. В некоторых племенах члены рода не едят животное, имя которого они носят, и это соображение, несомненно, оказывает на них влияние.

Что касается числа лиц в роде, то оно менялось в зависимости от численности родов и от процветания или упадка племени. Три тысячи сенек, разделенных поровну между восемью родами, дали бы в среднем триста семьдесят пять человек в роде. Пятнадцать тысяч оджибва, разделенных поровну между двадцатью тремя родами, дают шестьсот пятьдесят человек в роде. У чероки в среднем на род приходилось более тысячи человек. При нынешнем состоянии основных индейских племен число лиц в каждом роде колебалось бы от ста до тысячи.

Один из старейших и наиболее широко распространенных институтов человечества, роды были тесно связаны с человеческим прогрессом, на который они оказывали мощное влияние. Они были обнаружены у племен, находившихся в состоянии дикости, на Низших, Средних и Высших стадиях варварства на разных континентах, и в полной жизненности у греческих и латинских племен после зарождения цивилизации. Каждая семья человечества, за исключением полинезийской, по-видимому, попала под родовую организацию и была обязана ей

сохранением и средствами прогресса. Она находит свою единственную параллель по продолжительности в системах кровного родства, которые, возникнув в еще более ранний период, сохранились до настоящего времени, хотя брачные обычаи, из которых они возникли, давно исчезли.

С момента ее создания и по тому, как она сохранялась на протяжении столь огромных промежутков времени, следует считать, что своеобразная адаптация родовой организации к человечеству, находящемуся в диком и варварском состоянии, была наглядно продемонстрирована.

ФРАТРИЯ.

Фратрия (phratría) - это братство, как следует из термина, и естественный рост организации в роды. Это органический союз или ассоциация двух или более родоводного и того же племени для достижения определенных общих целей. Эти роды обычно были такими, которые образовались в результате сегментации исходного рода.

Фратрия существовала у большого числа племен американских аборигенов, где, как видно, она возникла естественным путем и занимает второе место в органическом ряду, как у греческих и латинских племен. Оно не обладало первоначальными правительственными функциями, поскольку ими обладали род-племя и конфедерация, но оно было наделено определенными полезными полномочиями в социальной системе из-за необходимости какой-либо организации, большей, чем род, и меньшей, чем племя, и особенно когда племя было большим. Являясь тем же институтом по своим существенным чертам и характеру, он представляет организацию в ее архаичной форме и с ее архаичными функциями. Знание индийской фратрии необходимо для разумного понимания греческого и римского языков.

Восемь родов племени ирокезов Сенека были реинтегрированы в две фратрии следующим образом:

Первая фратрия

Роды —1 Медведь, 2 Волка, 3 Бобра, 4 Черепахи

Вторая фратрия

Роды—5 оленей, 6 Бекасов, 7 Цапель, 8 ястребов

Каждая фратрия (De da non da a uoh) является братством, поскольку этот термин также имеет значение. Роды одной и той же фратрии являются братскими родами друг для друга и двоюродными родами для родов другой фратрии. Они равны по рангу, характеру и привилегиям. У сенеков распространена практика называть роды своей собственной фратрии братскими родами, а роды другой фратрии - двоюродными родами, когда они упоминают их в связи с фратриями. Первоначально брак не был разрешен между членами одной и той же фратрии, но члены одной из них могли вступать в брак с представителями любого рода другой. Этот запрет имеет тенденцию показывать, что роды каждой фратрии были подразделениями первоначального рода, и, следовательно, запрет на вступление в брак с представителем собственного рода распространился и на его подразделения. Это ограничение, однако, было давно снято, за исключением рода индивидуума. Традиция сенека утверждает, что Медведь и Олень были первоначальными родами, остальные были подразделениями. Таким образом,

видно, что фратрия имела естественную основу в родстве родов, из которых она состояла. После их разделения из-за увеличения численности возникла естественная тенденция к их объединению в более высокую организацию для достижения общих для всех них целей. Одни и те же роды не являются постоянными во фратрии бесконечно, как явствует из состава фратрий у остальных племен ирокезов. Переход отдельных родов из одной фратрии в другую, должно быть, произошел, когда равновесие в их соответствующей численности было нарушено. Важно знать простой способ, которым возникает эта организация, и легкость, с которой ею управляют как частью социальной системы древнего общества. С увеличением численности рода, за которым последовало местное разделение его членов, произошла сегментация, и отделившаяся часть приняла новое родовое имя. Но традиция их прежнего единства сохранилась бы и стала основой их реорганизации во фратрию.

Исходя из различий в составе фратрий у нескольких племен, представляется вероятным, что фратрии видоизменяются в своих родах через определенные промежутки времени в соответствии с изменениями условий. Некоторые роды процветают и увеличиваются в численности, в то время как другие из-за бедствий приходят в упадок, а третьи вымирают; так что переход родов из одной фратрии в другую был признан необходимым для сохранения некоторой степени равенства в количестве фратрий в каждом. Фратрийская организация существовала у ирокезов с незапамятных времен. Вероятно, она старше конфедерации, которая была основана более четырех столетий назад. Степень различия в их составе в отношении входящих в них родов отражает превратности, через которые прошло каждое племя за этот промежуток времени. С любой точки зрения он невелик и, как правило, иллюстрирует постоянство как фратрии, так и рода.

Племена ирокезов насчитывали в общей сложности тридцать восемь родов, а в четырех из них - в общей сложности восемь фратрий.

Фратрия у ирокезов была частично направлена на социальные, а частично - на религиозные цели. Ее функции и использование лучше всего можно показать на практических иллюстрациях. Мы начнем с самого низшего, с игр, которые были обычным явлением на советах племен и конфедератов. В игре в мяч, например, у сенегов они играют фратриями, один против другого, и делают ставки друг против друга на результат игры. Каждая фратрия выдвигает своих лучших игроков, обычно от шести до десяти с каждой стороны, и члены каждой фратрии собираются вместе, но на противоположных сторонах поля, на котором проводится игра. Перед началом мероприятия члены противоположных фратрий подвергают риску предметы личного имущества. Они передаются хранителям на хранение до окончания мероприятия. В игру играют с духом и энтузиазмом, и это захватывающее зрелище. Члены каждой фратрии со своих противоположных позиций с нетерпением наблюдают за игрой и подбадривают своих игроков при каждом удачном ходе игры. [Примечание: Лига ирокезов, стр. 294.]

Опять же, когда совершалось убийство, обычно представители рода убитого собирались на совет и, после выяснения фактов, принимали меры к отмщению за содеянное. Род преступника также держал совет и пытался добиться примирения или оправдания преступления с родом убитого; но часто случалось, что род преступника призывал другие роды своей фратрии, когда убийца и убитая принадлежали к противоположным фратриям, объединиться с ними, чтобы добиться оправдания преступления. В таком случае фратрия проводила совет, а затем обращалась к другой фратрии, к которой она направляла делегацию с поясом из белого

вампума с просьбой о совете фратрии и улаживании преступления. Они предложили компенсацию семье и роду убитого в виде выражений сожаления и ценных подарков. Переговоры между двумя советами продолжались до тех пор, пока не было достигнуто положительное или отрицательное заключение. Влияние фратрии, состоящей из нескольких родов, было бы больше, чем влияние одного рода; и, призывая к действию противоположную фратрию, вероятность оправдания возрастала бы, особенно при наличии смягчающих обстоятельств. Таким образом, мы можем видеть, насколько естественно греческая фратрия до появления цивилизации взяла на себя основное, хотя и не исключительное ведение дел об убийстве, а также очищение убийцы, если он избежал наказания, и с каким основанием после установления политического общества фратрия взяла на себя обязанность судебного преследования убийцы в судах.

На похоронах лиц, пользующихся признанным авторитетом в племени, фратрийская организация проявляла себя самым заметным образом: плакальщиками по умершему были все вместе, а члены противоположной фратрии проводили церемонии. На похоронах Красавчика Лейка (Га-не-о-ди-йо), одного из восьми сахемов Сенеки (которые произошли несколько лет назад), присутствовало собрание сахемов и вождей в количестве двадцати семи человек, и большое скопление членов обеих фратрий. Обычное обращение к мертвому телу и другие обращения перед выносом тела были произнесены членами противоположной фратрии. После завершения обращений тело было отнесено к могиле лицами, выбранными из последней названной фратрии, за которыми, во-первых, следовали сахемы. и вожди, затем семья и род умершего, затем его оставшиеся фратрии и, наконец, члены противоположной фратрии. После того, как тело было опущено в могилу, сахемы и вожди образовали круг вокруг него с целью засыпать его землей. Каждый по очереди, начиная со старшего по возрасту, бросал по три полных лопаты, типичное число в их религиозной системе, из которых первая имела отношение к Великому Духу, вторая - к Солнцу, а третья - к Матери-Земле. Когда могила была засыпана, старший сахем, образно выражаясь, водружал "рога" усопшего сахема, символизирующие его должность, на верх могилы над его головой, чтобы они оставались там до восшествия на престол его преемника. В этой последующей церемонии "рога", как говорили, были взяты из могилы умершего правителя и помещены на землю. глава его преемника Социальные и религиозные функции фратрии и ее естественность в органической системе древнего общества становятся очевидными благодаря одному этому употреблению.

Фратрия также была непосредственно вовлечена в выборы сахемов и вождей нескольких родов, по которым у них было как отрицательное, так и подтверждающее голосование. После того, как род умершего сахема избрал его преемника или избрал вождя второго ранга, было необходимо, как указано в другом месте, чтобы их выбор был принят и подтвержден каждой фратрией. Ожидалось, что роды одной и той же фратрии подтвердят выбор почти как само собой разумеющееся, но противоположная фратрия также должна была согласиться, и из этого источника иногда возникало противодействие. был проведен совет каждой фратрии, на котором было вынесено решение о принятии или отклонении. Если сделанная кандидатура принималась обоими, она считалась завершенной, но если кто-либо из них отказывался, она, таким образом, отменялась, и род назначал новые выборы. Когда выбор, сделанный родом, был принят фратриями, все еще было необходимо, как указывалось выше, чтобы новый сахем, или новый вождь, был назначен советом конфедерации, который единственный имел право назначать должностных лиц.

Фратрия не имела правительственных функций в строгом смысле этого слова, поскольку они ограничивались родом, племенем и конфедерацией; но она вмешивалась в их социальные дела с большими административными полномочиями и все больше и больше занималась бы их религиозными делами по мере улучшения положения народа. В отличие от греческой фратрии и римской курии, у нее не было официальной главы. Не было ни главы фратрии как таковой, ни религиозных функционеров, принадлежащих к ней в отличие от рода и племени. Фратрический институт у ирокезов находился в своей рудиментарной архаической форме; но он возник в результате естественного и неизбежного развития и оставался постоянным, потому что удовлетворял необходимым потребностям. Каждое учреждение человечества, достигшее постоянства, будет связано с постоянной нуждой. При существовании рода, племени и конфедерации присутствие фратрии было в значительной степени обеспечено. Однако требовалось время и дальнейший опыт, чтобы выявить все способы его использования.

Среди деревенских индейцев Мексики и Центральной Америки фратрия, должно быть, существовала, исходя из общих принципов, и была более развитой и влиятельной организацией, чем среди ирокезов. К сожалению, простые упоминания о таком институте - это все, что можно найти в изобилующих повествованиями испанских писателей в течение первого столетия после испанского завоевания. Четыре "линии" тласкаланцев, занимавших четверть пуэбло Тласкалан, были, по всей вероятности, множеством фратрий. Их было достаточно много для четырех племен, но поскольку они населяли одно и то же пуэбло и говорили на одном диалекте, фратрическая организация, по-видимому, была необходимостью. Каждая линия, или, так сказать, фратрия, имела особую военную организацию, особый костюм и знамя, а также своего главного военачальника (Тевктли), который был ее общим военным командующим. Они вышли на битву фратриями. Организация вооруженных сил фратриями и племенами не была неизвестна гомеровским грекам, таким образом, Нестор посоветовал Агамемнону "разделить войска по фратриям и племенам, чтобы фратрия могла поддерживать фратрию и племя" [Сноска: Иллиад]

При родовых институтах наиболее развитого типа принцип родства стал в значительной степени основой организации армии. Ацтеки подобным же образом населяли мексиканские пуэбло четырьмя отдельными районами, жители каждого из которых были более близки друг к другу, чем жители других районов. Они были отдельными родословными, как тлас-калан, и представляется весьма вероятным, что это были четыре фратрии, организованные отдельно, поскольку таковые отличались друг от друга костюмами и стандартами и отправлялись на войну как отдельные подразделения. Их географические районы назывались четырьмя четвертями Мексики.

Что касается распространенности этой организации среди индейских племен, находящихся на более низком уровне варварства, то этот вопрос был исследован лишь незначительно. Вероятно, что он был распространен среди основных племен естественным образом, благодаря которому он возник как необходимый член органического ряда, и из-за использования, отличного от государственного, к которому он был приспособлен.

В некоторых племенах фратрии заметно выделяются на фоне их организации. Таким образом, роды чокта объединены в две фратрии, которые должны быть упомянуты в первую очередь, чтобы показать отношение родов друг к другу. Первая фратрия называется "Разделенные люди" и включает четыре рода. Вторая называется "Возлюбленные люди" и также включает четыре

рода. Это разделение народа по родам на две части создало две фратрии. Некоторое знание функций этих фратрий, конечно, желательно, но без этого факт их существования устанавливается самими подразделениями. Эволюция конфедерации из пары родов — ибо ни в одном племени никогда не встречается менее двух — может быть теоретически выведена из известных фактов индейского опыта. Таким образом, род увеличивается в числе своих членов и разделяется на две, которые снова подразделяются и со временем воссоединяются в две или более фратрии. Эти фратрии образуют племя, и его члены говорят на одном диалекте. Со временем это племя в процессе сегментации распадается на несколько, которые, в свою очередь, объединяются в конфедерацию. Такая конфедерация представляет собой рост через племя и фратрию из пары родов.

Чикасы организованы в две фратрии, из которых одна включает четыре, а остальные восемь родов, следующим образом:

I. Фратрия пантер.

Gentes. Дикая кошка 2. Птица. 3. Рыба. 4. Олень.

II. Испанская фратрия.

Роды—5. Енотовый. 6. Испанский. 7. Королевский. 8. Хаш-ко-ни. 9. Белка 10. Аллигатор. 11 Волк. 12. Черный дрозд.

Очень полную иллюстрацию того, каким образом фратрии формируются путем естественного роста через разделение родов, представляет организация племени мохеган. У него было три первоначальных рода: Волк, Черепаха и Индейка.

Каждый из них разделился, и подразделения стали независимыми родами; но они сохранили названия первоначальных родов в качестве своих соответствующих фратрических названий, другими словами, подразделения каждого рода реорганизовались во фратрию. Это убедительно доказывает естественный процесс, посредством которого с течением времени род распадается на несколько, и они остаются объединенными во фратрическую организацию, которая выражается принятием фратрического названия. Они заключаются в следующем:

I. Фратрия Волков

Gentes. 1. Волк 2. Медведь 3. Собака. 4 Опоссум.

II. Черепашья фратрия

Роды—5 Маленьких черепах. 6. Грязевая черепаха. 7. Большая черепаха 8. Желтый угорь.

III. Фратрия Турции

Роды —9. Индейка 10. Журавль 11. Курица 12.

Таким образом, видно, что первоначальный род Волка разделился на четыре рода, Черепаха - на четыре, а индюк - на три. Каждый новый род принимал новое имя, первоначальное сохраняло свое собственное, которое по старшинству становилось именем фратрии. Среди племен американских индейцев редко можно найти такие явные свидетельства сегментации

родов по их внешней организации с последующим формированием во фратрии соответствующих подразделений. Это показывает также, что фратрия основана на родстве родов. Как правило, название первоначального рода, из которого образовались другие, неизвестно; но в каждом из этих случаев оно остается как название фратрии. Поскольку последний, как и греческий, был скорее социальной и религиозной, чем правительственной организацией, внешне он менее заметен, чем род или племя, которые были необходимы для управления обществом. Название лишь одной из двенадцати афинских фратрий дошло до нас из истории. У ирокезов не было другого названия, кроме как братство.

Фратрия также появляется у линкитов Северо-Западного побережья на поверхности их организации в роды. У них есть две фратрии, а именно:

I. Фратрия волков.

Gentes. 1. Медведь 2. Орел. 3. Дельфин. 4. Акула. 5. Алька.

II. Фратрия Воронов.

Gentes. 6. Лягушка. 7. Гусь. 8. Морской лев. 9. Сова. 10. Лосось.

Смешанные браки во фратрии запрещены, что само по себе показывает, что роды каждой фратрии произошли от первоначального рода. Члены любого рода волчьей фратрии могли вступать в брак с любым родом противоположной фратрии, и наоборот.

Из приведенных выше фактов установлено существование фратрии в нескольких языковых группах американских аборигенов. Его присутствие в названных племенах наводит на мысль о его общей распространенности в семье гановани. Среди деревенских индейцев, где численность рода и племени была больше, она неизбежно была бы более важной и, следовательно, более развитой. Как институт он все еще находился в своей архаичной форме, но обладал существенными элементами греческого и римского.

ПЛЕМЯ.

Трудно описать индейское племя по положительным элементам его состава. Тем не менее, оно четко обозначено и является конечной организацией огромного сообщества американских аборигенов. Большое количество независимых племен, на которые они распались в результате естественного процесса сегментации, является поразительной характеристикой их положения. Каждое племя было индивидуализировано именем, отдельным диалектом, верховным правлением и владением территорией, которую оно занимало и защищало как свою собственную. Племена были столь же многочисленны, как и диалекты, поскольку разделение не стало полным до тех пор, пока не начались диалектные вариации. Таким образом, индейские племена возникли естественным образом в результате разделения одних и тех же людей в районе их занятий, за которым последовали расхождения в речи, сегментация и независимость.

Исключительное владение диалектом и территорией привело к применению термина "нация" ко многим индейским племенам, несмотря на малочисленность населения в каждом из них. Племя и нация, однако, не являются строгими эквивалентами. Нация не возникает при родовых институтах до тех пор, пока племена, объединенные под одним правительством, не объединятся в один народ, как четыре афинских племени объединились в Аттике, три дорийских племени в

Спарте и три латинских и сабинское племя в Риме. Федерация требует наличия независимых племен в отдельных территориальных областях; но слияние объединяет их посредством более высокого процесса в одной и той же области, хотя тенденция к локальному разделению на роды и племена сохраняется. Конфедерация является ближайшим аналогом нации, но не является строго эквивалентной. Там, где существует нееврейская организация, в органическом ряду приведены все термины, необходимые для правильного описания.

Индейское племя состоит из нескольких родов, развившихся из двух или более, все члены которых смешались в результате брака и все они говорят на одном диалекте. Постороннему человеку видно племя, а не род. Среди американских аборигенов чрезвычайно редки случаи, когда племя охватывало народы, говорящие на разных диалектах. Когда обнаруживаются такие случаи, это является результатом объединения более слабого с более сильным племенем, говорящим на близкородственном диалекте, как объединение миссурийцев с отоэтами после свержения первого. Тот факт, что большая часть аборигенов была обнаружена в независимых племенах, иллюстрирует медленный и трудный рост идеи правления при родовых институтах. Лишь небольшая часть достигла известной среди них высшей стадии - конфедерации племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Слияния племен в нацию не произошло ни в одном случае ни в одной части Америки.

Постоянная тенденция к распаду, которая оказалась таким препятствием для прогресса среди диких племен, существовала в элементах родовой организации. Это усугублялось дальнейшей тенденцией к расхождению в речи, которая была неотделима от их социального положения и обширных территорий их занятий. Устный язык, хотя и удивительно устойчив в своих вокабулярах и еще более устойчив в своих грамматических формах, неспособен к постоянству. За разделением людей по территории со временем последовали различия в речи; а это, в свою очередь, привело к разделению интересов и окончательной независимости. Это была работа не короткого периода, а столетий, которые в конечном итоге растянулись на тысячи лет; и умножение языков и диалектов различных семей Северной и Южной Америки, вероятно, потребовало для их формирования времени, измеряемого тремя этническими периодами.

Новые племена, а также новые роды постоянно формировались в результате естественного роста, и этот процесс ощутимо ускорялся огромными просторами американского континента. Метод был прост. Во-первых, произошел бы постепенный отток людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра, обладающего превосходящими преимуществами в средствах к существованию. Продолжаясь из года в год, значительное население, таким образом, увеличивалось бы вдали от первоначального местопребывания племени, и со временем эмигранты стали бы различаться по интересам, чужаками по чувствам и, наконец, расходились бы в речи. За этим последовали отделение и независимость, хотя их территории были смежными. Таким образом, было создано новое племя. Это краткое изложение того, как сформировались племена американских аборигенов, но это утверждение следует воспринимать как общее. Повторяющийся из века в век как на вновь приобретенных, так и на старых территориях, он должен рассматриваться как естественный и неизбежный результат родовой организации в сочетании с потребностями их положения. Когда возросшая численность населения истощала средства к существованию, излишки переселялись на новое место, где они легко обосновывались, потому что правление было совершенным в каждом роде и в любом количестве родов, объединенных в группу. Среди деревенских индейцев повторилось то же самое, но немного по-другому. Когда деревня становилась перенаселенной,

колония поднималась вверх или вниз по тому же ручью и основывала новую деревню. Периодически появлялось несколько таких деревень, каждая из которых была независима от другой и представляла собой самоуправляющийся орган, но объединенный в лигу или конфедерацию для взаимной защиты. Наконец-то возникло бы диалектическое разнообразие и, таким образом, завершилось бы их превращение в племена.

Способ, которым племена эволюционировали друг от друга, можно непосредственно показать на примерах. Факт разделения может быть частично выведен из традиции, частично из владения каждым из ряда одних и тех же родов, а частично выведен из родства их диалектов. Племена, образованные подразделениями первоначального племени, будут обладать несколькими общими родами и говорить на диалектах одного и того же языка. После нескольких столетий разделения у них все еще будет несколько одних и тех же родов. Таким образом, гуроны, ныне вайандоты, имеют шесть родов с тем же названием, что и шесть родов сенека-ирокезов, после по меньшей мере четырехсотлетнего разделения. У потаваттами есть восемь родов с одинаковым названием и восемь среди оджибва, в то время как у первых их шесть, а у последних четырнадцать, которые отличаются друг от друга, показывая, что новые роды были сформированы в каждом племени путем сегментации с момента их разделения. Еще более древнее ответвление от оджибва или от общего родительского племени обоих, миами, имеет всего три общих рода с первым, а именно: Волк, Гагара и Орел. Мельчайшая социальная история племен семьи ганованиан заключена в жизни и развитии родов. Если бы исследование когда-нибудь сильно повернулось в этом направлении, сами роды стали бы надежными проводниками в отношении порядка отделения друг от друга племен одного и того же происхождения.

Этот процесс деления действовал среди американских аборигенов на протяжении тысячелетий, пока из примерно семидесяти групп, существующих в стольких же языковых семьях, не развилось несколько сотен племен. Их опыт, вероятно, был всего лишь повторением опыта племен Азии, Европы и Африки, когда они находились в соответствующих условиях.

Из предыдущих наблюдений очевидно, что племя американских индейцев - это очень простая и скромная организация. Требовалось всего несколько сотен, самое большее - несколько тысяч человек, чтобы сформировать племя и занять достойное положение в семье Ганованцев.

Остается представить функции и атрибуты индейского племени, которые содержатся в следующих положениях:

I Обладание территорией и именем

II Исклyчительное владение диалектом

III Право наделять полномочиями сахемов и вождей, избираемых родами.

IV Право смещать этих сахемов и вождей

V Обладание религиозной верой и богослужение

VI Высшее правительство, состоящее из совета вождей

VII В некоторых случаях глава племени

Для обсуждения этих характеристик племени обратимся к Древнему обществу, стр. 113-118.

Рост идеи правительства начался с организации в роды в условиях дикости. Он раскрывает три великих этапа прогрессивного развития между его началом и учреждением политического общества после достижения цивилизации. Первым этапом было управление племенем советом вождей, избираемых родами. Его можно назвать правительством одной власти, а именно совета. Оно преобладало в основном среди племен, находившихся на более низком уровне варварства. Вторым этапом представлял собой правительство, координируемое советом вождей и общевойсковым командующим, один из которых представлял гражданские, а другой - военные функции. Эта вторая форма начала проявляться в Низшем Статусе варварства после образования конфедераций и стала определяющей в Среднем Статусе. Должность генерала, или главного военного командующего, была зародышем должности главного должностного лица исполнительной власти, короля, императора и президента. Его можно назвать правительством двух властей, а именно совета вождей и генералитета. Третьим этапом было управление народом или нацией советом вождей, народным собранием и общевойсковым командующим. Оно появилось среди племен, достигших Высшей ступени варварства, таких, например, как гомеровские греки и итальянские племена периода Ромула. Значительное увеличение числа людей, объединенных в нацию, их поселение в городах, обнесенных стенами, и накопление богатства в землях, стадах скота привели к созданию народного собрания как инструмента правления. Совет вождей, который все еще оставался, считал необходимым, без сомнения, по принуждению народа, представить наиболее важные государственные меры народному собранию для принятия или отклонения; отсюда народное собрание. Это собрание не принимало мер. Его функцией было принимать или отклонять, и его действия были окончательными. С момента своего первого появления оно стало постоянной властью в правительстве. Совет больше не принимал важных государственных мер, а превратился в совещательный совет, наделенный полномочиями инициировать и выносить публичные акты, которым только ассамблея могла придать юридическую силу. Его можно назвать правительством, состоящим из трех органов власти, а именно: предварительного совета, народного собрания и генерального. Так продолжалось до появления института политического общества, когда, например, у афинян совет вождей стал сенатом, а народное собрание - эkkлeсией, или народным собранием. Те же самые организации сохранились до наших дней в обеих палатах парламента, в Конгрессе и законодательных органах. Аналогичным образом, должность главного военного коменданта, как указывалось ранее, была зародышем должности современного главного исполнительного магистрата.

Возвращаясь к племени, оно было ограниченным по численности, слабым по силе и бедным ресурсами; но все же это было полностью организованное общество. Это иллюстрирует состояние человечества на низшей ступени варварства. На Средней ступени происходило ощутимое увеличение численности племени и улучшение условий жизни, но при сохранении родового общества без существенных изменений. Политическое общество по-прежнему было невозможно из-за отсутствия прогресса. Роды, организованные в племена, оставались такими же, как и прежде, но конфедерации, должно быть, возникали чаще. В некоторых районах, как, например, в долине Мехико, большое количество людей развивалось при общем правительстве, с улучшениями в жизненных искусствах, но не существует никаких свидетельств свержения среди них нееврейского общества и замены его политическим. Невозможно

основать политическое общество или государство на родах. Государство должно опираться на территорию, а не на людей, на населенный пункт как единицу политической системы, а не на род, который является единицей социальной системы. Подготовка к такому фундаментальному изменению систем требовала времени и огромного опыта, превосходящего опыт американских индейских племен. Для этого также требовались люди умственного развития греков и римлян и с опытом, унаследованным от длинной цепи предков, чтобы разработать и постепенно внедрить тот новый план правления, при котором цивилизованные нации живут в настоящее время.

КОНФЕДЕРАЦИЯ ПЛЕМЕН

Тенденция к объединению для взаимной защиты вполне естественно существовала бы среди родственных и сопредельных племен. Когда преимущества профсоюза были оценены на реальном опыте, организация, поначалу представлявшая собой лигу, постепенно превратилась в федеральное единство. Состояние постоянной войны, в котором они жили, должно было привести к проявлению этой естественной тенденции среди тех племен, которые были достаточно развиты в интеллекте и жизненных искусствах, чтобы осознавать ее преимущества. Это был бы просто рост от низшей организации к более высокой путем расширения принципа, который объединил роды в племя.

Как и следовало ожидать, на момент открытия в разных частях Северной Америки существовало несколько конфедераций, некоторые из которых были весьма примечательны по плану и структуре. Среди них можно упомянуть Конфедерацию ирокезов из пяти независимых племен, Конфедерацию криков из шести, Конфедерацию Оттавы из трех, Дакотскую лигу "Семи огней Совета", Конфедерацию моки из семи пуэбло в Нью-Мексико и Конфедерацию ацтеков из трех племен в Долине Мехико. Вполне вероятно, что деревенские индейцы в других частях Мексики, в Центральной и Южной Америке, как правило, были организованы в конфедерации, состоящие из двух или более родственных племен. Прогресс неизбежно выбрал это направление из-за природы их институтов и закона, регулирующего их развитие. Тем не менее формирование конфедерации из таких материалов и с такими нестабильными географическими отношениями было трудным делом. Этого легче всего было достичь деревенским индейцам из-за близости друг к другу их пуэбло и из-за малости их территорий; но в отдельных случаях это удавалось племенам, стоявшим на более низком уровне варварства, и особенно ирокезам. Где бы ни была образована конфедерация, она сама по себе свидетельствовала бы о высоком интеллекте народа.

Двумя высшими примерами индейских конфедераций в Северной Америке были конфедерации ирокезов и ацтеков. Благодаря своему признанному военному превосходству и своему географическому положению эти конфедерации в обоих случаях добились замечательных результатов. Наши знания о структуре и принципах первого являются определенными и полными, в то время как о последнем они далеки от удовлетворительного. Исторически Конфедерация ацтеков рассматривалась таким образом, что остается сомнительным, была ли это просто лига трех родственных племен, наступательных и оборонительных, или систематическая конфедерация, подобная конфедерации ирокезов. То, что верно для последнего, вероятно, в общем смысле верно и для первого, так что знание одного будет иметь тенденцию прояснять другое.

Условия, при которых возникают конфедерации, и принципы, на которых они формируются, удивительно просты. Со временем они естественным образом вырастают из ранее

существовавших элементов. Там, где одно племя разделялось на несколько, и эти подразделения занимали независимые, но смежные территории, конфедерация реинтегрировала их в более высокую организацию на основе общих родов, которыми они обладали, и связанных диалектов, на которых они говорили. Чувство родства, воплощенное в роде, общая родословная родов и их диалекты, все еще понятные друг другу, дали материальные элементы для конфедерации. Таким образом, основой и центром конфедерации были роды, а периферией - основной язык. Не было обнаружено ни одного языка, который выходил бы за пределы диалектов общего языка. Если бы этот естественный барьер был преодолен, это привело бы к появлению в организации разнородных элементов. Имели место случаи, когда остатки племени, не родственного по речи, такого как натчез, [Примечание: Они были приняты в Конфедерацию крик после их свержения французами.] были бы приняты в существующую конфедерацию, но это исключение не отменяло бы общего положения. Индейская держава не могла возникнуть на американском континенте через конфедерацию племен, организованных в роды, и продвинуться к всеобщему господству, если только их численность не увеличивалась за счет их собственного происхождения. Множество стандартных языков является постоянным объяснением неудачи. Не было никакого возможного способа установить равные отношения с конфедерацией, кроме как через членство в роде и племени и общую речь.

Ирокезы послужили прекрасной иллюстрацией того, как конфедерация формируется за счет естественного роста, подкрепленного умелым законодательством. Первоначально эмигранты из-за Миссисипи и, возможно, ветвь племени Дакота, они сначала добрались до долины Святого Лаврентия и поселились недалеко от Монреаля. Вынужденные покинуть этот регион из-за враждебности окружающих племен, они направились в центральный район Нью-Йорка. Проплыв на каноэ вдоль восточного берега озера Онтарио, поскольку их было немного, они основали свое первое поселение в устье реки Освего, где, согласно их традициям, оставались в течение длительного периода времени. В то время они принадлежали по крайней мере к трем различным племенам: могавкам, онондагам и сенекам. Одно племя впоследствии обосновалось в верховьях озера Канандайгуа и стало сенеками. Другое племя заняло долину Онондага и стало онондагами. Третья группа двинулась на восток и сначала поселилась в Онейде, недалеко от города Утика, откуда основная часть переселилась в долину Могавков и стала могавками. Те, кто остался, стали онейдами. Часть онондагов или сенекос поселилась вдоль восточного берега озера Каюга и стала каюгами. Нью-Йорк, до его оккупации ирокезами, по-видимому, был частью ареала племен алгонкинов. Согласно традициям ирокезов, они вытеснили его прежних обитателей по мере того, как постепенно расширяли свои поселения на восток до Гудзона и на запад до Дженези. Их традиции далее гласят, что после их поселения в Нью-Йорке прошел длительный период времени, прежде чем была сформирована конфедерация, в течение которого они выступали за общее дело против своих врагов и, таким образом, испытали преимущества федерального принципа как для агрессии, так и для защиты. Они жили в деревнях, которые обычно были окружены частоколами, и питались рыбой, дичью и продуктами ограниченного садоводства. Численность их ни разу не превышала 20 000 душ, если они когда-либо достигли этого числа. Ненадежные условия существования и непрекращающиеся войны привели к сокращению численности всех аборигенных племен, включая также деревенских индейцев. Ирокезы жили в огромных лесах, которые тогда покрывали Нью-Йорк, и противостоять которым у них не было сил. Впервые их обнаружили в 1608 году нашей эры. Примерно в 1675 году они достигли своей кульминации, когда их

владычество распространилось на необычайно большую территорию, охватив большую часть Нью-Йорка, Пенсильвании и Огайо, а также части Канады к северу от озера Онтарио.

[Примечание: Примерно в 1651-1655 годах они изгнали родственные племена эри из региона между рекой Джинси и озером Эри, а вскоре после этого нейтральные нации с реки Ниагара и, таким образом, завладели остальной частью Нью-Йорка, за исключением Нижнего Гудзона и Лонг-Айленда.]

На момент своего открытия они были самыми высокими представителями красной расы к северу от Нью-Мексико по интеллекту и развитию, хотя, возможно, уступали некоторым племенам Персидского залива в жизненных искусствах. По степени и качеству своих умственных способностей они должны быть отнесены к числу самых выдающихся индейцев Америки. В Нью-Йорке насчитывается более шести тысяч ирокезов, не считая разрозненных групп в других частях Соединенных Штатов и еще большего числа в Канаде; это иллюстрирует эффективность, а также постоянство искусства варварской жизни в поддержании существования. Более того, сейчас установлено, что они медленно увеличиваются.

Когда была образована конфедерация, примерно в 1400-1450 годах нашей эры, существовали условия, названные ранее. [Примечание: Ирокезы утверждали, что он существовал от ста пятидесяти до двухсот лет, когда они впервые увидели европейцев. Поколения сахемов в истории Дэвида Кьюсика (Тускарора) сделали бы ее более древней. История, состояние и перспективы индейских племен Скулкрафта, 5, с. 631.]

Ирокезы были пятью независимыми племенами, занимавшими смежные друг с другом территории и говорившими на диалектах одного языка, которые были понятны друг другу. Помимо этих фактов, как было показано, определенные роды были распространены в нескольких племенах. В своих отношениях друг к другу, как отдельные части одного и того же рода, эти общие роды обеспечивали естественную и прочную основу для союза. При наличии этих элементов формирование конфедерации стало вопросом интеллекта и мастерства. Другие племена в большом количестве поддерживали точно такие же отношения в разных частях континента, не объединяясь. Тот факт, что племена ирокезов выполнили эту работу, свидетельствует об их выдающихся способностях. Более того, поскольку конфедерация была высшей стадией организации среди американских аборигенов, ее существование можно было ожидать только у самых разумных племен.

Ирокезы утверждают, что конфедерация была образована советом мудрецов и вождей пяти племен, которые собрались с этой целью на северном берегу озера Онондага, недалеко от Сиракуз; и что еще до завершения его заседания организация была доведена до совершенства и немедленно приведена в действие. На своих периодических советах по выдвижению сахемов они все еще объясняют его происхождение результатом одной длительной законодательной работы. Вероятно, это было следствием предыдущего союза для взаимной обороны, преимущества которого они осознали и который стремились сделать постоянным.

Происхождение плана приписывается мифическому или, по крайней мере, традиционному персонажу, Ха-йо-го-ха, Гайавате из знаменитой поэмы Лонгфелло, который присутствовал на этом совете и был центральной фигурой в его руководстве. В своих контактах с советом он использовал мудреца из племени онондага Да-га-но-ве'-да в качестве переводчика и оратора для разъяснения структуры и принципов предлагаемой конфедерации. Та же традиция далее утверждает, что, когда работа была завершена, Ха-йо-го-ха чудесным образом исчез в белом

каноз, которое поднялось вместе с ним в воздух и унесло его с глаз долой. Другие вундеркинды, согласно этой традиции, присутствовали при создании конфедерации, которая до сих пор почитается среди них как шедевр индийской мудрости. Так оно и было на самом деле; и это останется в истории как памятник их гениальности в развитии родовых институтов. Это также запомнится как иллюстрация того, чего племена человечества смогли достичь в искусстве управления, находясь на более низком уровне варварства и в невыгодных условиях, вытекающих из этого условия.

Трудно определить, кто из этих двух персонажей был основателем конфедерации. Безмолвный Ха-йо-ун'-ха, вполне вероятно, был реальным человеком ирокезского происхождения, но традиция настолько окутала его характер сверхъестественным, что он теряет свое место среди них как один из них. Если бы Гайавата был реальным человеком, Да-га-но-ве'-да должен был бы занимать подчиненное место; но если по этому случаю была вызвана мифическая личность, то последнему принадлежит заслуга в планировании конфедерации. [Примечание: Мой друг Горацио Хейл, выдающийся филолог, пришел, как он сообщил мне, к такому выводу]

Ирокезы утверждают, что конфедерация в том виде, в каком она была сформирована этим советом, с ее полномочиями, функциями и способом управления, дошла до них из поколения в поколение и дошла до настоящего времени практически без изменений в своей внутренней организации. Когда впоследствии тускарора были допущены, их сахемам из вежливости разрешили заседать на равных в генеральном совете, но первоначальное число сахемов не было увеличено, и, строго говоря, представители тускарора не входили в правящий орган.

Общие черты Конфедерации ирокезов можно резюмировать в следующих положениях:

I. Конфедерация представляла собой объединение Пяти племен, состоящих из общих родов, под единым управлением на основе равенства; каждое племя оставалось независимым во всех вопросах, относящихся к местному самоуправлению.

II. Был создан Генеральный совет сахемов, которые были ограничены по числу, равны по рангу и авторитету и наделены высшими полномочиями по всем вопросам, относящимся к Конфедерации.

III. Пятьдесят сахемств были созданы и названы бессрочно в определенных родах нескольких племен; с правом в этих родах заполнять вакансии, как только они возникали, путем выборов из числа их соответствующих членов и с дальнейшим правом смещать с должности по уважительной причине; но право наделять этих сахемов должностями было сохранено за Генеральным советом.

IV. Сахемы Конфедерации были также сахемами в своих соответствующих Племенах, и вожди этих Племен образовывали Совет каждого из них, который был верховным по всем вопросам, относящимся исключительно к Племени.

V. Единогласие в Совете Конфедерации стало необходимым условием для каждого публичного акта.

VI. На Общем совете сахемы голосовали по племенам, что дало каждому племени преимущество перед другими.

VII. Совет каждого Племени имел право созывать Генеральный совет; но последний не имел права созываться сам.

VIII. Генеральный совет был открыт для народных ораторов для обсуждения общественных вопросов; но решение принимал только Совет.

IX. В Конфедерации не было главного исполнительного магистрата или официального главы.

X. Испытывая потребность в Общевоисковом командире, они создали управление в двойной форме, чтобы одно могло нейтрализовать другое. Созданные два главных военачальника были уравнены в правах.

Эти несколько положений будут рассмотрены и проиллюстрированы, но без соблюдения точной формы или порядка, в котором они изложены.

При учреждении конфедерации были созданы и названы пятьдесят постоянных сахемств, которые стали бессрочными в родах, к которым они были приписаны. За исключением двух, которые были заполнены всего один раз, ими владело столько разных лиц подряд, сколько поколений сменилось с того времени по настоящее. Название каждого сахемства также является личным именем каждого сахема, пока он занимает этот пост, и каждый из них последовательно принимает имя своего предшественника. Эти сахемы на своих заседаниях образовывали совет конфедерации, которому были переданы законодательная, исполнительная и судебная власть, хотя такого разграничения функций еще не было. Чтобы обеспечить порядок в наследовании, несколько родов, в которых эти должности были переданы по наследству, были уполномочены избирать преемников из числа своих соответствующих членов, когда появлялись вакансии, как объясняется в другом месте. В качестве дополнительной меры защиты своего собственного тела каждый сахем после своего избрания и утверждения в должности был наделен советом конфедерации. Когда его таким образом утвердили, его имя было "убрано", и ему было даровано звание сахемства. Под этим именем он впоследствии был известен среди них. Все они были равны по рангу, власти и привилегиям.

Эти должности были распределены неравномерно между пятью племенами, но без преобладания власти ни одному из них; и неравномерно среди родов последних трех племен. У могавков было девять сахемов, у онейдасов - девять, у онондагасов - четырнадцать, у кайюгасов - десять и у сенекасов - восемь. Сначала это было число, и оно осталось им до настоящего времени. Таблица этих сахемств, основанная при учреждении Конфедерации, с названиями, которые носили их сахемы последовательно с момента ее образования до настоящего времени, дополнена их названиями на диалекте Сенека и их распределением по классам, чтобы облегчить достижение единогласия в совете. В примечаниях вы найдете значение этих имен и родов, к которым они принадлежали: [Примечание: Эти имена означают следующее:]

Таблица верховенств ирокезов.

ИРОКЕЗЫ.

Один.

1. Да-го-е-о-ге. [Примечание: "Нейтральный" или "Щит".]
2. Хо-йо-гоун-ха. [Примечание: "Человек, который причесывается".]

3. Да-го-нет-мы-делаем. [Сноска: "Неисчерпаемый".]

Два.

4. Со-о-е-во -а. [Примечание: "Небольшая речь".]

5. Да-йо-хо-го. [Сноска: "На развилках".]

6. О-о-о-го-во. [Сноска: "У Великой реки".]

Три.

7. Да-ан-но-го-не-го. [Примечание: "Тащит его за рога".]

8. Так-да-го-во-де. [Примечание: "Уравновешенный".]

9. Nos-do-weh'-se-ont-ho. [Сноска: "Развешивать погремушки".]

Все сахемы Первого класса принадлежали к роду Черепаш, второго класса - к роду Волков, а третьего класса - к роду Медведей.]
.....]

ОНЕДИАС.

Один.

1. Хо-дос-хо-те. [Примечание: "Человек, несущий бремя".]

2. Га-но-гвех'-йо-до. [Примечание: "Мужчина, покрытый пухом из кошачьего хвоста".]

3. Да-йо-хо'-гвен-да. [Примечание: "Открывающийся вид на Лес".]

Два.

4. "Так-так-так". [Сноска: "Длинная строка".]

5. К-но-о-ге-о. [Примечание: "Человек с головной болью".]

6. Хо-де-о-дан-нент-хо. [Сноска: "Проглатывает себя".]

Три.

7. Да-во-ду-о-ду-йо. [Примечание: "Место эха".]

8. Го-не-о-дус-ха-йех. [Примечание: "Боевые дубинки на земле".]

9. Хо-вус-хо-да-о. [Сноска: "Человек, распаляющий себя".]

Сахемы первого класса принадлежат к роду Волков, второго - к роду Черепаш, а третьего - к роду Медведей.]

ОНОНДАГАС.

Один.

1. То-до-до-хо. [Примечание: "Запутанный", род медведей.]

2. То-нес-са-а.

3. Da-ot'-ga-dose. [Примечание: "На страже",

Род медведей. Этот сахем и тот, что был до него, были наследственными советниками То-до-до'-хо, которые

занимали самый прославленный пост сахема.]

Два.

4. Go-neo-do'-je-wake. [Примечание: "Горькое тело", род бекасов.]
5. Ах-во'-га-ят. [Примечание: род черепах.]
6. Да-о-ят-гво-э. [Сноска: Не установлено.]

Три.

7. Хо-но-мы-не-то. [Примечание: Этот сахем был наследственным хранителем вампума; род Волков.]

Четыре.

8. Го-ве-не-сан-до. [Примечание: род оленей]
9. Хо-э-хо. [Примечание: род оленей]
10. Хо-йо-не-о-не. [Примечание: род черепах]
11. Са-до'-кво-се. [Примечание: род медведей]

Пять.

12. Со-го-го-го. [Примечание: "Мельком", род оленей.]
13. Хо-са-хо-до. [Примечание: "Большой рот", род черепах.]
14. Ско-но'-ун-дэ. [Примечание: Род черепах "Над ручьем".]

КАЮГИ.

Один.

1. Да-го-не-йо. [Примечание: "Человек напуган", род оленей.]
2. Да-је-по'-do-web-o. [Примечание: род цапли.]
3. Го-до-гва-са. [Примечание: род медведя.]
4. Со-йо-васе. [Примечание: род медведей.]
5. Хо-де-ос'е-но. [Примечание: род черепах.]

Два.

6. Да-йо-о-йо'го. [Примечание: не установлено.]
7. Jote-ho-weh'-ko. [Примечание: "Очень холодно", род черепах.]
8. Де-о-вате-хо. [Примечание: Род цапель.]

Три.

9. То-do-e-ho'. [Примечание: род бекасов.]
10. Des-go'-хех. [Примечание: род бекасов.]

СЕНЕКАС.

Один.

1. Га-не-о-ди-йо. [Сноска: "Красивое озеро", род черепах.]
2. Так-же-иди-о-ясе. [Примечание: "Ровные небеса", род бекасов.]

Два.

3. Го-но-ги. [Сноска: род черепах.]
4. Со-ге'-джо-во. [Примечание: "Большой лоб". Род ястребов.]

Три.

5. Значит, так оно и есть. [Примечание: "Помощник", род медведей.]
6. Ниш-хо-не-а-нент. [Примечание: "Наступающий день", род бекасов.]

Четыре.

7. "Мы-никуда-не-идем". [Примечание: "Волосы сгорели". род бекасов.]
8. До-не-хо-го-вэ. [Примечание: "Открытая дверь", род Волков.]

Два из этих высших звена были заполнены всего один раз с момента их создания. Хо-йо-ун'-хо и Да-го-но-ве'-да согласились занять должности среди сахемов могавков и оставить свои имена в списке при условии, что после их кончины эти двое останутся вакантными. Они были установлены на этих условиях, и это условие соблюдается по сей день. На всех советах по посвящению в сахемы их имена по-прежнему называются вместе с другими в знак уважения к их памяти. Таким образом, генеральный совет состоял всего из сорока восьми членов.

У каждого сахема был помощник сахема, который избирался родом его руководителя из числа его членов и который устанавливался с соблюдением тех же форм и церемоний. Его называли "помощником". В его обязанности входило поддерживать своего начальника во всех церемониях, действовать как его посланник и вообще подчиняться его указаниям. Это дало айду должность старосты и сделало вероятным его избрание преемником своего принципала после кончины последнего. На их образном языке эти вспомогательные средства сахемов назывались "Скобами в Длинном доме", что символизировало конфедерацию.

Имена, данные первоначальным сахемам, навечно стали именами их соответствующих преемников. Например, после кончины Го-не-о-ди-йо, одного из восьми сахемов Сенека, его преемник избирался черепашным родом, в котором это звание передавалось по наследству, и после утверждения генеральным советом он получал это имя вместо своего собственного в рамках церемонии. Несколько раз я присутствовал на их советах по воспитанию сахемов в резервациях Онондага и Сенека и был свидетелем упомянутых здесь церемоний. Хотя сейчас сохранилась лишь тень старой конфедерации, она полностью организована со своими сахемами и помощниками, за исключением племени ирокезов, которое переселилось в Канаду около 1775 года. Всякий раз, когда появляются вакансии, их места заполняются, и созывается генеральный совет для назначения новых сахемов и их помощников. Нынешние ирокезы также прекрасно знакомы со структурой и принципами древней конфедерации.

Для всех целей племенного правления пять племен были независимы друг от друга. Их территории были разделены установленными пограничными линиями, и их племенные интересы были различны. Восемь сахемов сенека совместно с другими вождями сенека сформировали совет племени, который управлял его делами, оставляя каждому из других племен одинаковый контроль над их отдельными интересами. Как организация, племя не было ни ослаблено, ни ущемлено соглашением с конфедерацией. Каждое жило активной жизнью в своей соответствующей сфере, представляя некоторую аналогию с нашими собственными Штатами в рамках всеобъемлющей Республики. Стоит помнить, что ирокезы еще в 1755 году подарили нашим предкам союз колоний, подобный их собственному. Они видели в общих интересах и общей речи нескольких колоний элементы для создания конфедерации, которая была настолько далека, насколько их видение было в состоянии проникнуть.

Племена занимали в конфедерации совершенно равные позиции в правах, привилегиях и обязанностях. Такие особые иммунитеты, которые были предоставлены тому или иному лицу, не указывают на намерение заключить неравноправный договор или уступить неравноправные привилегии. Существовали органические положения, по-видимому, наделявшие определенные племена высшей властью; как, например, онондагам было разрешено иметь четырнадцать сахемов, а сенекам - только восемь; и более многочисленный состав сахемов, естественно, оказывал бы большее влияние в совете, чем меньший. Но в данном случае это не давало никакой дополнительной власти, потому что сахемы каждого племени имели равный голос при принятии решения и отрицательный - в отношении остальных. На совете племена соглашались, а единодушие во мнениях было необходимо для каждого общественного акта. Онондага были сделаны "Хранителями Вампума" и "Хранителями Клейма Совета", могавки - "Получателями дани" от покоренных племен, а сенека - "Хранителями дверей" Длинного Дома. Эти и некоторые другие подобные положения были приняты для общего блага.

Принцип сплоченности конфедерации проистекал не только из преимуществ союза для взаимной защиты, но имел более глубокую основу в родственных узах. Конфедерация якобы опиралась на племена, но в первую очередь на общие роды. Все члены одного и того же рода, будь то могавки, онейды, онондаги, кайюги или сенеки, были братьями и сестрами друг для друга в силу своего происхождения от одного общего предка, и они признавали друг друга таковыми с полнейшей сердечностью. Когда они встречались, первым вопросом было название рода друг друга, а затем непосредственная родословная их соответствующих сахемов; после чего они обычно могли выяснить, в соответствии с их особой системой кровного родства, в каких отношениях они находились друг к другу. [Примечание: Детибратьев сами являются братьями и сестрами друг другу; дети последних также были братьями и сестрами, и так до бесконечности. Дети и потомки сестер - это одно и то же. Дети брата и сестры - двоюродные братья; дети последней - двоюродные братья, и так до бесконечности. Знание отношений друг к другу представителей одного и того же рода никогда не теряется.]

Три рода, а именно Волк, Медведь и Черепаха, были общими для пяти племен; эти и три других были общими для трех племен. По сути, род Волка, благодаря разделению первоначального племени на пять, теперь состоял из пяти подразделений, по одному из которых было в каждом племени. То же самое было с родами Медведя и Черепахи. Роды оленей, бекасов и ястребов были обычными для сенекас, кайюгас и онондагас. Между разделенными частями каждого рода, хотя его члены говорили на разных диалектах одного и того же языка, существовала братская связь, которая связывала народы неразрывными узами. Когда могавк из рода Волков

признавал онейду, онондагу, кайюгу или сенеку из того же рода братом, и когда члены других разделенных родов делали то же самое, отношения были не идеальными, а фактом, основанным на кровном родстве и на вере в гарантированную родословную, более древнюю, чем их диалекты, и ровесницу их единства как единого народа. В глазах ирокеза каждый член его рода, к какому бы племени он ни принадлежал, был таким же несомненным родственником, как и собственный брат. Это перекрестное родство между представителями одного и того же рода в различных племенах все еще сохраняется и признается ими во всей своей первоначальной силе. Это объясняет упорство, с которым осколки старой конфедерации все еще держатся вместе. Если бы какое-либо из пяти племен отделилось от конфедерации, это разорвало бы родственные узы, хотя это ощущалось бы лишь незначительно. Но если бы они столкнулись, это повернуло бы род Волка против их нееврейских сородичей, Медведя против Медведя, одним словом, брата против брата. История ирокезов демонстрирует реальность, а также постоянство рода бондов и верность, с которой его уважали. В течение длительного периода, через который просуществовала конфедерация, они никогда не впадали в анархию и не разрушали организацию.

"Длинный дом" (Ho-de'-no-sote) был сделан символом конфедерации, и они называли себя "Людьми Длинного дома" (Ho-e'-no-sau-née). [Примечание: Длинный дом не был характерен только для ирокезов, но использовался многими другими племенами, такими как индейцы поухаттан в Вирджинии, найаки с Лонг-Айленда и другие племена.]

Это было имя, и единственное имя, которым они отличались. Конфедерация создала нееврейское общество, более сложное, чем общество одного племени, но все же это было отчетливо нееврейское общество. Однако это был этап прогресса в направлении создания нации, поскольку гражданство достигается при родовых институтах. Объединение - последняя стадия этого процесса. Четыре афинских племени объединились в Аттике в нацию в результате смешения племен, проживающих на одной территории, и постепенного исчезновения географических границ между ними. Племенные названия и организации сохраняли полную жизнеспособность, как и прежде, но без основы в виде независимой территории. Когда политическое общество было учреждено на основе демы или поселка, и все жители демы стали политической организацией, независимо от их рода или племени, объединение стало полным.

Слияние латинского и сабрейского родов в римский народ и нацию было результатом тех же процессов. У всех одинаково род, фратрия и племя были первыми тремя ступенями организации. Конфедерация следовала за ними как четвертая. Но, по-видимому, ни у греческих, ни у латинских племен позднего периода варварства это не стало чем-то большим, чем свободная лига для наступательных и оборонительных целей. О природе и деталях организации греческой и латинской конфедераций наши знания ограничены и несовершенны, поскольку факты похоронены во мраке традиционного периода. Процесс объединения возникает позже, чем конфедерация в родовом обществе; но это была необходимая, а также жизненно важная стадия прогресса, посредством которой, наконец, были достигнуты нация, государство и политическое общество. Среди племен ирокезов это никак не проявилось.

Долина Онондага, как резиденция центрального племени и место, где, как предполагалось, постоянно горело Клеймо Совета, была обычным, хотя и не исключительным местом проведения советов конфедерации. В древние времена его созывали осенью каждого года, но общественные нужды часто делали его заседания более частыми. Каждое племя имело право

созывать совет и назначать время и место встречи в доме совета любого племени, когда обстоятельства делали желательным изменение обычного места в Онондаге. Но совет не имел права созываться сам.

Первоначально главной целью совета было назначение сахемов для заполнения вакансий в рядах правящего органа, возникших в результате смерти или низложения; но он занимался всеми другими делами, которые касались общего благосостояния. С течением времени, по мере того как они увеличивались в численности и их сношения с чужеземными племенами становились все более обширными, собор распался на три различных вида, которые можно разделить на Гражданские, Траурные и религиозные. Первые объявляли войну и заключали мир, отправляли и принимали посольства, заключали договоры с чужеземными племенами, регулировали дела покоренных племен и принимали все необходимые меры для содействия общему благосостоянию. Второй возвысил сахемов и наделил их должностями. Он получил название Траурного совета, потому что первой из его церемоний была оплакивание умершего правителя, вакантное место которого должно было быть занято. Третий был проведен в рамках общего религиозного праздника. Это послужило поводом для объединения конфедеративных племен под эгидой генерального совета для соблюдения обрядов общих религий; но поскольку Траурный совет сопровождался многими из тех же церемоний, пришлось ответить за обе. Теперь это единственный совет, который они держат, поскольку гражданские полномочия конфедерации прекратились вместе с верховенством над ними государства.

Когда сахемы собрались на совет в назначенное время и в назначенном месте и обычная церемония приема была совершена, они разделились на два отряда и сели по разные стороны от очага совета. На одной стороне были сахемы могавков, онондага и сенека. Племена, которые они представляли, на совете были братскими племенами друг для друга и отцовскими племенами для двух других. Подобным же образом их сахемы были братьями друг другу и отцами тем, кто находился напротив. Они составляли фратрию племен и сахемов по принципу, который объединял роды во фратрию. По другую сторону костра были онейда и каюга, а позже сахемы тускарора. Племена, которые они представляли, были братскими племенами друг для друга и сыновьями трех противоположных племен. Их сахемы также были братьями друг другу и сыновьями тех, кто находился в противоположном подразделении. Они образовали вторую племенную фратрию. Поскольку онейды были подразделением могавков, а кайюги - подразделением онондагов или сенек, в действительности они были младшими племенами; отсюда их соотношение старших и младших и применение фратрического принципа. Когда племена называются на совете, могавки упоминаются первыми по старшинству. Их племенным эпитетом был "Щит" (Da-go-e-o'-do). Следующими были онондаги под эпитетом "Носящие имя" (Ho-de-san-no'-ge-to), потому что им было поручено выбрать и назвать пятьдесят первоначальных сахемов. Следующими в порядке старшинства были сенек под эпитетом "Привратники" (Ho-nan-ne-ho'ont). Их сделали вечными стражами западной двери Длинного Дома. Онейды под эпитетом "Великое дерево" (Ne-ar'-de-on dar'-go-war) и кайюги под эпитетом "Великая трубка" (So-nus'-ho-gwar-to-war) были названы четвертыми и пятыми. Тускарора, которые поздно пришли в конфедерацию, были названы последними и не имели отличительного эпитета. Формы, подобные этим, были более важны в древнем обществе, чем мы склонны предполагать.

Единодушие среди сахемов требовалось по всем общественным вопросам и было существенно для законности каждого публичного акта. Это был основной закон конфедерации. Они приняли

метод выяснения мнений членов совета, который избавлял от необходимости подавать голоса. Более того, они были совершенно не знакомы с принципом большинства и меньшинства в деятельности советов. Они голосовали на совете по племенам, и сахемы каждого племени должны были прийти к единому мнению, чтобы принять решение. Признавая единодушие необходимым принципом, основатели конфедерации разделили сахемов каждого племени на классы в качестве средства его достижения. Это можно увидеть, обратившись к таблице (выше, стр. 30). Ни одному сахему не разрешалось выражать мнение в совете в форме голосования до тех пор, пока он сначала не согласится с сахемом или сахемами своего класса относительно мнения, которое должно быть выражено, и не будет назначен спикером от имени класса. Таким образом, восемь сахемов Сенека, принадлежащие к четырем классам, могли иметь только четыре мнения, а десять сахемов Каюга, принадлежащие к тому же числу классов, могли иметь только четыре. Таким образом, сахемы в каждом классе были впервые приведены к единодушию между собой. Затем была проведена перекрестная консультация между четырьмя сахемами, назначенными выступать от имени четырех классов; и когда они пришли к согласию, они назначили одного из своего числа выразить их итоговое мнение, которое было ответом их племени. Когда сахемы нескольких племен с помощью этого остроумного метода пришли к единому мнению по отдельности, оставалось сравнить их мнения, и, если они соглашались, принималось решение совета. Если им не удавалось прийти к соглашению, мера отменялась, и совет подходил к концу. Пять человек, назначенных выражать решение пяти племен, возможно, объяснят назначение и функции шести выборщиков, так называемых, в конфедерации ацтеков.

Таким способом получения согласия были признаны и сохранены равенство и независимость нескольких племен. Если какой-либо сахем был упрям или неразумен, на него оказывалось влияние через преобладающее чувство, которому он не мог хорошо сопротивляться, так что редко случалось, чтобы неудобство или ущерб были результатом их приверженности правилу. Всякий раз, когда все попытки добиться единодушия терпели неудачу, все дело откладывалось в сторону, поскольку дальнейшие действия становились невозможными.

В конфедерации племен впервые появляется должность генерала, "Солдата Великой войны" (Hos-go-o-geh'-da-go-wo). Теперь возникали случаи, когда несколько племен в качестве союзников были вовлечены в войну, и ощущалась необходимость в общем командующем, который руководил бы передвижениями объединенных банд. Введение этого поста в качестве постоянного элемента в правительстве стало великим событием в истории человеческого прогресса. Это было началом разграничения военной и гражданской власти, которое, когда было завершено, существенно изменило внешнее проявление правления; но даже на более поздних стадиях прогресса, когда преобладал военный дух, сущностный характер правительства не изменился. Джентилизм остановил узурпацию. С появлением должности генерала правительство постепенно превратилось из правительства одной власти в правительство двух властей. Со временем функции правительства стали координироваться между ними двумя. Эта новая должность была зародышем должности главного исполнительного магистрата, поскольку из генерала вышли король, император и президент, как предполагалось в других местах. Эта должность возникла из военных потребностей общества и имела логическое развитие.

Когда была образована конфедерация ирокезов или вскоре после этого события были созданы и названы два постоянных военных вождя, и оба были приписаны к племени сенека. Один из них (Та-ван'-не-арс, означающий ломающий иглы) стал наследственным у Волка, а другой (Со-

но'-со-во, означающий большую устричную раковину) - у рода Черепах. Причиной, по которой их обоих отдали сенекам, была большая опасность нападения на западной оконечности их территорий. Они избирались тем же способом, что и сахемы, избирались генеральным советом и были равны по рангу и власти. В другом сообщении говорится, что они были созданы позже. Сразу после образования конфедерации они обнаружили, что структура Длинного Дома была неполной, потому что в нем не было офицеров для выполнения военных приказов конфедерации. Для исправления этого упущения был созван совет, на котором были назначены два названных бессрочных военачальника. Как высшие командиры, они отвечали за военные дела конфедерации и командование ее объединенными силами, когда объединялись в генеральную экспедицию. Губернатор Блэкснейк, недавно скончавшийся, занимал этот пост первым поименованным лицом, тем самым показывая, что преемственность соблюдалась регулярно. Создание двух главных военачальников вместо одного и с равными полномочиями свидетельствует о тонкой и расчетливой политике, направленной на предотвращение господства одного человека даже в их военных делах. Они поступили без опыта точно так же, как поступили римляне, назначив двух консулов вместо одного после того, как отменили должность рекса. Два консула уравнивали бы военную мощь между ними и не позволили бы ни одному из них стать верховным. Среди ирокезов эта должность так и не стала влиятельной.

В индийской этнографии первостепенное значение имеют род, фратрия, племя и конфедерация. Они демонстрируют организацию общества. Рядом с ними находятся срок полномочий и функции должности сахема и вождя, функции совета вождей, а также срок полномочий и функции должности главного военного главнокомандующего. Когда они будут установлены, будут известны структура и принципы их государственной системы. Знание их обычаев, их искусств и изобретений, а также их плана жизни дополнит картину. В работе американских исследователей слишком мало внимания уделялось первым. Они по-прежнему представляют собой богатую область, в которой можно собрать много информации. Наши знания, которые в настоящее время носят общий характер, следует сделать подробными и сравнительными. Индейские племена на Низшей и Средней ступени варварства представляют собой две великие стадии прогресса от дикости к цивилизации. Наши далекие предки проходили через те же условия один за другим и обладали, едва ли можно сомневаться, теми же или очень похожими институтами, со многими из тех же обычаев. Как бы мало нас ни интересовали лично американские индейцы, их опыт трогает нас больше как пример опыта наших собственных предков. Наши первичные институты уходят корнями в предшествующее родовое общество, в котором род, фратрия и племя были органическим рядом и в котором совет вождей был инструментом управления. Явления их древнего общества, должно быть, имели много общего с обществом ирокезови других индейских племен. Такой взгляд на дело придает дополнительный интерес изучению сравнительных институтов человечества.

Конфедерация ирокезов является прекрасным примером нееврейского общества с такой формой организации. Это, по-видимому, реализует все возможности родовых институтов на более низком уровне варварства, оставляя возможность для дальнейшего развития, но без последующего плана правления до тех пор, пока не будут созданы институты политического общества, основанные на территории и собственности, с установлением которых родовая организация была бы свергнута. Промежуточные стадии были переходными, оставаясь военными демократиями до конца, за исключением тех случаев, когда на их месте временно устанавливались тирании, основанные на узурпации. Конфедерация ирокезов была по существу демократической, потому что она состояла из родов, каждый из которых был

организован на общих принципах демократии, но не высшего, а примитивного типа; и потому что племена сохраняли за собой право местного самоуправления. Они завоевывали другие племена и держали их в повиновении, как, например, делавары; но последние оставались под властью своих собственных вождей и ничего не добавили к силе конфедерации. При таком состоянии общества было невозможно объединить под единым руководством племена, говорившие на разных языках, или обложить покоренные племена данью с какой-либо выгодой, кроме самой дани.

Это изложение конфедерации ирокезов далеко не исчерпывает фактов, но оно продвинулось достаточно далеко, чтобы ответить на мою нынешнюю задачу. Ирокезы были энергичным и умным народом, объем мозга которого приближался к среднему арийскому уровню. Красноречивые в ораторском искусстве, мстительные на войне и неукротимые в упорстве, они заняли достойное место в истории. Если их военные достижения унылы по сравнению с жестокостями дикой войны, они проиллюстрировали некоторые из высших человеческих добродетелей в своих отношениях друг с другом. Организованную ими конфедерацию следует рассматривать как замечательное проявление мудрости и прозорливости. Одной из его общепризнанных целей был мир - устранить причину раздора путем объединения их племен под единым правительством, а затем расширить его за счет включения других племен с тем же названием и происхождением. Они убеждали Эри и Нейтральную нацию стать членами конфедерации, а за их отказ изгнали их со своих границ. Такое понимание высших целей правительства делает честь их уму. Их численность была невелика, но они насчитывали в своих рядах большое количество способных людей. Это доказывает высокий класс племени.

[Примечание: О распространенности организации в роды или кланы среди индейских племен см. Древнее общество, глава vi. С момента публикации этой работы та же организация была обнаружена г-ном Банделье путем личного исследования среди племен пуэбло в Нью-Мексико, говорящих на языке кверис, среди которых его работа до сих пор ограничивалась.

Происхождение по женской линии. Тот же неутомимый исследователь нашел весьма убедительные свидетельства такой же организации у древних мексиканцев. (См. статью "Социальная организация и способ правления древних мексиканцев", Музей Пибоди, Двенадцатый ежегодный отчет, стр. 576.) Он также нашел дополнительные свидетельства такой же организации у оседлых племен Центральной Америки. Представляется весьма вероятным, что эта организация в древности была универсальной среди племен ганованской семьи.]

ГЛАВА II.

ЗАКОН ГОСТЕПРИИМСТВА И ЕГО ОБЩАЯ ПРАКТИКА.

Когда Америка была открыта в нескольких ее частях, индейские племена находились в совершенно разных условиях. Наименее развитые племена не владели гончарным искусством и садоводством и, следовательно, пребывали в состоянии дикости. Но в жизненных искусствах они продвинулись настолько далеко, насколько это вытекало из их Высшего Статуса, который позволял им владеть луком и стрелами. Таковы были племена в долине реки Колумбия, на территории Гудзонова залива, в некоторых частях Канады, Калифорнии и Мексики, а также некоторые племена побережья Южной Америки. Использование керамики, выращивание кукурузы и других растений были им неизвестны. Их пропитание зависело от рыбы, хлеба, корней и дичи. Второй класс был промежуточным между ними и деревенскими индейцами. Они питались рыбой, дичью и продуктами ограниченного садоводства и находились на более

низком уровне варварства. Таковы были ирокезы, индейцы Новой Англии и Виргинии, крики, чероки и чокто, шауни, миами, манданы, минмтари и другие племена Соединенных Штатов к востоку от реки Миссури, а также некоторые племена Мексики и Южной Америки, находившиеся в том же состоянии развития. Многие из них жили в деревнях, некоторые из которых были обнесены частоколом, но деревенская жизнь среди них не была такой самобытной и распространенной, как среди наиболее развитых племен. Третьим классом были собственно деревенские индейцы, которые в качестве средств к существованию почти исключительно занимались садоводством, выращивая кукурузу и другие растения с помощью орошения. Они строили совместные многоквартирные дома из саманного кирпича и камня, обычно высотой более одного этажа. Такими были племена Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки и на плато Анд. Эти племена находились на Средней ступени варварства.

Оружие, искусства, обычаи, изобретения, архитектура, институты и форма правления - все это в равной степени несет на себе отпечаток общего разума и раскрывает в своем широком диапазоне последовательные стадии развития одних и тех же оригинальных концепций. Наша первая ошибка состояла в том, что мы переоценивали степень развития деревенских индейцев по сравнению с другими племенами; наша вторая ошибка заключалась в недооценке уровня развития последних; отсюда вытекала третья ошибка, заключавшаяся в отделении одних от других и рассмотрении их как разных рас. Доказательств их единства происхождения к настоящему времени накопилось столько, что не оставляет никаких разумных сомнений в этом вопросе. Первые два класса племен всегда обладали преобладающей властью, по крайней мере в Северной Америке, и обеспечивали мигрирующие группы, которые пополняли ряды деревенских индейцев, а также континент жителями. Деревенским индейцам оставалось изобрести процесс выплавки железной руды, чтобы достичь Высшего уровня варварства, и, кроме того, изобрести фонетический алфавит, чтобы достичь первой стадии цивилизации. Между высшим классом индейцев и началом цивилизации прошел целый этнический период.

[Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

Кажется странным, что деревенские индейцы, которые первыми овладели кукурузой, великим американским злаком, и искусством возделывания, не достигли господства на континенте. С их возросшей численностью и более стабильным пропитанием можно было ожидать, что они расширят свою власть и распространят свои мигрирующие группы по наиболее ценным районам, постепенно вытесняя более грубые племена. Но в этом отношении они явно потерпели неудачу. Средства поддержания жизни у последних были удивительно устойчивыми. Более высокая культура деревенских индейцев, какой бы она ни была, не позволила им продвинуться ни в оружии, ни в военном искусстве дальше более варварских племен, за исключением того, что превосходная архитектура домов, как правило, делала их деревни и жилища неприступными для нападения индейцев. Более того, в искусстве управления они не смогли подняться над родовыми институтами и создать политическое общество. Этот факт демонстрирует невозможность привилегированных классов и властителей, при их институтах, обладать властью принуждать людей к труду по возведению дворцов для их использования и объясняет отсутствие таких сооружений.

Садоводство и другие домашние искусства распространились от деревенских индейцев к племенам, находившимся на более низком уровне варварства, и таким образом существенно продвинули их в их дальнейшем продвижении к более высокому положению деревенских

индейцев. Таким образом, многочисленные племена были подняты из дикости в варварство путем присвоения жизненных искусств племен, стоящих над ними. Этот процесс был постоянным явлением в истории человечества. Это хорошо проиллюстрировано на примере Америки, где красная раса, единая по происхождению и обладавшая однородными институтами, находилась в трех различных этнических условиях или стадиях культуры.

Существуют определенные обычаи индейских племен в целом, которые, как правило, объясняют их образ жизни — их большие семьи, их дома и их домашнюю архитектуру. Они заслуживают тщательного рассмотрения и даже дальнейшего исследования за пределами наших нынешних знаний. Влияние американской цивилизации в целом разрушило их старый образ жизни и ввело новый, более аналогичный нашему. Почти то же самое было и в Испанской Америке. Старые обычаи, о которых мы расскажем подробнее, в настоящее время настолько исчезли в своих чистых формах, что их восстановление сопряжено с трудностями. Необходимо рассмотреть следующие вопросы:

I. Закон гостеприимства.

II. Коммунизм в жизни.

III. Совместное владение землями.

IV. Практика употребления только одного готового блюда в день — ужина.

V. Они разделяются во время еды, мужчины едят первыми и самостоятельно, а женщины и дети — потом.

Обсуждение будет ограничено периодом европейских открытий и более поздними периодами, когда эти практики сохранялись. Цель будет состоять в том, чтобы показать, что эти обычаи существовали среди них, когда Америка была открыта в нескольких ее частях, и что они сохранялись на практике в течение некоторого времени после этих нескольких периодов.

ЗАКОН ГОСТЕПРИИМСТВА.

Среди ирокезов гостеприимство было устоявшимся обычаем. Если мужчина входил в дом индейцев в любой из их деревень, будь то сельский житель, соплеменник или незнакомец, обязанностью женщин было поставить перед ним еду. Пренебрежение этим было бы невежливостью, приравненной к оскорблению. Если он был голоден, он ел; если не был голоден, вежливость требовала, чтобы он попробовал еду и поблагодарил подающего. Это повторялось в каждом доме, в который он входил, и в любое время дня. Как обычай, это поддерживалось строгими общественными настроениями. Такое же гостеприимство было оказано незнакомцам из их собственного племени и из других племен. С появлением среди них европейской расы это распространилось и на них. Эта характеристика варварского общества, в котором пища была главной заботой в жизни, является замечательным фактом. Закон гостеприимства, применяемый американскими аборигенами, имел тенденцию к окончательному выравниванию условий существования. Голод и нужда не могли существовать в одном конце индейской деревни или в одной части лагеря, в то время как в другом месте той же деревни или лагеря царило изобилие. Это раскрывает план их жизни в период европейских открытий, который недостаточно изучен.

Несколько лет назад в резервации Сенека в Нью-Йорке я обратил внимание на уникальную иллюстрацию мощного влияния этого обычая на сознание индейцев. Вождь племени Сенека, состоятельный человек с сельскохозяйственными угодьями и домашними животными, которые обеспечивали ему безбедное существование, потерял свою жену в результате смерти, и его дочь, получившая образование в обычаях цивилизованной жизни, заняла должность экономки. Старик, ссылаясь на древний обычай, попросил свою дочь постоянно готовить обычную еду, готовую предложить любому человеку, который войдет в их дом, сказав, что он не желает, чтобы этот обычай их предков был отменен. Изменившееся положение в доме и, в частности, принятие обычных блюд цивилизованного общества, время которых посетитель, по разумным соображениям, должен был ждать, не перевешивали, по его мнению, святости этого обычая. [Примечание: названным вождем был Уильям Паркер, благородный образец ирокезов эпохи Сенека.]

В июле 1743 года Джон Бартрам совершил путешествие из Филадельфии в Онондагу, чтобы вместе с Конрадом Вайзаром присутствовать на совете вождей племен онондага, ирокезов, онейда и каюга. В Шамокине он остановился у торговца, у которого была жена-индианка, и в деревне делаваров. "Как только мы вышли, - замечает он, - они показали нам, куда положить наш багаж, а затем принесли миску вареных кабачков в холодном виде. Тогда я подумал, что это плохое развлечение, но к тому времени, как я вернулся, я научился не презирать хорошую индийскую кухню. Это гостеприимство соответствует честной простоте древних времен, и его так упорно придерживаются, что путешественнику не только немедленно подают то, что уже приготовлено, но и откладывают самые неотложные дела, чтобы приготовить для него все самое лучшее, что только можно достать, придерживаясь принципа, что он всегда должен быть голоден. Из этого мы обнаружили полезные эффекты в мясе и хлебе, которые они приготовили для нас". [Сноска: Наблюдения Бартрама и с, лондонское издание, 1751, стр. 16.] У делаваров мы имеем здесь прекрасную иллюстрацию ирокезского правила ставить еду перед человеком, когда он впервые входит в дом. Хотя в данном случае у них не было ничего вкуснее вареных кабачков, все было приготовлено немедленно, после чего они приступили к приготовлению более основательного угощения. Обычаи делаваров и ирокезов были одинаковыми.

Совет в Онондаге длился два дня, по окончании которого у них каждый день был общий обед. "За этим советом [в первый день] последовал пир. После четырех часов мы все вместе поужинали четырьмя большими котлами индийского кукурузного супа, который мы опустошили, а затем каждый вождь удалился к себе домой.... Конференция [второй день] продолжалась до трех, после чего мы поужинали. Трапеза состояла из трех больших котелков индийского кукурузного супа, или тонкой мамалыги, с отваренными в ней сушеными угрями и другой рыбой, и одного котелка, полного молодых кабачков и их цветков, сваренных в воде, и небольшого количества муки, перемешанной. Это блюдо было всего лишь слабой пищей. В последнюю очередь была подана большая миска индийских клецек, приготовленных из молодой мягкой кукурузы, нарезанной или очищенной от початков, с добавлением вареной фасоли, хорошо обваленной в листьях индийской кукурузы. Это хорошая сытная еда". [Сноска: Журнал Бартрама, стр. 59.]

"И снова, - замечает он, - мы приготовились к выступлению, и многие вожди снова пришли попрощаться. Некоторые из них принесли нам провизию на дорогу. Мы снова пожали друг другу руки и отправились в путь в девять". [Сноска: ib. стр. 63]

Одним из первых свидетельств гостеприимства индейских племен Соединенных Штатов стала экспедиция Филипа Амидаса и Артура Барлоу под эгидой сэра Уолтера Роли, посетившая племена алгонкинов в Северной Каролине летом 1584 года. Они высадились на острове Вококен, недалеко от пролива Албемарл, когда "со всех сторон прибыло огромное количество людей", вождem которых был Гранганимео. "Он был очень справедлив в своих обещаниях, потому что часто мы доверяли ему и приходили в его день, чтобы сдержать свое слово. Обычно он присылал нам каждый день пару уток, кроликов, зайцев и рыбу, иногда дыни, грецкие орехи, огурцы, горох и различные коренья.... После этого знакомства я и еще семеро прошли тридцать миль по реке Оккам, которая течет к городу Скикоак, и следующим вечером мы прибыли на остров под названием Роаноак, от гавани которого прошли семь лиг: На северной оконечности стояли девять домов, построенных из кедра, обнесенных вокруг острыми деревьями [частоколом], а въезд напоминал заставу [turnspit]. Когда мы подплыли к нему, жена Гранганимео выбежала нам навстречу (ее муж отсутствовал), приказывая своим людям вытащить нашу лодку на берег, чтобы та билась о волны. Другим она поручила нести нас на своих спинах на аланд, другим - приносить наши весла в дом за кражу. Когда мы перешли в другую комнату (ибо в доме их было пятеро), она усадила нас у большого камина; а после сняла с нас одежду и вымыла ее, часть из наших запасов, а часть из наших ног в теплой воде, и сама приложила немало усилий, чтобы все было в порядке, и снабдила нас едой. После того, как мы таким образом обсохли, она привела нас во внутреннюю комнату, где разложила на доске, стоявшей вдоль дома, что-то вроде фрументи, размокшую оленину и жареную рыбу; точно так же - сырые дыни, вареные коренья и всевозможные фрукты. Их напиток обычно представляет собой воду, вскипяченную с имбирем, иногда с сассафрасом и полезными травами Более добрых, любящих людей и быть не может. За этим островом находится большая земля и великая река Оккам, на которой стоит город под названием Помеиок ". [Примечание: "История Вирджинии" Смита и др. Перепечатка с лондонского издания 1627 года. Ричмондское издание, 1819, i, 83, 84. Отчет Амидаса и Барлоу также содержится в Сборнике путешествий Хаклута, iii, 301-7.]

Это, пожалуй, первая, если не самая первая, полученная нами английская картина индийской жизни и взаимоотношений англичан и индейцев в Америке. Это в высшей степени похвально для обеих сторон; для индейцев за их искреннюю доброту и гостеприимство, и для англичан за их высокую оценку обоих и за отсутствие какого-либо акта несправедливости. В то же время это было просто применение местными жителями своих правил гостеприимства по отношению к иностранным гостям, а не что-то новое в их опыте.

В рассказе джентльмена из Элваса об экспедиции Эрнандо де Сото во Флориду в 1539 году есть ссылки на обычаи индейских племен Южной Каролины, чероки, чокта и чикаса, а также некоторых племен к западу от Миссисипи, которые экспедиция посещала одно за другим. Они кратки и неполны, но в достаточной степени указывают на тот момент, который мы пытаемся проиллюстрировать. Это было скорее враждебное, чем дружеское посещение, и естественное свободное гостеприимство туземцев часто подвергалось испытаниям и превращалось во вражду, но в этом повествовании упоминается много случаев дружеского общения. "Четвертого апреля губернатор проезжал мимо города под названием Альтамака, а десятого числа того же месяца он прибыл в Окуте. Касик прислал ему две тысячи индейцев с подарком, а именно множество кроликов и куропаток, маисовый хлеб, двух кур и множество собак". [Примечание: Исторические сборники Луизианы, часть ii. Рассказ джентльмена из Элваса об экспедиции Эрнандо де Сото во Флориду, стр. 139.]

Далее: "За две лиги до того, как он прибыл в Чиаху, его встретили пятнадцать индейцев, нагруженных маисом, который прислал касик; и они сказали ему от его имени, что он ждал своего прибытия с двадцатью амбарами, полными маиса". [Сноска: 3 ib., стр. 147.] "В Коре вождь приказал своим индейцам освободить свои дома, в которых жили губернатор и его люди. В амбарах и на полях были большие запасы кукурузы и французских бобов. Страна была сильно заселена, со многими большими городами и множеством засеянных полей, которые простирались от одного до другого". [Сноска: ib. стр. 152.]

После переправы через Миссисипи, первым первооткрывателем которой был Де Сото, он "отдыхал в Пакахе сорок дней, и все это время два касика снабжали его большим запасом рыбы, мантий и шкур, и спорили, кто окажет ему наибольшую услугу". [Сноска: ib. стр. 175.]

Заслуженно прославленный моравский миссионер Джон Хеквелдер благодаря долгому опыту близко познакомился с нравами и обычаями индейских племен. Он занимался непосредственным миссионерским трудом, главным образом среди делаваров и манси, в течение пятнадцати лет (1771-1786) в Маскингуме и Кайахоге в Огайо, где, помимо делаваров и манси, он вступил в контакт с тускарорас и другими племенами ирокезского происхождения. Он был знаком с обычаями индейских племен Пенсильвании и Нью-Йорка. Его общие знания оправдывают название его работы "История, нравы и обычаи индейских народов, некогда населявших Пенсильванию и соседние штаты", и придают высочайшую достоверность его утверждениям.

Обсуждая общий характер индейцев, он замечает следующее: "Они думают, что он [Великий Дух] создал землю и все, что на ней есть, для общего блага человечества; когда он наполнил землю, которую подарил им, большим количеством дичи, это было сделано не для блага немногих, а для блага всех. Все было дано сынам человеческим совместно. Все, что живет на земле, все, что произрастает из земли, и все, что находится в реках и водах, протекающих по ней, было дано совместно всем, и каждый имеет право на свою долю. Из этого принципа вытекает гостеприимство, как из своего источника. Для них это не добродетель, а строгий долг; поэтому они никогда не ищут предлогов, чтобы не давать, но свободно удовлетворяют потребности своих соседей из запасов, приготовленных для их собственного использования. Они щедры и гостеприимны ко всем без исключения и всегда делятся друг с другом, а часто и с незнакомым человеком, до последнего кусочка. Они скорее сами лягут спать на пустой желудок, чем их обвинят в том, что они пренебрегли своим долгом, не удовлетворив потребности незнакомца, больного или нуждающегося. Чужеземец имеет право на их гостеприимство отчасти из-за того, что он находится вдали от своей семьи и друзей, а отчасти потому, что он оказал им честь своим визитом и должен оставить у них хорошее впечатление в душе; больные и бедные потому, что они имеют право на помощь из обычных запасов, ибо если мясо, с которым их угощали, было добыто в лесу, оно было общим для всех до того, как его добыл охотник; если кукуруза или овощи, то они выросли на общей земле, но не силой человека, а силой Великого Духа". [Примечание: Хеквельдер, "Индийские нации", Филадельфийское изд-во, 1876, стр. 101]

Это ясное и определенное изложение принципа гостеприимства в том виде, в каком он соблюдался индейскими племенами в эпоху их открытия, с указанием причин, на которых основывались эти обязательства самих индейцев. Мы признаем в этом законе гостеприимства выдающуюся добродетель человечества в эпоху варварства.

Льюис и Кларк ссылаются на обычаи племен Миссури, которые были точно такими же, как у ирокезов. "У всех народов, живущих на Миссури, - отмечают они, - есть обычай предлагать каждому белому человеку еду и прохладительные напитки, когда он впервые входит в их палатки". [Сноска: Путешествия и т. Д., лондонское издание, 1814, стр. 649.]

Это было просто применение их правил гостеприимства между собой по отношению к своим белым посетителям.

Примерно в 1837-1838 годах Джордж Кэтлин зимовал в деревне Мандан в верховьях Миссури. Он был точным и умным наблюдателем, и его работа "Манеры и обычаи североамериканских индейцев" является ценным вкладом в американскую этнографию. Главная деревня манданов, в которой тогда проживало пятьдесят домов и полторы тысячи человек, была окружена частоколом. Она была удачно расположена для охоты, но они не зависели исключительно от этого источника пропитания. Они выращивали кукурузу, кабачки, тыквы и табак на грядках в саду, а в прериях собирали дикие ягоды и разновидность репы. "Однако мясо буйвола, - говорит мистер Кэтлин, - является основным продуктом питания в этой стране и редко, если вообще когда-либо, не дает им достаточных средств к существованию".

* * * * *

"В летние и осенние месяцы мясо используют свежим и готовят его самыми разнообразными способами — обжаривая, запекая, отваривая, туша, копча и т.д., А из ребрышек и сочленений с костным мозгом готовят вкусный суп, который используется повсеместно и в огромных количествах. Я обнаружил, что у манданов нет регулярного или установленного времени приема пищи, но обычно они едят примерно два раза в сутки. Котелок всегда кипит на огне, и любой голодный человек, будь то из домочадцев или из любой другой части деревни, имеет право приказать снять его с огня и тоже есть, когда ему заблагорассудится. Таков неизменный обычай североамериканских индейцев, и я очень сомневаюсь, что цивилизованный мир имеет в своих учреждениях какую-либо систему, которую должным образом можно назвать более гуманной и благотворительной. Каждому мужчине, женщине или ребенку в индийских общинах разрешается входить в любое жилище, и даже в жилище вождя нации, и есть, когда они голодны, при условии, что несчастье или необходимость привлекли их к этому. Точно так же может поступить самый бедный и никчемный трутень в стране, если он слишком ленив, чтобы охотиться или добывать себе пропитание; он может войти в любую хижину, и каждый поделится с ним, пока там есть что поесть. Однако тот, кто таким образом просит милостыню, когда у него есть возможность поохотиться, дорого платит за свое мясо, ибо его клеймят позорным эпитетом труса и попрошайки". [Примечание: Манеры и обычаи североамериканских индейцев, издание Хазарда, 1857, i, 200.] Мистер Кэтлин довольно убедительно доказывает это, когда превращает бесплатное гостеприимство домашних в право гостя на развлечения независимо от его согласия. Это служит доказательством того, что провизия семьи, которая, как он утверждает в другом месте, состояла из двадцати-сорока человек, использовалась совместно, и что каждая семья делилась своей провизией в знак гостеприимства с любым жителем деревни, который приходил в дом голодным, а также с незнакомцами из других племен. Более того, он говорит об этом гостеприимстве как о чем-то универсальном среди индейских племен. Это важное утверждение, потому что мало кто из мужчин в ранний период общения с западными племенами так много путешествовал среди них.

Племена долины Колумбия питались рыбой, хлебными кореньями и дичью. В определенные сезоны года еды было в избытке, но временами ее не хватало даже в этом излюбленном районе. Какой бы провизией они ни располагали, они свободно делились друг с другом, с гостями и с незнакомыми людьми. Льюис и Кларк в 1804-1806 годах посетили в своей знаменитой экспедиции племена Миссури и долины Колумбии. Они испытывали такое же щедрое гостеприимство всякий раз, когда у индейцев была какая-либо еда, которую они могли предложить, и их рассказ - первый, который у нас есть, что-то особенное об этих многочисленных племенах. Часто упоминают об их гостеприимстве. "Нез Персе" поставили перед ними небольшой кусочек мяса буйволицы, немного сушеного лосося, ягоды и несколько видов кореньев. Среди последних есть один, который имеет круглую форму и очень похож на луковицу по внешнему виду и сладкий на вкус. Это называется квамаш, и его едят либо в натуральном виде, либо отваривают в виде супа, либо делают из него лепешку, которая затем называется пашеко. После долгого воздержания это было роскошное угощение; и мы отплатили за доброту людей несколькими небольшими подарками, а затем отправились в сопровождении одного из вождей во вторую деревню, расположенную на той же равнине на расстоянии двух миль. Здесь к группе отнеслись с большой добротой, и они провели ночь". [Сноска: Путешествия и др., стр. 330.]

О другом племени они замечают: "Когда мы приблизились к деревне, большинство женщин, хотя и были предупреждены о том, что нас ждут, убежали со своими детьми в соседний лес. Мужчины, однако, приняли нас без всяких опасений и снабдили обильным запасом провизии. Равнины были теперь запружены индейцами, которые пришли посмотреть на белых и на странные вещи, которые они привезли с собой; но так как наш проводник был совершенно незнаком с их языком, мы могли общаться только знаками". [Примечание: Путешествия и т.д., стр. 334.]

Индейцы Колумбии, в отличие от названных ранее племен, варили пищу в деревянных сосудах или в выстланных шкурами углублениях с помощью раскаленных камней. Они не знали гончарного дела. "Войдя в один из их домов, он [капитан Кларк] обнаружил, что тот переполнен мужчинами, женщинами и детьми, которые немедленно предоставили ему циновку, на которую он мог сесть, а один из гостей взялся приготовить что-нибудь поесть. Он начал с того, что принес кусок сосны, который отнесло течением вниз по реке, и расколол его на мелкие кусочки клином, сделанным из лосиного рога, с помощью каменного молотка с причудливой резьбой. Затем куски положили в огонь, а на них положили несколько круглых камней. Теперь одна из скво принесла ведро воды, в котором лежал крупный лосось, примерно наполовину высушенный, и по мере того, как камни нагревались, их опускали в ведро до тех пор, пока лосось не разварился достаточно для употребления. Затем его вынули, выложили на блюдо из тростника, аккуратно приготовленного, и поставили перед капитаном Кларком, а еще по одному отварному для каждого из его людей". [Сноска: Путешествия, стр. 353.]

Один или два дополнительных случая, о которых в большом количестве упоминают эти авторы, в достаточной степени иллюстрируют практику гостеприимства этих племен и ее универсальность. Они отправились в деревню из семи домов на реке Чиллукиттекау и в дом вождя. "Он любезно принял нас, - отмечают они, - и поставил перед нами толченую рыбу, фундук, орехи, ягоды сакакомми и белый хлеб из кореньев.... Деревня принадлежит к той же нации, что и деревня, которую мы проезжали выше, язык у них один и тот же, а дома построены

из схожих материалов и рассчитаны примерно на тридцать душ. Жители были необычайно гостеприимны и располагали к себе". [Сноска: Путешествия и др., стр. 375-376.]

Находясь среди шошонов и еще до прибытия в Колумбию, они "добрались до индейского домика из кустарника, в котором жили семь семей шошонов. Они вели себя с большой вежливостью, и угостили всю компанию таким количеством вареного лосося, какое они могли съесть, и добавили в подарок несколько вяленых лососей и значительное количество чокечини"; [Сноска: ib. стр. 288.] и капитан Льюис замечает о тех же людях, что "индеец пригласил его в свою беседку и дал ему небольшой кусочек вареной антилопы и кусочек свежего лосося, запеченного в духовке. Это был первый лосось, которого он увидел, и он вполне убедился, что находится в водах Тихого океана". [Сноска: ib. стр. 268.]

До сих пор среди племен мы находим буквальное повторение правила гостеприимства, практикуемого ирокезами. Мистер Далл, говоря об алеутах, говорит: "гостеприимство было одной из их выдающихся черт" [Примечание: Об останках позднего доисторического человека, Аляска, Тер. Smithsonian Cont., № 318, стр. 3. Путешествия и т. Д., Phila. изд., 1796, стр. 171.], а Пауэрс об индейцах помо из Калифорнии замечает, что "они всегда делили последний кусочек сушеного лосося с подлинной дикой бережливостью", а о Ми-оал-а-ва-гун - что "как и все калифорнийские индейцы, они очень гостеприимны". [Примечание: Вклад Пауэлла в североамериканскую этнологию, "Калифорнийские племена Пауэра", том iii. стр. 153.]

Отец Маркетт и лейтенант Джолиет, впервые открывшие Верховья Миссисипи в 1673 году, поддерживали дружеские отношения с некоторыми племенами на ее восточном берегу и были гостеприимно приняты ими. "Когда совет закончился, нас пригласили на пир, который состоял из четырех блюд. Первым было блюдо из сагамита — то есть какого-то индийского блюда, сваренного в воде и приправленного жиром, — церемониймейстер держал полную ложку этого блюда, которую он трижды отправил мне в рот, а затем проделал то же самое с месье Жолие. Второе блюдо состояло из трех рыб, от которых он взял кусочек, вынул косточки и, подув на них, чтобы остудить, отправил мне в рот. Третьим блюдом была большая собака, которую они специально убили, но, поняв, что мы не станем есть это животное, они отослали ее. Четвертым был кусок мяса буйвола, самые жирные куски которого они клали нам в рот". [Сноска: Исторические собрания Луизианы. часть ii. Отчет об открытии некоторых новых стран и народностей Северной Америки в 1673 году, написанный отцом Маркеттом и Сьером Джолиетом, стр. 287.]

Ниже по реке, ниже устья Огайо, они столкнулись с другим племенем, о котором они рассказывают следующее. "Поэтому мы сошли на берег и направились в их деревню. Они угостили нас мясом буйвола и медведя и белыми сливами, которые были превосходны. Мы заметили, что у них были ружья, ножи, топоры, лопаты, стеклянные бусы и бутылки, в которые они насыпали порох. Они носят длинные волосы, как ирокезы, а их женщины одеты как гуроны". [Сноска: ib, с. 293]

В 1766 году Джонатан Карвер посетил племена дакота на Миссисипи, сауки и фоксы, виннебаго в Висконсине и оджибва в Верхнем Мичигане. В целом он говорит о гостеприимстве этих племен следующим образом: "Нет народа более гостеприимного, доброго и свободного, чем индейцы. Они с готовностью поделятся с любым представителем своего племени остатками провизии и даже с представителями другого народа, если им удастся зайти во время трапезы. Хотя у них нет одного общего запаса, все же та общность благ, которая так распространена среди них, и их

щедрое расположение оказывают на это почти такой же эффект ". [Примечание: Путешествия Карвера и др. Филологическое изд. 1796, с. 171.]

"Общность благ, которая так распространена среди них", объясняется тем, что их большие домашние хозяйства состояли из родственных семей, которые делили свои припасы на двоих. "Семь семей шошонов" в одном доме, а также дома, "переполненные мужчинами, женщинами и детьми", упомянутые Льюисом и Кларком, являются прекрасными образцами индийских семей раннего периода.

Мы снова обратимся к южным племенам Соединенных Штатов, чероки, чокта, чикаса и объединенным племенам крик. Джеймс Адэр, чья работа была опубликована в 1775 году, в общих чертах описывает их использование на следующем языке. "Они настолько гостеприимны, добросердечны и свободолюбивы, что готовы поделиться с соплеменниками остатками своей провизии, даже одним початком кукурузы; и с другими, если те позовут их во время еды; потому что у них нет установленного времени приема пищи. Открытый, великодушный нрав - неизменная добродетель среди них; быть узколобым, особенно по отношению к нуждающимся или к кому-либо из членов собственной семьи, считается большим преступлением и навлекает скандал на остальное племя. Таких жалких скряг они клеймят дурными характерами.... У индейцев чероки есть острое вошедшее в поговорку выражение на тот же счет — *simtaweh ne wara*, большой ястреб дома. Тем не менее, очень редко можно встретить кого-либо из них ограниченного нрава; и хотя они не придерживаются какой-либо неразборчивой общности, все же это приводит к тому же результату; ибо у каждого есть своя семья или племя; и когда один из них говорит о людях или жилищах любого из своего племени, он говорит: "он из моего дома", или "это мой дом".... Когда индейцы путешествуют по своей стране, они спрашивают о доме своего собственного племени [рода]; и если таковой имеется, они идут в него, и их радушно принимают, хотя они никогда раньше не видели этих людей — они едят, пьют и угощаются с такой же свободой, как за своим собственным столом, который представляет собой твердую землю, покрытую медвежьей шкурой.... В каждом городе есть казенный дом, или синедрион, как еврейский синедрион, где почти каждую ночь собираются старейшины по общественным делам; или жители города, чтобы пировать, танцевать и радоваться божественному присутствию, что будет полностью описано ниже. И если туда заходит незнакомец, к нему относятся с величайшей вежливостью и сердечной добротой — он обязательно найдет вдоволь их простой домашней еды и большую тростниковую кровать, покрытую мягкими шкурами медведей или буйволов, на которой можно поспать. Но когда его происхождение становится известно людям (по установленному обычаю, они не спешат приветствовать друг друга), его родственники, если они у него там есть, обращаются к нему фамильярно, приглашают его домой и обращаются с ним как с родственником ". [Сноска: История американских индейцев, лондонское изд-во, 1775, стр. 17.]

Все эти племена были организованы в роды или кланы, и роды каждого племени обычно реинтегрировались в две или более фратрий. Это тот род, который мистер Адэр имеет в виду, когда говорит о "семье", "родственниках" и "происхождении". Мы находим у них, по существу, те же правила гостеприимства, что и у ирокезов.

Следовательно, разумно сделать вывод, что среди всех племен к северу от Нью-Мексико закон гостеприимства, практикуемый ирокезами, был общепризнанным; и что во всех индейских

деревнях и стойбищах без различия голодные были накормлены благодаря открытому гостеприимству тех, у кого имелись излишки. Несмотря на этот щедрый обычай, хорошо известно, что северные индейцы часто испытывали страшную нехватку средств к существованию в течение части каждого года. Неудачный сезон для их ограниченного производства и отсутствие накопленных запасов нередко приводили к массовому голоду в крупных районах. Учитывая остроту борьбы за пропитание, неудивительно, что огромные территории были совершенно необитаемы, что другие большие территории были малонаселенными, а такого плотного населения нигде не существовало.

Среди деревенских индейцев Нью-Мексико такое же гостеприимство теперь оказывается американцам, посещающим их пуэбло, и это, предположительно, является просто отражением их обычаев общения между собой и по отношению к другим племенам. В 1852 году доктор Тенбрук, ассистент хирурга армии Соединенных Штатов, сопровождал свое командование в пуэбло Моки. В своем дневнике он отмечает: "Сегодня между одиннадцатью и двенадцатью мы прибыли в первые поселки Моки. Все жители вышли на улицы и на крыши домов, чтобы посмотреть на белых людей. Все старики устремились вперед, чтобы пожать нам руки, и мы были приняты самым гостеприимным образом и препровождены в дом губернатора, где нас сразу же угостили гуавами и бараньей ногой, поджаренной на углях. После пира мы покурили с ними, и тогда они сказали, что мы должны перенести наш лагерь сюда, и что они предоставят нам комнату и много дров для мужчин, а также продадут нам кукурузу для скота". [Примечание: "История, состояние и перспективы индейских племен" Скулкрафта, iv. 81.]

В 1858 году лейтенант. Джозеф К. Айвз находился в пуэбло Моки в Моосканех [Ми-шонг-и-ни-ви]. "Город почти квадратный, - замечает он, - и окружен каменной стеной высотой в пятнадцать футов, вершина которой образует площадку, простирающуюся вокруг всего города. Каменные ступени ведут с первой площадки на вторую, на которой открываются двери домов. Поднявшись по лестнице напротив трапа, вождь подошел к ближайшей двери и провел нас в низкое помещение, из которого еще два или три вели внутрь жилища. Наш хозяин вежливо попросил нас сесть на несколько шкур, расстеленных на полу у стены, и вскоре его жена внесла вазу с водой и поднос, наполненный странным веществом, которое больше всего походило на листы тонкой синей оберточной бумаги, свернутые в жгуты, чем на что-либо другое, что я когда-либо видел. Впоследствии я узнал, что его готовят из кукурузной муки, очень мелкого помола, превращают в кашу и высыпают на разогретый камень для запекания. После высыхания поверхность слегка полируется, как бумага. Листы, сложенные и скатанные вместе, составляют основное блюдо индейцев моки. Поскольку блюдо предназначалось для нашего угощения и выглядело чистым, мы все его съели. У него был нежный вкус свежего хлеба, и он вовсе не был невкусным, особенно когда его ели с солью". [Примечание: Отчет о реке Колорадо на Западе, лейтенант. Айвз, стр. 121.]

Подполковник (ныне генерал) Эмори посетил деревни Пима на реке Гила в 1846 году. Я неторопливо ехал сзади, мимо крытых соломой хижин пимов. Каждое жилище представляло собой куполообразное плетеное сооружение высотой около шести футов и диаметром от двадцати до пятидесяти футов, покрытое соломой или кукурузными стеблями. Впереди обычно находится большая беседка, поверх которой насыпан хлопок на подставке для сушки. В домах были сложены арбузы, тыквы, бобы, кукуруза и пшеница, три последних продукта обычно лежали в больших корзинах. Иногда кукурузу складывали в корзины, засыпали землей и ставили на верхушки куполов. Было замечено несколько кур и собак, но никаких других

домашних животных, кроме лошадей, мулов и быков.... Несколько знакомых, появившихся вчера в нашем лагере, были узнаны, и они радушно приняли меня, сделали знаки спешиться, а когда я сделал это, предложили арбузы и пиноле. Пиноле - это сердцевина индийской кукурузы, запеченная, измельченная и смешанная с сахаром. При растворении в воде из нее получается восхитительный напиток; она утоляет жажду и очень питательна Численность населения пима и марикоба вместе оценивается по разным оценкам от трех до десяти тысяч человек. Первое, очевидно, слишком мало. Эта мирная и трудолюбивая раса владеет прекрасным иплодородным бассейном. Живя вдали от цивилизованного мира, они редко навещаются белыми, и то только теми, кто находится в бедственном положении, кому они щедро предоставляют лошадей и продовольствие". [Примечание: Военная разведка в Нью-Мексико, стр. 85, 86.]

В этом случае и в тех, что изложены лейтенантом Айвзом и доктором Тенбруком, мы находим повторение ирокезского правила ставить еду перед гостем, когда он впервые входит в дом.

Что касается деревенских индейцев Мексики, Центральной и Южной Америки, то наши сведения в основном ограничены гостеприимством, оказанным испанцам; но и этого достаточно, чтобы показать, что это было частью их образа жизни и, как следует предположить, повторением их обычаев по отношению друг к другу. В каждой части Америки, которую они посещали, испанцам, хотя они часто были многочисленной военной силой, отводились помещения в домах индейцев, из которых для этой цели освобождались их обитатели и которые свободно снабжались провизией. Так, в Земпоале "господь вышел в сопровождении древних людей, две выдающиеся личности поддерживали его под руки, потому что у них был обычай выходить таким образом, когда один великий человек принимал другого. Эта встреча прошла с большой вежливостью и изобилием комплиментов, и уже были назначены люди, которые должны были найти для испанцев жилье и снабдить провизией" [Сноска: История Америки Эрреры, ii, 212.]

Когда под Тласкалой тлашкальцы "прислали триста индеек, двести корзин лепешек из теутли, которые они называют тамалес, что составляет около двухсот арробас; то есть пятьдесят сотен килограммов хлеба, что было необычайным запасом для испанцев, учитывая бедственное положение, в котором они находились"; а когда в Тласкале Кортеса и его людей "щедро угостили и снабдили всем необходимым". [Сноска: ib., ii. 261, 279.]

"Они вошли в Чолулу и направились в дом, где поселились все вместе, и их индейцы были с ними, хотя и настороже, поскольку в настоящее время они были в изобилии снабжены провизией". [Сноска: ib., ii, 311]

Хотя испанцев насчитывалось около четырехсот человек, а союзных им индейцев - около тысячи, они нашли жилье в единственном многоквартирном доме по образцу американских аборигенов. Следует обратить внимание на этот факт, потому что мы обнаружим, что деревенские индейцы, как правило, живут в больших домах, каждый из которых содержит много квартир и вмещает пятьсот или более человек. Домашнее хозяйство нескольких семей северных индейцев вновь появляется у южных племен в гораздо большем домашнем хозяйстве, состоящем из ста или более семей в одном совместном многоквартирном доме, но не исключено, что оно разделено на несколько групп домашних хозяйств. Пуэбло состояло иногда из одного, иногда из двух или трех, а иногда и из большего числа таких домов. Схема жизни в

этих домах до конца не изучена, но ее все еще можно увидеть в Нью-Мексико, и следует надеяться, что это привлечет внимание исследователей.

Говоря об индейцах майя с Юкатана, Эррера замечает, что "они по-прежнему щедры и свободомыслящи, так что они угощают всех, кто попадает в их дома, что повсеместно практикуется в путешествиях". [Примечание: "История Америки" Эрреры, iv, 117.]

Это справедливое изложение ирокезского закона гостеприимства, распространенного среди майя и практиковавшегося между собой и по отношению к незнакомцам из других племен. Когда Гримальва около 1517 года открыл реку Табаско, он поддерживал дружеские отношения с некоторыми племенами Юкатана. "Они немедленно отправили тридцать индейцев, нагруженных жареной рыбой, курами, несколькими сортами фруктов и хлебом из индийской пшеницы". [Сноска: ib., ii, 126]

Когда Кортес в 1525 году совершал свою знаменитую экспедицию в Гондурас, он прошел мимо пуэбло Паленке и Копана, не зная ни о том, ни о другом, и побывал на берегу озера Петен. "Будучи хорошо принят в городе Апоксалан, Кортес и все испанцы вместе со своими лошадьми были размещены в одном доме, мексиканцы были рассредоточены по другим, и всех их обильно снабдили провизией на время их пребывания". [Сноска: ib., iii, 359.]

Они насчитывали сто пятьдесят испанских всадников и несколько сотен ацтеков. Именно в этом месте, по словам Эрреры, Кватемозин, сопровождавший Кортеса в качестве пленника, был варварски казнен по его приказу. [Примечание: ib., iii, 361.] Затем Кортес посетил остров на озере Петен, где его роскошно принял Канек, вождь племени, где они "величественно сели ужинать, и Канек заказал птицу, рыбные лепешки, мед и фрукты". [Сноска: ib., iii, 362.]

В Южной Америке то же самое описание гостеприимства индейских племен дают первые исследователи. Примерно в 1500 году Кристофер Гуэрра совершил путешествие к берегам Венесуэлы: "Они бросили якорь перед городом под названием Куриана, где индейцы умоляли их сойти на берег, но испанцев было не более тридцати трех человек, и они не осмелились рисковать.... Наконец, убедившись в их искренности, испанцы сошли на берег и, получив учтивый прием, пробыли там двадцать дней. Они в изобилии снабжали их олениной, кроликами, гусями, утками, попугаями, рыбой, хлебом из кукурузы или индийской пшеницы и другими продуктами, а также приносили им всю дичь, которую они могли попросить.... Они поняли, что у них есть рынки или ярмарки, и что они используют кувшины, горшки, блюда и формочки для каш, помимо других сосудов различных форм". [Сноска: История Эрреры. Америка, iv, 248.]

Писарро обнаружил тот же обычай у перуанцев и других племен побережья. Во время своего первого визита на побережье Перу он встретил женщину-вождя, которая развлекала его. "Дама вышла им навстречу с большой свитой, в хорошем порядке, держа в руках зеленые ветви и колосья индийской пшеницы, соорудив беседку, где были сиденья для испанцев, а на некотором расстоянии - для индейцев. Они давали им в пищу рыбу и мясо, приготовленное разными способами, много фруктов и столько хлеба и спиртных напитков, сколько позволяла страна". [Сноска: ib., i, 229.]

Когда они оказались на побережье Тумбеса и перед высадкой "немедленно отправили десять или двенадцать лодок с большим количеством провизии, фруктов, горшков с водой и чики, которая является их ликером, а также ягненка". [Сноска: ib., iv, 3.]

После прибытия в Перу, во время его второго визита на побережье, "прибыли посланцы Атауальпы и подарили губернатору десять своих овец, полученных от инков, и некоторые другие вещи небольшой ценности, очень вежливо сообщив ему, что Атауальпа приказал им узнать, в какой день он намерен быть в Кашамальке, чтобы у него была провизия в пути". [Сноска: ib., iii, 399.]

* * * * *

"На следующий день от Атауальпы прибыли еще гонцы с провизией, которую он принял с благодарностью". [Сноска: ib., iv, 244.]

Местный историк Гарсиласо де ла Вига отмечает: "Инки, помимо других своих благотворительных организаций, не забывали об удобствах для путешественников, но на всех больших дорогах строили для них дома или постоянные дворы, которые они называли корпахуачи, где их снабжали провизией и другими предметами первой необходимости для их путешествий из королевских запасов; и в случае, если какой-либо путешественник заболел в пути, за ним ухаживали, возможно, лучше, чем в его собственном доме". [Сноска: Королевские комментарии Перу, Последнее изд., 1688; Недавний перевод, стр. 145.]

Этих примеров, которые можно было бы умножить, достаточно, чтобы показать универсальность практики гостеприимства среди индейских племен Америки в эпоху европейских открытий. Среди всех этих форм, как утверждают различные наблюдатели, ясно прослеживается суть ирокезского закона гостеприимства, а именно: если мужчина входил в дом индейца, будь то сельский житель, член племени или незнакомец, и в любое время дня, обязанностью женщин в доме было поставить перед ним еду. Пренебрежение этим было бы невежливостью, приравненной к оскорблению. Если он голоден, он ел, если не голоден, вежливость требовала, чтобы он попробовал еду и поблагодарил подающего. Считается, что это был обычай, проходивший через три этнических состояния индийской расы, становившийся сильнее по мере увеличения разнообразия и количества средств к существованию и достигший своего наивысшего развития среди деревенских индейцев, находящихся на Среднем уровне варварства. Это был активный, устоявшийся обычай индийского общества, практиковавшийся как между ними самими, так и среди пришельцев из других племен, и очень естественно распространившийся на европейцев, когда они впервые появились среди них. Учитывая количество испанцев, часто участвовавших в военных компаниях, и еще один факт, который аборигены быстро заметили, а именно, что белый человек потреблял и растрачивал впустую в пять раз больше, чем требовал индеец, их гостеприимство во многих случаях, должно быть, было сильно завышено. [Примечание: "Аппетит испанцев показался жителям Америки ненасытным; и они утверждали, что один испанец съедал за день больше пищи, чем хватало на десять американцев". — (История Америки Робертсона, Последнее изд., 1856, i, стр. 72.)]

Внимание было привлечено к этому закону гостеприимства и к его универсальности по двум причинам: во-первых, потому, что он подразумевает наличие общих запасов, которые поставляли средства для его применения; и, во-вторых, потому, что, где бы он ни был обнаружен, он подразумевает коммунистический образ жизни в больших семьях. Должно быть очевидно, что это гостеприимство не могло бы применяться ирокезами и другими северными племенами, и тем более деревенскими индейцами Мексики, Центральной и Южной Америки, с таким единообразием, если бы обычай в каждом конкретном случае зависел от добровольных

взносов отдельных семей. В этом случае она чаще терпела бы неудачу, чем добивалась успеха. Закон гостеприимства, применяемый американскими аборигенами, указывает на образ жизни среди них, который не был тщательно изучен и его последствия не были полностью оценены. Его объяснение следует искать в общем владении землями, распределении произведенной с них продукции среди домашних хозяйств, состоящих из нескольких семей, и практике коммунизма в жизни домашнего хозяйства. Для объяснения обычая необходимы обычные припасы для больших семей и, возможно, для всей деревни, с помощью которых можно поддерживать деревенское гостеприимство. Она могла бы поддерживаться на такой основе, и трудно понять, как ее можно было бы поддерживать на какой-либо другой. Распространенное и по существу универсальное применение этого обычая среди племен американских индейцев в период их открытия, у которых добывание средств к существованию было их жизненной потребностью, следует рассматривать как свидетельство великодушного нрава и как проявление черты характера, в высшей степени достойной этой расы.

[Перенесенная сноска: ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ Или КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРИОДЫ.

ПЕРИОД ДИКОСТИ. ПЕРИОД ВАРВАРСТВА.

Подпериоды. Условия. Подпериоды. Условия.

Более ранний период Более низкий статус, более ранний период Более низкий статус, Средний период Средний статус, средний период ... Средний статус, Более поздний период Более высокий статус, более поздний период Высший статус.

ПЕРИОД ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПЕРЕПРОСМОТР

БОЛЕЕ ДРЕВНИЙ ПЕРИОД ДИКОСТИ. — От младенчества человеческой расы до познания огня и приобретения средств к существованию из рыбы.

СРЕДНИЙ ПЕРИОД. — От добычи рыбы до изобретения лука и стрел.

БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ПЕРИОД. — От изобретения лука и стрел до изобретения гончарного искусства.

БОЛЕЕ ДРЕВНИЙ ПЕРИОД ВАРВАРСТВА. — От знания гончарного дела до одомашнивания животных в восточном полушарии, а в западном - до выращивания кукурузы и других растений методом орошения.

СРЕДНИЙ ПЕРИОД. — От одомашнивания животных и т. Д. До изобретения процесса выплавки железной руды.

БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ПЕРИОД. — От познания железа до изобретения фонетического алфавита или использования иероглифов на камне в качестве эквивалента.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ. — От изобретения фонетического алфавита и использования букв в литературном творчестве до настоящего времени.]

ГЛАВА III.

КОММУНИЗМ В ЖИЗНИ.

Теперь нам предстоит рассмотреть остальные обычаи, упомянутые в предыдущей главе.

ИХ КОММУНИЗМ В ЖИЗНИ.

Жизненный коммунизм проистекал из потребностей семьи, которая до Позднего периода варварства была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку противостоять жизненной борьбе. В дикости, а также в более Ранний и Средний периоды варварства семья находилась в синдиазмической, или парной, форме, в которую она перешла из предыдущей низшей формы. [Примечание: Древнее общество, стр. 459.]

Везде, где преобладала родовая организация, несколько семей, связанных родственными узами, объединялись, как правило, в общее домашнее хозяйство и составляли общий запас провизии, добытой рыбной ловлей и охотой, а также выращиванием кукурузы и других растений. Они возводили многоквартирные дома, достаточно большие, чтобы вместить несколько семей, так что вместо одной семьи, занимавшей исключительно один дом, большие семьи, как правило, существовали во всех частях Америки в период аборигенов. Эта общность провизии была ограничена домашним хозяйством; но окончательное выравнивание средств к существованию было в некоторой степени затронуто законом гостеприимства. В очень значительной степени коммунизм в жизни был необходимым результатом состояния индейских племен. Он вошел в их жизненный уклад и определил характер их домов. По сути, это был союз усилий по добыванию средств к существованию, что было жизненно важной и главенствующей заботой в жизни. Стремление к индивидуальному накоплению не было пробуждено в их умах в какой-либо разумной степени. Сравнение условий жизни варварских племен на разных континентах делает очевидным, что коммунизм широко распространился среди них и что влияние этой древней практики не полностью исчезло среди более развитых племен, когда, наконец, появилась цивилизация. Общая столовая посуда древних и общие столы поздних греков, по-видимому, являются пережитками более древнего коммунизма в жизни. Эта практика, хотя и никогда не исследовалась как особая, может быть показана известными обычаями ряда индейских племен и может быть подтверждена изучением планов их домов.

Наша первая иллюстрация будет взята из обычаев ирокезов. В своих деревнях они строили дома, состоящие из каркасов из жердей, покрытых корой, длиной в тридцать, пятьдесят, восемьдесят и сто футов, с проходом через центр, дверью на каждом конце и с внутренними перегородками с интервалом около семи футов. Каждая квартира или стойло, образованное таким образом, было открыто на всю ширину прохода. В этих домах могли разместиться пять, десять или двадцать семей, в зависимости от количества квартир, обычно одна отводилась семье. Каждое домашнее хозяйство было составлено по принципу родства. Замужние женщины, обычно сестры, собственные или сопутствующие, принадлежали к тому же роду или клану, символ или тотем которого часто рисовался на доме, в то время как их мужья и жены их сыновей принадлежали к нескольким другим родам. Дети принадлежали к роду своей матери. Хотя муж и жена принадлежали к разным родам, преобладающее число в каждой семье принадлежало к одному и тому же роду, а именно к роду их матерей. Как правило, сыновья приводили домой своих жен, а в некоторых случаях мужья дочерей допускались в материнский дом. Таким образом, каждое домашнее хозяйство состояло из смеси лиц различных родов; но

это не препятствовало численному превосходству конкретного рода, которому принадлежал дом. В деревне из ста двадцати домов, какой была деревня Сенека Тиотохаттон, описанная мистером Гринбалгом в 1677 году, должно было быть несколько таких домов, принадлежащих каждому роду. В нем была представлена общая картина жизни индейцев во всех частях Америки в эпоху европейских открытий. [Сноска: Документальная история Нью-Йорка, i, 13.]

Все, что было добыто кем-либо из членов семьи на охоте или рыбалке или выращено путем земледелия, делалось общим запасом. В доме они жили за счет общих запасов. В каждом доме было несколько очагов, обычно по одному на каждые четыре квартиры, которые размещались посреди коридора и без дымохода. Каждое домашнее хозяйство было организовано под руководством надзирательницы, которая руководила домашним хозяйством. После того, как на нескольких кострах была приготовлена единственная ежедневная трапеза, была вызвана надзирательница, и в ее обязанности входило разделить еду, начиная с котелка, между несколькими семьями в соответствии с их потребностями. То, что осталось, было передано на попечение другого человека до тех пор, пока этого не потребует надзирательница. Ирокезы жили в домах, подобных этому описанию, еще в 1700 году нашей эры, а иногда и сто лет спустя. Пожилая женщина из племени Сенека сообщила автору тридцать лет назад, что, когда она была девочкой, она жила в одном из таких многоквартирных домов (называемых ими длинными домами), в котором было восемь семей и два очага, и что ее мать и ее бабушка в свое время были матронами в одном из этих больших домашних хозяйств. [Примечание: Покойная миссис Уильям Паркер из Тонаванды.]

Этот простой взгляд на древний образ жизни ирокезов, ныне полностью ушедший в прошлое и память о котором почти утрачена, наводит на размышления. Это показывает, что их домашнее хозяйство не было лишено метода, и демонстрирует заботу и управление женщины, находящейся на низком уровне варварства, о сохранении своих ресурсов и улучшении своего положения. Знание об этих домах и о том, как их строить, еще не утрачено даже среди сенека. Несколько лет назад мистер Уильям Паркер, вождь племени Сенека, построил для писателя модель одного из таких длинных домов, подробно показав его внешний и внутренний механизм.

Покойный преподобный Ашур Райт, д.д., много лет служивший миссионером среди сенека и знакомый с их языком и обычаями, написал автору в 1873 году по поводу этих семей следующее: "Что касается их семейной системы, при проживании в старых долгостроях, вероятно, преобладал какой-то один клан, однако женщины брали мужей из других кланов; и иногда, для новизны, некоторые из их сыновей приводили своих молодых жен, пока не чувствовали себя достаточно храбрыми, чтобы оставить своих матерей. Обычно женская половина управляла домом и, несомненно, была достаточно клановой по этому поводу. Запасы были общими, но горе тому незадачливому мужу или любовнику, которые были слишком неумелы, чтобы внести свою долю в обеспечение. Независимо от того, сколько у него детей или какого имущества в доме, ему в любой момент могут приказать поднять одеяло и сдвинуться с места; и после таких приказов ему было бы вредно пытаться ослушаться; в доме было бы слишком жарко для него; и, если его не спасет заступничество какой-нибудь тети или бабушки, он должен был вернуться в свой собственный клан или, как это часто делалось, пойти и заключить новый супружеский союз в каком-нибудь другом. Женщины обладали огромной властью среди кланов, как и везде. Они без колебаний, когда требовал случай, "сбивали рога", как это технически называлось, с головы вождя и отправляли его обратно в ряды воинов. Первоначальное назначение вождей также всегда оставалось за ними".

Материнское право и гинекократия у ирокезов, на которые здесь ясно указано, не преувеличены. Матери и их дети, как мы видели, принадлежали к одному роду, и им принадлежал этот дом. Это был языческий дом. В случае смерти отца или матери квартиры, которые они занимали, не могли быть отделены от родства, но оставались за его членами. Положение матери было в высшей степени благоприятным для ее влияния в семье и имело тенденцию укреплять материнские узы. Мы можем видеть в этом древнюю фазу человеческой жизни, которая имела широкое распространение в племенах человечества - азиатских, европейских, африканских, американских и австралийских. Только после того, как среди греков зародилась цивилизация и родовое общество было вытеснено политическим обществом, влияние этого старого общественного порядка было свергнуто. Она оставила после себя, по крайней мере среди греческих племен, глубокие следы своего прежнего существования.

[Примечание: Эти утверждения иллюстрируют гинекократию и материнское право среди древнегреческих племен, обсуждаемые Бахофеном в "Дас Муттеррехт". Феномен, открытый Бахофеном, обязан своим происхождением, вероятно, происхождению по женской линии и объединению нескольких семей в одном доме по принципу родства, как у ирокезов.]

У ирокезов те, кто вел домашнее хозяйство и возделывал сады, собирали урожай и хранили его в своем жилище как общий запас. Эти продукты в большей или меньшей степени принадлежали частным лицам и принадлежали разным семьям. Например, кукуруза, после очистки от шелухи, была скручена шелухой в пучки и развешана по разным квартирам; но когда у одной семьи заканчивались ее запасы, их потребности удовлетворяли другие семьи до тех пор, пока они оставались. Каждая охотничья и рыболовная партия делала общий запас добытого, излишки которого по возвращении делились между несколькими семьями каждого дома и, вылечившись, приберегались для зимнего использования. Деревня не делала общего запаса своей провизии и, таким образом, предлагала щедрую награду за неосторожность. Это было ограничено домашним хозяйством, Но затем появился принцип гостеприимства, чтобы облегчить последствия нищеты. Мы можем с некоторой уверенностью говорить о древних обычаях ирокезов; и когда какое-либо использование встречается у них в определенной и позитивной форме, это делает вероятным существование такой же обычай был и у других племен, находившихся в таких же условиях, потому что их потребности были одинаковыми.

В "Истории Виргинии" капитана Дж. Джон Смит, дома индейцев поухатан описаны частично и оказались во многом такими же, как у ирокезов. Мы уже цитировали из этой работы описание дома на острове Роанок, состоящего из пяти комнат. Говоря о домах в окрестностях Джеймс-Ривер в 1606-1608 годах, он замечает: "Их дома построены подобно нашим беседкам, из маленьких молодых веточек, согнутых и перевязанных, и так плотно покрыты циновками или корой деревьев, очень красиво, что, несмотря на ветер, дождь или непогоду, в них тепло, как в печах, но очень дымно, однако в верхней части дома проделано отверстие, чтобы дым уходил прямо над огнем. Против огня они лежат на небольших изгородях из тростника, покрытых циновкой, возвышающихся над землей на фут и более от деревянной изгороди, На них, вокруг дома, они лежат, головами и остриями, один за другим, против огня, некоторые покрыты циновками, некоторые шкурами, а некоторые совершенно голые лежат на земле, от шести до двадцати человек в доме В некоторых местах от двух до пятидесяти таких домов стоят вместе или лишь немного разделены рощами деревьев". [Сноска: "История Вирджинии" Смита, Ричмондское изд., 1819, i, 130]

Примечательным фактом в этом заявлении является количество человек в доме, что показывает, что семья состоит из нескольких семей, из которых можно сделать вывод об их коммунизме в образе жизни. В другом месте он говорит о "домах, построенных на их манер, около тридцати, около сорока ярдов в длину", а говоря об одном из домов в Поухатане, он говорит: "Этот дом пятьдесят или шестьдесят ярдов в длину", и снова, в Памунке, "В длинном доме был разведен большой огонь, циновка была расстелена с одной стороны, как и с другой, и на одной стороне они заставили его сесть". [Сноска: 5, lb, 1, 142, 143; История Смита, Вирджиния, Ричмондское изд., 1819, i, 160.]

Здесь мы находим у индейцев Виргинии в эпоху их открытия длинные жилища, очень похожие на длинные жилища ирокезов, с теми же признаками большого домашнего хозяйства. Можно с уверенностью принять за правило, что каждая индейская семья в период аборигенства, большая или маленькая, жила за счет общих запасов.

Мистер Калед Суон, посетивший индейцев племени крик в Джорджии в 1790 году, обнаружил, что люди живут в небольших домах или хижинах, но группами, причем каждая группа занята частью рода. Он отмечает, что "в самых маленьких из их городов насчитывается от десяти до сорока домов, а в некоторых самых больших - от пятидесяти до двухсот, которые довольно компактны. Эти дома стоят группами по четыре, пять, шесть, семь и восемь человек вместе.... Каждое скопление домов содержит кланы семью родственников, которые едят и живут сообща". [Примечание: История Скулкрафта. Условия. и плюсы. об индейских племенах, т. v. 262.]

Здесь прямо указывается на факт объединения нескольких семей по принципу родства, проживания в группе домов и исповедования коммунизма.

Джеймс Адэр, еще раньше писавший о южных индейцах Соединенных Штатов в целом, замечает в процитированном выше отрывке следующее: "Я с большим внутренним удовлетворением наблюдал общность благ, которая преобладала среди них И хотя они не придерживаются одного беспорядочного общего происхождения, все же это приводит к тому же результату, поскольку у каждого есть своя семья или племя, и когда кто-либо говорит о людях или жилищах своего собственного племени, он говорит: "Он из моего дома" или "Это мой дом". " [Сноска: История американских индейцев, стр. 17.]

Странно, что этот прилежный исследователь не заметил того факта, который теперь известен как факт, что все эти племена были организованы в роды и фратрии. Это сделало бы его наблюдения об их обычаях более определенными. В другом месте он далее отмечает, что "раньше индийский закон обязывал каждый город работать сообща, в одном коллективе, шить или сажать свой урожай, хотя их поля были разделены надлежащими метками, а урожай собирали отдельно. Чероки и маскоги [крики] все еще соблюдают этот старый обычай, который очень необходим для таких праздных людей". [Сноска: ib., стр. 430.]

Они выращивали, подобно ирокезам, три вида кукурузы: "ранний сорт", "мамалыгу" и "хлебную кукурузу", а также фасоль, кабачки, тыкву и табак. [Примечание: История американских индейцев, стр. 430] Каштаны, клубневидный корень, чем-то похожий на картофель, но собираемый на болотах, ягоды, рыбу и дичь, составляли их пропитание. Подобно ирокезам, они пекли пресный хлеб из кукурузной муки, который варили в глиняных сосудах в виде лепешек диаметром около шести дюймов и толщиной в дюйм. [Примечание: ib. стр. 406, 408.] Среди

племен равнин, которые питаются почти исключительно животной пищей, их обычаи охоты указывают на ту же тенденцию к коммунизму в еде. Черноногие во время охоты на бизонов следуют за стадами верхом большими группами, состоящими из мужчин, женщин и детей. Когда начинается активное преследование стада, охотники оставляют убитых животных на пути преследования, чтобы их забрали первые лица, которые подойдут сзади. Этот метод распределения продолжается до тех пор, пока все не будут доставлены. Все индейские племена, которые охотятся на равнинах, за исключением кри-полукровок, соблюдают один и тот же обычай делать общий запас добычи. На первых порах это приводило к выравниванию полученных средств к существованию. Говядину нарезают нитками и либо сушили на воздухе, либо в дыму костра. Некоторые племена превращали часть добычи в пеммикан, который состоит из сушеного и измельченного в порошок мяса, смешанного с растопленным буйволиным жиром, которое заворачивают в шкуру животного.

Во время сезона рыбной ловли в реке Колумбия, где рыбы больше, чем в любой другой реке на земле, все члены племени разбивают лагерь вместе и делают общий запас добытой рыбы. Их делят каждый день в соответствии с количеством женщин, выделяя каждой равную долю. Например, на водопаде Кутеней их ловят копьем и в огромных корзинах опускают в воду под водопадом. Лосось во время весеннего забоя весит от шести до сорока фунтов, и его ловят в огромном количестве, так что три тысячи в день не являются чем-то необычным. Отец Де Смет, покойный миссионер из штата Орегон, сообщил автору в 1862 году, что однажды он провел несколько дней с Кутеней у этих водопадов и что надолго, которая выпала ему как одному из участников экспедиции, было нагружено, после просушки, тридцать вьючных мулов. Рыбу разделяют, подвергают скарификации и сушат на каркасах, после чего упаковывают в корзины и затем развозят по деревням. Этот обычай предусматривает общее распределение добычи и оставляет каждому дому во владении его долю.

[Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

Их коммунизм в жизни связан с размером семьи, который варьировался от десяти до сорока человек. "Дома сокулков сделаны из больших циновок из тростника и обычно имеют квадратную или продолговатую форму, варьирующуюся в длину от пятнадцати до шестидесяти футов; верх покрыт циновками, оставляя пространство в двенадцать или пятнадцать дюймов по всей длине дома, чтобы пропускать свет и пропускать дым; крыша почти плоская ... и дом не разделен на квартиры, камин находится в середине большой комнаты и непосредственно под отверстием в крыше Войдя в один из этих домов, он [капитан Кларк] обнаружил, что он переполнен мужчинами, женщинами и детьми, которые немедленно предоставили ему циновку, на которую он мог сесть, и один из гостей немедленно взялся приготовить что-нибудь поесть ". [Сноска: Путешествия Льюиса и Кларка, стр. 351-353.]

Снова: "Он приземлился перед пятью домами рядом друг с другом, но никто не появился, а двери, сделанные из циновок, были закрыты. Он подошел к одному из них с трубкой в руке и, отодвинув циновку, вошел в сторожку, где обнаружил тридцать два человека, в основном мужчин и женщин, с несколькими детьми, все в величайшем ужасе". [Сноска: ib., стр. 357.] И еще: "Эта деревня принадлежит к той же нации, что и деревня, которую мы проезжали выше, язык у них один и тот же, а дома сделаны из тех же материалов и рассчитаны примерно на тридцать душ". [Сноска: ib., стр. 376.]

При перечислении людей Льюис и Кларк часто указывают количество жителей вместе с количеством домов, таким образом:

- Килламаки, у которых пятьдесят домов и тысяча душ.
- Чилты, которых ... насчитывается семьсот душ и тридцать восемь домов.
- "Кламоитомыш, двенадцать домов и двести шестьдесят душ".
- Потоаши, у них десять домов и двести душ.
- "Паильск, с десятью домами и двумя сотнями душ".
- Квинулты, состоящие из шестидесяти домов и тысячи душ.

[Сноска: Путешествия Льюиса и Кларка, стр. 426-428.]

Говоря в целом об обычаях племен "равнин Колумбии", они делают следующие заявления: "В их больших домах обычно проживает несколько семей, состоящих из родителей, их сыновей и невесток, а также внуков, между которыми общая пища и гармония которых почти никогда не нарушается спорами. Хотя многоженство разрешено их обычаями, очень немногие имеют больше одной жены, и сразу после женитьбы ее привозят в семью мужа, где она проживает до тех пор, пока растущее число супругов не вынудит их искать другой дом. В этом государстве старик не считается главой семьи, поскольку активные обязанности, а также ответственность ложатся на некоторых младших членов. Поскольку эти семьи постепенно разрастаются в группы, или племена, или нации, отцовская власть представлена главой каждой ассоциации. Этот вождь, однако, не передается по наследству." [Сноска: ib., стр. 443.] Здесь мы находим среди колумбийских племен, как и везде, коммунизм в жизни, но ограниченный большими домохозяйствами, состоящими из нескольких семей.

Автор журнала Harper's Magazine, говоря об алеутских островах, замечает: "Когда впервые обнаружили этот народ, они жили в больших юртах, или земляных домах, частично под землей ... входы в них были сделаны через отверстие наверху или в центре, входить и выходить можно было по грубой лестнице. Некоторые из этих древних юрт были очень большими, о чем свидетельствуют руины, от тридцати до восьмидесяти ярдов в длину и от двадцати до сорока в ширину.... В этих больших юртах первобытные алеуты жили по пятьдесят человек и сотнями ради двойной цели - защиты и тепла". [Сноска: Журнал Harper's, том 55, стр. 806.]

Неизвестно, были ли эти племена в то время организованы в роды и фратрии. Во времена экспедиции Уилкса (1838-1842) родовой организации у них не существовало; не существует ее и сейчас; но она все еще встречается среди племен Северо-Западного побережья и среди индейских племен в целом. Состав домашнего хозяйства, описанный здесь, в точности соответствует домашнему хозяйству ирокезов до 1700 года нашей эры.

На момент визита Кэтлина (1832 г.) в деревне Мандан, как указывалось в другом месте, насчитывалось около пятидесяти домов и около полутора тысяч человек. "Эти каюты настолько просторны, - замечает Кэтлин, - что вмещают от двадцати до сорока человек - семью и все их связи.... Из-за большого количества заключенных в этих домиках они обязательно очень просторные, а количество кроватей значительное. Нет ничего необычного в том, что внутри можно увидеть эти ложи диаметром пятьдесят футов (что представляет собой огромную

комнату), с рядом этих занавешенных кроватей, простирающихся по бокам, их около десяти или двенадцати, расположенных на расстоянии четырех или пяти футов друг от друга, а пространство между ними занято большим столбом, довольно прочно воткнутым в землю, и высотой шесть или семь футов, с большими деревянными колышками или болтами, на которых с диким и поразительным вкусом развешано или сгруппировано оружие и доспехи соответствующих владельцев ". [Примечание: Североамериканские индейцы, Филадельфийское изд., 1857, i, 139.]

Домашнее хозяйство, по обычаю индейцев, было большим. Количество жителей, разделенное на количество домов, дало бы в среднем по тридцать человек в каждом доме. Из нескольких приведенных ранее утверждений Кэтлина очевидно, что в семье практиковался коммунизм в жизни и что она была сформирована из родственных семей по принципу родственного родства, как у ирокезов. В другом месте он намекает, что манданы держали общественный магазин или зернохранилище как убежище для всей общины во времена дефицита. [Сноска: ib., i, 210.]

Подобным образом Карвер, говоря в целом об обычаях племен дакота и висконсина, отмечает, что "они с готовностью поделятся с любым представителем своего племени остатками провизии и даже с представителями другой нации, если им удастся зайти, когда они едят. Хотя они не держат одного общего магазина, все же общность товаров, которая так распространена среди них, и их щедрое расположение оказывают на это почти такое же действие ". [Примечание: Путешествия и т. Д., стр. 171.]

Этот автор, по-видимому, утверждает, что в семье существовала общность имущества, и что она была распространена на все племя по закону гостеприимства. В другом месте, говоря о большой деревне сауков, он говорит: "Это самый большой индийский город, который я когда-либо видел. В нем около девяноста домов, каждый из которых достаточно велик для нескольких семей". [Сноска: Путешествия и т. Д., Филологическое издание, 1796, стр. 29.]

В предыдущей главе (см. выше, стр. 49) Были приведены наблюдения Хеквелдера о гостеприимстве делаваров и манси, подразумевающие принцип коммунизма. Далее он замечает, что "в доме или семье индейца нет ничего без своего конкретного владельца. Каждый человек знает, что ему принадлежит, от лошади или коровы до собаки, кошки, котенка и маленького цыпленка У помета котят или выводка цыплят часто бывает столько же разных владельцев, сколько и отдельных животных. При покупке курицы с выводком часто приходится иметь дело с несколькими детьми. Таким образом, в то время как в государстве преобладает принцип общности благ, права собственности признаются среди членов семьи. Это дает очень хороший эффект, поскольку таким образом обеспечивается надлежащая забота о каждом живом существе ". [Сноска: Индийские народы, стр. 158.]

Я не понимаю, что имеет в виду Хеквелдер, говоря, что "в государстве преобладает принцип общности благ", если только не то, что правило гостеприимства было настолько всеобъемлющим, что было равносильно общности благ, в то время как индивидуальная собственность признавалась повсюду, пока от нее не отказались добровольно. Возможно, это справедливый взгляд на результат их коммунизма и гостеприимства, но он выше, чем я смог воспринять.

Домохозяйства манданов, состоящие от двадцати до сорока человек, домохозяйства колумбийских племен примерно такого же числа, домохозяйства шошонов, состоящие из семи

семей, домохозяйства сауковцев, ирокезов и криков, каждое из которых состояло из нескольких семей, представляют собой прекрасные образцы домохозяйств северных индейцев в эпоху их открытия. Также установлен факт, что эти племена строили, как правило, большие совместные многоквартирные дома, в каждом из которых проживало большое домашнее хозяйство, состоящее из нескольких семей, у которых были общие запасы провизии и которые практиковали коммунизм в жизни в домашнем хозяйстве.

Среди деревенских индейцев Нью-Мексико появляется более развитая форма архитектуры домов, и характер их совместного проживания становится еще более выраженным. Они живут в больших домах высотой в два, три и четыре этажа, построенных из саманного кирпича и камня, заделанного саманным раствором, и содержащих пятьдесят, сто, двести, а в некоторых случаях и пятьсот квартир в доме. Они построены в форме террас, с каминами и дымоходами, добавленными с момента их открытия, первый этаж заделан прочно, и на него можно попасть по лестницам, которые поднимаются на платформу-крышу первого этажа. Эти дома являются крепостями и были возведены как опорные пункты для отражения нападений более варварских племен, которые постоянно нападали на них. В каждом доме, вероятно, проживало несколько групп домохозяйств, чьи квартиры, несомненно, были отделены друг от друга перегородками. В следующей главе характер этих домов будет показан более полно.

Наши знания о плане жизни в этих домах в период аборигенов все еще очень несовершенны. Они все еще практикуют старое гостеприимство, владеют своими землями совместно, но с наделением отдельными лицами и семьями, и управляются касиком или сахемом и некоторыми другими должностными лицами, избираемыми ежегодно. Американский миссионер среди индейцев деревни Лагуна преподобный Сэмюэл Горман в обращении к Историческому обществу Нью-Мексико в 1869 году отмечает следующее: "Обычно они женятся очень молодыми, и зять становится слугой тестя, и очень часто все они годами живут вместе в одной семье, даже если зятьев несколько; и такой клановый образ жизни часто, если не вообще, является плодотворным источником зла среди этого народа. Их женщины, как правило, управляют зернохранилищем, и они более предусмотрительны в отношении будущего, чем их испанские соседи. Обычно они стараются иметь под рукой годичный запас провизии. Только когда два года дефицита сменяют друг друга, пуэбло как сообщество страдают от голода". [Сноска: Адрес, стр. 14.]

Обычаи этих индейцев, несомненно, изменились за последние двести лет под влиянием Испании; их численность уменьшилась, и семейная группа, вероятно, стала меньше, чем раньше. Но еще не слишком поздно восстановить образ жизни аборигенов среди них, если этот вопрос будет тщательно исследован. Следует надеяться, что кто-нибудь возьмется за эту работу.

Испанские авторы не упоминают о практике жизни при коммунизме, существующей среди деревенских индейцев Мексики или Центральной Америки. Они лишены практической информации об их образе жизни; но мы имеем ту же картину больших домохозяйств, состоящих из нескольких семей, из чего можно разумно сделать вывод о коммунизме в домашнем хозяйстве.

У нас также есть поразительная иллюстрация "Обеда Монтесумы", на который мы обратим внимание ниже, который явно был общим ужином в общей семье. Помимо этих фактов, у нас есть общее владение землями сообществами людей. Более того, руины древних домов в

Центральной и Южной Америке и в некоторых частях Мексики очень ясно показывают характер их совместного проживания. Из планов этих домов можно с достаточной степенью уверенности теоретически вывести коммунизм людей по домохозяйствам.

Юкатан, когда его обнаружили, был заселен несколькими племенами индейцев майя. Язык майя распространился за пределы Юкатана. Этот регион, вместе с Чьяпасом, Гватемалой и частью Гондураса, содержал и до сих пор хранит в руинах древних сооружений свидетельства более высокого развития жизненных искусств, чем любая другая часть Северной Америки. Нынешние индейцы майя на Юкатане являются потомками людей, которые населяли страну в период испанского завоевания и которые занимали массивные каменные дома, ныне лежащие в руинах, из которых они были вынуждены покинуть в результате испанского гнета.

У нас есть замечательная иллюстрация коммунизма в жизни нынешних индейцев майя, начиная с 1840 года, благодаря работе Джона Л. Стивенса. В Нохкакабе, в нескольких милях к востоку от руин Ушмаля, мистер Стивенс, имея возможность нанять рабочих, отправился в поселение индейцев майя, о котором он дает следующий отчет: "Их община состоит из сотни лабрадоров, или рабочих; их земли находятся в общем владении и обрабатываются совместно, а продукты делятся между всеми. Еду готовят в одной хижине, и каждая семья посылает за своей порцией, что объясняет странное зрелище, которое мы увидели по прибытии, - процессию женщин и детей, каждая из которых несет глиняную миску с дымящимся горячим бульоном, все они идут по одной дороге и исчезают между разными хижинами. Каждый член сообщества, вплоть до самого маленького папаши, вносит свой вклад, в свою очередь, в свинью. Из-за нашего незнания языка и количества других, более неотложных вопросов, требующих нашего внимания, мы не могли изучить все детали их внутренней экономики, но это, казалось, приближало к тому улучшенному состоянию ассоциации, о котором иногда слышно среди нас; и поскольку они существуют неизвестный промежуток времени и больше не могут считаться просто экспериментальными, Оуэн о Фурье, возможно, мог бы извлечь из них уроки с пользой". [Примечание: Дорожные происшествия на Юкатане, ii, 14.]

Сто рабочих - это в общей сложности пятьсот человек, которые в то время ежедневно питались от одного костра, причем провизия доставлялась из общих запасов и делилась из котла. Вполне вероятно, что это правдивая картина образа жизни их предков в "Доме монахинь" и в "Доме губернатора" в Ушмале в эпоху испанского завоевания.

Хорошо известно, что испанские авантюристы захватывали эти пуэбло одно за другим и пытались принудить индейцев к труду в личных целях, и что индейцы покинули свои пуэбло и отступили в недоступные леса, чтобы спастись от порабощения, после чего их каменные дома пришли в упадок, руины которых и все, что от них когда-либо было, до сих пор сохранилось во всех частях этих стран.

Вряд ли можно предположить, что коммунизм, описанный здесь мистером Стивенсом, был чем-то новым для майя; но гораздо более вероятно, что это было частью их древнего образа жизни, к которому в высшей степени приспособились эти разрушенные дома. Тема приспособления старых домов пуэбло на Юкатане и в Центральной Америке к условиям жизни при коммунизме будет рассмотрена в другом месте.

Когда Колумб впервые высадился на острове Куба, он послал двух человек в глубь страны, которые сообщили, что "они проехали двадцать две лиги и нашли деревню из пятидесяти

домов, построенных наподобие тех, о которых говорилось выше, и в них проживало около тысячи человек, потому что в доме жило целое поколение; и лучшие люди вышли им навстречу, вели их за руки и поселили в одном из этих новых домов, усадив их на скамейки ... и они дали им поесть вареных кореньев, которые на вкус напоминали каштаны". [Сноска: Эррера, i, 55.]

Одна из первых экспедиций, которая коснулась основной суши на побережье Венесуэлы в Южной Америке, обнаружила дома гораздо больших размеров, чем описанные ранее. "Дома, в которых они жили, были общими для всех и такими просторными, что вмещали сто шестьдесят человек, крепкого телосложения, хотя и покрытые пальмовыми листьями и по форме напоминающие колокол". [Сноска: ib., 216.]

Эррера далее замечает о том же племени, что "они не соблюдали никаких законов или правил в браке, но брали столько жен, сколько хотели, и столько же мужей, уходя друг от друга по своему желанию, не считаясь ни с какой ошибкой, совершенной с обеих сторон. Среди них не было такого понятия, как зависть, все жили так, как им было угодно, не обижаясь друг на друга". [Сноска: ib., i, 216.]

Это показывает коммунизм как у мужей, так и у жен, и сделало коммунизм в еде необходимостью их состояния. В другом месте тот же автор говорит о жилищах племен на побережье Карфагены. "Их дома были похожи на длинные беседки, с несколькими комнатами, и у них не было кроватей, кроме гамаков". [Сноска: ib., 348.] Множество подобных утверждений разбросано по его работам.

У более развитых племен Перу земли были разделены и отведены для различных целей; одна часть предназначалась для поддержки правительства, другая - для поддержки религии, а третья - для поддержки отдельных лиц. Первые две части были выращены людьми в соответствии с установленными правилами, и урожай был помещен в общественные хранилища. Это заявление Гарсиласо. [Сноска: Royal Com. l. c., стр. 154, 157.]

Эррера, однако, в целом говорит, что люди жили за счет обычных запасов. "Испанцы, приближавшиеся к Кашамальке, увидели армию инков, расположившуюся у подножия горы Они были рады видеть красоту полей, наиболее регулярно возделываемых, поскольку среди этих людей существовал древний закон, согласно которому все должны питаться из общих запасов, и никто не должен прикасаться к стоящей кукурузе". [Сноска: Эррера, iv, 249.]

Расхождение между Эррерой и Гарсиласо, возможно, можно объяснить сохранением урожая, выращиваемого на землях, выделенных для правительства и религии.

Причина представления предыдущих наблюдений различных авторов относительно домашних хозяйств, домов и практики коммунизма в еде заключалась в том, чтобы показать, во-первых, что домашнее хозяйство индейских племен было большим и состояло из нескольких семей; во-вторых, что их дома были построены для размещения нескольких семей; и в-третьих, что в домашнем хозяйстве практиковался коммунизм в образе жизни. Таковы существенные факты, и они были достаточно проиллюстрированы. Единственная семья цивилизованного общества живет за счет общих запасов, и все же это не коммунизм; но когда несколько семей объединяются в одно общее домашнее хозяйство и делают общий запас своей провизии, и оказывается, что это общее правило для целых племен, важно обратить внимание на такую форму коммунизма. Считается, что она принадлежит обществу, находящемуся на низкой стадии развития, где она проистекает из потребностей их состояния. Эти обычаи

демонстрируют их жизненный план и раскрывают огромную разницу между их состоянием и состоянием цивилизованного общества; между индийской семьей, лишенной индивидуальности, и высокоиндивидуализированной семьей цивилизации.

[Сноска перенесена: Альфред У. Ховитт, F. G. S., Бариусдейл, Австралия, упоминает в письме автору следующий необычный обычай австралийского племени, касающийся распределения пищи в семейной группе:

Мужчина ловит семь речных угрей; они делятся таким образом (предполагается, что его семейство состоит только из названных):

первый угорь. Передняя половина его самого; задняя половина его жены.

2-й угорь. Передняя половина - мать его жены; задняя половина - сестра его жены.

3-й угорь. Передняя половина его старших сыновей; задняя половина его младших сыновей.

4-й угорь. Передняя половина его старших дочерей; задняя половина его младших дочерей.

5-й угорь. Передняя половина сыновей его брата; задняя половина дочерей его брата.

6-й угорь. Один целый угорь мужу его замужней дочери.

7-й угорь. Один целый угорь его замужней дочери.

Можно предположить, что этот обычай показывает обычную домашнюю группу и порядок их относительной близости к Эго. Это касается его самого и жены, матери и сестры жены, его сыновей и дочерей, сыновей и дочерей его брата и мужа его дочери. Это подразумевает также других членов семьи, которые обязаны заботиться о себе сами: а именно. его братьев и сестер.]

ГЛАВА IV.

ОБЫЧАИ В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЕЛЬ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

ОБЩЕЕ ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЯМИ.

У ирокезов племенные владения находились в совместном владении всего племени. Индивидуальная собственность с правом продажи и простой передачи за плату любому другому лицу была среди них совершенно неизвестна. Потребовался опыт и развитие двух последующих этнических периодов, чтобы привести человечество к такому пониманию собственности на землю, как ее индивидуальное владение с правом отчуждения за плату, что просто подразумевается. Ни один человек в индейской жизни не мог получить абсолютного права собственности на землю, поскольку оно передавалось по обычаю племени как единому целому; и они понятия не имели о том, что подразумевается под юридическим правом собственности на землю по отдельности с правом продавать и передавать плату. Но он мог передать незанятую землю во владение путем обработки, и до тех пор, пока он таким образом использовал ее, у него было право собственности на пользование ею, которое признавалось и уважалось его племенем. Таким образом, участки для посадки садов, квартиры в длинных домах и, позднее, фруктовые сады принадлежали отдельным лицам и семьям. Такое право собственности было всем, что было необходимо для их полного пользования и для защиты их интересов в отношении них. Человек может передавать или дарить свои права другим лицам того же племени, и они также передаются по наследству, в соответствии с установленными обычаями,

его родственникам-язычникам. По сути, это была индейская система владения землями и квартирами в домах среди индейских племен в районах Соединенных Штатов и Британской Америки, находящихся на более низком уровне варварства. В более поздние времена, когда штат или национальное правительство приобретали индейские земли и выплачивали за это компенсацию, оплата за земли шла племени, а за улучшения - отдельному лицу, имевшему право собственности. В резервации тонаванда племени сенека-ирокезов часть земель разделена на отдельные фермы, которые огорожены и заняты по отдельности, в то время как остальная часть принадлежит племени совместно. Когда молодой человек женится и у него нет земли, на которой он мог бы прокормиться, вожди могут выделить ему часть этих заповедных земель. Право собственности на все эти земли, занятые и незанятые, остается общим для племени. Отдельные лица могут продавать или сдавать в аренду свои права собственности друг другу или сдавать их в аренду белому человеку. Ни один белый человек теперь не может получить от индейца титул на индейские земли в любой части Соединенных Штатов. Человек может передать свое имущество другому, но квартиры в доме должны оставаться за его родственниками-язычниками. Во времена Якова II право приобретать земли принадлежало короне исключительно как королевская прерогатива, к которой перешло наше государство и национальные правительства.

Такие же обычаи преобладают в резервации Тускарора, недалеко от реки Ниагара, где это племя ирокезов совместно владеет примерно 8000 акрами прекрасных сельскохозяйственных земель в одном месте. Часть этой резервации долгое время была поделена между отдельными лицами на небольших фермах, огорожена и обрабатывалась владельцами. Остальная часть не выделена и находится под контролем вождей. Людям разрешается убирать с лесной территории заповедника сухостой и мусор, но не разрешается прикасаться к стоячей древесине. Когда молодой человек женится, если у него нет земли, вожди выделяют ему сорок акров для обработки, чтобы он мог прокормиться; но, прежде чем передать ему владение, участок сначала открыт для всего племени, чтобы срубить лес на дрова. Таким образом достигается двойная цель - обеспечить людей дровами и расчистить землю для возделывания для новой семьи. Эти права собственности переходят по наследству к признанным наследникам. Человек может передать или сдать в аренду свое имущество другому лицу; он может сдать в аренду белому человеку, но ни в коем случае не может продать белому человеку.

И здесь мне будет позволено сделать краткое отступление, чтобы обратить внимание на недавнее мнение покойного министра внутренних дел достопочтенного Дж. Карл Шурц, в некоторой степени разделяемый национальным правительством в отношении разделения наших индейских резерваций на участки или урочища и передачи их по отдельности самим индейцам с правом отчуждения белым людям через короткий период, скажем, через двадцать пять лет. Следует надеяться, что эта политика никогда не будет принята какой-либо национальной администрацией, поскольку она не чревата ничем, кроме вреда для индейских племен. Индеец по-прежнему, каким он всегда был и останется еще много лет, совершенно неспособен безопасно для себя встретиться с белым человеком в сфере торговли и противостоять искусствам и соблазнам, которые могут быть применены к нему. Он не способен постоянно придавать собственности на землю ту ценность, которой заслуживает ее важность, или понимать, насколько ее дальнейшее владение отвечает наилучшим интересам его самого и семьи. Результатом индивидуальной собственности индейца, имеющего право продавать, несомненно, было бы то, что за очень короткое время он лишился бы каждого фута земли и впал бы в нищету. Случай с племенем шауни в Канзасе является прекрасной иллюстрацией этой

пагубной политики. Шауни были переселены в Канзас в соответствии с так называемой политикой Джексона и заняли великолепную резервацию на реке Канзас, где, как им сказали, они должны были стать своим домом навсегда. Но после нескольких лет безмятежного владения наш народ в естественном потоке населения достиг Канзаса, где они обнаружили, что шауни владеют лучшей частью того, что с тех пор стало штатом Канзас. Наш народ сразу же захотел заполучить эти индейские земли, и они решили искоренить шауни в интересах цивилизации и прогресса. Они достигли этого результата самым быстрым и научным образом, используя в качестве предложенного ими рычага этот идентичный план, с тех пор принятый г-ном Шурцем. Во-первых, правительство было вынуждено выкупить часть резервации на том основании, что у них было больше земли, чем им требовалось для обработки; и, во-вторых, правительство побудило индейцев разделить оставшуюся часть на фермы и передать главам семей по отдельности с правом отчуждения. В 1859 году, когда разрабатывался этот план, я посетил Канзас и обнаружил, что шауни возделывают и улучшают свои фермы, некоторые из которых занимали тысячу акров, и владеют ими так же, как и другие фермеры. В Канзасе, десять лет спустя, работа была завершена. В Канзасе не было шауни, но американские фермеры владели всеми этими землями. Именно эта индивидуальная собственность с возможностью продавать сделала свое дело.

Управляя делами наших индейских племен, мы должны проявлять немного здравого смысла в отношении их положения. По своему мозгу они находятся на той же стадии роста и развития, что и наши далекие предки, когда они научились одомашнивать животных и стали питаться мясом и молоком. Следующее условие продвижения, которого индеец, естественно, достигнет, - это скотоводство, разведение стад домашних животных. Индеец научился разводить лошадей стадами, а некоторые племена разводят овец и коз. Некоторые из них разводят крупный рогатый скот. Если бы правительство могло помочь им в этом до тех пор, пока они не появились, они вскоре стали бы опытными пастухами; должным образом использовали бы незанятую территорию прерий в глубине континента, а также резервации, и стали бы процветающими и богаты своими ресурсами.

Среди оседлых деревенских индейцев Нью-Мексико, находившихся на Средней ступени варварства, земельная система в принципе почти такая же, но с особыми обычаями, адаптированными к более развитым условиям. В Таосе земли пуэбло находятся в собственности испанского гранта 1689 года, охватывающего четыре испанские квадратные лиги. Этот грант был впоследствии подтвержден, как мне сообщил Дэвид Дж. Миллер, эсквайр, из управления генерального инспектора в Санта-Фе, патентными письмами Соединенных Штатов. Это, конечно, общее для индейцев таоса племя, и у них нет силы отчуждения, кроме как между самими собой. Время от времени эти земли выделялись отдельным лицам и удерживались отдельно для обработки; но эти, так сказать, наделы являются словесными, и права отдельных лиц на их владение устанавливаются вождями в случае споров. Мистер Миллер написал мне из Таоса от 5 декабря 1877 года, что "Землевладелец ни при каких обстоятельствах не может продавать землю никому, кроме индейцев пуэбло, и одному из этого (таосского) пуэбло. Если бы он сделал это, то был бы изгнан из пуэбло, а продажа была бы признана недействительной". В этом пуэбло сейчас есть случай, когда индеец из Сан-Хуана женился здесь, но ему не разрешили приобретать землю на территории пуэбло. У его жены есть земли, которые он возделывает. Участок земли, принадлежащий мужчине, может использоваться им, а может и не использоваться, но он признается и рассматривается как принадлежащий ему до тех пор, пока он не продаст его или не умрет. Если парень вырастает и женится, а у его отца или тестя нет

земли, которую он мог бы ему подарить, он может купить землю в пуэбло, или пуэбло может выделить ему землю, при этом право собственности на нее в качестве частной собственности остается за ним до тех пор, пока он не продаст или не умрет. Когда он умирает, имущество делится поровну между вдовой и детьми. Если дети маленькие, его брат или другие родственники обрабатывают землю за них, пока они не смогут делать это сами; но право собственности принадлежит детям. Когда продается участок земли, это делается в присутствии свидетелей, если это желательно. Чаще всего продажа и передача осуществляются самими сторонами и между ними. Документы не используются. Так происходит во всех пуэбло. Правила и обычаи при продаже и сдаче комнат в доме и личного имущества, такого как животные, одинаковы. При передаче прав собственности и титулов не отдается предпочтения ни мужчинам, ни женщинам. В каждом пуэбло есть кукурузное поле, возделываемое всеми вместе, и когда зерна не хватает, бедняки берут его из этого хранилища после того, как оно расквартировано. Он находится в ведении и распоряжении касика (называемого губернатором). Земля не может быть продана иностранцу; но индеец, приезжающий из другого пуэбло, чтобы жить в этом, может приобрести землю для существования, хотя такая иммиграция редка. Ни в одном из пуэбло не разрешается, чтобы белый человек приобретал там собственность. Индианке не разрешается выходить замуж за мексиканца и жить в пуэбло. Участок земли, находящийся в собственности человека и признанный принадлежащим ему, является его собственностью, пользуется он им или нет, и он может продать или подарить его абсолютно по своему желанию лицам из общины.

"В Джемесе и Зии (другие пуэбло в Нью-Мексико) после смерти женщины ее имущество переходит к ее мужу; если она вдова, оно переходит к ее детям; если у нее нет детей, оно в равной степени переходит к ее братьям и сестрам; и если никто из них не переживет ее, то к ее ближайшим родственникам; если у нее нет родственников, то к тем друзьям, которые сопровождали ее во время последней болезни. Это никогда не вернется к пуэбло, которое как корпоративное сообщество не владеет землей".

То, что г-н Миллер называет правами собственности и титулами, а также правом собственности на землю, в достаточной степени объясняется правом владения, распространенным среди северных племен. Ограничения на ее отчуждение индейцу из другого пуэбло или белому человеку, не говоря уже об отсутствии письменной передачи титулов, ставших возможными благодаря испанским и американским отношениям, совершенно ясно показывают, что их идеи относительно владения окончательным титулом на землю с правом отчуждать за плату, были полностью ниже этой концепции собственности на землю. Более важные цели индивидуальной собственности достигались через право собственности, в то время как окончательный титул оставался за племенем для защиты всех. То, что пуэбло теперь не владеет землей, как утверждает мистер Миллер, следует понимать как означающее, что все земли первоначального гранта были разделены. Дальнейшее утверждение мистера Миллера о том, что в случае смерти отца его земля делится между его вдовой и детьми, и что если мать умирает, не оставив мужа, ее земля делится поровну между ее сыновьями и дочерьми, важно, потому что оно показывает наследование детьми как от отца, так и от матери, что является полным отходом от принципов нееврейского наследования. Посещая пуэбло Таос летом 1878 года, я не смог найти среди них нееврейскую организацию и из-за нехватки времени не смог ознакомиться с их правилами происхождения и наследования.

Мой друг, мистер Э. Ф. Бандельер, ныне признанный нашим самым выдающимся ученым в области испаноамериканской истории, недавно с большой тщательностью исследовал вопрос о владении землями у древних мексиканцев. Результаты содержатся в эссе, опубликованном в Одиннадцатом ежегодном отчете Музея археологии и этнологии Пибоди, стр. 385 (Кембридж, 1878). Мне доставляет огромное удовольствие дословно включить в эту главу, с его разрешения, ту часть этого эссе, которая относится к видам или классам земель, признанным среди них, способу их использования и его общим выводам.

В мексиканском пуэбло (Теночтитлан), замечает он, "Четыре квартала были сформированы путем локализации четырех составляющих их отношений соответственно, и прямо указано, что каждый мог строить в своем квартале (*barrio*) по своему усмотрению". [Примечание: Дюран (глава V, стр. 42), Акоста (*Lib. VII*, глава VII, стр. 467), Эррера (*Dec. III, Lib. II*, глава. XI, стр. 61).]

Термин для обозначения этих отношений на языке науатль, который использовался среди всех говорящих на нем племен, был "кальпулли". Он также использовался для обозначения большого зала или дома, и поэтому мы можем сделать вывод, что, по крайней мере, первоначально, все члены одного рода жили под одной общей крышей.

[Примечание переписчика: пространная сноска 1 перенесена в конец главы.]

Земля, занимаемая таким образом "кальпулли", НЕ была, как признает Торквемада, закреплена за ней высшей властью; само племенное правительство НЕ владело ЗЕМЛЯМИ, которые оно могло бы распределить между подразделениями или отдельными лицами либо безвозмездно, либо при условии определенных постов, либо по бартеру за определенное вознаграждение. [Примечание: Разделение на "кварталы" везде представлено как результат общего согласия. Но нигде не указано, что племенное правительство или орган власти назначали места для какой-либо из своих фракций. Это приписывается только вождям, исходя из предположения, что они, хотя и избирались, все же были наследственными монархами.]

Племенная территория была распределена во время ее заселения по имущественным правам, которыми обладали РОДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ КАК ТАКОВЫЕ, по общему и молчаливому согласию, что естественно вытекало из их организации и состояния культуры.

[Примечание переписчика: пространная сноска 2 перенесена в конец главы.]

Участки твердой земли, на которых располагались эти "кварталы", постепенно застраивались жилищами, сначала сделанными из тростника, а затем, по мере увеличения средств, из дерна, "самана" и легкого камня. Эти дома были больших размеров, поскольку утверждается, что даже во времена завоевания "в одном доме редко проживало меньше двух, четырех или шести человек; таким образом, людей (в пуэбло) было бесконечное множество, поскольку не было другого способа прокормить их, и многие собирались вместе, как им заблагорассудится". Общинный образ жизни, как подразумевает идея "кальпулли", по-видимому, преобладал среди мексиканцев еще в период их наибольшего могущества.

[Примечание переписчика: пространная сноска 3 перенесена в конец главы.]

"Почва, застроенная каждым "кальпулли", вероятно, некоторое время оставалась единственным твердым пространством, удерживаемым мексиканцами. Постепенно, однако, стала ощущаться необходимость в увеличении площади этой почвы. Оставаясь в безопасности

"среди тростника", их численность увеличивалась, и для проживания, а также для пропитания требовалась большая территория. Рыбная ловля и охота больше не удовлетворяли людей, чьими первоначальными склонностями были садоводство; они стремились обрабатывать землю так, как когда-то привыкли, и по образцу окружающих их родственных племен. С этой целью они начали разбивать маленькие искусственные грядки, "чинампы", на которых сажали индийскую кукурузу и, возможно, некоторые другие овощи. Такие участки до сих пор встречаются в качестве "плавающих садов" в окрестностях нынешнего города Мехико, и путешественник этого века описал их следующим образом:

- Это искусственные сады примерно пятидесяти-шестидесяти ярдов в длину и не более четырех-пяти в ширину. Они разделены канавами длиной в три или четыре ярда и сделаны путем извлечения почвы из промежуточной канавы и разбрасывания ее по чинампе, что означает, что земля обычно приподнимается примерно на ярд и, таким образом, образует небольшой плодородный сад, покрытый лучшими кулинарными овощами, фруктами и цветами"

Таким образом, каждое кровное родство постепенно окружало поверхность, на которой оно проживало, рядом садовых участков, достаточных для удовлетворения потребностей его членов. Их совокупная площадь, включая жилища, образовывала "кальпулалли" — почву "кальпулли" — и удерживалась ею как единое целое; однако отдельные участки обрабатывались и использовались в интересах отдельных семей. Таким образом, способ владения землей у мексиканцев в тот период был очень простым. Племя претендовало на свою территорию, "алтефетлалли", неопределенное пространство, на которое оно могло распространяться — "кальпулы", однако, удерживали и владели в пределах этой территории такими ее частями, которые были продуктивными; каждый "кальпулли" был сувереном в своих пределах и передавал в пользование своим отдельным членам небольшие участки, на которые была разделена почва в зависимости от их способа возделывания. Таким образом, если термины "алтепетлалли" и "кальпулалли" иногда рассматриваются как идентичные, то это потому, что первый указывает на заселенность, а второй - на распределение почвы. Таким образом, мы признаем в кальпулли, или родственной группе, единицу владения любой землей, которую мексиканцы считали достойной определенного владения. Далее мы исследуем, в какой степени отдельные лица, как члены этой коммунальной единицы, участвовали в совокупном владении ". [Сноска: Алонсо де Зурита (стр. 51). Икстлильшочитль ("История. демонов", глава. XXXV, стр. 242). Торквемада (Lib. XIV, глава. VII, стр. 545). Bustamante ("Tetzoco en los ultimos Tiempos de sus antiguas Reyes" p 232).]

"С течением времени, по мере дальнейшего увеличения населения, произошла сегментация внутри четырех первоначальных "кварталов", сформировались новые "кальпулли"."

[Примечание переписчика: пространная сноска 4 перенесена в конец главы.]

Для правительственных целей эта сегментация привела к новому результату, оставив, особенно в военном деле, первые четыре кластера в качестве крупных подразделений. [Сноска: "Военное искусство и т.д.", стр. 115 и 120.]

Но как только они были дезаггрегированы, они перестали быть какими-либо территориальными единицами, и их первоначальные территории с тех пор удерживались "второстепенными кварталами" (как, например, называет их Эррера), которые осуществляли, каждый в своих

пределах, тот же суверенитет, которым ранее обладали первоначальные "кальпулли" над целым.

[Примечание переписчика: пространная сноска 5 перенесена в конец главы.]

Еще одним следствием такого разукрупнения стала (из-за удаления совета племени подальше от кальпул) необходимость в официальном здании, предназначенном исключительно для ведения дел всего племени.

[Примечание переписчика: пространная сноска 6 перенесена в конец главы.]

Это здание было "вигвамом", который даже Торквемада называл "домом общины"; следовательно, поскольку совет вождей был высшей властью в правительстве, оно было собственно "домом совета". Он был возведен недалеко от центра "пуэбло" и выходил фасадом на открытое пространство, отведенное для общественных торжеств. Но, в то время как раньше случайных, постепенно переходящих в регулярные, встреч вождей было достаточно, постоянное ежедневное посещение "тэпана" стало необходимым, даже до такой степени, что результатом этого стало постоянное проживание там главного вождя, что стало одной из обязанностей офиса. Следовательно, тлакатекутли, его семья и те помощники, в которых он нуждался (например, бегуны), жили в "официальном доме". Но это занятие никоим образом не было связано с правом собственности со стороны занимающего его лица, семья которого отказалась от места жительства, как только срок полномочий истек в связи со смертью занимавшего его лица. "Типан" занимали главные военные вожди только до тех пор, пока они выполняли функции этой должности. [Примечание: Почти каждый автор, пытающийся подробно описать "дом вождя" (типан), упоминает, что в нем есть большие залы (залы совета). Смотрите описание вигвама из Тецкоко от Икстлильшочитля ("История. des Chichimbuques," cap. XXXVI, стр. 247)]

"Из тех трактатов, продукция которых предназначалась исключительно для государственных нужд пуэбло или самого племени (взятого как независимая единица), были, как мы уже видели, два особых класса:

Первой была "типан-тлалли", земля дома общины, посеvy которой использовались для пропитания тех, кто занимался строительством, украшением и ремонтом публичного дома. Иногда их было несколько на территории племени. Они обрабатывались совместно специальными семьями, которые проживали на них, используя урожай в качестве компенсации за работу, которую они выполняли на официальных зданиях.

Второй класс назывался "тлатока-тлалли", страна говорящих. Из них в каждом племени было только по одному участку, длина которого должна была составлять "четыреста их мер с каждой стороны, причем каждая мера равнялась трем кастильским прутам".

[Сноска: Икстлильшочитль ("История. де Чихим", глава. XXXV, стр. 242). Ведия (Lib. III, глава. VI, стр. 195). "Это должно было быть четыреста их квадратных мер ("энквадро", длина каждой стороны), каждая из которых равнялась трем кастильским прутам".... См. "Военное искусство" (стр. 944, примечание 183). "Стержень" (vara) равен 2,78209 футам английского языка (Guyot).]

Урожай, выращенный таким образом, шел исключительно на нужды домашнего хозяйства в "типане", состоящего из главного вождя и его семьи с помощниками. Трактат обрабатывался по

очереди другими членами племени, и он всегда оставался общественной землей, зарезервированной для тех же целей. [Сноска: Вейтия (Lib. III, cap. VI, стр. 195). Излишне возвращаться к ошибочному впечатлению, что вожди могли бы распорядиться им.]

Оба этих вида часто объединялись в один, и даже не исключено, что первый из них мог быть всего лишь разновидностью общих земель, отданных в пользу союзников-победителей. И все же свидетельства на этот счет слишком неопределенны, чтобы оправдывать такое предположение.

В то время как урожай, выращенный на "типан-тлалли", а также на "тлатока-тлалли", потреблялся исключительно официальными домами и домочадцами племени, сама почва, на которой выращивались эти культуры, не была востребована и не принадлежала ни самим вождям, ни их потомкам. Что касается его продукции, то это была просто официальная почва.

[Примечание переписчика: пространная сноска 7 перенесена в конец главы.]

Создание и поддержание этих территориальных подразделений было очень простым для племен материка, поскольку все они обладали достаточными территориями для удовлетворения своих нужд и потребностей своих организаций. Их земля образовывала единое целое. Однако с собственно мексиканцами все было не так. При всем их усердии по добавлению искусственного дерна к участку, на котором они первоначально поселились, твердая поверхность в конечном итоге оказалась слишком мала для их численности, и они сами эффективно остановили ее дальнейший рост, превратив, как мы видели в другом месте, в целях обороны свои болотистые окрестности в водные просторы путем строительства обширных дамб. [Сноска: "Искусство войны" (стр. 150 и 151). Л. Х. Морган ("Древнее общество", часть II, глава VII, стр. 190 и 191)].

В то время как остатки оригинальных "типантлалли" и "тлатокатлалли" все еще оставались видимыми в садах, представленных нам как чисто декоративные, которыми были усеяны мексиканские пуэбло, существенные элементы, необходимые для выполнения цели, для которой они больше не годились, со временем пришлось привозить с материка. Но из-за природы племенных условий было невозможно проникнуть туда путем колонизации. Земля там удерживалась другими племенами, которых мексиканцы вполне могли бы одолеть и сделать данниками, но которых они не могли включить в себя, поскольку родственные связи, составляющие эти племена, не могли быть слиты с их собственными. Аванпосты, однако, были установлены на берегах, у выходов из дамб, в Тепейакаке на севере, в Истапалапане, Мехикальцинко и в Уицилопочео на юге, но это были только военные позиции, и за их пределы территория собственно мексиканцев никогда не простиралась.

[Footnote: Humboldt ("Essai politique sur la Nouvelle Espagne," Vol. II, Библиотека. III, глава. VIII, с. 50): Почти все древние авторы описывают постройки пуэбло как окруженные площадками для развлечений или декоративными садами. Очень поразительно, что, поскольку пуэбло было основано в 1325 году и почти столетие ушло на то, чтобы добавить достаточное количество искусственной почвы к первоначально небольшому заселенному твердому пространству, мексиканцы могли так скоро быть готовы к созданию чисто декоративных парков на территории, каждый дюйм которой был ценен для них только для пропитания!]

[Примечание: Собственно мексиканское племя широко группировалось в пуэбло Тенучтитлан. Поселения в Истапалапане, Хунцилопочео и Мехикальцинко были всего лишь военными

станциями — укреплениями, охранявшими дамбы, ведущие на Юг. Тепейакак (Гуадалупе-Идальго) занимал аналогичное положение — неважное с точки зрения численности населения — на севере. Чапультепек был священным местом, где не проживало большого количества людей и которое мексиканцы использовали только для погребения, а также из-за источников, снабжавших их пуэбло пресной водой.]

Таким образом, дань должна была обеспечивать средства для удовлетворения их государственных потребностей в продовольствии, а земли, на которые давалась дань, должны были распределяться таким образом, чтобы в деталях соответствовать их домашней организации. По этой причине мы видим, что после свержения текпанеков земли, выделенные, по-видимому, главным военным вождям, военным начальникам кварталов, "из которых можно извлекать некоторый доход для их содержания и содержания их детей". [Сноска: Тезозомок1)

Эти трактаты были всего лишь "официальными трактатами", и они отличались от тех, которые предназначались для особого использования родственными связями. Последнее, возможно, обеспечивало ту общую дань, которая, хотя и давалась номинально главному военному вождю, все же была "общей для всех мексиканцев".

Различные классы земель, которые мы упомянули, были, в той мере, в какой это касалось их владения, включены в "кальпулалли", или земли родства. Поскольку род, или "кальпулли", был единицей государственной организации, он также был единицей землевладения. Клавиджеро говорит: "Земли, называемые альтепетлалли, то есть те, которые принадлежали общинам городов и деревень, были разделены на столько частей, сколько было кварталов в городе, и каждый квартал был предоставлен сам себе и не имел ни малейшей связи с остальными. Такие земли никоим образом не могли быть отчуждены." [Footnote: "Storia del Messico" (Lib. VII, глава. XVI).] Этими "кварталами" были "кальпулли"; отсюда следует, что кровнородственные группы владели алтепетлалли, или землей племени.

"Таким образом, в Мексике мы имеем идентичный порядок владения землями, который Поло де Ондогардо отметил в Перу и сообщил королю Испании, а именно... "Хотя урожай и другие продукты с этих земель были отданы в качестве дани, сама земля принадлежала самим людям. Отсюда станет очевидной вещь, которая до сих пор не была должным образом понята. Когда кому-то нужна земля, считается достаточным, если можно доказать, что она принадлежала инке или солнцу. Но в этом отношении к индейцам относятся с большой несправедливостью, ибо в те дни они платили дань, и земля принадлежала им".

[Примечание: "Повествования об обрядах и законах инка, переведенные с оригинальных испанских рукописей и отредактированные Клементом Р. Маркхэмом". Публикация "Общества Хаклюит", 1873. "Отчет Поло де Ондегардо", который был "Регидором" Куско в 1560 году и очень важным авторитетом (см. Прескотт, "История завоевания Перу", примечание к книге I, глава V). Подтверждено Гарсией ("El Origen de los Indios", Lib. IV, cap, XVI, стр. 162).] ...

"Пространство, которым владели кальпулли и которое поэтому называлось "кальпулалли", находилось в совместном владении родственников. Она не могла быть ни отчуждена, ни продана; фактически, нет никаких следов бартера или продажи земли, предшествовавших завоеванию".

[Примечание переписчика: пространная сноска 8 перенесена в конец главы.]

[Примечание переписчика: пространная сноска 9 перенесена в конец главы.]

Если, однако, какой-либо кальпулли ослабнет из-за потери численности по какой бы то ни было причине, он может передать свою территорию другой подобной группе, получая средства к существованию за счет арендной платы.

[Примечание: Зурита (стр. 93): "В случае необходимости разрешалось передавать земли кальпулли жителям другого квартала". Эррера (декабрь. III, библиотека. IV, глава XV, стр. 134): "Их можно было бы сдать в аренду другой линии".]

Если родство вымирало и, следовательно, его земли становились свободными, то они либо присоединялись к землям другого, чья доля не соответствовала его потребностям, либо распределялись между всеми оставшимися кальпулли." [Примечание: Зурита (стр. 52): "Когда семья вымирает, ее земли возвращаются кальпулли, и вождь распределяет их между теми членами квартала, которые больше всего в этом нуждаются".]

Кальпулли были демократической организацией. Его дела находились в руках выборных вождей — "стариков", возведенных в это достоинство, как мы намерены доказать в следующей статье, за их заслуги и опыт, а также после суровых религиозных испытаний. Эти вожди составляли совет рода или квартала, но их власть не была абсолютной, поскольку по всем важным случаям созывалось общее собрание рода. [Сноска: Зурита (стр. 60, 61, 62). Рамирес де Фуэнлеаль ("Письмо" и др., Терно-Компаус, стр. 249).]

Совет, в свою очередь, выбирал руководителя, "кальпуллека" или "чинанкаллека", который на войне исполнял обязанности "аччакаухтина" или "тичкаухтина" (старшего брата).

[Примечание переписчика: пространная сноска 10 перенесена в конец главы.]

Эта должность была пожизненной или при хорошем поведении. [Сноска: Зурита (стр. 60 и 61). Эррера (дек. III, Lib. IV, cap. XV, p. 125): "I le elegian entre si y tenian por maior."]

В его обязанности входило вести учет земель кальпулли, или "кальпулалли", вместе с описью их членов и участков, закрепленных за каждой семьей, а также отмечать любые изменения, происходящие в их распределении.

[Примечание переписчика: пространная сноска 11 перенесена в конец главы.]

Такие изменения, если они были незначительными, могли быть внесены им самим; более важные или спорные случаи должны были передаваться на рассмотрение совета родства, который, в свою очередь, часто созывал собрание всего квартала. [Примечание: Зурита "Взаимопонимание" и др., стр. 56 и 62. Мы предпочитаем цитировать его, поскольку ни один другой известный нам автор не был так подробен.]

"кальпулалли" был разделен на участки или пахотные грядки, "тлалмилли".

[Footnote: "Tlalmilli: tierras, a heredades de particulares, que estan juntas en alguna vega" (Molina, Part IIa, p. 124).] Каждая из них была закреплена за одним из женатых мужчин данного рода, чтобы он обрабатывал ее для себя и своей семьи. Если один из этих участков оставался неулучшенным в течение двух лет подряд, он возвращался кварталу для перераспределения. То же самое происходило, если семья, владеющая им, переезжала из кальпулли. Но не похоже,

что культивация всегда должна была выполняться самими владельцами трактата. Факт перестройки на имя определенного арендатора требовался только для страхования прав этого арендатора.

[Примечание переписчика: пространная сноска 12 перенесена в конец главы.]

Следовательно, вожди и их семьи, хотя они и не могли сами по характеру своих обязанностей обрабатывать землю, все же могли сохранять право на свою долю "тлальмильпы" как члены кальпулли. Такие участки возделывались другими людьми для их использования. Они назывались особым именем "пиллали" (земли вождей или детей, от "пилтонтли", мальчик, или "пильцинтли", ребенок), а те, кто их обрабатывал, носили название "тлалмаитль" — руки земли.

[Примечание переписчика: пространная сноска 13 перенесена в конец главы.]

"тлальмильпа", независимо от того, принадлежали ли они вождям или обычным членам рода ("масехуалес"), были, таким образом, единственными участками земли, которыми владели отдельные лица в древней Мексике. Они настолько отличались от "текпантлалли" и "тлатокатлалли" по способу владения, что, в то время как последние двое зависели от определенной должности, занимающий которую менялся при каждом выборе, "тлалмилли" был закреплен за определенной семьей, и его владение, следовательно, было связано с обычаями наследования.

Будучи, таким образом, привлечены к исследованию обычаев наследования у древних мексиканцев, мы должны исходить из того, что личные вещи умершего могут быть рассмотрены лишь в незначительной степени. Правило, как правило, заключалось в том, что все, чем владел мужчина, переходило к его потомству.

[Примечание переписчика: пространная сноска 14 перенесена в конец главы.]

Среди большинства северных индейцев участвовала большая группа.

[Примечание переписчика: пространная сноска 15 перенесена в конец главы.]

В соответствии с организацией общества, основанной на родстве, когда на первой стадии своего развития родственная группа наследовала, и общий предок этого рода считался женщиной, из этого следует, что если мужчина умирал, то его наследниками были не его дети, тем более жена, а потомки его матери, то есть его братья, сестры, фактически все кровное родство, от которого он происходил по материнской линии. [Сноска: "Древнее общество" (Часть II, глава II, стр. 75; Часть IV, глава I, стр. 528, 530, 531, 536 и 537).] Возможно, так было даже среди муйска из Новой Гранады.

[Примечание: Гомара ("История индейцев", Ведия I, стр. 201).

García ("Origen de los Indios," Lib. IV, глава 23, стр. 247).

Пьедрахита (Часть 1, Lib. I, глава 5, стр. 27). Joaquín Acosta

("Compendio histórico del Descubrimiento y Colonización de la Nueva-Granada," Cap. XI, стр. 201). Терно-Компанс ("Древняя Кундинамарка", стр. 21 и 38).]

Однако в Мексике, где мы встречаем следы решительного прогресса, все было по-другому. Не только происхождение было изменено на мужскую линию, [Сноска: Мотилиния (Трат. II, глава. V, стр. 120). Гомара (стр. 434). Клавиджеро (Библиотека. VII, глава XIII). Зурита (стр. 12 и 43).] но право наследования было ограничено, за исключением родственников и самих агнатов, детьми мужского пола.

[Примечание переписчика: пространная сноска 16 перенесена в конец главы.]

Какие бы личные вещи ни оставил отец, которые не были принесены в жертву на церемониях его похорон, они распределялись между его потомками мужского пола, а если таковых не было, они переходили к его братьям. У женщин вообще ничего не было, кроме одежды и нескольких украшений для личного пользования.

[Примечание: Мотилиния (Трат. II, глава. V, стр. 120). Торквемада (Lib. XIII, глава. XLII-XLVIII, стр. 515-529). Акоста (Lib. V, глава. VIII, стр. 320, 321 и 322). Гомара (стр. 436 и 437, Ведро, I). Мендиета (Библиотека. II, глава. XL, стр. 162 и 163). Клавиджеро (Lib. VI, глава. XXXIX). "Они сожгли одежду, стрелы и часть домашней утвари..."]

Сам "тлалмилли" после кончины отца переходил к его старшему сыну с обязательством улучшать его на благо всей семьи до тех пор, пока от остальных детей не избавятся в результате брака.

[Сноска: Гомара ("Конк. де Мехико", стр. 434): "Среди зависимых классов принято, что старший сын наследует имущество отца, реальное и личное, и должен содержать всех братьев и племянников при условии, что они будут делать то, что он им прикажет. Причина, по которой они не разделяют поместья, заключается в том, чтобы не уменьшать их в результате такого раздела" Симанкас М. С. С. ("Recueil" и т. Д. и т. Д., Стр. 224): "По отношению к кальпулли ... сыновья в основном унаследовали".]

Но другие самцы могли обратиться к вождю кальпулли за собственным "тлалмилли"; самки отправлялись со своими мужьями. Единоличное блаженство у мексиканцев, по-видимому, наступало только в случае соблюдения религиозных обетов, и в этом случае они добывали пропитание за счет части, отведенной для богослужения, или в случае сильных недугов, которые обеспечивали кальпулли.

[Примечание: Зурита (стр. 55): "Тот, у кого нет земли, обращается к вождю племени (кальпулли), который по совету других стариков выделяет ему участок, подходящий для его нужд и соответствующий его способностям и его силе". Эррера (декабрь. III, Библиотека. IV, глава. XV, стр. 135).]

[Примечание: Такими незамужними женщинами были "монахини", часто упоминаемые древними авторами. У нас будет возможность исследовать этот вопрос в нашей статье о "Древнем мексиканском жречестве". Как служители богослужения, они участвовали в подношениях, оказываемых ему каждым кальпулли, о которых мы говорили.]

Нигде не упоминается о том, что вдова участвовала в производстве продукции "тлалмилли", тем не менее предполагается, что она была одной из тех, кого должен был содержать старший сын. Есть указания на то, что вдова могла повторно выйти замуж, и в этом случае ее муж, конечно же, обеспечивал ее.

"Обычаи Наследования, как сообщалось выше, были одинаковыми как у вождей, так и у рядовых членов племени. От личных вещей осталось очень мало, поскольку чем более высокий пост занимал покойный, тем больше выставлялось напоказ при его кремации и, следовательно, тем больше его одежды, оружия и украшений сжигалось вместе с телом. Что касается земель, то вожди держали каждый свой "тлалмилли" только обычным способом, как члены своей семьи, в то время как другие "официальные" участки достались новым должностным лицам. Всегда следует иметь в виду, что ни одна из этих должностей сама по себе не передавалась по наследству. Тем не менее, обычно признается существование определенного "права наследования". Таким образом, у тецуканцев должность главного военного вождя могла переходить от отца к сыну, в Мексике - от брата к брату и от дяди к племяннику ". [Примечание: Зурита (стр. 12). Гомара (Ведия I, стр. 434). Торквемада (Lib. IX, cap. IV, стр. 177; Lib. XI, глава 27, стр. 356 и т.д. и т.п.).]

[Примечание: Этот факт слишком убедительно доказан, чтобы нуждаться в специальных ссылках. Мы оставляем это для окончательного обсуждения в предлагаемом нами документе о вождях мексиканцев и обязанностях, полномочиях и функциях их офиса.]

Это могло бы, в конечном счете, привести к увековечиванию должности в семье, а вместе с ней и к владению определенными землями, связанными с функциями и обязанностями этого чиновника. Но совершенно очевидно также, что этой стадии развития еще не достигло ни одно из племен Мексики во время ее завоевания испанцами. Основная идея, а именно идея домена, который, по крайней мере в восточных странах, постепенно разделялся на индивидуально наследуемые владения, еще не была развита.

"Исходя из скудных остатков, оставшихся таким образом от определенных черт жизни аборигенов древней Мексики, а также из противоречивых утверждений о ранней истории этой страны, мы сейчас попытались реконструировать представления мексиканских аборигенов о владении землями, а также об их способах их распределения. Наши расспросы, по-видимому, подтверждают следующие выводы:

"1. Понятие абстрактной собственности на землю либо со стороны нации или государства, либо со стороны главы его правительства, либо со стороны отдельных лиц было неизвестно древним мексиканцам.

"2. Родственные связи, составляющие племя, обладали определенным правом собственности; но идея продажи, бартера, передачи или отчуждения таковых родственниками не была задумана.

"3. Лица, независимо от их положения или должности, без каких-либо исключений, обладали лишь правом использовать определенные участки для своего пропитания, и это право, хотя и передавалось по наследству по мужской линии, тем не менее ограничивалось условиями проживания на территории, принадлежащей родственнику, и возделывания либо самим, либо от имени того, кому были переданы указанные участки.

"4. Никакие права собственности на землю не были закреплены за какой-либо должностью или званием вождя. Как члены рода, каждый вождь пользовался определенным участком, который он мог сдавать в аренду или обрабатывать другим в своих интересах.

"5. Для удовлетворения потребностей племенного бизнеса и государственных особенностей родства (включая общественное гостеприимство) определенные участки были выделены в качестве официальных земель, за счет которых обеспечивались и содержались официальные домохозяйства; но эти земли и их продукты были полностью независимы от лиц или семей самих вождей.

"6. Завоевание какого-либо племени мексиканцами не сопровождалось ни аннексией территории этого племени, ни разделом его земель между завоевателями. Взималась дань, и с целью сбора этой дани (частично) были выделены специальные участки, урожай с которых собирали для складов Мексики.

"7. Следовательно, как наши предыдущие исследования (воинственных институтов и обычаев древних мексиканцев) опровергли общепринятое представление о военном деспотизме, преобладающем среди них, так и результаты его обзора владения и распределения земель, как правило, устанавливают, "что принцип и институт феодализма не существовали у коренных мексиканцев".

У перуанцев земельная система, вероятно, была во многом такой же, как у древних мексиканцев. Но, по словам Гарсилапо де ла Вега, они продвинули свою систему в отношении земель немного дальше. Их земли, отмечает он, были "разделены на три части и использовались для различных целей. Первое предназначалось для Солнца, его священников и министров; второе предназначалось для Короля, а также для поддержки и содержания его губернаторов и офицеров.... И третья была предназначена для туземцев и временных жителей провинций, которая была разделена поровну в соответствии с потребностями каждой семьи ". [Примечание: Королевские комментарии Перу, Последнее изд., 1688. Рико, пер., стр. 154.]

Хотя эти несколько утверждений, возможно, не во всех отношениях соответствуют действительности в Перу, Мексике или среди северных индейских племен, они в достаточной степени указывают на владение землей сообществами людей, больших или меньших, с системой обработки почвы, которая указывает на большие домохозяйства. Ни перуанцы, ни ацтеки, ни какое-либо другое индейское племя не имели представления о праве собственности на землю по отдельности в период их открытия. Это знание относится к периоду развития цивилизации. Нет ни малейшей вероятности, что какой-либо индеец, будь то ирокез, мексиканец или перуанец, владел участком земли, который он мог бы назвать своим, с правом продавать и передавать то же самое за плату кому угодно.

ОБЫЧАЙ УПОТРЕБЛЯТЬ ТОЛЬКО ОДНО ПРИГОТОВЛЕННОЕ БЛЮДО В ДЕНЬ — УЖИН — И РАЗДЕЛЯТЬ ИХ ЗА ЕДОЙ: МУЖЧИНЫ ЕДЯТ ПЕРВЫМИ, А ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ - ПОТОМ.

Так было принято у индейских племен, находившихся на более низком уровне варварства. В Среднем статусе, по-видимому, было больше метода и регулярности в жизни, но никаких изменений в их обычаях в отношении еды, настолько заметных по своему характеру, что мы вынуждены признать у них новый план домашней жизни. Ирокезы ели только один раз в день. Это было все, что могли дать их ресурсы и организация домашнего хозяйства, и именно столько им было нужно. Его готовили и подавали обычно до полудня, в десять или одиннадцать часов, и его можно назвать ужином. В это время готовились основные блюда на день. После того, как его разделили в котле между домочадцами, его подали теплым каждому человеку в глиняных или деревянных мисках. У них не было ни столов, ни стульев, ни тарелок в нашем смысле этого

слова, ни какого-либо помещения, похожего на кухню или столовую, но ели каждый сам по себе, сидя или стоя, и там, где ему было удобнее всего. Они также разделились во время приема пищи: мужчины ели первыми и сами по себе, а женщины и дети - после и сами по себе. То, что оставалось, предназначалось для любого члена семьи, когда он был голоден. Ближе к вечеру женщины приготовили мамалыгу: кукурузу растерли на кусочки размером с рисовое зернышко, которые отварили и отложили в сторону, чтобы использовать холодными в качестве обеда утром или вечером, а также для развлечения посетителей. У них не было ни официального завтрака, ни ужина. Каждый человек, когда проголодался, ел все, что было в доме. Они были умеренными едоками. Это справедливая картина жизни индейцев в Америке в целом, когда их обнаружили. После того, как начались контакты с белыми, ирокезы постепенно начали перенимать наш образ жизни, но очень медленно. Одна из трудностей заключалась в том, чтобы изменить старый обычай и приучить себя есть вместе. Это происходило постепенно, сначала с отказом от старого плана совместного проживания в больших количествах в старых многоквартирных домах и с заменой каждой семьи отдельными домами, что положило конец коммунизму и жизни в большом домашнем хозяйстве и заменило существование отдельной семьи индивидуальными усилиями. Спустя много лет стол и стулья стали использоваться в более продвинутых семьях племен ирокезов. В резервациях ирокезов в этом штате до сих пор сохранилось множество бревенчатых домов или хижин, в которых есть только одна комната на первом этаже и мансарда наверху, а из их скудной мебели нет ни стола, ни стула. Часть из них все еще живет по-старому, возможно, с двумя обычными приемами пищи в день вместо одного. То, что они так сильно изменились в течение двух столетий, должно считаться замечательным, поскольку они были вынуждены, так сказать, перепрыгнуть через целый этнический период без опыта или подготовки стольких прошедших поколений и без роста мозга, который подразумевает такое изменение плана домашней жизни, когда оно достигается через естественный индивидуальный опыт. Среди сенека-ирокезов до сих пор существует традиция, если память о столь недавнем происшествии можно назвать традиционной, согласно которой, когда предложение о том, что муж и жена должны есть вместе, что так противоречило древнему обычаю, сначала было принято утвердительно, было официально согласовано, что муж и жена должны садиться за одно блюдо и есть одним половником, сначала ест мужчина, затем женщина, и так поочередно, пока трапеза не будет закончена.

Свидетельства тех авторов, которые обратили внимание на домашнюю жизнь индейских племен, неоднородны в том, что касается количества приемов пищи в день. Таким образом, Кэтлин замечает: "Как я уже наблюдал ранее, эти люди (манданы) обычно едят только два раза в день, и часто не более одного раза, и эти блюда легкие и простые Североамериканские индейцы, взятые вместе, даже когда у них есть чем прокормиться, едят меньше, чем любое равное по численности цивилизованное население, среди которого я когда-либо путешествовал ". [Примечание: Североамериканские индейцы, Филадельфийское изд., 1857, i, 203.]

А Хеквелдер, говоря о делавахарах и других племенах, говорит:

"Обычно они готовят два раза в день, и этого, по их словам, достаточно.

Если кто-нибудь почувствует голод в промежутке между приемами пищи, в доме, как правило, для него что-нибудь готово".

.

[Сноска: Индийские народы, 193.] Адэр довольствуется заявлением о племенах чокта и чероки, что "у них нет установленного времени приема пищи".

[Сноска: История американских индейцев, Последнее изд., 1775, стр. 17.]

Несомненно, в разных местностях и даже в одном доме существовали некоторые различия; но, как правило, из того, что известно об их образе жизни, одно приготовленное блюдо в день выражает почти все, что люди в таком состоянии общества могут сделать для пропитания человечества.

Хотя оседлые деревенские индейцы опережали северных индейцев на один этнический период, не может быть никаких сомнений в том, что их образ жизни в этом отношении был по существу таким же. У ацтеков или древних мексиканцев обед подавался около полудня, но у нас нет удовлетворительного описания завтрака или ужина, которые обычно и регулярно готовились. Цивилизация с ее диверсифицированной промышленностью, множасьими продуктами и моногамной семьей обеспечивает завтрак и ужин в дополнение к ужину. Сомнительно, что они старше цивилизации; и даже если их можно определенно проследить в более ранний период варварства, маловероятно, что они были найдены в средний период. Клавиджеро пытается накормить ацтеков завтраком, но ему не удалось найти никаких свидетельств ужина. "После нескольких часов работы утром, - отмечает он, - они завтракали, чаще всего атолли, маисовой кашей, и обедали после полудня; но ни у кого из историков мы не можем найти упоминания об их ужине". [Примечание: История Мексики, ii, 262.]

"Кукурузная каша", упомянутая здесь как обычно составляющая завтрак ацтеков, наводит на мысль о "мамалыге ирокезов", которую, как и ее, не исключено, постоянно готовили в каждом мексиканском доме в качестве обеда для голодных. Другие испанские авторы упоминают о двухразовом питании, но поскольку ацтеки, а также племена Юкатана и Центральной Америки не знали об использовании столов и стульев для приема пищи, делили еду из котелка, обычно накладывая обед для каждого человека в отдельную миску, и разделяли приемы пищи: мужчины ели первыми и самостоятельно, а женщины и дети - после, это сходство обычаев делает вероятным, что они недалеко ушли от ирокезов в отношении времени и способа принятия пищи. Ужин Монтесумы, засвидетельствованный Берналем-Диасом и другими и подробно описанный рядом авторов, показывает, что у ацтеков каждый день был дымящийся горячий ужин, приготовленный регулярно и в масштабах, достаточных для большой семьи; что обед на каждого человека подавался в одной миске, и все эти миски в количестве нескольких сотен приносились и ставились вместе на полу одной комнаты, откуда их брали одну за другой члены семьи мужского пола, а содержимое съедалось сидя на полу или стоя на открытом дворе, как им больше подходило. . Предшествовавший ему завтрак и последующий за ним ужин не упоминаются, из чего мы делаем вывод, что эти любознательные наблюдатели не могли видеть ни завтрака, ни ужина. Также не упоминается последующий ужин женщин и детей в доме, из чего можно сделать вывод, что, поскольку мужчины сначала ужинали в определенном зале в одиночестве, женщины и дети ужинали позже в другом зале, невидимом испанцам.

В описаниях ужина Монтесумы упоминается поварня, или кухня, в которой готовился обед для большого семейства "Текпана", или "официального дома", так подробно описанный выше мистером Бандельером. Эта кухня и использование другой комнаты, где миски с обедом для каждого человека в отдельности сами по себе ставились на пол — зарождающаяся столовая — впервые появляются в Среднем статусе варварства. Но, как можно заметить, это всего лишь

грубые воплощения кухни и столовой цивилизованного человека. В домах пуэбло на Юкатане и в Чьяпасе, ныне находящихся в руинах, нет дымоходов, из чего можно сделать вывод, что в них не готовили пищу. В Ушмале мы узнаем в Доме губернатора, Текпане, или доме чиновника, и в Доме монахинь, и в других строениях, которые образовывали пуэбло, многоквартирные дома, в которых проживала основная часть племени. Если истина в этом вопросе когда-нибудь будет установлена, то, вероятно, выяснится, что обед для каждой группы домохозяйств, состоящей из нескольких семей, готовился в общей кухне за пределами основного здания и что он был разделен у котла между членами каждой семьи.

Разделение полов во время еды было достаточно распространено среди ирокезов. Робертсон утверждает, что это обычай как общий. "Они должны обращаться к своим господам с почтением; они должны рассматривать их как более возвышенных существ, и им не разрешается есть в их присутствии". [Примечание: История Америки, Нью-Йоркское изд., 1856, 178.]

Кэтлин говорит то же самое: "Однако этим женщинам, хотя они грациозны и вежливы, очень красивы или очень голодны, не разрешается сидеть в одной группе с мужчинами во время еды. За все время моего путешествия по Индии я ни разу не видел, чтобы индианка ела со своим мужем. Мужчины образуют первую группу на банкете, а женщины, дети и собаки - все собираются вместе на следующем". [Сноска: североамериканские индейцы, i, 202.] И Адэр: "ибо мужчины пируют сами по себе, а женщины едят остатки". [Сноска: История американских индейцев, стр. 140.]

Эррера замечает, что "женщины Юкатана несколько крупнее испанок и, как правило, имеют приятные лица ... но раньше они напивались на своих фестивалях, хотя ели порознь". [Сноска: История Америки, iv, 175.] А Саагун, говоря о церемонии крещения у ацтеков, замечает, что "женщинам, которые ели отдельно, они не давали пить какао". [Примечание: Historia General, lib. iv, 36]

С этими общими ссылками на всеобщий обычай мужчин есть первыми, а женщин и детей оставлять на потом, в соответствии с обычаями варварства, мы оставляем эту тему.

[Сноска 1 перенесена: Торквемада (Lib. II, cap. LXVIII, p. 194) "Estaba de ordinario, recogido en una grande Sala (el calpul)." (Библиотека. III, глава. XXVII, стр. 305. Библиотека. IV, глава. XIX, p. 396) (que asi llaman las Salas grandes de Comunidad, o de Cabildo). Мы находим под искаженным названием "гальпон" "кальпулли" в Никарагуа среди никиранцев, которые говорят на диалекте мексиканского языка (науатль). См. Э. Г. Сквайера ("Никарагуа", том II, стр. 342). "Здания совета назывались грепонами, они были окружены широкими коридорами, называемыми гальпонами, под которыми хранилось оружие под охраной охраны из молодых людей". Мистер Сквайер, очевидно, опирается на Овьедо ("История. генерал", Lib. XLII, глава. III, стр. 52). "Esta casa de cabildo llaman galpon...." Это еще одно свидетельство в пользу наших утверждений о том, что родство составляло первоначальную единицу племени, и в то же время намек на то, что, как и в Нью-Мексико, первоначально вся родня жила в одном большом доме. См. Словарь Молины. (стр. 11).]

[Перенесенная сноска 2: Нет никаких свидетельств о какой-либо дани или предварительном выплате кварталами племени. Всегда сохранялся обычай, что "кальпулли" был суверенен в своих пределах. See Alonzo de Zunta ("Rapport sur les differentes classes de chefs de la Nouvelle-

Espagne," pp. 51-65). Кроме того, Икстлильшочитль говорит: ("Hist. des Chichim", загл. XXXV, стр. 242), "Другие поля назывались Кальполалли или Алтепетлалли". Теперь кальпулалли (от "кальпулли", квартал или родство, и "тлалли", почва) означает почву рода, а алтепеталли ("алтепетль", племя) - почву племени. Клавиджеро даже говорит, что земли, называемые "альтепетлалли", принадлежащие общинам "городов и деревень, были разделены на столько частей, сколько в городе было кварталов, причем каждый квартал был свой, без малейшей связи с другим". (Lib. VII, глава XIV.) Это ясно указывает на то, что родственные связи владели землей, тогда как племя занимало территориальные просторы. Домен, относящийся либо к "лорду", либо к "государству", был неизвестен среди индейцев в целом. Даже у перуанцев, которые были более развиты в этом отношении, чем мексиканцы, не было владения этого племени.]

[Сноска 3 перенесена: см. Торквемада (Lib. II, глава. XI и Lib. III, глава. XXII). Дюран (глава V). Цитата взята из Эрреры (декабрь II, Библиотека. VII, глава II). XIII, стр. 190), и подтверждается Торквемадой (Lib. III, сар. XXIII, стр. 291), и особенно Гомарой ("Конкиста Мехико", стр. 443. Ведия, I.) "Многие женатые люди ("мучос касадос") живут в одном доме либо из-за того, что братья и родственники живут вместе, поскольку они не делят свои земли ("heredades"), либо из-за ограниченного пространства пуэбло; хотя пуэбло большие, и даже дома". Питер Мученик Английский ("De Novo Orbe", перевод Ричарда Идена и Майкла Лока, Лондон, 1612 г., V декабря, глава X, стр. 228) говорит: "Но сами обычные дома высотой до пояса маннеса также были построены из камня из-за вздутия озера во время наводнения или смыва воды, падающей в него. На этом великолепном фундаменте они построили остальную часть дома из кирпича, высушенного или обожженного на солнце, вперемешку с Бревенчатыми балками, и в обычных домах всего один этаж или доска ". Здесь нам невольно напоминают о домах Ицы на озере Петен, которые были найдены в 1695 году. ("История. de la Conq. de los Itzaex," Lib. VIII, глава. XII, с. 494). "Все это было заполнено домами, некоторые с каменными стенами высотой более одного прута, а еще выше - деревянными, и крышами из соломы, а некоторые только из дерева и соломы. В них жили все жители Острова жестоко сплоченно, одни родственники занимали один дом". См. также весьма ценное Введение ко второму диалогу Сервантеса-Салазара ("Мексика в 1554 году") моего замечательного друга сеньора Иказбалсеты (стр. 73 и 74).]

[Перенесенная сноска 4: Это последовательное образование новых "кальпулли" нигде явно не указано, но это подразумевается в отрывке Дюрана, который мы уже цитировали (глава V, стр. 42). Это также является результатом их военной организации, описанной в "Искусстве войны" (стр. 115). С увеличением численности населения первоначальные родственные связи неизбежно дезагрегировались еще больше, как мы видели, это происходило среди киче (см. "Popul-Vuh", цитируемый в нашем примечании 7), образуя меньшие группы единокровных родственников. После успешной войны против текпанеков, о которой мы будем говорить ниже, мы находим по меньшей мере двадцать вождей, представляющих столько же родов (Дюран, сар. XI, стр. 97), помимо еще трех, заимствованных затем из кульусканских (см. Там же, стр. 98 и 99). Это указывает на увеличение.]

[Сноска 5 перенесена: Торквемада (Lib. III, сар. XXIV, стр. 295): "Я признаю, что это правда, что этот город Мехико разделен на четыре главных квартала, в каждом из которых есть другие, включая меньшие, и все они, как общие, так и частные, имеют своих командиров и вожаков...." Зурита ("Взаимопонимание", стр. 58-64). То, что меньшими подразделениями были те, кто владел почвой, а не четыре первоначальные группы, должно быть выведено из того факта, что

земля была присоединена к кальпулли. Зурита говорит (стр. 51): "Они (земли) принадлежат не каждому жителю деревни, а кальпулли, которые владеют ими совместно". С другой стороны, Торквемада заявляет (Lib. XIV, сар. VII, стр. 545), "Что в каждом пуэбло, в зависимости от количества людей, должны быть (были) скопления ("parcialidades") различных людей и семей.... Эти скопления были распределены кальпулами, представляющими собой кварталы ("барриос"), и случалось, что одно из вышеупомянутых скоплений иногда содержало три, четыре и более кальпул, в зависимости от населения данного места ("пуэбло") или племени ". Тот же автор далее утверждает: "Все эти кварталы и улицы были подобраны и выровнены с такой точностью, что жители одного квартала или улицы не могли отнять и пяди земли у жителей другого, и то же самое было с улицами, их участки тянулись (были разбросаны) по всему пуэбло". Следовательно, четырем большим кварталам Мексики как таковым не было выделено общинных земель, но каждое из родов (calpules) удерживало свою часть первоначальной совокупности. Сравните Гомару (Ведия, том I, "Conq. de Мехико", стр. 434: "Среди данников это обычай и т.д. и т.п." Также стр. 440). Клавиджеро (Lib. VII, глава. XIV): "Каждый квартал имеет свой собственный участок, не имеющий ни малейшей связи с другими".]

[Перенесенная сноска 6: Сравните Дюрана (глава XI, стр. 87). Акоста (Lib. VII, глава XXXI, стр. 470). Похоже, что "вигвам" был построен не ранее середины 14 века, поскольку собрания племени ранее созывались священниками и, вероятно, на открытом пространстве вокруг главного молитвенного дома. Факт созыва священниками публичных собраний подтверждается Дюраном (глава IV, стр. 42). Акоста (Lib. VII, глава VII, стр. 468). Вейтия (Lib. II, глава. XVIII, стр. 156, 159. Глава. XXI, стр. 186). Acosta first mentions "unos palacios, aunque harto pobres." (Lib. VII, глава 8, стр. 470), по случаю избрания первого регулярного "тлакатекухтли": Акамапичтли— Торквемада говорит (Lib. XII, сар. XXII, с. 290), что они жили в жалких хижинах из тростника и соломы, возведенных вокруг открытого пространства, где был построен алтарь или место поклонения Уицилопочтли. Общественное здание, безусловно, было их новейшим сооружением.]

[Перенесенная сноска 7: "Поместья патрономов" упоминаются часто, но вопрос в том, где их можно найти? Ни "типан-тлалли", ни "тлатока-тлалли", ни тем более "кальпулалли" не обнаруживают никаких следов индивидуального владения. "Эредад" (семейная реликвия) называется без разбора "милли" и "куэмитль" (Molina, Parte Ia, стр. 57). Последнее также переводится как "огненная земля, о камеллон" (Молина, Часть II, стр. 26). Таким образом, это напоминает нам о "чайнамитле", или грядке (как также подразумевает название "камеллон"), и сводит ее к доле обычного возделываемого участка среди других, расположенных в районе кальпулли. Его также называют "тлалли", но это общее название почвы. "Tierras o heredades de particulares, juntas an alguna vega" называется "тлалмилли". Это разлагается на почву "тлалли" и "милли". Но "вега" означает плодородный участок или поле, и, таким образом, мы снова имеем представление об общественных землях, разделенных на участки, улучшаемые отдельными семьями, как это обязательно подразумевает идея общинного владения.]

[Перенесенная сноска 8: Зурита ("Взаимопонимание" и т.д. и т.п., стр. 50): "Вождей второго класса пока называют кальпуллек в единственном числе и чинанкаллек во множественном". (Это, очевидно, неверно, поскольку слова "кальпулли" и "чинанкалли" можно легко отличить друг от друга.) "Однако "чинанкалли", вслед за Молиной, означает "серкадо де сето" (Часть II, стр. 21), или огороженную территорию, и если мы свяжем его со старым оригинальным "чинамитл", мы невольно перенесемся в ранние времена, когда мексиканцы жили всего лишь

на нескольких клочках более или менее твердой почвы. Это дополнительное свидетельство в пользу высказанных нами взглядов на рост землевладения среди мексиканского племени. Мы никогда не должны забывать, что этот термин - "науатль", и как таковой признан всеми другими племенами, за исключением собственно мексиканцев. Толкование как "семья" на языке киче Гватемалы, о котором мы уже упоминали, приобретает здесь еще большее значение; то есть: вожди древней расы или семейства, от слова *calpulli* или *chinancalli*, что одно и то же и означает квартал (*barrio*), населенный известной семьей или древним происхождением, которая с давних времен владеет территорией, границы которой известны, и члены которой происходят из того же рода".

"Кальпулли, семьи или кварталы, очень распространены в каждой провинции. Среди земель, которые были предоставлены поварам второго класса, были и кальпулли. Эти земли являются собственностью народа в целом ("*de la masse du peuple*") с того времени, как индейцы достигли этой земли. Каждая семья или племя получили часть земли в вечное пользование. Они также носили фамилию кальпулли, и до сих пор эта собственность пользовалась уважением. Они принадлежат не каждому жителю деревни в отдельности, а кальпулли, у которых они общие". Дон Рамирес де Фуэнлеаль, письмо из Мексики, 3 ноября 1532 г. ("*Recueil de pieces*" и др., Ternaux-Comrans, стр. 253): "В деревнях очень мало людей, у которых есть собственные земли ... земли находятся в общем владении и обрабатываются сообща". Эррера (декабрь. III, Библиотека. IV, глава. XV, стр. 135) подтверждает в сжатой форме утверждение Зуриты: "и это не частные земли каждого из них, а находящиеся в общем владении". Торквемада (Lib. XIV, глава. VII, стр. 545.) Вейтия (Lib. III, глава. VI, стр. 196). "Наконец, у каждого племени были и другие участки земли, называемые кальпулалли, то есть земля кальпулов (барриос), которые также обрабатывались сообща". Овьедо (Lib. XXXII, сар. LI, стр. 536 и 537). Клавиджеро (Lib. VII, сар. XIV). Бустаманте ("Тецкоко" и др., Часть II, глава V., стр. 232).]

[Перенесенная сноска 9: Зурита (стр. 52): "Тот, кто получил их от государя, не имеет права распоряжаться ими". Эррера (дек. III, Lib. IV, глава. XV, стр. 135): "Тот, кто владел ими, не мог их отчуждать, хотя пользовался ими всю свою жизнь". Торквемада (Lib. XIV, глава VII, стр. 545): "Часто упоминаются споры о землях, но они относятся к пользованию и владению, а не к передаче земли". Baron Humboldt ("*Unes des Cordilleres et monuments indigenes des peuples de l'Amerique*", Vol. I, Табл. V) воспроизводит мексиканскую картину, изображающую судебный процесс по поводу земли. Но эта картина была написана после завоевания, о чем достаточно свидетельствует тот факт, что спорящими сторонами являются индейцы и испанцы. Время от времени упоминается, что определенные земли "могут быть проданы". Однако все такие участки, как "паллалли", как было показано нами, находятся в общинном владении земель, где пользование предоставляется только отдельным лицам и их семьям.]

[Перенесенная сноска 10: Зурита (стр. 60): "У кальпулли вождь обязательно выбирается из числа племени; он должен быть одним из основных жителей, способным человеком, который может помочь народу и защитить его. Среди них происходят выборы.... Должность этого вождя не передается по наследству; когда кто-либо умирает, они избирают на его место самого уважаемого старика Если умерший оставил способного сына, выбор падает на него, и предпочтение всегда отдается родственнику бывшего президента". (Id., стр. 50 и 222). Симанкас М. С. С. ("О порядке престолонаследия" и др., "*Recusil*", стр. 225): Что касается способа регулирования юрисдикции и выборов алькальдов и регидоров деревень, "они назначили

известных людей, носивших титул ахкатанлитин.... Других выборов офицеров не было...." ("Военное искусство" и др., стр. 119 и 120).]

[Перенесенная сноска 11: Зурита (стр. 61 и 62): "Этот вождь управляет землями кальпулли. Его долг - защищать их владения. У него хранятся картины с изображением участков, именами их владельцев, положением, границами, количеством обрабатывающих их людей, состоянием частных лиц, обозначениями каждого из них, поскольку они свободны, других, принадлежащих испанцам, датой дарения, кому и кем они были переданы. Эти картины он постоянно обновляет, в соответствии с происходящими изменениями, и в этом они очень искусны". Примечательно, что Мотилиния в своей "Профессиональной эпистоле" ("Coll. de Doc."; Icazbalceta, Vol. I, стр. 5), среди пяти "книг картин", которые, по его словам, были у мексиканцев, ничего не упоминается об этом. Не замечает он этого и в своем письме от Чолалы, 27 августа 1554 г. ("Recueil de pieces" и др., Ternaux-Compans).]

[Перенесенная сноска 12: Каждая семья, представленная своим главой мужского пола, получила определенный участок земли для возделывания и использования, Зурита (стр. 55). "Партия (член кальпулли, поскольку ни один член другой партии не имел права селиться на ее территории — см. Ид., стр. 53), у которой нет земель, обращается к вождю кальпулли, который, по совету других стариков, назначает ему то, что соответствует его способностям и желаниям. Эти земли переходят к его наследникам...." (id., стр. 56). "Собственник, который не обрабатывал землю в течение двух лет либо по своей вине, либо по небрежности, без уважительной причины ... его призвали улучшить их, и если ему это не удавалось, на следующий год они передавались другому ". Бустаманте (Тезосо и др., Часть IIIa, стр. 190, глава I): "Тот факт, что любой владелец "тлальмили" мог сдавать в аренду свою долю, если он сам был занят в сфере, не позволяющей ему фактически работать на ней, является результатом того, что земли "кальпулли" были представлены попеременно рассматриваемыми как общинные, а затем как частные земли. Кроме того, о торговцах, которые по роду своих занятий в основном отсутствовали, говорится, что они также были членами и участниками "кальпулли" (Зурита, стр. 223. Саагун, Библиотека. VIII, глава. III, стр. 349). Теперь, поскольку каждый мексиканец принадлежал к роду, владевшему землями в соответствии с планом, изложенным выше, из этого следует, что те, кто не мог работать сам, из-за выполнения ими других обязанностей, подчиненных интересам общины, все еще сохраняли свои участки, заставляя других обрабатывать их в своих интересах. Это было не право аренды, которое санкционировало улучшение, а факт улучшения для определенной цели и выгоды, который обеспечил владение или аренду.]

[Сноска 13 перенесена: из "почвы тлалли" и "руки майтл". Руки почвы. У Молмы (Часть II, стр. 124) есть: "тлалмаитль" — "лабрадор, и ганьян". Это название дано в знак отличия от "масехуалес" или людей, обрабатывающих землю в целом. Тлалмаиты идентичны "майекам". (См. Зурита, стр. 224): "тлалмаиты или майеки, что означает возделывающие чужую землю ...". Он четко отличает их от "теккаллек", которые являются "текпанпукке" или "текпантлакой", ранее упоминавшимися как принадлежащие к классу официальных земель (с. 221, Зурита). Эррера (декабрь. III, Библиотека. IV, глава. XVII, стр. 138): "Эти майеки не могли переходить с одного участка на другой и оставлять те, которые они возделывали. Они платили дань не кому иному, как хозяину этой земли. Это, как правило, показывает, что существовало не установленное обязательство, не крепостное право, а добровольный договор, что "тлалмаиты" были не крепостными, а просто арендаторами.]

[Перенесенная сноска 14: Мотолиния (Тратадо II, глава V, стр. 120): "Но они оставили свои дома и земли своим детям". ... Gomara (p. 434): "Es costumbre de pecheros que el hijo mayor herede al padre en toda la hacienda raiz y mueble, y que tenga y mantenga todos los hermanos y sobrinos, con tal que hagan ellos lo que el les mandare." Клавиджепо (Lib. VII, cap. XIII): "В Мексике и почти во всем королевстве, за исключением королевской семьи, как уже говорилось, сыновья наследовали права отца; а если сыновей не было, то наследовали братья, а сыновья братьев". Бустаманте ("Тецкоко" и др., стр. 219): Во всех этих случаях Бустаманте говорит только о вождях; но цитаты из Мотолинии и Гомары напрямую относятся к людям в целом.]

[Перенесенная сноска 15: Г-н Л. Х. Морган исследовал обычай наследования не только у северных индейцев, но и у индейцев пуэбло в Нью-Мексико. Он устанавливает тот факт, что "родство" или "gens", которое мы можем справедливо рассматривать как организационную единицу в обществе американских аборигенов, участвовало в разделе имущества умершего. Он доказывает это у ирокезов ("Древнее общество", часть II, глава. II, стр. 75 и 76). Вайандоттс, Id., cap. VII, стр. 153. Миссури-племена, стр. 155. Виннебаго, стр. 157. Манданы, стр. 158. Миннитари, стр. 159. Крикс, стр. 161. Чоктас, стр. 162. Чикасас, стр. 163. Оджибва, стр. 167; также потоватоми и кри, Миами, стр. 168. Шауни, стр. 169. Сауки, лисы и меномини, стр. 170. Делавары, стр. 172. Манси и могоганцы, стр. 173. Наконец, показано, что индейцы пуэбло в Нью-Мексико имеют если не идентичный, то, по крайней мере, сходный способ наследования. Было бы легко получить дополнительные доказательства, в том числе из Южной Америки.]

[Перенесенная сноска 16: Письмо Мотолинии и Диего д'Оларте дону Луису де Веласко, Чолула, 27 августа 1554 г. ("Recueil" и т. Д. и т. Д., стр. 407): "Дочери не унаследовали; это был основной сын жены" ... Кроме того, почти каждый автор называет наследниками только сына или сыновей. О дочерях вообще не упоминается. В Тлашкаллане также прямо упоминается, что дочери не наследовали" (Торквемада, Lib. XI, глава. XXII, стр. 348). В целом положение женщины в древней Мексике было очень низким и лишь немногим превышало то, которое она занимала у индейцев в целом. (Сравните описание Гомары, стр. 440, Ведия I, с описанием Саагуна. Библиотека X, глава. I, стр. 1; загл. XIII, стр. 30, 31, 32 и 33. Этот факт обычно признается). Х. Х. Бэнкрофт "Коренные расы", том. II, глава. VI, стр. 224 и др.]

ГЛАВА V.

ДОМА ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН К СЕВЕРУ ОТ НЬЮ-МЕКСИКО.

Развитие идеи архитектуры дома в целом - тема более всеобъемлющая, чем рамки этого тома. Но есть одна фаза этого роста, иллюстрирующая состояние общества и семьи в условиях дикости и варварства, на которую следует обратить внимание. Это встречается в домашней архитектуре американских аборигенов, рассматриваемой как единое целое и как части одной системы. Как система она связана с институтами, обычаями и привычками, представленными в предыдущих главах. В коллективной архитектуре индейских племен есть не только многочисленные свидетельства постепенного развития у них этой великой способности человеческого разума на протяжении трех этнических периодов, но и сами сооружения, или знания о них, остаются для сравнения друг с другом. Сравнение покажет, что они принадлежат к общей местной архитектурной системе. Существует общий принцип, пронизывающий всю эту архитектуру, от хижины дикаря до просторного многоквартирного дома деревенских индейцев Мексики и Центральной Америки, который внесет свой вклад в ее прояснение.

Местная архитектура деревенских индейцев больше, чем что-либо другое, обеспечила им их положение в глазах человечества. Факты об их социальном положении в других отношениях, которые, к сожалению, неясны, сыграли гораздо меньшую роль в установлении их статуса, чем существующие архитектурные остатки. Здания индейцев в Мексике и Центральной Америке периода Завоевания вполне могут вызывать удивление и даже восхищение; судя по их роскошным размерам, материалу, использованному при их строительстве, и характеру их орнамента, они в высшей степени заслуживают уважения к их архитектурному мастерству. Но этой архитектуре с самого начала было придано ложное толкование, как, я думаю, можно показать, и выводы относительно социального положения и степени развития этих племен постоянно делались из нее как ошибочные, так и вводящие в заблуждение, в то время как простая истина была бы более похвальной для аборигенов. Моей целью будет дать интерпретацию этой архитектуры в гармонии с обычаями индейских племен. Будут рассмотрены и сравнены дома разных племен с точки зрения планировки и механизма, чтобы показать, что они представляют собой одну систему.

Общий принцип, как уже говорилось, пронизывает всю эту архитектуру, от "длинного дома" ирокезов до "домов пуэбло" в Нью-Мексико, и до так называемого "дворца" в Паленке, и "Дома монахинь" в Ушмале. Это принцип приспособления к коммунизму в жизни, ограниченный в первую очередь группами домохозяйств и, наконец, распространяемый на всех жителей деревни или стойбища в соответствии с законом гостеприимства. Голод и нужда не были известны в одном конце индийской деревни, в то время как в другом царил изобилие. Дома с совместным проживанием, каждый из которых занимало одно большое домашнее хозяйство, как у ирокезов, или несколько групп домашних хозяйств, как на Юкатане, были естественным и неизбежным результатом их обычаев. Коммунизм в жизни и закон гостеприимства, по-видимому, сопровождали все фазы индийской жизни в дикости и варварстве. Эти и другие факты их социального положения воплотились в их архитектуре и внесут свой вклад в ее прояснение.

Архитектура домов северных племен сама по себе не имеет большого значения, но как результат их социального положения и для сравнения с положением южных деревенских индейцев она чрезвычайно важна. Будет предпринята попытка показать, во-первых, что известный коммунизм в образе жизни первых племен вошел в характер их домов, которые являются общинными, и определил его; и, во-вторых, что везде, где строения последнего класса явно являются общинными, практика коммунизма в образе жизни в период открытия может быть выведена из самих строений, хотя многие из них сейчас находятся в руинах, а люди, которые их построили, исчезли. Однако были представлены некоторые свидетельства коммунизма деревенских индейцев.

ОБЩИННЫЕ ДОМА ДИКИХ ПЛЕМЕН.

Мистер Стивен Пауэрс в своей недавней поучительной работе о "Калифорнийских племенах" перечисляет семь разновидностей домиков, построенных этими племенами и приспособленных к различным климатическим условиям штата. Одна форма была приспособлена к сырому и туманному климату побережья Калифорнии, построена из жердей красного дерева над выкопанной ямой; другая - для снежного пояса Прибрежного хребта и Сьерры; третья - для высоких хребтов Сьерры; третья - для теплых прибрежных долин; третья, ограниченная небольшой площадью, построена из переплетенных ивовых жердей с открытыми

промежутками; третья - для безлесных равнин Сакраменто и Сан-Хоакина, куполообразная и покрытая землей; и еще одна - для жаркого и почти без дождей региона долин Керн и Туларе. , изготовлен из туле. Четыре из этих разновидностей приведены ниже, иллюстрации взяты из его работы. [Примечание: "Географический обзор региона Скалистых гор" Пауэлла и др., "Вклад в американскую этнологию", том. iii, Калифорнийские племена Пауэрса, стр. 436.]

"При строительстве вигвама они выкопали около двух футов, насыпали земли столько, чтобы не попадала вода, а оставшуюся часть забросали куполообразной крышей. С Лолсель невеста часто остается в доме отца, а ее муж переезжает жить к ней, после чего возвращается половина денег за покупку. Таким образом, в одном домике будет две или три семьи. Они очень клановые, особенно горные племена, и влияние семьи очень сильно ". [Сноска: ib., стр. 221.]

В другом месте он следующим образом комментирует эту форму дома: "На огромных безлесных равнинах Сакраменто и Сан-Хоакина дикари, естественно, прибегали к земле в качестве материала. Круглый, куполообразный, покрытый землей домик считается характерным для Калифорнии; и, вероятно, две трети ее огромного коренного населения жили в жилищах, подобных этому описанию. Дверной проем иногда находится прямо наверху, иногда на земле, с одной стороны. Я так и не смог установить, оказало ли количество осадков в какой-либо конкретной местности какое-либо влияние на определение места установки двери ". [Сноска: ib., стр. 437.]

Этот способ входа вновь появляется в более артистичном доме индейцев пуэбло в Нью-Мексико, где в комнаты можно попасть через люк в крыше, а спуск осуществляется по лестнице. "Огромное коренное население" Калифорнии, о котором говорит мистер Пауэрс, - это слишком сильное утверждение.

"Этот вигвам имеет форму заглавной буквы L, состоит из реек, прислоненных к коньковому столбу, и покрыт густой соломой. По всей середине его разные семьи или поколения разводят свои костры, а сами спят у стен, лежа на земле, под кроличьими шкурами и другими, менее элегантными одеяниями, среди грязного скопления корзин, собак и всего убогого хлама, дорогого сердцу аборигенов. В нем есть три узких отверстия для укрытий, по одному с обоих концов и одно у локтя ". Это пятая разновидность домика мистера Пауэрса. [Примечание: "Племена Пауэрса в Калифорнии", стр. 284.]

"В самом высоком районе Сьерры, где снег выпадает на такую огромную глубину, что костер был бы затушен, а вся открытая сторона занесена снегом, жилище сохраняет практически ту же форму и материалы, но костер переносится в середину, и одна его сторона (обычно восточная) спускается почти горизонтально, чем другая, и заканчивается изогнутой формой высотой около трех футов и вдвое длиннее ". Полдюжины таких домов образуют индийскую деревню с добавлением "куполообразного дома собраний или танцев" в середине помещения. "Вокруг каждого домика стоят одно или несколько плетеных житниц для желудей, по форме и размеру очень похожих на бочки, либо стоящих на земле, либо установленных на столбах высотой с голову, полных желудей и покрытых соломой". [Примечание: "Племена Пауэрса в Калифорнии", стр. 284.]

В Южной Калифорнии, где климат одновременно сухой и жаркий, туземцы построили вигвам, совершенно отличный от тех, что встречаются в других частях штата. "В народе йокутов, - замечает г-н Пауэрс, - по-видимому, больше политической солидарности, у мелких племен

больше возможностей объединяться в большие и сплоченные массы, чем это принято в государстве. Это особенно верно для тех, кто живет на равнинах, кто демонстрирует в своих лагерях поразительную военную точность и регулярность. Каждая деревня состоит из одного ряда вигвамов, конической или клиновидной формы, обычно сделанных из тула, и достаточно выдолбленных внутри, чтобы обитатели могли спать так, чтобы голова была выше ног, все в идеальном порядке, а спереди тянулся сплошной навес из хвороста. В одном конце вигвама живет деревенский староста, в другом - шаман си-се-ро. В горах есть некоторый подход к этому боевому порядку, но на равнинах он универсален." [Примечание: "Племена Пауэрса в Калифорнии", стр. 370.]

Как правило, в этих домах проживало больше семей, чем одна, как показывает тот же автор. В северной части штата "вигвамы тату по существу не отличаются от вигвамов местных племен. Они построены из крепких ивовых прутьев, имеют куполообразную форму и покрыты травой. Иногда они очень большие и продолговатые, со спальней на тридцать-сорок человек." [Сноска: ib., стр. 139.]

Йо-кай-а населяют часть северо-западной части штата. "Их домики построены в том же стиле, что и обычно вдоль Русской реки: огромный каркас из ивовых жердей, покрытый соломой и напоминающий большой плоский стог сена. Хотя все еще сохраняется тот же стиль и материалы, поскольку они переняли у американцев использование досок, они научились сооружать по всей стене вигвама ряд маленьких парадных комнат, если можно так их назвать, которые плотно заколочены и внутри оборудованы койками. Это позволяет каждой семье в этих огромных патриархальных вигвамах раздеться и удалиться с некоторым соблюдением приличий, чего нельзя было сделать в одной общей комнате вигвама старого стиля". [Сноска: ib., стр. 163.]

Снова: "Сенели вместе с тремя другими мелкими племенами, простыми деревнями, занимают то широкое пространство долины Русской реки, на одной стороне которой сейчас стоит американская деревня Сенель. Среди них мы безошибочно находим развитую ту патриархальную систему, которая, по-видимому, преобладает на всем протяжении Русской реки. Они сооружают огромные куполообразные или продолговатые вигвамы из ивовых прутьев диаметром дюйм или два, сплетенных из квадратных решеток, надежно связанных и покрытых соломой. В каждом из них живет несколько семей, иногда по двадцать-тридцать человек, включая всех, кто является кровными родственниками. Таким образом, каждый вигвам - это пузбло, сам по себе закон; и все же эти вигвамы сгруппированы в деревнях, в некоторых из которых раньше жили сотни жителей". [Сноска: ib., стр. 168.]

Я не могу найти, чтобы мистер Пауэрс упоминал о практике коммунизма в этих семьях, но этот факт кажется вероятным. Их обычаи гостеприимства во многом такие же, как у других племен. Их основной пищей был лосось, хлеб из желудевой муки, дичь, кама и ягоды. Их готовили без керамики в земляных печах, а также в водонепроницаемых корзинах с помощью раскаленных камней.

Можно вкратце упомянуть коженый домик в Катчине или Лушу на реках Юкон и Пил.

[Иллюстрация: рис. 5.—Катчин Лодж.]

Это простое сооружение, план местности и высота которого были взяты из отчета Смитсоновского института, так описывается мистером Стрейкеном Джонсом: [Сноска: Отчет за 1866 год, стр. 321.] "Оленьи шкуры выделывают шерстью и сшивают вместе, образуя два больших рулона, которые натягивают на каркас из согнутых жердей. Домик имеет почти эллиптическую форму, около двенадцати или тринадцати футов в диаметре и шести футов в высоту, очень похож на перевернутую чайную чашку. Дверь высотой около четырех футов представляет собой просто оленью шкуру, прикрепленную сверху и свисающую вниз. Отверстие для выхода дыма имеет около четырех футов в диаметре. По краям домика насыпают снег, а внутри расстилают на земле сосновые заросли, предварительно счистив снег снегоступами. Костер разводят в середине вигвама, и одна или несколько семей, в зависимости от обстоятельств, живут по обе стороны от костра, у каждой свое особое место." [Примечание: ib., стр. 322.] Далее он отмечает, что "у них нет глиняной посуды" и что они кипятят воду "с помощью камней, раскаленных докрасна и брошенных в котел". [Сноска: ib., стр. 321.]

Главный факт, на который следует обратить внимание, заключается в том, что вигвам разделен на стойла, открытые на центральном пространстве, посреди которого находится яма для костра, очевидно, предназначенная для размещения большого количества семей, чем одной. Такое расположение интерьера будет повторяться во многих других случаях. Кутчинов следует отнести к категории дикарей, хотя они близки к этому состоянию.

Племена долины Колумбии жили более или менее в деревнях, но, как и племена Калифорнии, не занимались садоводством и не занимались гончарным делом. Но они в изобилии питались прибрежными моллюсками и мириадами рыб в Колумбии и ее притоках. Они также питались камашем и другими хлебными кореньями прерий, которые готовили в земляных печах, а также ягодами и дичью. Они были опытными лодочниками и рыбаками, изготавливали водонепроницаемые корзины, орудия труда из дерева, камня и кости, а также пользовались луком и стрелами. Еще одним весьма примечательным фактом является то, что в своих домах они использовали доски, сделанные путем раскалывания бревен с помощью камня и долота из лосиного рога. Как и катчины, они находились на Высшей ступени дикости.

Когда Льюис и Кларк посетили округ Колумбия-Ривер (1805-1806), они обнаружили индейские племена, живущие в домах самого простого общинного типа, и некоторые из них по размерам земли и количеству жильцов приближаются к домам пуэбло в Нью-Мексико. Они говорят о доме чопуниша (Нез Перчес) следующим образом: "Эта деревня Тумачемотул на самом деле представляет собой всего лишь один дом длиной сто пятьдесят футов, построенный по чопунишской моде из палок, соломы и сухой травы. В нем двадцать четыре очага, примерно вдвое больше семей, и, возможно, в нем может собраться сотня бойцов. [Примечание: Путешествия и т.д., л. с., стр. 548.]

Это дало бы пятьсот человек в одном доме. Количество пожаров, вероятно, указывает на количество групп, практикующих коммунизм в жизни между собой, хотя, насколько нам известно, это могло быть общим для всего домашнего хозяйства.

[Иллюстрация: рис. 6—План местности Нкерчокиоо.]

Другой великий дом, Ncerchokioo, описывается так: "Это большое здание имеет двести двадцать шесть футов в фасаде, полностью возвышается над землей и может считаться единым домом, потому что все находится под одной крышей, в противном случае оно больше походило

бы на ряд зданий, поскольку разделено на семь отдельных квартир, каждая площадью тридцать квадратных футов, с помощью широких досок, поставленных торцом от пола до крыши. Квартиры отделены друг от друга проходом или аллеей шириной в четыре фута, проходящей через всю глубину дома, и единственный вход находится с аллеи через небольшое отверстие шириной около двадцати дюймов и высотой не более трех футов. Крыша состоит из горизонтально уложенных стропил и круглых жердей. Все здание покрыто двойной крышей из коры белого кедра." [Примечание: Путешествия Льюиса и Кларка, стр. 503.]

Можно предположить, что квартиры, как и в предыдущем случае с пожарами, указывают на количество групп, на которые было разделено большое семейство для осуществления коммунизма.

В другом месте, говоря о домах Клакеллахов, они замечают: "Эти дома необычайно велики; один из них имел размеры сто шестьдесят на сорок футов, а каркасы построены обычным способом.... Большинство домов построены из досок и покрыты корой, хотя некоторые более низкого качества построены полностью из кедровой коры, которая остается гладкой и ровной с помощью маленьких щепок, воткнутых крест-накрест в кору на расстоянии двенадцати-четырнадцати дюймов друг от друга ". [Сноска: ib., стр. 515.]

Также описаны жилища прибрежных племен (клатсопов и чинуков). - Все дома в этом районе - большие деревянные постройки, длиной от двадцати до шестидесяти футов и от четырнадцати до двадцати в ширину. Они сооружаются следующим образом: два столба из расщепленного дерева или более, в зависимости от количества перегородок, вкапываются в землю, над которой они возвышаются на высоту четырнадцати или восемнадцати футов. В верхней части они выдолблены таким образом, чтобы в них помещался конец круглой балки или шеста (конькового столба), протянувшегося от одного к другому и образующего верхнюю точку крыши по всей протяженности здания. С каждой стороны этого ряда расположен другой, который образует карниз дома и имеет высоту около пяти футов; а так как здание часто погружено на глубину четырех или пяти футов, то карнизы выходят очень близко к поверхности земли. Более мелкие куски древесины теперь протягиваются парами в виде стропил от нижних балок к верхним, где они прикрепляются с обоих концов шнурами из кедровой коры. На этих стропилах горизонтально укладываются два или три ряда небольших жердей и закрепляются таким же образом веревками из кедровой коры. Боковые стороны теперь сделаны из ряда белых досок, заглубленных на небольшое расстояние в землю, с верхними концами, выступающими над столбами на карнизе Двускатный конец и перегородки формируются таким же образом.... Крыша затем покрыта двойным рядом тонких досок, за исключением отверстия в два или три фута в центре, через которое проходит дым. Вход осуществляется через небольшое отверстие, вырезанное в досках и достаточно большое, чтобы в него могло пролезть тело. Только самые большие дома разделены перегородками, потому что, хотя в одной комнате проживают три или четыре семьи, места достаточно для всех. В центре каждой комнаты есть пространство площадью шесть или восемь квадратных футов, заглубленное на глубину двенадцати дюймов ниже остального пола и огороженное четырьмя квадратными брусками. Здесь разводят огонь, для чего обычно предпочитают сосновую кору. Вокруг камина расстилают циновки, которые днем служат сиденьями, а ночью очень часто - кроватями. Существует, однако, более постоянная кровать, сделанная путем крепления в двух, а иногда и в трех углах комнаты столбов, доходящих от крыши до земли, и на расстоянии четырех футов от стены. От этих столбов до самой стены проложен один или два ряда досок таким образом, чтобы образовать полки, на

которых они либо спят, либо складывают свои различные товары". [Примечание: Путешествия Льюиса и Кларка, стр. 431.]

Эти исследователи обнаружили, что дома индейских племен по всей долине Колумбия были заняты несколькими семьями, самая маленькая из которых насчитывала от двадцати до сорока человек, а самая большая - пятьсот. Наличие больших домохозяйств полностью показано как правило в их домашней жизни. Практика коммунизма в домашнем хозяйстве, как указано этими авторами, уже была представлена (выше, стр. 71). Эта тенденция к объединению в группы ради пропитания и взаимной защиты свидетельствует о слабости отдельной семьи перед лицом жизненных невзгод. Коммунизм в жизни был совершенно очевидной необходимостью в их положении.

В недавнем описании (1869 г.) современных домов индейцев мака с мыса Флэттери, территория Вашингтон, сделанном мистером Джеймсом Г. Суоном, старый обычай, приведший к созданию домов с совместным проживанием, все еще сохраняется. Подробно описывая способ строительства этих домов, он отмечает, что "они рассчитаны на проживание нескольких семей и имеют различные размеры; некоторые из них имеют шестьдесят футов в длину, тридцать в ширину и от десяти до пятнадцати футов в высоту". Дома были сделаны из расщепленных досок на деревянном каркасе. [Сноска: Смитсоновский институт знаний, № 220, стр. 5.]

ОБЩИННЫЕ ДОМА ПЛЕМЕН, НАХОДЯЩИХСЯ НА БОЛЕЕ НИЗКОМ УРОВНЕ ВАРВАРСТВА.

[Иллюстрация: Рис. 7 — Рамка вигвама из племени оджибва.]

Среди индейских племен, находившихся на более низком уровне варварства, существовало некоторое разнообразие в планах жилища и дома. На рис. 7, взятом из работы Скулкрафта об индейских племенах, показан каркас хижины или домика оджибва высшего класса, который до сих пор можно увидеть на южном берегу озера Верхнее. Его механизм достаточно наглядно демонстрирует каркас из эластичных жердей, представленный на рисунке. Он покрыт корой, обычно березы для каноэ, снятой большими кусками и прикрепленной лубками. Его размеры на земле варьировались от десяти до шестнадцати футов, а высота - от шести до десяти. По периметру вигвама на первом этаже были разбросаны еловые ветки или болиголов, на которых были расстелены одеяла и шкуры для постелей. Кострище находилось в центре пола, над которым, в центре крыши, было отверстие для выхода дыма. По обычаю аборигенов, в таком домике могли бы разместиться две, а иногда и три супружеские пары со своими детьми. Несколько таких лож обычно располагались в группе, и несколько домашних хозяйств состояли из родственных семей, основная часть которых принадлежала к одному и тому же роду или клану. Я не могу сказать, практиковали ли семьи, объединенные таким образом родственными узами, коммунизм в древние времена, но это кажется вероятным. Карвер, посетивший деревню оджибва в Висконсине в 1767 году, утверждает, что в каждом доме проживало несколько семей. "В этом городе, - замечает он, - около сорока домов, и он может послать более сотни воинов, многие из которых - прекрасные молодые люди". Это дало бы, по обычному правилу подсчета, пятьсот человек и в среднем двенадцать человек в доме. [Примечание: Путешествия и т.д., стр. 65.]

[Иллюстрация: рис. 8 — Дакота вий-ка-йо, или Палатка из кожи.]

Когда дакоты были впервые обнаружены, они жили в домах, построенных из жердей и покрытых корой, каждый из которых был достаточно велик для нескольких семей. Они жили в основном в деревнях на своей первоначальной территории в верховьях Миссисипи, на территории нынешнего штата Миннесота. Вытесненные на равнины наступающим белым населением, но после того, как у них появились лошади, они изобрели палатку из шкур, в высшей степени приспособленную к их нынешнему кочевому образу жизни. Он превосходит любой другой в использовании у американских аборигенов благодаря своей вместительности, портативности и легкости, с которой его можно устанавливать и наносить удары. Рама состоит из тринадцати жердей длиной от пятнадцати до восемнадцати футов, которые после связывания вместе на маленьких концах поднимаются вертикально с помощью скручивания таким образом, чтобы перекрещивать жерди над местом крепления. Затем их раздвигают на больших концах и устанавливают на земле по краю круга, обычно десяти футов в диаметре. Несколько необработанных и дубленых шкур буйвола, сшитых вместе в форме, адаптируемой к раме, натягиваются вокруг нее и скрепляются вместе, как показано на рисунке. Нижние края палатки прикреплены к земле штырьками. Сверху имеется дополнительная обшивка, выполненная в виде воротника, который открывается с наветренной стороны для облегчения выхода дыма. Для дверного проема оставляется низкое отверстие, которое закрывается дополнительной обшивкой, используемой в качестве откидной створки. Место для разведения костра и устройство кроватей такие же, как в домике оджибва, только вместо еловых веток или болиголова используется трава. Когда палатка разбита, шесты прикрепляются к лошади по половине с каждой стороны, как жерди, одним концом прикрепляются к шее лошади, а другим волочатся по земле. Шкуры и другое походное снаряжение навьючиваются на других лошадей и даже на их собак и таким образом перевозятся с места на место по равнинам. Эта палатка настолько хорошо приспособлена к их образу жизни, что широко распространилась среди индейских племен прерий. Я видел его в употреблении у семи или восьми субплемен дакоты, у айова, отои и пауни, а также у черноногих, воронов, ассинибойнов и кри. В 1878 году я видел, как он использовался среди индейцев юта в Колорадо. Коллекция из пятидесяти таких палаток, вмещающих пятьсот человек, имеет живописный вид. Под названием "палатка Сибли" она в настоящее время используется, с некоторыми изменениями плана, в армии Соединенных Штатов для службы на равнинах.

[Иллюстрация: рис. 9 — Деревня Помеиок.]

Экспедиция сэра Ричарда Гренвилла в 1585 году посетила южную часть первоначальной колонии Вирджиния, ныне входящей в состав Северной Каролины. Они высадились на острове Роанок, а также поднялись на участок пролива Албемарл до деревень Помеиок и Секотан. Ранее упомянутый художник Джон Уайт был участником этой экспедиции, и мы в долгу перед ним за ряд ценных зарисовок — среди них названы две деревни, копии которых приведены вместе с изображениями жителей и их промышленного искусства. Описание Помеиока таково: "Города в Вирджинии очень похожи на города Флориды, однако не так хорошо и прочно построены и обнесены круглым частоколом с узким входом. В городе Помеиок здания в основном принадлежат вождям и высокопоставленным лицам. С одной стороны находится Храм (дом совета) (А) круглой формы, отдельно от остальных, покрытый циновками со всех сторон, без окон и не получающий света, кроме как через вход. Резиденция их вождя (В) построена из воткнутой в землю шестов, связанных вместе и покрытых циновками, которые сбрасываются по желанию, чтобы пропускать столько света и воздуха, сколько им может потребоваться. Некоторые покрыты ветвями деревьев. Местные жители, изображенные на

табличке, предаются своим забавам. Когда родник или пруд находится на расстоянии от города, они роют от него канаву, которая снабжает их водой". [Примечание: "Очерки Виргинии" Уайта, впервые опубликованные Де Браем, 1690 г., изд-во Лэнгли, 1841 г., лист 21.]

Деревня состояла из семнадцати многоквартирных домов и дома совета, расположенных вокруг центрального открытого пространства и окруженных частоколом. Здесь дом алгонкинов, в отличие от дома оджибва, представляет собой длинный дом с круглой крышей, по-видимому, от пятидесяти до восьмидесяти футов в длину, покрытый подвижными циновками вместо коры и достаточно большой, чтобы вместить несколько семей. Предположение этого автора о том, что "здания принадлежали в основном вождям и людям высокого ранга", воплощает в себе точную ошибку, которая повторялась от начала до конца в отношении домов американских аборигенов. Поскольку дома в Помеиоке были большими, они служили резиденциями вождей; а поскольку Дом монахинь в Ушмале был роскошного размера, это была исключительная резиденция индийского правителя — выводы, противоречащие всей теории индийской жизни и институтов. Индейские вожди по всему континенту жили вместе с народом, и, как правило, не лучше, чем самые бедные из них.

"Некоторые из их городов, - говорит тот же автор, - не обнесены частоколом и гораздо приятнее; Секотан, например, здесь нарисован с натуры. Дома расположены более разбросанно, и наблюдается большая степень комфорта и земледелия, с садами, в которых выращивают табак (E), лесами, в которых водятся олени, и полями кукурузы. В полях они возводят сцену (F), на которой выставляется часовой для защиты от набегов птиц и воров. Свою кукурузу они сажают рядами (H), потому что она вырастает такой большой, с толстым стеблем и широкими листьями, что одно растение заглушает другое и она никогда не достигает зрелости. У них также есть любопытное место (C), где они собираются со своими соседями на свои пиры, как более полно показано на рисунке 20, и откуда они отправляются на пир (D). На противоположной стороне находится их место молитвы (B), а рядом с ним гробница их вождей (A).... У них есть сады для выращивания дынь (I) и место (K), где они разводят свои священные костры. На небольшом расстоянии от города находится пруд (L), из которого они берут воду." [Примечание: Эскизы и т.д. Вирджинии, описание пластины 22.]

Дома индейцев поухатан в собственно Виргинии, описанные капитаном Джоном Смитом, были точно такими же, как в Помеиоке и Секотане. Часть интерьера дома, в котором Поухатан принял Смита в качестве заключенного, выгравирована на его карте Вирджинии, копия которой приводится ниже:

[Иллюстрация: Рис. 11. Интерьер Дома индейцев Вирджинии.

С подписью:

POWHATAN

Сохранял этот статус и моду, когда капитан. Смит
был доставлен к нему пленником
в 1607 году]

"Их дома построены, - замечает Смит, - как и наши беседки, из маленьких молодых веточек, согнутых и перевязанных, и так плотно покрыты циновками или корой деревьев, очень красиво, что, несмотря ни на ветер, ни на дождь, ни на непогоду, в них тепло, как в печах, но очень дымно; тем не менее, в верхней части дома проделано отверстие, через которое дым выходит

прямо над огнем. Против огня они лежат на небольших заграждениях из тростника, покрытых циновкой, которые на фут или более возвышаются над землей с помощью деревянного заграждения. На них, вокруг дома, они лежат головами и остриями друг к другу у огня, некоторые покрыты циновками, некоторые шкурами, а некоторые совершенно голые лежат на земле, от шести до двадцати человек в доме". [Сноска: История Вирджинии, i, 130.]

Гравировка, вероятно, является улучшением симметрии конструкции оригинального дома, но, несомненно, является правдивым изображением его механизма. Представляется вероятным, что использовался двойной набор вертикальных шестов, один снаружи, другой внутри, между которыми были закреплены циновки из тростника или ивы, поскольку дома в Помеиоке и Секотане имеют ребристую внешнюю поверхность на внутренней стороне около восьми футов и состоят из четырех, пяти и шести секций. Согласно этой гипотезе, длина каждого дома должна была составлять от двадцати четырех до сорока восьми футов. Была сделана ссылка (выше, стр. 67) на размеры домов индейцев Вирджинии, из чего можно сделать вывод об их коммунистическом характере.

В "Дневнике путешествия в Нью-Йорк" за 1679-1680 годы Джаспера Данкерса и Питера Слейтера, отредактированном и переведенном достопочтенным Дж. Генри К. Мерфи, есть подробное описание дома индейцев найак с Лонг-Айленда, племени алгонкинов, лингвистически связанного с индейцами Вирджинии. Дом Найака очень близко соответствует названному последним. "Отсюда мы отправились к ее жилищу, - отмечают эти авторы, - где застали весь отряд в сборе, состоящий из семи или восьми семей и, я думаю, двадцати или двадцати двух человек. Их дом был низким и длинным, около шестидесяти футов в длину и четырнадцати-пятнадцати футов в ширину. Дно было земляным; борта и крыша были сделаны из тростника и коры каштанов; столбы или колонны представляли собой ветви деревьев, воткнутые в землю и скрепленные вместе. Верх или гребень крыши был открыт примерно на полфута шириной, от одного конца до другого, чтобы выпускать дым, вместо дымохода. По бокам или стенам дома крыша была такой низкой, что под ней едва можно было стоять. Вход, или двери, которые были на обоих концах, были такими маленькими и низкими, что им приходилось наклоняться и протискиваться, чтобы пройти через них. Двери были сделаны из тростника или плоской коры. Во всем здании не было ни извести, ни камня, ни железа, ни свинца. Они разводят свои костры посреди пола, в соответствии с количеством семей, которые живут в нем, так что от одного конца до другого каждый из них варит свой собственный котелок и ест, когда ему заблагорассудится, не только семьи поодиночке, но и каждый индеец в отдельности, в зависимости от того, насколько он голоден, в любое время суток, утром, в полдень и ночью. У каждого очага стоят кухонные принадлежности, состоящие из горшка, миски или тыквенного горшка и ложки, также сделанной из тыквенного горшка. Это все, что относится к приготовлению пищи. Они лежат на циновках ногами к огню, по обе стороны от него. Они редко сидят на чем-либо приподнятом, но, по большей части, сидят на земле или приседают на лодыжки. Другие предметы их домашнего обихода состоят из калабаса с водой, из которого они пьют, маленькой корзинки, в которой носят и хранят кукурузу и мелкие бобы, и ножа.... Все, кто живет в одном доме, как правило, одного происхождения, как отец и мать со своими отпрысками. Их хлеб - это кукуруза, растертая на брусчатке камнем, но не тонкая. Это смешивают с водой и делают из этого пирог, который выпекают в горячей золе. Когда мы вошли, они дали нам маленький кусочек, и хотя зерна были незрелыми, а это были полусырые и грубые зерна, мы тем не менее должны были съесть их или, по крайней мере, не выбрасывать у

них на глазах, что они расценили бы как большой грех или большое оскорбление ". [Сноска: Журнал и др., стр. 124.]

В этих утверждениях нет ничего, что запрещало бы предположить, что описываемая семья практиковала коммунизм при жизни. Состав домашнего хозяйства показывает, что оно было сформировано по принципу нежной родни, в то время как несколько семей готовили еду на разных кострах, что было обычной практикой в разных племенах; запасы, вероятно, были общими, а домашним хозяйством руководила матрона. Следует также отметить, что ему дали маисовый хлеб, когда он впервые вошел в дом. Он и не предполагал, что это было сделано в соответствии с законом или обычаем, универсальным в индийской семье.

[Иллюстрация: рис. 12.—Хо-де-но-соте племени сенека-ирокезов.]

Большую часть года ирокезы жили в деревнях. Размер деревни оценивался по количеству домов, а размер дома - по количеству возникших в нем пожаров. Одна из крупнейших деревень сенека-ирокезов, расположенная в Мендоне, недалеко от Рочестера, штат Нью-Йорк, так описана мистером Гринбалгом, посетившим ее в 1677 году: "Тиотохаттон находится на краю холма, расчищенной местности немного, находится недалеко от реки Тиотохаттон [выход из озера Ханиой], что означает изгиб. Он расположен к западу от Канагоры (Канандайгуа) примерно в тридцати милях, содержит около 120 домов, являясь самым большим из всех домов, которые мы видели, обычный имеет длину от пятидесяти до шестидесяти футов, с двенадцатью и тринадцатью очагами в одном доме. У них хороший запас кукурузы, растущей к северу от города". [Сноска: Документальная история Нью-Йорка, том i, стр. 13.]

"Длинный дом" ирокезов, от которого они называли себя, как единый объединенный народ, хо-де-но-сау-ни (Люди Длинного дома), был от пятидесяти до восьмидесяти, а иногда и до ста футов в длину. Он состоял из прочного каркаса из воткнутых в землю вертикальных жердей, которые были укреплены горизонтальными жердями, прикрепленными прутьями, и увенчан треугольной, а в некоторых случаях и круглой крышей. Он был покрыт с обеих сторон икрышей большими полосами коры вяза, привязанными к каркасу бечевками или лубками. Затем внешний каркас из жердей для боковых сторон и стропил для крыши был приспособлен таким образом, чтобы удерживать между ними черепицу из коры, при этом два каркаса были связаны вместе.

[Иллюстрация: рис. 13.—План застройки Длинного дома Сенека-ирокез.]

Внутренняя часть дома была разделена на промежутки в шесть или восемь футов, оставляя каждую комнату полностью открытой, как кабинку, выходящую в коридор, который проходил через центр дома из конца в конец. В каждом конце был дверной проем, закрытый подвешенными шкурами. Между каждыми четырьмя комнатами, по две с каждой стороны, в центре зала была яма для костра, которой пользовались все жильцы. Таким образом, дом с пятью каминами будет содержать двадцать квартир и вмещать двадцать семей, если только некоторые квартиры не были зарезервированы для хранения вещей. Это были теплые, просторные и опрятные жилища. Вдоль стен каждой квартиры были сооружены приподнятые нары для кроватей. К столбам на крыше были подвешены связки кукурузных початков, оплетенные шелухой, а также связки сушеных кабачков и тыкв. Тут и там были устроены места для хранения их запасов провизии. Каждый дом, как правило, занимали родственные семьи, матери и их дети принадлежали к одному роду, в то время как их мужья и отцы этих детей

принадлежали к другим родам; следовательно, род или клан матери в значительной степени преобладал в домашнем хозяйстве. Все, что было добыто на охоте или выращено любым членом семьи, как уже говорилось в другом месте, предназначалось для общего блага. Провизия стала общим запасом в семье.

Здесь был коммунизм в образе жизни, реализованный в практической жизни, но ограниченный домашним хозяйством, и выражение принципа в плане самого дома. Обнаружив его у одной породы, столь же развитой, как у ирокезов, сразу возникает предположение о его универсальности в индейской семье, потому что это было законом их состояния. Доказательства его общей распространенности были представлены в других источниках.

В предыдущей главе были приведены обычаи ирокезов в отношении приема пищи. Дело доходило практически до одного приготовленного блюда в день. Отдельные очаги в каждом доме были для удобства приготовления пищи, все запасы в доме были общими. План жизни в них был продуманным и экономичным. Об этом свидетельствует присутствие в каждом доме надзирательницы, которая распределяла еду из котелка между каждой семьей в соответствии с их потребностями и приберегала то, что осталось, для дальнейшего использования. Это свидетельствует о системе и организованности в их приютах, о тщательном надзоре за их запасами, о предусмотрительности, а также справедливости в управлении продуктами питания и их распределении. В этих семьях, сформированных по принципу родства, был заложен фундамент той "материнской власти", которая была еще более заметна у племен Старого Света и которую профессор Бахофен был первым, кто обсуждал под названием гинекократии и материнского права. [Footnote: Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861.]

Поскольку матери, жившие вместе, обычно были сестрами, собственными или побочными, и принадлежали к одному роду, и поскольку их дети также принадлежали к роду своей матери, преобладающее число членов семьи должно было быть родственниками-язычниками. Права и влияние матери защищались и укреплялись как материнскими, так и родовыми узами. Мужья были в меньшинстве по отношению к родственникам. В случае развода из дома уходил муж, а не жена. Но это влияние женщины не распространялось вовне на дела рода, фратрии или племени, а, по-видимому, начиналось и заканчивалось домашним хозяйством. Эта точка зрения вполне согласуется с жизнью, полной терпеливого тяжелого труда и общего подчинения мужу, которое жена ирокеза с радостью принимала как удел своего пола. У греческих племен происхождение было изменено на мужскую линию в начале исторического периода. Таким образом, положение жены и матери в семье полностью изменилось: она принадлежала к другому роду, чем ее дети, так же как и ее муж; и при моногамии теперь была изолирована от своих родичей-язычников, живя в отдельном и исключительном доме своего мужа. Ее новое состояние имело тенденцию ниспровергать и разрушать ту силу и влияние, которые создавало происхождение по женской линии и дома с совместным проживанием. Поэтому тем более удивительно, что так много следов этого предшествующего состояния сохранилось в греческих и других племенах, на которые указал профессор Бахофен, поскольку гинекократия и материнское право, как он обсуждал, должны были возникнуть среди этих племен при родовой организации и по женской линии.

"Единая неразделенная семья" индусов в настоящее время, "совместная в еде, богослужении и имуществе", доведенная до нашего сведения сэром Генри Мэном [Сноска: Ранняя история институтов, изд. Холта, стр. 100 и 106.], представляет собой аналогичное, но, вероятно, более

многочисленное домашнее хозяйство, чем у ирокезов. Как только проводится специальное расследование, выясняется, что многоквартирные дома и коммунизм в жизни являются устойчивыми чертами варварской жизни как в Старом, так и в Новом Свете, но ограничиваются домашним хозяйством. Страбон сообщает нам, что галлы жили в больших домах, построенных из досок и прутьев, с куполообразными крышами, покрытыми тяжелой соломой. [Сноска: Lib. iv, с. 4, s. 3.] Везде, где существовали такие дома, существует, по крайней мере, предположение, что в них проживало несколько семей, которые составляли единое домашнее хозяйство и практиковали коммунизм.

Длинные дома ирокезов исчезли еще до начала нынешнего столетия. Сами индейцы сейчас очень мало помнят об их форме и механизме или о плане жизни внутри них. Некоторые знания об этих домах сохранились у того класса индейцев, которые интересуются их древними обычаями. Оно перешло в традиционную форму и ограничено несколькими деталями. Полное представление об образе жизни в этих длинных домах, вероятно, никогда не будет восстановлено. В 1743 году мистер Джон Бартрам присутствовал на совете в Онондаге и вел дневник, впоследствии опубликованный, в который он поместил план лонг-хауса, в котором они квартировали. Насколько известно автору, это первый план одного из этих домов, когда-либо опубликованный, и единственный до появления "Энциклопедии Джонсона" в 1875 году.

[Иллюстрация: рис. 14 —план местности Бартрама и поперечное сечение
Длинного дома Онондага, 1743 год.]

Следует отметить, что в 1696 году граф Фронтенак вторгся в Онондагу с большим войском французов и индейцев, и что онондаги разрушили свою главную деревню и отступили. "Хижины индейцев, - говорит рассказчик, - и тройной частокол, окружавший их форт, были найдены полностью сожженными". [Сноска: Документальная история Нью-Йорка, стр. 332.]

Новая деревня, которую посетил мистер Бартрам, вероятно, находилась совсем рядом с местом, где стояла старая. Он говорит: "Город в его нынешнем состоянии имеет длину около двух или трех миль, однако число разбросанных по обе стороны воды хижин не превышает сорока; во многих из них живут по две семьи, но все стоят отдельно, так что весь город представляет собой странную смесь хижин, перемежающихся большими участками высокой травы, кустарников, на некоторых растут горох, кукуруза и кабачки.... Мы вышли у дома совета, где вожди уже собрались, чтобы встретить нас, что они и сделали с серьезной, веселой покладистостью, согласно своему обычаю. Они показали нам, где разместить наш багаж и отдохнуть во время нашего пребывания у них, что находилось в двух крайних комнатах этого большого дома. Индейцев, которые пришли с нами, разместили напротив нас. Эта хижина около восьмидесяти футов в длину и семнадцати в ширину, общий коридор шириной шесть футов, а комнаты с каждой стороны по пять футов, приподнятая на фут над проходом длинным, обтесанным квадратом деревом и снабженная балками, которые идут от него к задней части дома. На эти балки они кладут большие куски коры, а в исключительных случаях расстилают циновки из тростника, которые у нас были в фаворе. На эти полы они укладывают или щелочат каждый, как ему заблагорассудится. Квартиры отделены друг от друга досками или корой длиной шесть или семь футов от нижнего этажа до верхнего, на которые они кладут свои пиломатериалы. Когда они съедят мамалыгу, которую ставят в каждой квартире перед огнем, они могут поставить миску над головой, так, чтобы до нее можно было дотянуться не выше пяти

футов. Иногда они ставятся на пол с обоих концов, но в основном с одного. У них есть сарай, в который зимой можно складывать дрова, а летом сидеть, беседовать или играть, с дверью на юг. Все стены и крыша хижин сделаны из коры, крепко привязанной к шестам, воткнутым в землю, и загнутой наверху, или установленной наплавку для крыши, когда мы устанавливаем наши стропила; над каждым очагом они оставляют отверстие для выхода дыма, которое в дождливую погоду они прикрывают куском коры, и до него они могут легко дотянуться с помощью шеста, чтобы сдвинуть его с одной стороны или совсем над отверстием. Таким образом построено большинство их хижин". [Примечание: Наблюдения и т.д.; Путешествия в Онондага, Последнее изд., 1751, стр. 40, 41]

В торцевой части изображена круглая крыша, как в домах индейцев Вирджинии, а план местности во всех отношениях соответствует старым длинным домам сенека-ирокезов, описанным ими автору до того, как он ознакомился с планом мистера Бартрама.

В Документальной истории Нью-Йорка (том iii, стр. 14) есть замечательная фотография главной деревни Онондагас, которую посетил Шамплейн или, скорее, атаковал в 1615 году. Местоположение этой деревни было установлено только в 1877 году, когда генерал Джон С. Кларк из Оберна с помощью карты и наброска деревни Шамплена, а также его рассказа о деталях экспедиции обнаружил местонахождение деревни в городе Феннер, в нескольких милях к северо-востоку от долины Онондага.

Он был расположен на краю естественного пруда, занимавшего десять акров земли, и между небольшим ручьем, впадавшим в пруд слева, и выходом из пруда, который пересекал его справа. Площадь, занимаемая участком деревни, составляла около шести акров земли, сильно укрепленных рядом частоколов. Шамплейн заявляет в своем рассказе, что "их деревня была обнесена прочным четырехугольным частоколом из больших бревен высотой тридцать футов, соединявшим одно с другим, с интервалом не более полуметра между ними, с галереями в виде парпетов, защищенными двойными брусками, защищенными от наших аркебуз, а с одной стороны у них был пруд с постоянным запасом воды, из которого исходил ряд желобов, которые они проложили вдоль промежуточного пространства, сбрасывая воду наружу и делая ее эффективной внутри для тушения пожара". . Таков был их способ укрепления и обороны, который был намного сильнее, чем деревни аттигуатуанцев (гуронов) и других ". [Сноска: Документ. История. Нью-Йорк, iii, 14.]

Хотя Шамплен атаковал это место с огнестрельным оружием, о котором тогда впервые слышали онондаги, и с помощью грубой башни своего изобретения, а также со значительными силами французов и индейцев, он не смог захватить его и отступил. Использование воды с желобами для затопления земли на внешнем частоколе при обстреле, как не совсем точно показано на гравюре, было, безусловно, изобретательным. Генерал Кларк исследовал оборонительные сооружения ирокезов, и следует надеяться, что вскоре он представит результаты общественности.

Зная, как мы знаем сейчас, что пространство, окруженное частоколом, составляло около шести акров земли, дома не только казались бревенчатыми, но и располагались рядом блоками, и все вместе составляло квадрат с открытым пространством в центре. Дома, по-видимому, расположены по три, по четыре и даже по шесть человек, бок о бок, и от шестидесяти до ста футов в длину; но если этот вывод вполне подтверждается гравюрой, вполне возможно, что каждый дом был отделен от соседнего узким открытым пространством или переулком. Это

единственное изображение, которое я когда-либо видел, обнесенной частоколом деревни ирокезов периода их открытия. Она занимала около пятидесяти четырех акров земли.

Манданы и миннетари из Верхнего штата Миссури построили дом с деревянным каркасом, превосходящий по дизайну и механическому исполнению дома индейцев к северу от Нью-Мексико. В 1862 году я видел остатки старой деревни Мандан вскоре после того, как ее покинули Арикарисы, ее последние обитатели. Дома, почти все одинаковой модели, приходили в упадок, потому что в деревне тогда не было жителей, но некоторые из них все еще были идеальными, и план их строения легко просматривался. Приведенный выше план местности деревни был взят из работы принца Максимилиана, а остальные иллюстрации взяты из эскизов и измерений автора. Он был расположен на утесе на западном берегу Миссури, в излучине реки, которая образовывала тупой угол, и занимал около шести акров земли. Деревня была окружена частоколом из бревен, вертикально врытых в землю, высотой около десяти футов, но тогда находившимся в полуразрушенном состоянии.

[Иллюстрация: рис. 16. — Участок деревни Мандан.]

Дома имели круглую внешнюю форму, стены были высотой около пяти футов и наклонными внутрь и вверх от земли, на которых покоилась наклонная крыша, причем и внешняя стена, и крыша были засыпаны землей толщиной в полтора фута. По этой причине их обычно называли "грязными домиками".

[Иллюстрация: рис. 17.—План дома Мандана.]

Эти дома имеют около сорока футов в диаметре, пол заглублен на фут или более ниже поверхности земли, высоту шесть футов внутри у линии стены и от двенадцати до пятнадцати футов в центре. Двенадцать столбов диаметром шесть или восемь дюймов воткнуты в землю на равных расстояниях по окружности и возвышаются примерно на шесть футов над уровнем пола. Кусочки бечевки, закрепленные в развилках, вырезанных на концах этих столбов, образуют многоугольник у основания, а также на первом этаже. Напротив них в землю на расстоянии примерно четырех футов воткнуто равное количество скоб, которые, наклоняясь вверх, регулируются с помощью углублений, вырезанных на концах, чтобы прочно удерживать и стойки, и стрингеры на своих местах. Затем в промежутки между скобами устанавливаются деревянные плиты под одинаковым наклоном и опираются на стрингеры, которые после завершения строительства окружают домик деревянной стеной. Четыре круглых столба, каждый диаметром шесть или восемь дюймов, воткнуты в землю недалеко от центра пола, по углам квадрата, на расстоянии десяти футов друг от друга и возвышаются на высоте от десяти до пятнадцати футов над уровнем первого этажа. Они снова соединены стрингерами, опирающимися в развилках на их вершинах, на которые и на внешнюю стену опираются стропила.

[Иллюстрация: рис. 18. — Поперечное сечение дома.]

На гравюре изображено поперечное сечение, как описано выше. Столбы диаметром три-четыре дюйма устанавливаются в качестве стропил от внешней стены до опор над центральными частями и достаточно близко друг к другу, чтобы придать необходимую прочность земляному покрытию, размещенному на крыше. Сначала эти шесты были покрыты ивовой циновкой, поверх которой была постелена степная трава, а поверх всего - глубокий слой земли. В центре было оставлено отверстие диаметром около четырех футов для выхода дыма и

поступления света. Внутреннее помещение было просторным и довольно хорошо освещенным, хотя отверстие в крыше и единственный дверной проем были единственными отверстиями, через которые мог проникать свет. Там был только один вход, защищенный так называемым эскимосским дверным проемом, то есть проходом шириной около пяти футов, длиной десять или двенадцать футов и высотой около шести футов, построенным из расщепленных бревен, перекрытым жердями и засыпанным землей. Шкуры буйволов, подвешенные у внешнего и внутреннего входов, заменяли двери. Каждый дом был отделен ширмами из ивовых циновок или выделанных шкур, подвешенных к стропилам, с промежутками между ними для хранения. Эти скромно построенные апартаменты выходили окнами к центральному очагу, как стойла, образуя таким образом открытую центральную зону вокруг кострища, которое было местом сбора обитателей ложи. Это кострище было около пяти футов в диаметре, глубиной в фут и окружено плоскими камнями, установленными по краям. Твердый, гладкий земляной пол завершал интерьер. В таком домике могли разместиться пять или шесть семей, вмещавших тридцать или сорок человек. Это был общественный дом, соответствующий обычаям и институтам американских аборигенов и естественным образом вытекающий из их образа жизни. Я насчитал сорок восемь домов, в среднем сорок футов в диаметре, построенных по этому плану, не считая нескольких прямоугольных бревенчатых домов более поздней постройки американского типа.

[Иллюстрация: рис. 19. —Дом Мандана.]

Эти дома, изображение которых приведено на рис. 19, были плотно прижаты друг к другу, чтобы сэкономить пространство внутри частокла, так что, прогуливаясь по деревне, вы проходили по нескольким кольцевым пешеходным дорожкам. Здесь не было улицы, и ничего нельзя было разглядеть ни в каком направлении, за исключением небольшого расстояния. В центре было открытое пространство, где совершались их религиозные обряды и фестивали. [Примечание: Военный столб, стоявший в центре, и несколько каменных и костяных орудий, которые я привез с собой в качестве сувениров об этом месте. Теперь они в моей коллекции.]

Не менее интересным фактом, связанным с этими заслуживающими доверия сооружениями, было количество материалов, необходимых для их возведения, и количество труда, необходимого для их транспортировки на большие расстояния вниз по реке и превращения их с помощью огня и каменных орудий в такие удобные жилища. Деревья здесь произрастают в низовьях между берегами реки, река на многие мили окаймлена открытыми прериями, а деревья растут отдельными участками на большом расстоянии друг от друга. Рубка леса без металлических орудий и транспортировка его без помощи животных указывают на степень упорного трудолюбия, весьма похвальную для народа, который на этой стадии прогресса испытывает отвращение к труду со стороны мужчин. Привычная мужская промышленность впервые появляется на следующем, или Среднем, этапе варварства. Тяжелую работу здесь выполняли мужчины.

В промежутках между домиками располагались строительные леса для сушки (рис. 20), по одному для каждого домика, которые издали были почти так же заметны, как и сами дома. Они были около двадцати футов в длину, двенадцати футов в ширину и семи футов высотой до пола и состояли из вертикально поставленных столбов с поперечинами, опирающимися на развилки. Затем в продольном направлении были установлены другие шесты, на которые был настелен

настил из ивовых циновок. На этих подмостках, укрепленных лестницами (рис. 21), сушились их шкуры, а также кукуруза, мясо и овощи.

[Иллюстрация: рис. 20.—Сушильный каркас.]

[Иллюстрация: рис. 21.—Лестница Мандана.]

Индейцы умели пользоваться лестницей, и некоторые из них мастерили превосходные изделия еще до открытия Америки. Когда Коронадо посетил и захватил семь так называемых городов Сибола в 1540-1542 годах, он обнаружил, что люди живут в семи или восьми больших многоквартирных домах, каждый из которых вмещает около тысячи человек. В этих домах не было входов с земли, но они поднимались на первую террасу с помощью лестниц, и так на каждый последующий этаж выше. "Лестницы, которые у них есть для их домов, - говорит Коронадо в своем рассказе, - все они подвижны, как и наши". [Сноска: Хаклюит, Сборник путешествий, лондонское изд., 1812, т. 5, стр. 498.]

Лестницы в деревне Мандан были сделаны из двух ветвей, растущих почти параллельно и отсеченных ниже места соединения, как показано на рисунке, и упирались раздвоенным концом в землю, а концами в строительные леса. В направляющих были проделаны углубления для размещения патронов, которые были закреплены сыромятными веревками. Обычно они были от десяти до двенадцати футов в длину и по одному или по два на каждом помосте.

Живописно расположенная на обрыве, под углом к реке, с домами такого своеобразного образца и с таким множеством возвышающихся среди них строительных лесов, деревня бросалась в глаза на некотором расстоянии как выше, так и ниже по реке и представляла собой примечательный вид.

Впоследствии, в нынешних деревнях Миннетари и Мандан, примерно в шестидесяти пяти милях выше, на восточной стороне Миссури, а также в деревне нью-Арикари на западной стороне и совсем рядом с ней, у меня была возможность увидеть дома, в точности похожие на те, которые описаны в книге "Реальное заселение индейцами", с их внутренним убранством и образом жизни.

Следует сослаться, по крайней мере, на марикопы и мохавов Нижнего течения реки Колорадо, которые, хотя и являются деревенскими индейцами типа пуэбло, все же живут в обычных общественных домах северного типа, которые так описывает генерал Эмори: "Они (марикопы) занимают крытые соломой хижины тридцати-сорока футов в диаметре, сделанные из прутьев тополей, переплетенных с пшеничной соломой, стеблями кукурузы и тростником".

[Примечание: Notes, & c., Нью-Мексико, стр. 132. См. также Личное повествование Бартлета, стр. 230.]

Те, что заняты мохавами, как их описывает капитан Ситгрив, схожи по характеру. [Примечание: Экспедиция и др., Цзуньи и Колорадо, стр. 19.]

Пимы с реки Гила, напротив, утверждают, что их предки возводили дома из саманного кирпича и занимались земледелием с помощью орошения. Они указывают на остатки древних сооружений и старых асекий в долине Хила, как сообщает нам капитан Кроссман, как на творения их предков. Но сейчас их положение очень похоже на положение мохавов. Названный

последним автор отмечает, что "обычно в одной хижине живут несколько супружеских пар со своими детьми". [Сноска: Отчет Смитсоновского института за 1871 год, стр. 415.]

Первые два племени, хотя их предшествующая история малоизвестна, по-видимому, находятся на переходной стадии от низшего к Среднему уровню варварства, перейдя к садоводству и оседлому образу жизни, но не будучи достаточно развитыми, чтобы подражать своим ближайшим соседям в использовании саманного кирпича и камня в своих домах. Они, по-видимому, являются существующими примерами того постоянно повторяющегося продвижения более грубых племен в прошлые эпохи, благодаря которому деревенские индейцы типа пуэбло постоянно пополнялись за счет более варварских племен. Еще один пример - нынешние индейцы племени Таос.

Я думаю, из изложенных фактов становится достаточно ясно, что на Высшем уровне дикости, а также на Низшем уровне варварства индийское домашнее хозяйство состояло из нескольких семей нееврейского происхождения; что они практиковали коммунизм в жизни домашнего хозяйства, и что этот принцип нашел выражение в архитектуре их домов и предопределил его характер.

ГЛАВА VI.

ДОМА ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ НЬЮ-МЕКСИКО.

Далее мы рассмотрим дома и образ жизни индейцев, ведущих оседлый образ жизни в деревнях, среди которых архитектура демонстрирует более высокое развитие, с использованием прочных материалов и с принципом защиты, дополняющим принцип адаптации к коммунизму в жизни. Будет нетрудно обнаружить и следовать этому последнему принципу, как одной из главных характеристик этой архитектуры в домах пуэбло в Нью-Мексико и в районе реки Сан-Хуан, а затем и в домах Мексики и Центральной Америки. Во всех этих регионах существовала единая система архитектуры домов, поскольку существовал по существу один образ жизни.

В Нью-Мексико, продвигаясь на юг, индейцы в эпоху великих географических открытий были не в новой одежде и в улучшенном состоянии. Они перешли от Низшего к Среднему уровню варварства; дома, в которых они жили, были из саманного кирпича или камня, в два, три, четыре, а иногда и в пять и шесть этажей высотой и вмещали от пятидесяти до пятисот квартир. Они выращивали кукурузу и другие растения с помощью оросительных каналов. Воду брали из бегущего ручья, брали в точке над пуэбло и отводили вниз по ряду грядок. Они носили плащи из хлопка, а также одежды из кожи.

[Примечание: "У них не выращивают хлопок, потому что в стране холодно, но они носят плащи из хлопка, как ваша честь может видеть по их виду; и это правда, что в их домах была найдена определенная пряжа из хлопка". - Родственник Коронадо, Сборник путешествий Хаклюита, Лондонское издание, 1600, iii, стр. 377.]

[Примечание: "Их одежды были из хлопка и оленьих шкур, а одеяние как мужчин, так и женщин было на манер мексиканских индейцев.... И мужчины, и женщины носили туфли с хорошей подошвой из натуральной кожи peat, чего никогда не видели ни в одной части Индии". — Путешествия в Нью-Мексико, совершенные монахом-францисканцем Августином Рюйсом в

1581 году и Антонио де Эспехо в 1583 году. Исследования железнодорожного маршрута и др., Отчет об индейских племенах, том iii, стр. 114.]

Нынешние индейцы пуэбло в Нью-Мексико в основном являются их потомками. Некоторые из них живут в тех же идентичных домах, которые занимали их предки во время экспедиции Коронадо в Нью-Мексико в 1541-1542 годах, что и в Акоме, Хемесе и Таосе, и хотя их план и образ жизни за это время в некоторых отношениях изменились, не исключено, что они и по сей день являются прекрасным образцом жизни деревенских индейцев от Зунии до Куско в том виде, в каком она существовала в шестнадцатом веке.

Индейцы к северу от Нью-Мексико не строили своих домов высотой более одного этажа или из более прочных материалов, чем каркас из жердей или бревен, покрытых циновками или корой, или засыпанных землей. Частокол вокруг их домов был их основной защитой. В Нью-Мексико, продвигаясь на юг, впервые встречаются дома, построенные в несколько этажей. Высушенный на солнце кирпич, должно быть, вошел в обиход раньше камня. Практика керамического искусства рано или поздно привела бы к появлению кирпича. Во всяком случае, то, что считается древнейшими памятниками архитектуры в Нью-Мексико, такими как величественные здания Касас на реках Хила и Салинас, построено из саманного кирпича. Они также использовали булыжник с глинобитным раствором и, наконец, тонкие куски пластинчатого песчаника, подготовленные методом разрушения, из которых получилась прочная каменная стена. Некоторым из существующих домов пуэбло в Нью-Мексико столько же лет, сколько экспедиции Коронадо (1540-1542). Другие, построенные после этого события и ныне заселяемые, построены по образцу аборигенов. В настоящее время в Нью-Мексико насчитывается около двадцати таких пуэбло, населенных примерно 7000 деревенскими индейцами, потомками тех, кого нашел там Коронадо. Они все еще живут в основном по своей древней организации и обычаям. Кроме них, есть семь пуэбло моки, недалеко от Малого Колорадо, населенных примерно 3000 индейцами, которые до настоящего времени остались нетронутыми, за исключением римско-католических миссионеров, и среди которых все еще можно получить полную теорию жизни оседлых деревенских индейцев. Эти деревенские индейцы представляют в настоящее время тот тип жизни, который был обнаружен от Цзунии до Куско в эпоху Открытия, и, хотя они не являются высшими, они не являются неподходящими представителями всего класса.

Индейцы Юкатана и Центральной Америки по своей архитектуре опережали остальных аборигенов Северной Америки. Следующими за ними, вероятно, были ацтеки и несколько племен южнее. Третью позицию, хотя и не сильно отставая, занимали деревенские индейцы Нью-Мексико. Все они в равной степени зависели от садоводства в качестве источника пропитания и выращивали его с помощью орошения; хлопок добавлялся к кукурузе, бобам, кабачкам и табаку, выращиваемым северными племенами. Их дома, как и те, что были описаны ранее, представляют собой вместе оригинальную местную архитектуру, которая, при всем ее разнообразии, возникла из их потребностей. Его основной общинный тип, повторяю, обнаруживается в домах, которые будут описаны ниже, и в так называемом дворце в Паленке не менее отчетливо, чем в длинном доме ирокезов. Изучение плана сооружений в Мексике, Нью-Мексико и Центральной Америке позволит установить истинность этого утверждения.

Нью-Мексико - бедная страна для цивилизованного человека, но вполне приспособленная к оседлому образу жизни индейцев, которые обрабатывают примерно один акр из каждых ста

тысяч. Этот регион и Сан-Хуан, расположенный непосредственно к северу от него, обладали рядом узких плодородных долин, в которых вместе проживало, возможно, 50 000 жителей, и сейчас он заселен их потомками (за исключением Сан-Хуана) в том виде, в каком он был тогда. Каждое пуэбло состояло либо из одного большого дома, либо из трех или четырех таких домов, сгруппированных вместе; и что более важно, нью-мексиканское пуэбло является прекрасным прообразом тех, что сейчас находятся в руинах на Юкатане, в Чьяпасе, Гватемале и Гондурасе, как по общему плану, так и по расположению. Все люди жили вместе в этих больших домах на условиях равенства, поскольку их институты были по сути демократическими. Обычные жилища для простых индейцев вокруг этих строений не были найдены Коронадо в 1541 году, и с тех пор их там не находили. Нет ни малейших оснований предполагать, что какие-либо подобные жилые дома когда-либо существовали вокруг домов на Юкатане и в Центральной Америке. Каждое строение имело характер крепости, демонстрируя незащищенность, в которой они жили.

Начиная с 1846 года, даты завоевания Нью-Мексико, в различных частях Территории под руководством Военного министерства был проведен ряд военных рекогносцировок. Армейские офицеры, пришедшие на смену, уделяли свое главное внимание физической географии и ресурсам пройденных регионов; но, между прочим, они исследовали лежащие в руинах пуэбло и нынешнее состояние индейцев пуэбло. О замечательном способе, с которым они выполнили эту работу, свидетельствует серия отчетов, время от времени публикуемых правительством. Совсем недавно Геолого-географическая служба территорий под руководством профессора Ф. В. Хейдена, ответственного геолога, а также Географическая и геологическая служба региона Скалистых гор майора Дж. У. Пауэлла, ответственного геолога, предоставили большое количество дополнительной информации, касающейся руин на реке Сан-Хуан и ее притоках, домов на скалах на реке Манкос и в других местах, а также пуэбло Моки. Какой бы ценной ни была для нас эта информация, она не дает полного представления об этих нескольких предметах.

Во время экспедиции Коронадо по захвату Семи городов Сибола, называемых так в тогдашних источниках, аборигены Нью-Мексико изготавливали глиняные сосуды большого размера и превосходной работы, ткали хлопчатобумажные ткани из пряденых ниток, возделывали орошаемые сады, были вооружены луком, стрелами и щитом, носили шкуры оленя и буйволиные шкуры, а также хлопчатобумажные накидки в качестве верхней одежды и одомашнили дикую индейку.

[Примечание: "Мы нашли здесь цесарок [индеек], но их было немного. Индейцы во всех этих семи городах говорят мне, что они их не едят, а хранят только ради перьев. Я им не верю, потому что они превосходны и превосходят мексиканские". — Coronado Rel., Hakluyt, iii, 377.]

"У них едва хватало провизии для самих себя, - замечает Харамильо о сиболанах, - а то, что у них было, состояло из кукурузы, фасоли и кабачков". [Примечание: Родственник капитана. Juan Jaramillo, Coll. Терно-Компан, ix, 369.]

"То, что было верно в этом отношении для киболанцев, несомненно, было верно и для оседлых индейцев в целом. Каждое пуэбло было независимой организацией, подчинявшейся совету вождей, за исключением нескольких соседних пуэбло, говорящих на диалектах одного и того же языка, которые были объединены для взаимной защиты, ярким примером чего являются семь

пуэбло Сиболан, расположенных, вероятно, в долине Рио-Чакко, на расстоянии двенадцати миль". Степень их продвинутой более заметно проявляется в архитектуре их домов.

Нынешние деревенские индейцы Нью-Мексико, или, по крайней мере, некоторые из них, все еще изготавливают глиняные сосуды, прядут и ткот хлопчатобумажные ткани на манер аборигенов и живут в домах древнего образца. Некоторые из них, такие как моки и лагуны, организованы в роды и управляются советом вождей, каждая деревня независима и самоуправляющаяся. Они соблюдают тот же закон гостеприимства, который повсеместно практикуется северными индейцами. По этому поводу мистер Дэвид Дж. Миллер из Санта-Фе пишет автору следующее: "Посетителю одного из их домов неизменно оказывают гостеприимство в виде еды, поставленной перед ним. Отказ от его подачи считается грубым нарушением гостеприимства и оскорблением, а отказ от угощения будет расцениваться как нарушение этикета. Как и у нас, у них есть свои богатые и свои бедные, и первые дают последним с радостью и в должном изобилии". Здесь мы находим почти точное повторение правил гостеприимства ирокезов и мандан, приведенных выше. Мне не известно, практиковали ли они раньше коммунизм в домашних группах. Их дома приспособлены к этому образу жизни, как сейчас будет показано; и на этом факте и их стадии социального развития в настоящее время должны основываться выводы о практике.

* * * * *

МНОГОКВАРТИРНЫЕ ДОМА ДЕРЕВЕНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ В НЬЮ-МЕКСИКО.

Санто-Доминго состоит из нескольких построек из саманного кирпича, сгруппированных вместе, как показано на гравюре, рис. 22. Каждый из них имеет около двухсот футов в длину, с двумя параллельными рядами квартир на первом этаже, из которых передний ряд поднят на один этаж, а задний - на два; плоская крыша первого этажа образует террасу перед вторым. Первый этаж заделан прочно по оборонительным соображениям, за исключением небольших оконных проемов. На первую террасу можно подняться по лестнице с земли; в комнаты на первом этаже можно попасть через люки в этажах, а на втором - через двери, выходящие на террасу, а также через люки в этажах, образующих крышу. Эти сооружения типичны для всех домов аборигенов Нью-Мексико. Они демонстрируют две основные особенности: во-первых, террасную форму архитектуры, распространенную также в Мексике, с крышами домов как местами общественных собраний заключенных; и, во-вторых, закрытый цокольный этаж для безопасности. Таким образом, каждый дом - это крепость. Лейтенант Аберт замечает об одном из домов этого пуэбло, о котором он сообщает высоту, что "верхний этаж уже, чем нижний, так что по всей длине здания есть платформа или лестничная площадка. Чтобы войти, вы поднимаетесь на платформу с помощью лестниц, которые можно легко убрать; а поскольку вдоль платформы тянется парапетная стена, эти дома можно было бы превратить в грозные форты". [Сноска: Ex. Doc. № 41, 1-я сессия 30-го Конгресса, 1848, стр. 462.]

Количество квартир в каждом доме не указано. В разных домах в то время проживало восемьсот индейцев. Дымоходы теперь появляются над крышами, камин расположен под углом к передней части помещения. Очевидно, они появились позже. Оборонительный элемент, столь заметный в этой архитектуре, предназначался не столько для защиты деревенских индейцев друг от друга, сколько от нападений мигрирующих банд, обрушивающихся на них с Севера. Пуэбло, ныне лежащие в руинах на всей исконной территории Нью-Мексико и на некотором расстоянии к северу от нее, свидетельствуют о постоянной борьбе первых за сохранение своих

позиций, а также доказывают небезопасность, в которой они жили. Можно было бы показать, что вторая и дополнительные истории были предложены по принципу защиты.

Зуны, рис. 23, является крупнейшим населенным поселением в Нью-Мексико в настоящее время. Вероятно, когда-то в нем проживало пять тысяч жителей, но в 1851 году их число сократилось до полутора тысяч. Деревня состоит из нескольких строений, в большинство из которых можно попасть с террас на крыше. Они построены из саманного кирпича и камня, заделанного саманным раствором и оштукатуренного.

Летом 1879 года мистер Джеймс Стивенсон, возглавлявший полевые отряды под командованием майора Пауэлла, совершил продолжительный визит в Зуны и соседние пуэбло с целью сбора коллекций их орудий труда, утвари и т.д., Во время которого были сделаны фотографии, по которым были сделаны прилагаемые иллюстрации пуэбло. Его сопровождала жена, которая дала нам следующее описание этого пуэбло:

"Зуны расположен в Западной части штата Нью-Мексико и построен на холме площадью около пятнадцати акров, примерно в сорока футах над правым берегом реки с тем же названием.

"Их крайняя исключительность сохранила для зуньцев их сильную индивидуальность и сохранила их язык чистым. Согласно классификации майора Пауэлла, их речь образует одну из четырех лингвистических групп, к которым можно отнести все диалекты пуэбло юго-запада. На всей обширной территории, которая когда-то была густо усеяна поселениями, осталось только тридцать одно, и они разбросаны на сотни миль друг от друга, от Таоса на севере Нью-Мексико до Айлета на западе Техаса. Среди этих остатков великих местных племен зуны могут претендовать, возможно, на самое высокое положение, рассматриваем ли мы просто их сельскохозяйственные и скотоводческие занятия или рассматриваем всю их социальную и политическую организацию.

"Город Цзуны построен в самом необычном стиле. Он напоминает огромный улей, где дома громоздятся один на другой чередой террас, крыша одного образует этаж или двор следующего над ним, и так далее, пока в некоторых случаях не возводятся последовательно пять ярусов жилищ, хотя ни одно из них не превышает двух этажей. Эти сооружения построены из камня и "самана". Они расположены вокруг двух площадей, или открытых площадей, с несколькими улицами и тремя крытыми проходами через город.

В верхние дома Цзуны можно попасть по лестницам снаружи. Двери нижних ярусов расположены на плане земли, в то время как входы на другие находятся с террас. Есть второй вход через люки в крыше, а оттуда по лестницам можно спуститься в нижние помещения. Во многих пуэбло вообще нет дверей на первом этаже, но жители зуны утверждают, что в их самых нижних домах всегда были предусмотрены такие отверстия. Во времена угрозы нападения лестницы либо поднимали, либо убирали их перекладки, а нижние двери надежно запирали одним из множества изобретательных способов, которыми эти люди загораживают входы в свои жилища. В домах есть маленькие окна, в которых первоначально использовалась слюда, и в какой-то степени она используется до сих пор; но жители зуны высоко ценят стекло и сохраняют его, когда это практически возможно, почти любой ценой. В доме средней вместимости четыре или пять комнат, хотя в некоторых их целых восемь. Некоторые из больших квартир вымощены плитняком, но полы обычно оштукатуривают глиной, как и стены. И то, и другое постоянно содержится в ремонте женщинами, которые смешивают красновато-

коричневую землю с водой до нужной консистенции, а затем распределяют ее вручную, всегда раскладывая полукругами. Он высыхает гладким и ровным и хорошо выглядит. При нанесении этого пластыря скво держит рот наполненным водой, которую наносит со всей ловкостью, с какой китайский прачник сбрызгивает белье. Женщины, по-видимому, получают удовольствие от этой работы, которую они считают своей особой прерогативой, и чувствовали бы, что их права были бы ущемлены, если бы этим занимались мужчины. При строительстве мужчины закладывают каменный фундамент и устанавливают на место огромные бревна, которые служат балками, поддерживающими крышу, промежутки между этими стропилами заполняются ивовыми зарослями; хотя некоторые из более состоятельных жителей Цзуньи используют вместо них черепицу, изготовленную деревенскими плотниками. Затем женщины заканчивают строительство. Потолки во всех старых домах низкие, но архитектура Цзуньи улучшилась, и современный стиль дает много места, с дверями, через которые можно пройти, не сутулясь. Внутренние стенки обычно отбеливают. Для этого разновидность белой глины растворяют в кипящей воде и наносят вручную. Надевают перчатку из выделанной козьей кожи, опускают руку в горячую жидкость и затем несколько раз проводят ею по стене.

"В Цзуньи, как и везде, богатство и официальное положение придают значимость их обладателям. Богатый класс живет в нижних этажах, люди со средним достатком - следующими этажами выше, в то время как более бедным семьям приходится довольствоваться самыми верхними этажами. Естественно, никто не полезет на чердак, у кого есть средства обеспечить себе более удобные квартиры в рамках огромной системы "французских квартир", которая является способом жизни в Цзуньи. Тем не менее, в этой грубой цивилизации практически нет социальных различий, все население города живет почти как одна семья. Алькальд, или вице-губернатор, представляет собой исключение из общего правила, поскольку его официальные обязанности требуют, чтобы он занимал самое высокое здание из всех, с вершины которого он каждое утро объявляет народу приказы губернатора и делает другие заявления, какие от него могут потребоваться.

"У каждой семьи есть одна комната, как правило, самая большая в доме, где они работают, едят и спят вместе. В этой комнате семейный гардероб висит на бревне, подвешенном под стропилами, только более ценные одежды, такие как те, что надевают на танцы, завернуты и бережно убраны в другую квартиру. В этой большой комнате ведутся всевозможные работы, включая приготовление пищи, которая производится в очаге на длинной стороне, образованном выступом под прямым углом к стене, с каминной доской, на которую опирается основание дымохода. Другой камин во второй комнате имеет ширину от шести до восьми футов, а над ним находится выступ, по форме напоминающий китайский тент. Тщательно отполированная плита размером пятнадцать-двадцать дюймов возвышается на фут над очагом. Под эту плиту насыпают угли, и на ней выпекают вайави. Этот восхитительный вид хлеба готовится из муки тонкого помола и намазывается в виде тонкого теста на косточку голой рукой. Он тонкий, как вафля, и эти хрустящие прозрачные листы при приготовлении укладываются слоями, а затем сворачиваются или раскатываются. Легкий хлеб, который готовят только во время праздников, выпекается в глинобитных печах вне дома. Когда печи не используются для этой цели, из них получают удобные будки для собак и игровые домики для детей. Опрятность не является одной из характерных черт жителей цзуньи. В поздние осенние и зимние месяцы женщины мало что делают, кроме как пекут хлеб, часто причудливой формы, для постоянно устраиваемых праздников и танцев. Сладкий напиток, совсем не опьяняющий, готовится из

пророщенной пшеницы. Мужчины употребляют табак, приобретаемый у белых торговцев, в виде сигарет из кукурузной шелухи; но женщины не позволяют себе такой роскоши.

"Мельницы Пуэбло - одна из самых интересных достопримечательностей города. Эти мельницы, которые крепятся к полу в нескольких футах от стены, имеют прямоугольную форму и разделены на несколько отсеков, каждый шириной и глубиной около двадцати дюймов, причем вся серия имеет длину от пяти до десяти футов, в зависимости от количества отделений. Стены сделаны из песчаника. В каждом отделении прочно закреплен плоский точильный камень, наклоненный под углом сорок пять градусов. Эти плиты имеют разную степень гладкости, последовательно переходя от грубой к мелкой. Скво, которые одни работают на мельницах, становятся перед ними на колени и склоняются над ними, как прачка над корытом для стирки, держа в руках длинные камни из вулканической лавы, которыми они растирают вверх и вниз по наклонным плитам, периодически останавливаясь, чтобы положить зерно между камнями. По мере измельчения крупка передается из одного отделения в другое до тех пор, пока, проходя через ряд, не приобретет желаемую крупность. Этот утомительный и трудоемкий метод применялся без улучшений с незапамятных времен, и в некоторых искусствах цзуньицы фактически отступили назад".

Жилые комнаты размером примерно двенадцать на восемнадцать футов и высотой около девяти футов, с оштукатуренными стенами и земляным полом, и обычно с единственным окном, пропускающим свет. Чтобы сформировать прочный потолок, круглые бревна диаметром около шести дюймов укладываются на расстоянии трех-четырех футов от внешней до внутренней стены. На них поперечно друг к другу укладываются столбы. На них нанесено глубокое покрытие из саманного раствора, образующее террасу на крыше спереди и пол в квартирах выше на втором этаже. Кувшины для воды их собственного изготовления, тонкой работы, вмещающие несколько галлонов, плетеные корзины из ивняка их собственного изготовления и одеяла из хлопка и шерсти, сотканые на их собственных ручных ткацких станках, входят в число предметов, замеченных в этих квартирах. Они аккуратно содержатся, вместительны и удобны и ничем не отличаются от тех, что использовались в период завоевания, как будет показано в другом месте. Возвышенность, на которой располагался старый город Цзуньи, видна на заднем плане гравюры, рис. 23.

Следует отметить, что эта архитектура и потребности, породившие ее, привели к смене образа жизни с открытой местности на террасы или плоские крыши этих больших домов. Когда террасы не были заняты обработкой почвы, они были местом сбора и проживания людей. Большую часть года они жили практически на открытом воздухе, к которому климат был приспособлен, и на крышах своих домов, сначала для безопасности, а затем по привычке.

Время от времени публикуются высотные отметки основных пуэбло Нью-Мексико. В общем плане они совпадают, но демонстрируют значительное разнообразие в деталях. Грубые, но массивные сооружения, они позволяли всем жителям деревни чувствовать себя в безопасности в своих стенах.

Предполагается, что пуэбло Моки - это города Тусаян, которые посетил отряд экспедиции Коронадо в 1541 году. С момента приобретения Нью-Мексико их редко посещали из-за их изоляции и удаленности от американских поселений.

Прилагаемая иллюстрация Вольпи, рис. 25, одного из таких поселений, взята с фотографии, сделанной группой майора Пауэлла.

В 1858 году лейтенант. Джозеф К. Айвз, командовавший исследовательской экспедицией в Колорадо, посетил пуэбло Моки, недалеко от Литл-Колорадо. Их семь, они расположены на плоскогорьях в радиусе десяти миль, труднодоступны и построены из камня. Ми-шонг'-и-ни'-ви, вошедший первым, описывается следующим образом. Поднявшись по неровным склонам плато по ряду каменных ступеней, лейтенант Айвз замечает: "Мы вышли на ровную вершину, с одной стороны которой были стены пуэбло, а с другой открывался обширный и прекрасный вид. Не дав нам времени полюбоваться открывшимся зрелищем, индейцы подвели нас к лестнице, приставленной к фасаду пуэбло. Город почти квадратный и окружен каменной стеной высотой в пятнадцать футов, вершина которой образует площадку, простирающуюся вокруг всего города. Пролеты каменных ступеней вели первой площадки на вторую, на которой открывались двери домов. Поднявшись по лестнице напротив трапа, вождь подошел к ближайшей двери и провел нас в низкое помещение, из которого еще два или три вели внутрь жилища. Наш хозяин вежливо попросил нас сесть на несколько шкур, расстеленных на полу у стены, и вскоре его жена внесла вазу с водой и поднос, наполненный необычным веществом (тортильями), которое больше всего походило на лист тонкой синей оберточной бумаги, чем что-либо еще, что я когда-либо видел. Позже я узнал, что его готовят из кукурузной муки, очень мелкого помола, превращают в кашу и высыпают на разогретый камень для запекания. После высыхания поверхность слегка полируется, как бумага. Листы, сложенные и скатанные вместе, составляют основное блюдо индейцев моки. Поскольку блюдо предназначалось для нашего угощения и выглядело чистым, мы все его съели. У него нежный вкус свежего хлеба, и он вовсе не был невкусным, особенно если есть его с солью Комната была размером пятнадцать на десять футов; стены были сделаны из дерева; перегородки - из прочных балок; полы выложены глиной. В одном углу были камин и дымоход. Все было чисто и опрятно. Шкуры, луки и стрелы, колчаны, оленьи рога, одеяла, предметы одежды и украшения были развешаны по стенам или расставлены на полках. На другом конце находился желоб, разделенный на отсеки, в каждом из которых находилась наклонная каменная плита площадью два или три квадратных фута для измельчения кукурузы. В углублении внутренней комнаты был сложен изрядный запас кукурузы в початках.... Другая внутренняя комната, по-видимому, служила спальней, но так как ее занимали женщины, мы не входили, хотя индейцы, казалось, были скорее довольны, чем чем-либо иным, любопытством, проявленным во время тщательного осмотра их жилища и мебели Затем мы вышли на площадку и по другой лестнице поднялись на крышу, откуда нам открылась великолепная панорама.... Мы узнали, что там было семь городов.... Каждое пуэбло построено вокруг прямоугольного двора, в котором, как мы предполагаем, находятся источники, питающие водохранилища. Внешние стены, выполненные из камня, не имеют отверстий, и их пришлось бы свернуть или разрушить, прежде чем можно было бы получить доступ к интерьеру. Последующие этажи расположены один за другим. В нижние комнаты можно попасть через люки с первой лестничной площадки. Дома имеют глубину в три комнаты и выходят во внутренний двор. Расположение настолько прочное и компактное, насколько это вообще возможно, но поскольку двор общий, а площадки не разделены перегородками, это предполагает определенное сообщество проживания". [Примечание: Исследовательская экспедиция в Колорадо, стр. 121.]

Этот отчет оставляет сомнение, отошли ли камни от огороженного двора наружу или от внешней стороны внутрь. Лейтенант Айвз не утверждает, что он прошел через здание во двор и

поднялся изнутри на первую платформу, и все же остальная часть описания, по-видимому, подразумевает, что он это сделал, и что строение занимало всего три стороны двора, поскольку он утверждает, что "дома имеют глубину в три комнаты и выходят во внутренний двор". Строение было трехэтажным.

[Иллюстрация: Рис. 26. —Комната в Доме Моки.]

Приведенная выше гравюра была подготовлена для статьи майора Пауэлла об этих индейцах. Две комнаты показаны вместе, очевидно, за исключением разделявшей их деревянной перегородки протяженностью не менее тридцати футов. Большие глиняные кувшины для воды являются интересными образцами керамики племени моки. С одной стороны находится ручная мельница для помола кукурузы. Стены украшены луками, колчанами, а на полу - кувшинами с водой, как описал лейтенант Айвз.

Кое-где по бокам утесов в этом и других пуэбло лейтенант Айвз заметил сады, возделанные с помощью орошения. "Между ними, - замечает он, - склоны утеса были искусно превращены в террасы. Они были облицованы аккуратной каменной кладкой и содержали сады, каждый из которых был окружен приподнятым краем, чтобы удерживать воду на поверхности. Трубы из резервуаров позволяли орошать их в любое время. " [Примечание: Исследовательская экспедиция в Колорадо, стр. 120.]

На рис. 27 показано одно из двух больших глинобитных сооружений, составляющих пуэбло Таос в Нью-Мексико. Это фотография, сделанная экспедицией под командованием майора Пауэлла. Он расположен на ручье Таос, у западного подножия хребта Сьерра-Мадре, который образует восточную границу широкой долины Рио-Гранде, в которую впадает ручей Таос. Это старое здание неправильной формы, и предполагается, что оно было Штаб-квартирой экспедиции Коронадо. [Сноска: Родственник Кастанеды, коллега Х. Терне-Компанс. ix, 138. Пер. Американского этнологического общества.]

Совсем рядом до сих пор сохранились руины еще более древнего пуэбло, жителей которого, как утверждают индейцы Таос, они завоевали и лишили собственности. Эти два сооружения стоят примерно на расстоянии двадцати пяти прутьев друг от друга, на противоположных берегах ручья и обращены друг к другу. То, что на северной стороне, изображенное на вышеупомянутой гравюре, имеет около двухсот пятидесяти футов в длину, сто тридцать футов в глубину и пять этажей в высоту; то, что на южной стороне короче и глубже, и шесть этажей в высоту. Нынешнее население пуэбло, около четырехсот человек, разделено между двумя домами, и это бережливые, трудолюбивые и умные люди. С восточной стороны находится длинная глинобитная стена, соединяющая два здания или, скорее, защищающая открытое пространство между ними. Соответствующая стена, несомненно, перекрывала пространство с противоположной стороны, образуя таким образом большой двор между зданиями, но, если это так, то теперь она исчезла. Ручей с обеих сторон окаймлен обширными полями или садами, которые орошаются каналами, черпающими воду из ручья. Саман желтовато-коричневого цвета, и при приближении к двум сооружениям они приобретают поразительный вид. Камин и дымоходы были добавлены в главную комнату каждой семьи; но очевидно, что они современные и что предложение пришло из испанских источников. Они установлены в углу комнаты. Первый этаж застроен монолитно, а те, что выше, отступают в виде террас. Приставленные к стенам лестницы показывают, каким образом можно подняться на несколько этажей, и, за редким исключением, в комнаты можно попасть через люки с помощью лестниц.

Дети и даже собаки свободно бегают вверх и вниз по этим лестницам. Нижние помещения используются под склады и зернохранилища, а верхние - под жилые комнаты; семьи в комнатах наверху владеют комнатами внизу и контролируют их. У пуэбло есть свои вожди.

Размеры двух зданий были предоставлены автору в 1864 году мистером Джоном Уордом, в то время правительственным агентом по делам индейцев, по заказу доктора М. Стека, суперинтенданта по делам индейцев в Нью-Мексико. Среди дополнительных подробностей, приведенных мистером Уордом, следующие: "Толщина стен этих домов полностью зависит от размера самана и способа его укладки на стену, то есть в продольном или поперечном направлении. Какого-либо определенного стандарта в отношении размера рекламных объявлений не существует. В рассматриваемых зданиях плиты перекрытия на верхних этажах укладываются в длину и в среднем имеют ширину около десяти дюймов, что дает толщину стен. На первом этаже или в комнатах на первом этаже брусья в большинстве мест уложены крест-накрест, таким образом, толщина этих стен равна длине самана, что в среднем составляет около двадцати дюймов. Ширина самана обычно составляет половину его длины, а толщина в среднем составляет около четырех дюймов. Полы и крыши покрыты глиняным раствором толщиной от четырех до шести дюймов, который укладывается и разглаживается вручную. Эту работу обычно выполняют женщины. При наличии подходящего грунта пол можно сделать очень твердым и гладким, и он прослужит очень долго, не требуя ремонта. Стены как внутри, так и снаружи покрыты одинаковым способом. Однако внутри больше внимания уделяется тому, чтобы стены были как можно более ровными и гладкими, после чего их побелают гипсом".

Несколько комнат на первом этаже были измерены мистером Уордом и оказались размером в футах 14 на 18, 20 на 22 и 24 на 27, с высотой потолков в среднем от 7 до 8 футов. На втором этаже они измерили в футах размеры 14 на 23, 12 на 20 и 15 на 20, при этом высота потолка варьировалась от 7 до 7 1/2 футов. Было обнаружено, что комнаты на третьем, четвертом и пятом этажах уменьшаются в размерах с каждым этажом. Вероятно, здесь допущена ошибка, поскольку основные продольные перегородки, должно быть, были возведены друг на друга снизу доверху. Были измерены несколько дверных проемов, размеры которых варьировались от 2 1/2 футов в ширину до 4 1/2 футов в высоту и от 2 1/3 футов в ширину до 4 10/12 футов в высоту. Люки в полу, через которые они спускались в эти комнаты с помощью лестниц, имели размеры 3 фута на 2 1/2, 3 фута на 2 и 1 фут 10 дюймов на 2 1/2 фута, а оконные проемы в стенах имели размеры в дюймах 14 на 14, 8 на 16, 16 на 20 и 18 на 18.

Затем мистер Уорд продолжает: "Ни в одной комнате нет больше двух окон; очень немногие имеют больше одного. В задних комнатах обычно есть одно или несколько круглых отверстий, сделанных в стенах диаметром от шести до восьми дюймов. Эти отверстия обеспечивают квартирам скудный приток света и воздуха. Комнаты на первом этаже обычно без дверей или окон, единственный вход - через люки или двери в крыше, которые находятся в комнатах, составляющих этаж непосредственно над ними. Эти подвальные помещения используются под кладовые. Комнаты на верхних этажах в основном заселены. Комнаты, расположенные в передней части здания, получают свет через двери и окна, описанные выше. В задних комнатах нет другого света, кроме того, который проникает через люки и перегородки, ведущие из передних комнат, то есть туда, где комната расположена таким образом, чтобы иметь и то, и другое. В других тоже нет другого света, кроме того, который проникает через уже описанные отверстия. В таких комнатах всегда темно. В некоторых семьях есть целых четыре или пять

комнат, одна из которых отведена для приготовления пищи и оборудована для этой цели большим камином. Те, у кого всего две или три комнаты, обычно готовят и спят в одной квартире, и в таких случаях они готовят у обычного камина, который стоит в одном углу комнаты. В течение многих лет ни к одному из зданий не было сделано заметных пристроек, и очевидно, что после смерти или переезда их владельцев они были полностью заброшены. Те, что в хорошем состоянии, все еще заселены. Судя по наилучшей доступной информации, первоначальные здания не были возведены все сразу, а время от времени дополнялись дополнительными помещениями, включая второй, третий и более этажи. Здесь нет обычных террас, крыша нижних комнат отвечает этому назначению. Таким образом, ни один из этих этажей не может быть обведен полностью, единственное, что можно назвать террасой, - это узкое пространство, оставшееся перед некоторыми комнатами с крыш нижних помещений".

Мистер Уорд, по-видимому, возражает против слова "терраса" при определении платформы, оставленной перед каждым этажом, как средства доступа в его квартиры и на последующие этажи. Он использовался ранними испанскими писателями для объяснения той же особенности, что и во многих больших домах в мексиканском пуэбло и в других местах по всей Мексике: крыши плоские, а истории отступают друг от друга. Хотя эта платформа, строго говоря, не является террасой, термин достаточно четко выражает эту архитектурную особенность. Два сооружения в Таосе достаточно велики, чтобы вместить пятьсот человек в каждом, обитатели которых живут по индийскому обычаю. Они были оккупированы в 1864 году тремя сотнями шестидесяти одним индейцем племени таос.

"На каждую террасу можно попасть, - замечает упомянутый выше м-р Миллер, говоря о пуэбло в целом, - по деревянной лестнице, сначала с земли, а затем с нижней; вход и выход в нижние комнаты и из них осуществляется изнутри в комнате наверху через люки и по приставным лестницам. Удивительно видеть, с какой ловкостью индийские дети и собаки бегают вверх и вниз по этим лестницам. Нигде нет никакого бокового сообщения между комнатами в огромном здании, и только одна семья занимает каждый ряд комнат, расположенных одна над другой". Это последнее утверждение сделано слишком широко, поскольку мы видели, что мистер Уорд привел размеры дверей через перегородки. Такие двери также будут показаны на следующей гравюре. Но нет сомнения в том, что количество боковых комнат, сообщающихся друг с другом, было небольшим, и что семьи или группы, если таковые существовали, объединенные в общее домашнее хозяйство, были отделены друг от друга прочными перегородками, факт, который вновь проявится в архитектуре домов Юкатана.

В 1877 году Дэвид Дж. Миллер, эсквайр из Санта-Фе, посетил пуэбло Таос по моей просьбе, чтобы провести некоторые дальнейшие исследования. Он сообщает мне следующие факты: Правительство состоит из следующих лиц, все из которых, за исключением первого, избираются ежегодно. 1. Касик или главный сахем. 2. Губернатор или алькальд. 3. Вице-губернатор. 4. Военный капитан и военный капитан-лейтенант. 5. Шесть фискалов полиции. "Касик, - говорит мистер Миллер, - осуществляет общий контроль над всеми офицерами при исполнении ими своих обязанностей, ведет дела пуэбло с окружающими белыми, индейскими агентами и т.д. И налагает выговоры или более суровые наказания на правонарушителей. Он является хранителем архивов пуэбло; например, в его распоряжении находится патент Соединенных Штатов на участок площадью четыре квадратных лиги, на котором стоит пуэбло, который был основан на испанском гранте 1689 года; также документы на другие купленные земли, прилегающие к пуэбло. Он занимает свой пост пожизненно. После его смерти народ

избирает его преемника. Касик может перед смертью назвать своего преемника, но это назначение должно быть одобрено народом, представленным его главными людьми, собравшимися в эстуфе. В этом касике можно узнать сахема северных племен, обязанности которого носили чисто гражданский характер. Г-н Миллер не определяет обязанности губернатора. Вероятно, они носили судебный характер и включали надзор за правами собственности людей на их обрабатываемые земли, а также в комнатах или секциях домов пуэбло ".

"Вице-губернатор, - замечает он, - это шериф, который получает и выполняет приказы. У военного капитана под его командованием двенадцать подчиненных, которые охраняют пуэбло и следят за общественными территориями, такими как пастбища, кладбище, эстуфас и так далее. Военный капитан-лейтенант выполняет приказы своего начальника и исполняет его обязанности во время его отсутствия или в случае его инвалидности. Шесть фискалов - это своего рода городская полиция. Их обязанность - следить за тем, чтобы катехизис (католический) преподавался в пуэбло и заучивался детьми, и в целом поддерживать порядок и исполнять муниципальные постановления пуэбло под руководством губернатора, на которого возложена обязанность следить за их исполнением ".

"Обычно собрание в эстуфе проводится ежегодно в последний день декабря для выборов должностных лиц на следующий год. Касик, губернатор и основные лица выдвигают кандидатов, а решение принимают выборы. Также может быть четвертое выдвижение кандидатов, то есть народом. На выборах голосуют все взрослые мужчины; сначала офицеры, а затем широкая общественность. Избранные офицеры в настоящее время приведены к присяге должностными лицами территории Соединенных Штатов ".

В этом простом правительстве мы имеем прекрасный образец, по существу и духу, древнего правления индейцев пуэбло в Нью-Мексико. Некоторая модификация старой системы может быть обнаружена в ограничении числа офицеров ниже ранга касика одним годом. Из того, что известно о других пуэбло в Нью-Мексико, Таос является ярким примером того, что все они в настоящее время находятся в государственной организации. Они являются и всегда были по сути республиканцами, что находится в полной гармонии с индийскими институтами. Я могу повторить здесь то, что я осмеливался утверждать в предыдущих случаях, а именно, что всю теорию управления государством и домашней жизни среди деревенских индейцев Америки от Зуны до Куско все еще можно найти в Нью-Мексико.

Изображение комнаты в этом пуэбло, рис. 28, взято с наброска мистера Гэлбрейта, который сопровождал группу майора Пауэлла в Нью-Мексико.

То, что г-н Миллер называет "правами собственности и титулами" и "правом собственности за плату" на землю, в достаточной степени объясняется правом владения, которое встречается у северных индейских племен. Ограничения на ее отчуждение индейцу из другого пуэбло или белому человеку, не говоря уже об отсутствии письменных прав собственности или передачи земли, которые стали возможными благодаря отношениям между испанцами и американцами, очень ясно показывают, что их идеи относительно владения абсолютным правом собственности на землю с правом отчуждать ее кому угодно, были полностью выше их концепции собственности и ее использования. Все цели индивидуальной собственности и наследования

достигались посредством простого права владения, в то время как окончательный титул оставался за племенем. Согласно заявлению мистера Миллера, если умирает отец, его земля делится между его вдовой и детьми, а если женщина, то ее земля делится поровну между ее сыновьями и дочерьми. Это важное утверждение, потому что, предполагая его правильность, оно показывает наследование детей как от отца, так и от матери, что является полным отходом от принципов нееврейского наследования. В 1878 году я посетил пуэбло Таос. Я не смог найти среди них рода [Примечание: г-н Боделье впоследствии установил, что они организованы в *gentes*.] и из-за нехватки времени не стал интересоваться положением об их собственности или правилами наследования. Дюжина больших печей, которые я видел, находясь там, в торцах или перед двумя зданиями, каждая из которых соответствовала потребностям более чем одной семьи, были заимствованы у испанцев. Не исключено, что они имели какое-то отношение к старому принципу коммунизма.

Будет очень трудно установить старый образ жизни, существовавший триста пятьдесят лет назад в Нью-Мексико и Центральной Америке, каким он был тогда в полном расцвете сил, являясь естественным результатом индейских институтов. Эксперимент по восстановлению этого утраченного состояния индийского общества не проводился. Люди были окружены цивилизацией во второй половине этого периода и с самого начала были в большей или меньшей степени затронуты ею. Их дальнейший рост и развитие было остановлено приходом европейской цивилизации, которая нанесла ущерб их более слабой культуре. С момента своего открытия их численность неуклонно сокращалась, и они не проявляют никаких признаков восстановления после шока, вызванного их порабощением. Среди северных племен, которые были на один этнический период ниже индейцев пуэбло, их социальная организация и образ жизни существенно изменились под аналогичными влияниями с периода открытия. Семья в большей степени приобрела строго моногамную форму, когда каждая занимала отдельный дом; коммунизм в жизни больших семей исчез, организация в роды во многих случаях распалась или была грубо подавлена внешними воздействиями; и их религиозные обычаи уступили место. Мы должны ожидать, что обнаружим аналогичные и даже более значительные изменения среди деревенских индейцев Нью-Мексико. Белая раса пришла к ним в Мексику и Нью-Мексико на сто лет раньше, чем к индейским племенам Соединенных Штатов. Но, словно для того, чтобы стимулировать изучение их древнего образа жизни, некоторые из этих племен продолжали все эти годы жить в тех же идентичных домах, которые занимали их предки в 1540 году в Акоме, Джемеце и Таосе. Эти пуэбло были современниками мексиканского пуэбло, захваченного Кортесом в 1520 году. Нынешние жители, вероятно, сохранили какую-то часть старого образа жизни или какие-то традиционные знания о том, что это было. Они должны сохранить некоторые обычаи в отношении владения и наследования частей этих домов, а также ограничения на право продажи, которые они не должны передавать из родства. То же самое и в отношении участков деревенского сада. Все факты, касающиеся их древних обычаев и образа жизни, должны быть выяснены, насколько это сейчас возможно, у нынешних жителей этих пуэбло. Приведенная таким образом информация послужит полезной цели при объяснении руин пуэбло на Юкатане и в Центральной Америке, а также о Сан-Хуане, Чако и Гиле.

На момент их открытия индейцы пуэбло в Нью-Мексико обычно поклонялись солнцу как своему главному божеству. Хотя по принуждению они номинально стали римско-католиками, на самом деле они все еще сохраняют свои старые религиозные верования. Мистер Миллер прислал мне некоторую информацию по этому вопросу, касающуюся пуэбло Таос, Хемес и Зия.

"До того, как испанцы навязали людям свою религию, пуэбло Таос считали Солнце своим Богом и поклонялись Солнцу как таковому. У них были периодические собрания властей и народа в эстуфасе, где они возносили молитвы Солнцу, умоляя его повторить свои ежедневные визиты и продолжать выращивать кукурузу, бобы и кабачки для пропитания людей. "Солнце и Бог, - сказал мне губернатор (Мирабаль), - это одно и то же. На самом деле мы верим в Солнце как в нашего Бога, но мы заявляем, что верим в Бога и Христа Католической церкви и Библии. Когда мы умираем, мы попадаем к Богу на Небеса. Я не знаю, то ли Рай находится на Солнце, то ли Солнце - это Небеса. Испанцы требовали, чтобы мы верили в их Бога, и мы были вынуждены принять их Бога, их церковь и их доктрины, вольно или невольно. Мы не знаем, что при американском правительстве мы можем исповедовать любую религию по своему выбору, и что национальное правительство и церковное управление полностью разъединены. Мы испытываем очень большое уважение и почтение к Солнцу. Мы боимся, что Солнце накажет нас сейчас или когда-нибудь в будущем, если мы будем творить зло. Современные пуэбло действительно исповедуют религию Солнца, но они исповедуют христианскую религию, о которой они не знают ничего, кроме того, чему учит католическая религия. Они всегда верили, что Монтесума придет снова как мессия пуэбло. Католическая религия так долго внешне практиковалась людьми, что теперь, по их мнению, ее было бы нелегко отбросить и установить старую религию Солнца, потому что она считается установленной законом страны и, следовательно, обязательно практикуется. Тем не менее, индейцы всегда будут следовать обеим религиям и практиковать их, как они это делают. "Если, - сказал губернатор, - один индеец здесь, в этом пуэбло, заявит, что он намеревался отречься от религии своих отцов (поклонения Солнцу) и принять христианскую религию в качестве своей единственной веры, а другой индеец заявит, что он намеревался отречься от христианской религии и принять и практиковать только религию Солнца, первый будет изгнан из пуэбло, а его имущество конфисковано, но другому будет позволено остаться со всеми его правами".

"В пуэбло есть три старика, чей долг - передавать традиции народа подрастающему поколению. Эти традиции передаются молодым людям в соответствии с их возрастом и способностями воспринимать и ценить их. У индейцев Таос есть предание, что они пришли с севера; что они нашли в этом месте (Таос) других индейцев, также живущих в пуэбло; что их они изгнали после долгих боев, а сами заняли и продолжают занимать их место. Как давно это было, они не могут сказать, но, должно быть, это было очень давно. Изгнанные индейцы жили здесь в пуэбло, как сейчас живут индейцы Таоса".

Г-н Миллер также передает беседу, состоявшуюся у него с Хуаном Хосе, уроженцем Зии, и Хосе Мигелем, уроженцем Пекоса, но затем (декабрь 1877 г.) жителем пуэбло Хемес, которую он записал в то время следующим образом: "До прихода испанцев религией Хемеса, Пекоса и Зии, а также других пуэбло, была религия Монтесумы. Главной особенностью этой религии было празднование танцев в пуэбло. В ней Богом было солнце. Сех-ун-йух был землей, откуда пришли индейцы пуэбло, и туда они отправились после смерти. Эта страна (Сех-ун-йух) находилась у Большого Соленого озера. Они не могут сказать, было ли это озеро тем местом, где сейчас живут мормоны, но оно находилось к северу. Под этим большим озером было большое индейское пуэбло, и оно существует до сих пор. [Примечание: У ирокезов есть похожая традиция древнего существования индейской деревни у озера Отсего в Нью-Йорке.] Индийские танцы исполнялись только по предписанию касика. В настоящее время у индейцев пуэбло две религии: Монтесума и римско-католическая. Солнце, Луна и Звезды были Богами, из которых величайшим и наиболее могущественным было Солнце; но более великим, чем он, был

Монтесума. Во время засухи, реального или угрожаемого бедствия индейцы пуэбло молились Монтесуме, а также Солнцу, Луне и Звездам. Во всех пуэбло Новой Мексики верят в старую религию (религию Монтесумы). Якобы они исповедуют католическую религию; но в их сознании и в действительности старая религия - это религия пуэбло. Догматы старой религии сохраняются традицией, которую старики передают молодежи в эстуфе. На церковных богослужениях индейцы пуэбло молятся Богу, а также Монтесуме и Солнцу; но на танцах они молятся только Монтесуме и Солнцу. Во время реального или угрожаемого бедствия касики устраивают танцы. У них есть два Бога: Бог пуэбло и Бог христиан. Монтесума - Бог пуэбло.

Этот рассказ о поклонении Солнцу индейцев Таос, в котором переплетается поклонение Монтесуме, и дальнейший рассказ о поклонении Монтесуме в пуэбло Зия и Хемес с признанием поклонения Солнцу, Луне и Звездам интересны и наводят на размышления. Вполне вероятно, что поклонение Солнцу является более старым из двух, в то время как поклонение Монтесуме, как более позднее явление, оставалось параллельным другому во всех пуэбло Новой Мексики, не вытесняя его. В этом сверхъестественном человеке, известном им как Монтесума, который однажды был среди них в человеческом обличье и который покинул их с обещанием, что когда-нибудь вернется снова, можно узнать Гайавату из поэмы Лонгфелло "Ха-йо-гоун-ха ирокезов". В каждом случае это ответвление широко распространенной в племенах американских аборигенов легенды о человеке, обладающем сверхъестественными способностями, наставнике в искусстве жизни; примере высочайших добродетелей, благодетелем, мудром и бессмертным.

"У них есть, - замечает мистер Миллер, - один любопытный обычай, который всегда соблюдался в пуэбло. Кому-то (иногда нескольким одновременно) следует полностью изолироваться от внешнего мира, абсолютно воздерживаясь от всякого личного общения с другими и посвящая себя исключительно молитве за пуэбло и его жителей. Это уединение длится восемнадцать месяцев, в течение которых доверенный посланник ежедневно снабжает их небольшим количеством пищи, ровно таким, чтобы сохранить жизнь, и в течение этого времени они могут даже не спрашивать о своих женах или детях и им ничего не говорят о них, хотя посланник может знать, что некоторые из них больны или умерли. Пища, которую разрешено употреблять отшельнику, - это кукуруза, бобы, кабачки, а также мясо буйволов и оленей; то есть такая пища, которая использовалась до прихода испанцев. Это религиозное уединение в честь Солнца. Это один из обрядов древней религии пуэбло, сохранившийся и практикуемый до сих пор. Один из стариков, с которыми я разговаривал, сказал, что он сам в прошлом году вышел из этого отшельничества; сейчас там находятся трое других, они ушли в ссылку в феврале 1877 года и выйдут в августе 1878 года, чтобы узнать новости за предыдущие полтора года".

ГЛАВА VII.

РУИНЫ ДОМОВ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ РЕКИ САН-ХУАН И ЕЕ ПРИТОКОВ.

Лучшие постройки деревенских индейцев в Нью-Мексико и к северу от его нынешней пограничной линии находятся на реке Сан-Хуан и ее притоках, незанятые и в руинах. Даже регионы, в которых они в основном расположены, в настоящее время не заселены этим классом индейцев, но по ним кочуют дикие племена апачей и ютов. Наиболее заметное скопление этих разрушенных и заброшенных пуэбло находится в каньоне или долине реки Рио-Чако, которая является притоком Сан-Хуана, притока Колорадо. Подобные руины каменных пуэбло также найдены в долине реки Анимас, а также в районе горы Ют на юго-западе штата Колорадо. Руины

скоплений небольших одиночных домов, построенных из булыжника и глинобитного раствора, и больших пуэбло из того же материала можно увидеть в долине Ла-Плата и в долине Монтесума, к западу от реки Манкос. На реке Манкос расположено большое количество каменных домов на скалах, а также круглых каменных башен, использование которых в настоящее время неизвестно. Дома на скалах также встречаются на реке Долорес. Другие руины найдены в каньоне Рио-де-Челли.

Разумно предположить, что деревенские индейцы к северу от Мексики достигли своей высшей культуры и развития там, где найдены эти каменные сооружения. Они похожи по стилю и планировке на нынешние населенные пуэбло в Нью-Мексико, но превосходят их по конструкции, поскольку камень превосходит саман или булыжник и саманный раствор. Они также равны, если не превосходят, по размерам и удобству размещения любые индейские пуэбло, когда-либо построенные в Северной Америке. Этот факт придает дополнительный интерес этим руинам, которые здесь представлены для рассмотрения.

Были сделаны два отдельных исследования руин Чако и сделаны отчеты о них. Первый был проведен лейтенантом Дж. Х. Симпсоном, который исследовал их в 1849 году и первым обратил на них внимание, а второй был повторным исследованием Уильяма Х. Джексона в 1877 году. Он был связан с геолого-географическим исследованием территорий профессором Ф.В. Хейденом, и его отчет содержится в отчете профессора Хейдена, опубликованном в 1878 году, стр. 411.

Каньон Чако, который начинается примерно в ста десяти милях к северо-западу от Санто-Доминго, на Рио-Гранде, весьма примечателен. У него достаточно характеристик каньона, чтобы оправдать применение этого своеобразного термина. Но он отличается от больших каньонов невысокостью граничащих стен и большой шириной пространства между ними. Ни Симпсон, ни Джексон не описывают каньон или долину с такой подробностью, как можно было бы пожелать, но мистер Джексон предоставил карту, рис. 29, на которой показано течение ручья с заштрихованными стенами каньона и уменьшенными до масштаба обрывами или лощинами в этих стенах. Это показывает, что ровная равнина между окружающими стенами местами колеблется от полумили до мили. Стены каньона сложены из рыхлого песчаника и обычно вертикальны. Их высота не задана с точностью. На гравюре также показаны очертания форм и сравнительные размеры нескольких сооружений с образцами трех разновидностей каменной кладки, использованных в стенах. № 2 показывает чередование рядов камня толщиной от четырех до шести дюймов и длиной от восьми до двенадцати дюймов с промежуточными рядами из нескольких тонких камней. Такое же чередование русленей вновь встречается в развалинах пуэбло на реке Анимас, примерно в шестидесяти милях к северу. Начало каньона очень похоже на каньон Макэлмо на юго-западе штата Колорадо, вертикальные стены которого сначала имеют высоту около трех футов, а ширина ровного пространства составляет от трехсот до пятисот футов; его стены медленно поднимаются по мере спуска. Без протекающего в настоящее время ручья, граничащий с открытой прерией, он представляет собой необычный вид для глаз. Лейтенант Симпсон отмечает, что после того, как мы покинули пуэбло Пинтадо, которое находится выше начала каньона, "две мили по слегка холмистой местности, наш общий курс по-прежнему был на северо-запад, привели нас к началу каньона де Чако, ширина которого здесь составляла около двухсот ярдов. Рыхлые породы песчаника, массивные сверху, слоистые снизу, составляют его окружающие стены". [Сноска: отчет лейтенанта Симпсона, стр. 77.]

И мистер Джексон, который вошел в нее с той же точки, отмечает, что "в двух милях от реки мы спустились в каньон Чако. Здесь глубина всего около пятидесяти футов, с вертикальными стенами из желтовато-серого песчаника". [Сноска: Отчет Хейдена, стр. 436.]

В точке, расположенной двенадцатью милями ниже, в Пуэбло Уна Вида, он замечает, что "каньон здесь имеет ширину около пятисот ярдов и совершенно ровный от одной стороны до другой".

[Сноска: ib., стр. 437.] Дальше вниз стены каньона поднимаются примерно на сто футов, как видно из реставрационных работ в пуэбло Бонито и пуэбло Ханго Пави. Доступен ли каньон с плоскогорья выше, напротив нескольких пуэбло, посредством арройо, которые прорываются сквозь стены и входят в каньон, из этих сообщений не явствует; но, по словам мистера Джексона, представляется вероятным, что недалеко от Пуэбло Бонито он поднялся на вершину утеса с помощью лестницы, частично вырубленной в скале. [Сноска: ib., стр. 448.]

Лейтенант Симпсон в своем отчете предоставил наземные планы пяти из этих сооружений с измерениями. Мистер Джексон предоставил одиннадцать наземных планов с измерениями, на двух из которых каньон отсутствует. Они в основном совпадают, но мы будем следовать за мистером Джексон, поскольку его работы являются наиболее полными. Следующие гравюры, за двумя или тремя исключениями, взяты из его отчета. Остальные взяты из отчета лейтенанта Симпсона.

Все великие здания на Чако построены из одних и тех же материалов и по одному и тому же общему плану, но они различаются размерами помещений, количеством рядов квартир и, следовательно, количеством этажей. В них было от ста до шестисот квартир в каждой, и по отдельности в них могли разместиться от пятисот до четырех тысяч человек, живущих по обычаю индейцев. Говоря о Пуэбло Пинтадо, лейтенант Симпсон замечает следующее: "Образуя единое строение и построенное из пластинчатых кусков твердого, мелкозернистого, плотного серого песчаника (материала, совершенно неизвестного в современной архитектуре Нью-Мексико), которому атмосфера придала красноватый оттенок, слои которого не толще трех дюймов, а иногда и тоньше одной четвертой дюйма, оно обнаруживает в каменной кладке сочетание науки и искусства, которое может быть отнесено только к более высокой стадии цивилизации и утонченности, чем это можно обнаружить в работах Дж. Мексиканцы или пуэбло наших дней. Действительно, детали сооружения настолько красиво уменьшены и правдивы, что на небольшом расстоянии они кажутся великолепной мозаикой".

"На внешней стороне зданий нет никаких признаков строительного раствора, промежутки между слоями засыпаны мельчайшими камнями. Заполнение и основа выполняются бутовой кладкой, при этом раствор не имеет признаков присутствия извести. Толщина основной стены у основания составляет от одного-двух дюймов до трех футов; выше она меньше, уменьшая каждый этаж за счет отступающих выступов изнутри, снизу доверху. Его высота в его нынешней высшей точке составляет от двадцати пяти до тридцати футов, ряд балок перекрытия указывает на то, что первоначально здесь, должно быть, было три этажа. Планировка участка, включая корт, при внешней застройке составляет около 403 футов. На первом этаже, не считая пристроек, расположены пятьдесят четыре квартиры, некоторые из них размером всего в пять квадратных футов, а самая большая примерно двенадцать на шесть футов. Эти комнаты сообщаются друг с другом очень маленькими дверями, некоторые из них имеют размеры два с половиной на два с половиной фута; а в случае с внутренними покоем двери, сообщающиеся с

внутренним двором, всего три с половиной на два фута. Главные комнаты, или те, которыми пользовались чаще всего, были, из-за наличия в них больших дверей и окон, скорее всего, расположены на втором этаже. Система настила, по-видимому, представляла собой большие поперечные необтесанные балки диаметром шесть дюймов, уложенные поперек от стены к стене, а затем ряд балок поменьше, диаметром около трех дюймов, уложенных на них в продольном направлении. Что было положено на них, неизвестно, но, скорее всего, это были кусты, кора или плиты, покрытые слоем глиняного раствора. На балках нет никаких следов пилы или топора; напротив, они, по-видимому, были отрублены с помощью какого-то очень несовершенного инструмента. На западной стороне здания окна, которые находятся только на втором этаже, имеют размер три фута два дюйма на два фута два дюйма. С северной стороны они занимают всего второй и третий этажи и имеют размеры четырнадцать на четырнадцать дюймов. В разных точках помещения располагались три круглые квартиры, утопленные в землю, стены были каменными. Эти помещения индейцы пуэбло называли эстуфас, или местами, где люди проводили свои политические и религиозные собрания". [Сноска: Отчет Симпсона, стр. 76.]

Главное здание, рис. 30, имеет длину двести тридцать восемь футов, а флигель - сто семьдесят четыре фута. Исходя из симметричного характера большинства этих сооружений, представляется вероятным, что первоначальный план предусматривал расширение главного здания, пристройку еще одного крыла с последующим соединением крыльев со стеной, закрывающей таким образом двор. Все эти здания не были достроены сразу, а расширялись и количество этажей увеличивалось из поколения в поколение по мере увеличения численности и процветания людей. План, по которому были возведены эти дома, благоприятствовал такому расширению. Огромные размеры некоторых из этих сооружений могут быть объяснены только гипотезой роста в течение длительных периодов времени. Камень для строительства этого пуэбло был найден совсем рядом. Мистер Джексон отмечает, что "на стороне утеса, обращенной к долине, находится обнажение желтовато-серого песчаника, в некоторых местах виден пласт толщиной от двенадцати до восемнадцати дюймов, где порода распадается на тонкие слои, похожие на сланец. Именно из этого слоя была получена большая часть материала для стен". [Сноска: Отчет Джексона, стр. 433.] Далее он замечает относительно эстуф: "В северо-западном углу двора находятся две круглые комнаты, или эстуфы, лучше всего сохранившиеся, одна из которых встроена в главное здание и образует его часть, в то время как другая стоит снаружи, но рядом, и, очевидно, является более поздней и менее совершенной пристройкой. Каждая из них имеет двадцать пять футов в диаметре. Внутренние стенки имеют идеальную цилиндрическую форму, а в случае с внутренней стенкой они хорошо сохранились на высоте около пяти футов Боковых отверстий нет, так что свет и доступ, вероятно, были получены через крышу. Эти эстуфы, которые так заметно фигурируют в этих руинах и фактически во всех древних руинах, простирающихся к югу от бассейна Рио-Сан-Хуан, настолько идентичны по своей структуре, расположению и очевидному использованию аналогичным эстуф в ныне заселенных пуэбло, что они, несомненно, связывают одно с другим и показывают, что этот регион когда-то был заселен многочисленным населением, остатками или потомками которого являются нынешние жители пуэбло Моки и Нью-Мексико.... Под планом местности [на рис. 30] находится участок реставрации пуэбло с севера на юг, показывающий, каким образом этажи, вероятно, были расположены террасами из внутренней части двора наружу. Ни в одной из этих развалин нет достоверных свидетельств того, что они были построены таким образом, но такое расположение, естественно, напрашивается само собой

как единственный способ легко получить свет и легкий доступ во внутренние помещения. Из характера стоящих стен также совершенно ясно, что они были расположены террасами не симметрично, а нерегулярно, на манер нынешних пуэбло. Есть все основания полагать, что на первый этаж в любом случае можно было попасть снаружи по лестницам, а на последующие этажи также можно было попасть снаружи, либо по лестницам, либо по каменным лестницам, на манер пуэбло моки. Нет никаких положительных свидетельств, подтверждающих какие-либо догадки на этот счет, поскольку в каждой руине верхние этажи настолько полностью разобраны, что никаких признаков какой-либо лестницы обнаружено не было. Первый этаж был разделен на квартиры меньшего размера, чем второй, причем многие комнаты, как показано на плане, находились на нижнем этаже, разделенном на две или три. Невозможно сказать, насколько высоким был этот этаж, поскольку пол в значительной степени покрыт камнями из рухнувших стен. Расстояние между балками второго этажа составляло десять футов, а третьего - несколько меньше, около семи футов, насколько мы могли судить снизу. Вероятно, был и четвертый этаж, но сейчас об этом сохранилось очень мало свидетельств. От вигов или других деревянных перекрытий не осталось и следа. Некоторые перемычки над дверями или окнами, составленные из деревянных брусков толщиной от одного до двух дюймов, уложенных близко друг к другу, сейчас в хорошей сохранности ". [Примечание: Отчет Джексона, стр. 434.]

В двенадцати милях вниз по каньону от Пуэбло Пинтадо находятся руины пуэбло Веге-ги, рис. 30. Высота главного здания составляет двести двадцать четыре фута, а длина каждого крыла - сто двадцать футов, если измерять снаружи, но сюда входит и глубина главного здания. Оно удивительно симметрично. Комнаты, по словам мистера Джексона, маленькие, самая большая - восемь на четырнадцать футов, а площадь самой маленькой - восемь квадратных футов, и каждая эстуфа имеет тридцать футов в диаметре. Он построен как последнее пуэбло "из небольших пластинчатых кусков песчаника, расположенных с прекрасным эффектом регулярности и отделки".

Пуэбло Уна Вида, рис. 31, по-видимому, находилось в процессе строительства и по замыслу после завершения строительства должно было стать одним из крупнейших в долине. Главное здание имеет двести пятьдесят футов в длину, а крыло - двести футов. Для его завершения требуется значительное расширение главного здания и пристройка еще одного крыла. Если это предположение обоснованно, оно служит доказательством того, что эти большие дома строились медленно, в процессе пристройки и расширения время от времени, по мере увеличения численности людей. Согласно этой теории строительства, первый ряд главного здания со стороны двора сначала был бы достроен в один этаж и покрыт плоской крышей; после чего, добавив одну параллельную стену с перегородками через равные промежутки времени, было бы получено еще столько же квартир; а за счет третьей и четвертой параллельных стен с перегородками - в два раза больше. Второй ряд был поднят на два этажа, третий - на три, а четвертый - на четыре; последующие этажи отходили со стороны двора в виде больших ступеней или террас, расположенных один над другим. Создание крыльев будет начато и завершено таким же образом. Кроме того, из нынешнего состояния здания кажется очевидным, что главное здание должно было быть значительно расширено за счет второго крыла, подобного первому, чтобы дополнить первоначальный дизайн и создать симметричное здание. Если эти выводы обоснованны, то напрашивается интересный вывод о том, что эти индийские архитекторы строили свои большие дома по определенному плану, который должен был быть реализован во всей полноте по прошествии лет, а возможно, и поколений. Как и

пуэбло с последним названием, он построен из пластинчатых кусков песчаника и находится в двух с половиной милях ниже по каньону.

Самые высокие участки стены, все еще стоящие в этом пуэбло, имеют пятнадцать футов в высоту, двадцать пять футов в Веге-ги и тридцать футов в Хунго-Пави.

Пуэбло Хунго Пави, или Кривой Нос, рис. 31, расположено милей ниже по каньону, на северной стороне, совсем рядом с граничащими стенами. Во внешней застройке, включая двор, он составляет восемьсот семьдесят два фута, из которых задняя стена имеет длину триста, а боковые стены или крылья по сто сорок четыре фута каждая. Это сооружение среднего размера, но симметричное и по размерам больше любого другого сооружения аборигенов Центральной Америки. На первом этаже расположены семьдесят три квартиры, некоторые из которых необычайно большие, размером примерно тринадцать на восемнадцать футов, и с пятьюдесятью тремя комнатами на втором этаже и двадцатью девятью на третьем, в общей сложности насчитывается сто пятьдесят пять комнат. В нем могло разместиться от восьмисот до тысячи индейцев.

Чтобы завершить представление об архитектурном проекте этих "великих каменных домов", в приложении приведена высота, рис. 32. Это реставрация пуэбло Ханго Пави, выполненная мистером Керном, который сопровождал генерала Симпсона в качестве рисовальщика, и скопированная с его гравюры. Стены каньона видны на заднем плане гравюры. Мы можем распознать в этом здании, как кажется автору, очень удовлетворительное воспроизведение так называемых дворцов Монтесумы, которые, подобно этому, были построены с трех сторон двора, выходящего на улицу или дамбу, и в форме террас. Из того света, который эта архитектура бросает на архитектуру ацтеков, которая была современной, представляется чрезвычайно вероятным, что эти знаменитые дворцы, считавшиеся исключительными резиденциями индийского правителя, являются чисто вымышленными; и что, напротив, они были ни много ни мало большими коммунальными домами или домами с совместным проживанием по образцу аборигенов Америки, и во всех их квартирах проживали простые индейцы. Из того, что теперь известно о необходимом устройстве общества среди деревенских индейцев, едва ли допускает сомнение тот факт, что большой дом, в котором он жил, был на равных правах занят многими другими семьями, такими же, как и его собственная, все члены которых были совладельцами сооружения, построенного их собственными руками.

Двумя милями ниже, на северной стороне каньона, недалеко от обрыва, находятся руины пуэбло Четтро Кеттл, или Дождевого пуэбло, рис. 33. Главное здание и флигели обращены ко двору, только из которого в них можно попасть и от которого несколько этажей выходят наружу. Включая двор, это огромное здание имеет внешнюю протяженность в тысячу триста футов. Наружная стена главного здания имеет длину четыреста пятьдесят два фута, а самое длинное из крыльев - двести двадцать футов. Эти измерения приведены по данным генерала Симпсона.

Из этих измерений может сложиться некоторое впечатление о размерах помещений, которые могло бы предоставить такое здание, особенно в индийской жизни, где супружеская пара и их дети проживают в меньшем пространстве, чем в одной из предоставленных квартир. На плане показано сто семьдесят пять квартир на первом этаже; сто тридцать четыре на втором; сто тринадцать на третьем; шестьдесят на четвертом и двадцать четыре на пятом — итого пятьсот шесть квартир. Маловероятно, что несколько этажей были возведены симметрично, что повлекло бы за собой уменьшение некоторых комнат на верхних этажах. Это пуэбло построено

из тех же материалов, что и названные ранее. "Круглые эстуфы, - замечает лейтенант Симпсон, - которых насчитывается шесть, имеют большую глубину, чем все, что мы видели, и отличаются от них также большим количеством этажей, один из них определенно имеет два, а возможно, и три, причем самый нижний, кажется, почти завален обломками".

Эта комната, рис. 34, описана лейтенантом Симпсоном, но во время визита мистера Джексона он не смог ее найти. "В северо-западном углу руин, - замечает лейтенант Симпсон, - мы нашли комнату в почти идеальной сохранности.... Эта комната имеет размеры четырнадцать на семь с половиной футов в плане и десять футов в высоту. В нем есть наружный дверной проем высотой три с половиной фута и шириной два с четвертью, и еще один в западном конце, ведущий в соседнюю комнату шириной в два фута, а в настоящее время, из-за мусора, всего в два с половиной фута высотой. Каменные стены все еще покрыты штукатуркой в сносном состоянии. В южной стене есть углубление или ниша высотой три фута два дюйма, шириной четыре фута пять дюймов и глубиной четыре. Его расположение и размеры, естественно, наводили на мысль, что это мог быть камин, но если это так, то дым, должно быть, возвращался в комнату, поскольку для него не было выхода из дымохода. В дополнение к этой большой нише в той же стене были три ниши поменьше. Потолок представлял собой две основные балки, уложенные поперечно; на них, в продольном направлении, рядом располагался ряд балок поменьше, концы которых были связаны вместе каким-то древесным волокном, а промежутки между ними были забиты мелкими камнями; на них, опять же, в поперечном направлении, в тесном контакте, было что-то вроде обрешетки с запахом и внешним видом кедра, все в хорошей сохранности". [Примечание: Отчет лейтенанта Симпсона, стр. 63.]

В своем первоначальном состоянии это прекрасное поселение, должно быть, имело очень поразительный вид.

Непосредственно под стенами каньона и примерно в четверти мили ниже последнего пуэбло находятся руины еще более крупного пуэбло Бонито, рис. 35. Это сооружение в некоторых отношениях самое интересное из серии, а также лучше всего сохранившееся в определенных частях. Его внешняя застройка, включая корт, составляет тысячу триста футов. Его углы закруглены, а к восточному крылу, которое в настоящее время является наиболее разрушенной частью здания, похоже, пристраивали ряд за рядом квартир, пока не была покрыта почти треть площади двора. "Нынешняя высота здания, - отмечает генерал Симпсон, - показывает, что в нем было по меньшей мере четыре жилых этажа. Количество комнат на первом этаже - сто тридцать девять. В это перечисление, однако, не включены квартиры, которые невозможно различить в восточной части пуэбло и которые увеличили бы их число примерно до двухсот. Таким образом, поскольку комнат было по крайней мере четыре этажа ... Должно быть сокращение ... на один ряд комнат для каждого этажа после первого, что увеличило бы их число до шестисот сорока одного. [Примечание: Отчет Симпсона, стр. 81.]

Здесь можно повторить, что ни в одной части Северной Америки не было найдено ни одного здания с равными помещениями. В нем могли бы разместиться три тысячи индейцев.

Одна из лучших его комнат показана на гравюре, рис. 36. Он будет вполне сопоставим с любым подобным по размеру, который можно найти в Паленке или Ушмале, хотя из-за отсутствия сводчатого потолка не имеет себе равных по художественному оформлению. Хорошая механическая подгонка каменной кладки и отделка потолка в высшей степени свидетельствуют о вкусе и мастерстве строителей. "Он замурован, - говорит Симпсон, - чередующимися слоями

крупных и мелких камней, регулярность сочетания которых создает очень приятный эффект. Потолок этой комнаты также выполнен с большим вкусом, чем любой из виденных нами, поперечные балки меньше и многочисленнее, а опирающиеся на них продольные элементы всего около дюйма в диаметре и красиво правильные, эти последние чем-то напоминают ивовую кору. В комнате есть дверной проем в каждом конце и один сбоку, каждый из них ведет в соседние квартиры. Свет проникает через окно размером два фута на восемь дюймов на северной стороне." [Примечание: Отчет Симпсона, стр. 81.]

Изучение руин мистером Джексоном позволило ему произвести реставрацию, которая приведена в его отчете и копией которой является табличка рис. 37. Это интересная работа, рассматриваемая как реставрация, которая может претендовать только на приблизительность. Следует отметить, что во двор были оставлены открытыми три прохода, хотя на плане показан только один. В зданиях Юкатана, таких как Дом монахинь в Ушмале, обычно есть арочные ворота в центре здания, выходящие во двор. Двор также был открыт с каждого из четырех углов, которые, однако, могли быть защищены частоколом во время опасности. Стены каньона видны на заднем плане гравюры.

Об этом пуэбло мистер Джексон отмечает, что "в трехстах ярдах ниже находятся руины Пуэбло дель Арройо, рис. 38, названного так, вероятно, потому, что оно находится на краю глубокого русла, пересекающего середину каньона". Симпсон бросил на это лишь мимолетный взгляд, но он вполне оправдывает более тщательный осмотр. Здание прямоугольной формы, но с открытым пространством или двором, обращенным на несколько градусов к северо-востоку. Западная стена имеет в длину двести шестьдесят восемь футов, а два крыла - сто двадцать пять и сто тридцать пять футов соответственно; их концы соединены узкой и низкой полукруглой стеной. Крылья - самая массивная и лучше всего сохранившаяся часть всего здания, та часть, которая находится между ними и задней частью двора, гораздо более разрушена и непохожа на другие во многих отношениях. Стены южного крыла, которые находятся на первом этаже, очень тяжелые и массивные, все еще стоят на высоте третьего этажа. Многие из вигов все еще стоят на месте и представляют собой большие, идеально гладкие и прямые необтесанные сосновые бревна толщиной в среднем десять дюймов; в настоящее время не сохранилось ни одной балки меньшего размера или других изделий из дерева. В этом крыле есть одно устье диаметром тридцать семь футов. В северном крыле стены стоят несколько выше, но не более трех этажей, хотя, вероятно, там был еще один. Виги второго этажа выступают из стены на расстояние около пяти футов вдоль всей ее северной стороны, такие же, как в Пуэбло Хунго Пави. Есть два эстуфа; один возле восточного конца крыла, диаметром двадцать семь футов, был высотой в три этажа. Балки перекрытия сняты, но остатки ясно показывают это. Внутренняя часть почти засыпана, но первоначально она была глубиной более двадцати пяти футов. Руины другого устья незначительны по сравнению с этим, и, вероятно, оно состояло всего из одной низкой комнаты. Перед центром двора находятся остатки того, что когда-то было тремя круглыми комнатами. В конце крыльев, за пределами здания, видны слабые очертания других круглых квартир или ограждений, обозначенных пунктирными линиями на плане. В центральной части руин, между двумя крыльями, некоторые комнаты сохранились целыми. Я заполз в один из них через небольшое отверстие в обшивке и обнаружил, что его стены состоят из изящной каменной кладки, тонко оштукатуренной и побеленной. Потолок был сделан обычным способом, тонкие ивовые ветки поддерживали земляной пол наверху, вместо похожих на рейки палок или тонких досок, которые использовались в отмеченных исключительных случаях.

В двух милях ниже Пуэбло дель Арройо находятся руины Пуэбло Пеньяска-Бланка, рис. 39. "Это самое большое в плане пуэбло, которое мы видели, - замечает лейтенант Симпсон, - и отличается от других расположением камней, из которых сложены его стены. Стены других пуэбло были все одного и того же характера в нескольких слоях, составляющих его; но в этом наблюдается регулярное чередование больших и малых камней, которые имеют около одного фута в длину и полфута в толщину, образуют лишь один слой, а затем, чередуясь с ними, образуются три или четыре слоя из очень мелких камней, каждый толщиной около дюйма. Общий план сооружения также отличается от других приближением к форме круга. Количество комнат, которые в настоящее время можно обнаружить на втором этаже, составляет сто двенадцать, а существующие стены показывают, что здесь было по крайней мере три этажа квартир. Количество круглых эстуф, которые мы насчитали, составило семь". [Сноска: Отчет Симпсона, стр. 64.]

"Что касается размеров, - замечает мистер Джексон, - то комнаты в этих руинах в среднем больше, чем в большинстве других; двадцать восемь комнат, как они выглядят на внешней окружности, в среднем имеют двадцать футов в длину от стены до стены внутри. Самые маленькие, шириной всего десять футов, находятся на двух концах. Ширина комнат каждого яруса, по-видимому, была постоянной по всей длине руин. Размеры, указанные на этих чертежах, почти во всех случаях относятся к тем квартирам, которые составляют второй этаж, поскольку именно в них стены наименее затемнены.

"В большинстве руин первый этаж почти полностью завален мусором, но когда удастся осмотреть руины, они показывают, что этот этаж обычно разделен на гораздо меньшие квартиры, иногда две или три находятся на месте каждой над ними. Восточная половина эллипса, как было сказано выше, состоит из единой непрерывной линии небольших помещений с одинаковой шириной внутри тринадцать футов и средней длиной двадцать футов. По любопытному совпадению, в этом ряду столько же комнат, сколько и во внешнем ярусе главного здания. Стены центральной части на расстоянии около двухсот футов хорошо сохранились, местами достигая высоты от шести до восьми футов, в разделительных стенах видны отверстия, ведущие из одной комнаты в другую. Они построены из камней одинакового размера, в среднем шесть на девять на три с половиной дюйма. Между камнями вместо маленьких каменных пластин использовался строительный раствор. С обоих концов, на расстоянии около двухсот футов от места соединения с главным зданием, стены полностью выровнены, но их осталось достаточно, чтобы показать размеры каждой квартиры. В двадцати ярдах от южного торца здания находятся руины большого круглого помещения пятидесяти футов в диаметре, некоторые участки его внутренней стены сохранились настолько, что их характер легко различим". [Примечание: Десятый годовой отчет Хейдена, 1878, стр. 446.]

За пределами каньона, на плато и примерно в полумиле позади утеса, на северной стороне, находятся руины Пуэбло-Альто, построенные из камня с трех сторон двора, подобные тем, что были описаны ранее. Длина главного здания составляет триста футов, а одно крыло находится на расстоянии двухсот футов от задней части главного здания, другое крыло имеет длину сто семьдесят футов, измеренную таким же образом. Это крыло имеет глубину всего в две комнаты, в то время как главное здание и другое крыло имеют глубину в три комнаты каждое. В нем шесть эстуф с остатками выпуклой стены, соединяющей два крыла и ограждающей двор. Эти эстуфы, как и в других пуэбло, предполагают вероятность того, что они были местами проведения советов родов и братрий.

Эти большие руины вместе с двумя другими меньшего размера, показанными на рис. 38 под номерами 8 и 9, из которых первые имеют сто тридцать пять футов в длину и сто футов в глубину, а остальные семьдесят восемь на шестьдесят три фута, оба каменные, завершают список руин в каньоне. Пуэбло Пинтадо, однако, находится в верхней части и без каньона, а Пуэбло Альто, еще не описанный, находится не в каньоне, а на утесе. Это замечательная экспозиция древних зданий, самая замечательная в Нью-Мексико. С окаймляющими каньон стенами, поднимающимися вертикально, местами на высоту ста футов, открывались широкие перспективы в любом направлении, с естественными и ограждающими стенами. Закрытая от всех взглядов на плоскогорье на вершине этих стен, эта долина в то время, когда в ней располагались большие дома, должно быть, представляла собой очень поразительную картину человеческой жизни, какой она была в Средний период варварства. Большая часть долины, должно быть, была покрыта грядками, из которых люди черпали основную поддержку, поскольку земли плоскогорья за пределами каньона были слишком сухими для возделывания. Это, без сомнения, представляло интересную картину трудолюбивой и довольной жизни с соответствующим прогрессом в искусстве того периода. До сих пор существует некоторая неопределенность относительно времени, когда эти пуэбло были заселены в последний раз, и судьбы их жителей. Существует ряд обстоятельств, указывающих на то, что это были "Семь городов Сибола", против которых была направлена экспедиция Коронадо в 1540-1542 годах. В каньоне находятся семь развалин пуэбло, не считая домов № 8 и 9, самых маленьких в долине. Здесь можно отметить некоторые факты, которые указывают на то, что эти пуэбло были городами Сибола.

В своем Обращении к вице-королю, датированном провинцией Сибола 3 августа 1540 года, Коронадо описывает свое завоевание и выражает свое разочарование следующим образом:

"Теперь остается засвидетельствовать вашу Честь в отношении семи городов, королевств и провинций, о которых Отец-Провинциал докладывал вашей светлости. И, если быть кратким, я могу заверить вашу честь, что он не сказал правды ни в чем из того, что сообщил, но все было совершенно наоборот, за исключением только названий городов и больших каменных домов, ибо, хотя они не отделаны ни бирюзой, ни известью, ни кирпичом, тем не менее, это очень превосходные хорошие дома, высотой в три, или четыре, или пять этажей, в которых есть хорошее жилье и красивые комнаты, с лестницами вместо ступеней и определенными подвалами под землей, очень хорошими и мощеными, которые сделаны для зимы, — они похожи на печи; и лестницы, которые они используют, очень похожи на печи. имейте, потому что их дома в некотором роде подвижны и переносятся, которые убирают и ставят, когда им заблагорассудится; и они сделаны из двух кусков дерева, со ступеньками, как у нас. Семь городов - это семь маленьких городков, все они построены из таких домов, о которых я говорю; и все они стоят на расстоянии четырех лиг друг от друга, и все они называются Королевством Сибола, и у каждого из них есть свое особое название, и ни один из них не называется Сибола, но все вместе они называются Сибола. И этот город, который я называю городом, я назвал Гранадой также потому, что он чем-то похож на него, а также в память о вашей светлости. В этом городе, где я сейчас нахожусь, может быть около двухсот домов, и все они окружены стенами; и я думаю, что вместе с остальными домами, которые не обнесены такими стенами, их может быть пятьсот. Недалеко от этого есть еще один город, который является одним из семи, и он несколько больше этого, и еще один такой же величины, как этот, а четыре несколько меньше; и я посылаю их все расписанными вашей светлости вместе с путешествием. И пергамент, на котором изображен рисунок, был найден здесь вместе с другими пергаменами. Жители этого

города кажутся мне разумного роста и остроумными, но все же они кажутся не такими, какими должны быть, с таким рассудком и сообразительностью, чтобы строить эти дома в таком виде, в каком они есть.... Они проделывают восьмидневный путь до определенных равнин, лежащих по направлению к Северному морю. В этой стране есть определенные шкуры, хорошо выделанные; и они выделывают их и раскрашивают там, где убивают своих быков [буйволов]; ибо так они сами говорят ". [Сноска: Хаклэйт, том iii, стр. 377.]

На четвертый день после захвата Сиболы Коронадо далее говорит: "Они привели в порядок все свое имущество, своих женщин и детей и бежали в горы, оставив свои города как бы заброшенными, в которых их осталось очень мало". [Сноска: ib., vol. iii, с. 379.]

Следует отметить, что фразы "большие дома из камня" и "хорошие дома высотой в три, или четыре, или пять этажей" не только точно описывают пуэбло на реке Чако, но и в Нью-Мексико нет других пуэбло, построенных исключительно из камня, о которых нам известно, за исключением пуэбло моки в каньоне де Челли, на реке Анимас и в других местах на юго-западе Колорадо. В повествовании есть очевидная трудность, связанная с упоминанием количества домов; но, я думаю, очевидно, что Коронадо имел в виду квартиры или секции, рассматривая каждый большой дом как жилой блок и выражая сомнение в их "рассудительности и сообразительности строить эти дома такими, какие они есть". Если и оставались какие-либо сомнения, то они полностью устраняются тем фактом, что все дома пуэбло в Нью-Мексико, будь то заселенные или находящиеся в руинах, представляют собой огромные здания, построенные подобным образом по общинному принципу, и что двести таких домов, сгруппированных в одном городе, были совершенно невозможны.

Харамильо, который написал свой отчет спустя некоторое время после возвращения экспедиции, отмечает: "все водные потоки, на которые мы наткнулись, будь то ручей или река, вплоть до Сиболы и, я полагаю, на один или два дня пути дальше, текут в направлении Южного моря [Тихого океана]; дальше они берут направление на Северное море [Атлантику]". [Примечание: Полковник Х. Терно-Компанс, том ix, стр. 370.]

Это указывает на то, что Сибола располагалась на притоке реки Колорадо, которая собирает все воды Нью-Мексико к западу от Рио-Гранде и к северу от Хила, а также на то, что она была расположена совсем рядом с водораздельным хребтом. Это всего в десяти милях от Каньона Торрехон, на реке Пуэрко, притоке Рио-Гранде, до начала Рио-де-Чако, притока Сан-Хуана, и всего в двадцати трех милях от Пуэбло Пинтадо. В этом отношении места, где находятся руины на реке Чако, хорошо согласуются с описанием положения городов Сибола. Кастаньяда, рассказав о семи деревнях и характере домов, отмечает, что "долина очень узкая, между обрывистыми горами" ["C'est une vallee tres-etroite entre des montagues escarpees"], [Примечание: Castenyada Relationship, Ternaux-Compans, ix, стр. 164.] что, в свете заявления Коронадо, что "местность вся равнинная, и ни с одной стороны гор", возможно, имеет отношение к окружающим стенам каньона. Этот язык, переведенный буквально, не описывает этот каньон, как и долину в Нью-Мексико, населенную пуэбло, которая соответствовала бы этому описанию.

На основании свидетельств, содержащихся в этих нескольких повествованиях, и с учетом наших нынешних знаний о Нью-Мексико местоположение семи городов Сибола не может быть определено с уверенностью. Это вопрос вероятностей; и те, которые кажутся наиболее убедительными в пользу руин на реке Чако, следующие: во-первых, они превосходят

архитектурно любые пуэбло в Нью-Мексико, существующие сейчас или находящиеся в руинах, и совпадают по количеству и близости друг к другу с описанными городами Сибола. Во-вторых, они находятся в притоке Сан-Хуана и в пределах "одного или двух дней пути" от вод, впадающих в Мексиканский залив; другими словами, они находятся недалеко от вершины водораздела двух океанов, где, по отчетливому утверждению Харамильо, находилась Сибола. В-третьих, они находятся в восьми днях пути от хребтов буффало, ближайшие из которых находятся на северо-восточной границе Нью-Мексико. Говорили, что Сибола находится именно там. Более того, название Сибола подразумевает страну буйволов. Монах Маркос также сообщил нам, что индейцы к югу от Гилы торговали с сиболанами бычьими шкурами, которые, как он обнаружил, они носили. Цзуньи, единственное известное место, указывающее на вероятность того, что это был один из семи городов, находится слишком далеко от хребтов буффало, чтобы отвечать на эту часть повествования. Наконец, все свидетельства в совокупности свидетельствуют в пользу крайнего северного, а также дальневосточного расположения Сиболы. Жители Сиболы ничего не знали ни о том, ни о другом океане. Вряд ли это могло быть верно в отношении жителей Цзуньи по отношению к Тихому океану или, по крайней мере, к Калифорнийскому заливу. Сам Коронадо сомневался, какое море находится ближе всего, и, по-видимому, осознавал расширение континента по обе стороны от него. Если предположить, что пуэбло на реке Чако были заселены в 1540 году, то в то время это были самые прекрасные сооружения в Нью-Мексико. Коронадо захватил все деревни на Рио-Гранде и, вероятно, отправил отряд в пуэбло Моки и оставался в стране два года. Поэтому кажется невозможным, что он не смог найти пуэбло на реке Чако; и они соответствуют его описанию лучше, чем любые другие пуэбло в Нью-Мексико.

Что касается способа строительства этих домов, то, вероятно, это делалось, как отмечалось в других местах, время от времени и из поколения в поколение. Подобно феодальному замку, каждый дом рос за счет небольших пристроек, которые делались по мере необходимости. Когда один из этих домов, достигнув достаточного размера, стал переполнен обитателями, вполне вероятно, что сильная колония, "подобно рою из родительского улья, переселилась и основала новый дом, выше или ниже, в той же долине". Это повторялось по мере процветания народа, пока на протяжении двенадцати-пятнадцати миль не выросло несколько пуэбло, как в долине реки Чако. Когда возможности долины становились чрезмерными для их совместного существования, колонисты начинали искать более отдаленные дома. В период наивысшего расцвета этих пуэбло долина реки Чако, должно быть, обладала замечательными преимуществами для пропитания. Равнина между стенами каньона была шириной от полумили до мили рядом с несколькими пуэбло, но количество воды, проходящей сейчас через нее, невелико. В июле, по словам лейтенанта Симпсона, бегущий ручей достигал восьми футов в ширину и полутора футов в глубину в одном из поселков пуэбло; в то время как мистер Джексон не обнаружил проточной воды, а долина в мае была совершенно сухой, за исключением лужиц местами и резервуара с чистой водой в скалах на вершине утеса. Состояние региона показано этими двумя утверждениями. Летом, в сезон дождей, который также является сезоном выращивания сельскохозяйственных культур, воды в избытке; в то время как в сухой сезон она ограничена источниками, бассейнами и водохранилищами. Судя по количеству пуэбло в долине, насчитывающему несколько тысяч человек, сады в ее пределах, должно быть, давали большое количество средств к существованию; климат был благоприятен для их роста и созревания.

ГЛАВА VIII.

РУИНЫ ДОМОВ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ РЕКИ САН—ХУАН И ЕЕ ПРИТОКОВ -ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Примерно в шестидесяти милях к северу от пуэбло на реке Чако, в долине реки Анимас, находится скопление каменных пуэбло, очень похожих на предыдущие. Я посетил их в 1878 году. Долина широкая в этом месте и на несколько миль выше и ниже до ее устья. Во время нашего визита (22 июля) река представляла собой широкий поток, несущий большой объем воды. Мы следовали вниз по реке от места ее подъема в водораздельном хребте, где это был простой ручей, почти все расстояние через Сильвертон до Анимас-Сити. Постоянный приток горных ручьев и быстрый спуск по его руслу вскоре превратили его в шумный и стремительный поток. Примерно в двадцати милях от Анимас-Сити мы были вынуждены подняться на вершину граничащих гор, чтобы избежать узкого каньона внизу, который был непроходим; и, спускаясь из Анимас-Сити, чтобы посетить эти пуэбло, мы пересекли долину Ла-Плата, и, пройдя через эту долину, мы снова пересекли долину Анимас, чтобы избежать подобных каньонов, также непроходимых. Запасы воды для орошения в пуэбло были в изобилии. [Примечание: Гравюры с рис. 40, 41 и 41а были любезно предоставлены мистером Ф. В. Патнэмом из Музея Пибоди, Кембридж, Массачусетс.]

Пуэбло, план которого показан на рис. 40, является одним из четырех, расположенных на расстоянии одной мили к западу от реки Анимас в Нью-Мексико, примерно в двенадцати милях выше ее устья. Помимо этих четырех, в пределах того же района есть еще пять руин меньшего размера. Это пуэбло было высотой в пять или, возможно, в шесть этажей, состоящее из главного здания длиной в триста шестьдесят восемь футов и двух крыльев длиной в двести семьдесят футов, измеренных вдоль внешней стены с правой и левой сторон, и ста девяноста девяти футов, измеренных вдоль внутренней стороны от конца до главного здания.

[Иллюстрация: рис. 40 —План местности Пуэбло на реке Анимас, Северная М.]

Четвертое строение проходит от конца одного крыла до конца другого, таким образом охватывая открытую площадку. Он был шириной в один или, возможно, в два ряда помещений и слегка выпуклым наружу, что несколько увеличивало размеры двора. Главное здание и флигели были построены в так называемой террасной форме; то есть первый ряд квартир в главном здании и в каждом флигеле со стороны двора были всего в один этаж высотой. Второй ряд позади них был поднят на высоту двух этажей, третий ряд - на три этажа, и так далее, до пяти этажей для главного здания и четырех для каждого крыла. Внешняя стена возвышалась на сорок или пятьдесят футов там, где строение было пятиэтажным, и всего на десять футов со стороны двора, включая низкую стену с парапетом, где строение было всего в один этаж высотой. На первом этаже не было входа в эти огромные сооружения. Получив допуск во двор, они поднялись на крышу первого ряда квартир по лестницам и таким же образом, по лестницам, на каждый последующий этаж. По мере того как второй этаж удалялся от первого, третий от второго и так далее, каждый последующий этаж делал огромную ступеньку высотой в десять футов. В квартиры входили через люки на крыше каждого этажа, а спускаться приходилось по лестницам внутри. В некоторых местах, без сомнения, на верхние этажи можно было попасть через дверные проемы с крыши соседнего этажа.

Два крыла представляют собой груды руин. Ямы вдоль вершины показывают формы комнат, с явными следами первоначальных стен тут и там, а раскопки, проведенные любознательными поселенцами, открыли несколько комнат на первом этаже одного из крыльев. Мы вошли в них и измерили. Некоторые комнаты были облицованы камнем, то есть мы обнаружили регулярно возводимую каменную стену, подобную той, что в главном здании, как будет показано в другом месте. Некоторые стены в этих комнатах были из булыжника и самана; другие были из камня с натуральными гранями и с примесью булыжника. Мы не видели стен только из саманного кирпича. Упавшие стены образовали массу глубиной около двенадцати футов на месте крыльев, самую глубокую снаружи и утончающуюся со стороны двора.

Масса материала, использованного при строительстве этих сооружений, была очень велика и удивляет наблюдателя. Частично это объясняется толщиной стен. Мы измерили несколько из них. Они были толщиной два фута четыре дюйма, два фута шесть дюймов, два фута девять дюймов, три фута и в редких случаях три фута шесть дюймов. Ни один из них не был меньше двух футов.

Можно предположить, что изначально главное здание было самой хорошо построенной частью здания, потому что часть его сохранилась и сейчас. Стены первого этажа, некоторой части второго и, в некоторых местах, части третьего этажа, образующие второй ряд квартир снаружи, все еще стоят и возвышаются примерно на двадцать пять футов от земли. Замеры второго ряда квартир, как показано на схеме, производились от несущих стен и производились на втором этаже.

Первый, или цокольный, этаж засыпан мусором от обрушившихся стен, потолков и полов во втором ряду названных квартир. В некоторых случаях они полностью превышают линию первоначальных потолков, в других - почти доходят до них. Основные потолочные балки были сделаны из желтого кедра диаметром от восьми до двенадцати дюймов, обычно их было три или четыре, и располагались поперек узкого прохода в комнате. Обрубки этих балок до сих пор остаются в стенах, параллельных двору. Прямо над линией этих балок в двух других стенах были концы ряда жердей диаметром около четырех дюймов, которые проходили поперек кедровых балок. Обрубки этих жердей, коротко обломанные у линии стен, все еще остаются на месте. Первоначально на этих шестах лежали тонкие куски расщепленных кедровых веток, а затем пол из саманного раствора толщиной в четыре-пять дюймов. Таким образом, мы получаем положение и высоту пола первого и второго этажей, которые составляли около девяти футов шести дюймов для первого этажа и девяти футов для второго.

Внешняя стена главного здания обрушилась по всей длине конструкции. Поскольку немногочисленные поселенцы в долине используют эти руины в качестве каменоломни для добычи камня для фундаментов своих домов и амбаров, а также для закладки колодцев камнями, сыпучий материал постепенно убирается, и когда будет удобнее возводить стоячие стены, он также будет убран. Один фермер сказал мне, что, по его мнению, четверть доступного материала в этом и соседнем каменном пуэбло уже убрана. Остается надеяться, что число этих поселенцев, склонных к вандализму, не увеличится.

Часть перегородок, соединявших внешнюю стену со следующей параллельной стеной, все еще стоит там, где последняя названная стена возвышается над вторым этажом. Они выступают на три или четыре фута, как контрфорсы, упирающиеся в стену, и показывают, что каменная кладка параллельных и поперечных стен была шарнирной, что перегородки были непрерывными

спереди и сзади и что стены нескольких этажей опирались друг на друга. Все это видно при поверхностном осмотре стен в том виде, в каком они стоят сейчас.

Наибольший интерес в этих сооружениях представляет сама каменная кладка. Каждая комната в главном здании была облицована камнем с четырех сторон, с глинобитным полом и деревянным потолком. В каждой комнате, насколько можно судить по сохранившимся стенам, было два дверных проема в стенах, параллельных двору, и четыре отверстия площадью около двенадцати дюймов, по два сбоку от каждого дверного проема, у потолка. Эти отверстия предназначались для освещения и вентиляции. В ограниченном смысле можно сказать, что камни были обработаны, а также что они были уложены рядами, но в высоком и строгом значении этих терминов ни то, ни другое не соответствует действительности. Используемые камни были небольшими и разного размера. Иногда они были почти квадратными, со стороной от шести до восьми дюймов; иногда фут в длину и шесть дюймов в ширину. Последнее соответствует размеру камней, использовавшихся в Ушмале и Чичен-Ице, по словам Нормана. В некоторых случаях использовались более длинные и толстые камни без какой-либо попытки выровнять концы. В некоторых случаях использовались тонкие куски камня с параллельными гранями. Во всех случаях камнем был песчаник, теперь красновато-коричневого цвета. Насколько я мог судить по личным наблюдениям, это преобладающий камень на утесах реки Анимас и всех параллельных ей рек, впадающих в Сан-Хуан. Это скорее мягкий, чем твердый камень, обычно желтоватого цвета при первой добыче, и часть его разложилась в процессе использования. Потрепанный и потрепанный непогодой внешний вид некоторых из этих камней в противном случае указывал бы на очень большой возраст сооружения. При использовании камня такого размера хорошую грань можно сформировать простым переломом, а достаточно плотный шов можно создать несколькими ударами каменной кувалды. Если целью была более тонкая работа, то она должна была быть выполнена путем трения камней о поверхность. Но эта работа в достаточной степени объясняется предыдущими процессами. В ряду названных квартир и этажей обе стороны каждой стены были каменными, так что все квартиры были каменными изнутри. Это были прекрасные стены, как по кладке, так и по качеству изготовления, заслуживающие похвалы строителей. Была предпринята попытка возвести эти стены рядами одинаковой толщины, но каждый ряд отличался от того, что был выше и ниже него. Попытка увенчалась успехом лишь частично. Они без колебаний нарушили регулярность курсов. Некоторые из стоящих стен сейчас подпружинены, но большинство из них прямые и довольно вертикальные, глинобитный раствор прочный, а сцепление не нарушено.

С незапамятных времен у индейца была бечевка. С ее помощью он мог очертить круг и с приемлемой точностью очертить четыре стороны четырехугольного сооружения. Не будет преувеличением предположить, что при помощи веревки и грузила деревенский индеец располагал отвесом и мог проверить свою стену так же хорошо, как и мы. Во всяком случае, глаз все еще доказывает общую правильность их работы.

Глинобитный раствор индейцев пуэбло - это нечто большее, чем глинобитный раствор, хотя и намного ниже раствора из извести и песка. Саман - это разновидность мелкоизмельченной глины, обладающая значительной прочностью за счет механического сцепления. В Южном Колорадо, Аризоне и Нью-Мексико есть огромные пространства, покрытые так называемой глинобитной почвой. Степень ее совершенства несколько различается. Сорт, из которого они изготавливают свою глиняную посуду, содержит наибольший процент глинозема, и на его присутствие указывает солончак, который растет в этой конкретной почве. Из этого сорта также

получается лучший глинобитный раствор. Индейцы свободно используют его при кладке своих стен, так же свободно, как наши каменщики используют известковый раствор; и хотя он никогда не приобретает твердости цемента, он медленно разрушается. Строительный раствор в этих стенах все еще крепкий, так что требуется некоторое усилие, чтобы отклеить камень от стены и убрать его. Но этот глинобитный раствор приспособлен только к сухому климату Юга Колорадо, Аризоны и Нью-Мексико, где количество осадков составляет менее пяти дюймов в год. Дожди и морозы северного климата быстро разрушили бы его. Присутствию этой глинобитной почвы, в таком изобилии встречающейся в названных регионах, и песчанику утесов, где массы часто встречаются фрагментами, мы должны приписать большой прогресс, достигнутый этими индейцами в домостроении.

Исключительное присутствие этого глинобитного раствора во всех постройках аборигенов Новой Мексики показывает, что племена Нью-Мексико тогда не знали о растворе из извести и песка. И здесь можно допустить отступление, чтобы рассмотреть, был ли известен аборигенам цемент этого сорта. Теоретически, от индейских племен ни Северной, ни Южной Америки нельзя было бы ожидать использования строительного раствора, состоящего из негашеной извести и песка, который дает химически соединенный цемент. Нет достаточных доказательств того, что они когда-либо производили цемент такого высокого качества. Требуется искусственно сконструированная печь и концентрированный нагрев для обжига известняка в известь, предположим, что они узнали, что известь можно получить таким образом, и некоторые знания о свойствах негашеной извести, прежде чем они пришли к идее настоящего цемента. Испанские авторы обычно говорят о стенах из извести и камня, подразумевая, таким образом, известково-песчаный раствор. Так, Берналь Диас говорит о великом храме в мексиканском Пуэбло как об окруженном "двойными оградами, построенными из камня и извести".

[Примечание: "Подлинная история завоевания Мексики", перевод Китинджа, изд-во Салема, 1803, т. i, стр. 208.] Клавиджеро отмечает, что "палаты лордов и люди состоятельные были построены из камня и извести". [Примечание: История Мексики, пер. Каллена, филологическое изд., 1817, т. ii, с. 232.]

Опять же, "невежественный мистер Де По отрицает, что мексиканцы знали известь или использовали ее; но из свидетельств всех историков Мексики, из списков пожертвований и, прежде всего, из сохранившихся древних зданий очевидно, что все эти народы использовали известь так же, как и все европейцы". [Сноска: ib., vol. ii, с. 237.]

Подобным образом Эррера, говоря о Земпоале, недалеко от Вера-Крус, отмечает, что испанцы, войдя в город, обнаружили, что "дома [были] построены из извести и камня"; [Примечание: История Америки, Перевод Стивенса, лондонское изд., 1725, том ii, стр. 266.] и снова, говоря о домах на Юкатане, он отмечает, что "на месте, где произошла встреча, было три дома, построенных из извести и камня". [Сноска: ib., стр. 112.]

Вряд ли можно утверждать, что эти несколько утверждений доказывают факт использования известково-песчаного раствора. Мистер Джон Л. Стивенс, говоря о руинах в Паленке, выражается более определенно: "Здание было построено из камня на известково-песчаном растворе, а весь фасад был покрыт штукатуркой и раскрашен". [Примечание: Центральная Америка, Чьяпас и Юкатан, том ii, стр. 310.]

Задняя стена губернаторского дома в Ушмале имеет толщину девять футов при длине в двести семьдесят футов. В этой стене с помощью ломов "индейцы проделали отверстие глубиной шесть-семь футов, но по всей длине стена была прочной и состояла из больших камней, замешанных в известковом растворе, почти таком же твердом, как камень". [Сноска: ib., том i, стр. 178.]

В руинах Зайи был один ряд из десяти квартир длиной двести двадцать футов, называемый Касас Серрада, или закрытый дом, потому что сердцевина, над которой был сооружен треугольный потолок, не была демонтирована, когда дом был заброшен, о чем Стивенс говорит: "Мы оказались в квартирах, стены и потолки которых были такими же, как и в других, но заполнены (за исключением тех случаев, когда они были освобождены индейцами) твердыми массами раствора и камней". [Примечание: Центральная Америка, Чьяпас и Юкатан, том ii, стр. 23.]

Норман, говоря о руинах Дома касика в Чичене, отмечает, "что стена сложена из больших и равномерно квадратных блоков известняка, затертых в известковом растворе, который кажется таким же прочным, как и сам камень". [Примечание: Прогулки по Юкатану, стр. 120.]

В другом месте, говоря о руинах Юкатана в целом, он замечает: "камни обтесаны в виде параллелепипедов примерно двенадцати дюймов в длину и шести в ширину, промежутки заполнены теми же материалами, из которых сложены террасы". [Сноска: ib. стр. 127]

В том, что эти племена использовали какой-то строительный раствор для изготовления своих каменных стен, сомневаться не приходится, но эти несколько утверждений не доказывают использование негашеной извести, что является главным вопросом. Заявление мистера Стивенса удовлетворяло меня, пока я не увидел пуэбло в Новой Мексике. Они показывают, что очень эффективный строительный раствор можно получить без использования извести. Индейцы Мексики и прибрежные племена близ Вера-Крус оштукатуривали свои дома снаружи гипсом, что придавало им ослепительно белый цвет, а штукатурка, использовавшаяся для внутренних стен домов в Чьяпасе и на Юкатане, вполне вероятно, была сделана из гипса. Этот минерал распространен в изобилии, а также легко поддается обработке. Из него получается парижская штукатурка, и от него, возможно, в какой-то форме произошла связь, скреплявшая раствор, на прочность которой ссылается мистер Стивенс.

Аккуратность и общая правильность кладки теперь лучше всего видна в дверных проемах. В постоянных стенах второго этажа и первого, где они время от времени приоткрываются, в каждой комнате можно увидеть по два дверных проема, как указывалось ранее, проходящих во всех случаях поперек здания со стороны двора к внешней стене и никогда в направлении ее длины. Эти дверные проемы имели размеры около трех футов двух дюймов в высоту и двух футов шести дюймов в ширину, а другие - три фута четыре дюйма на два фута семь дюймов.

Камень, используемый в этих дверных проемах, несколько меньше, чем в других частях стены, но обработан таким же образом.

Я привез два таких камня, взятых из устоявших стен главного здания, в качестве образцов характера работы с точки зрения размера и отделки. На рис. 41 изображен один из них, выгравированный по фотографии. Его наибольшая длина составляет восемь дюймов, наибольшая ширина - шесть дюймов, а толщина - два с тремя четвертями дюйма.

[Иллюстрация: рис. 41.—Камень из дверного проема.]

Верхняя и нижняя грани камня практически, но не совсем, параллельны. На нем также показан один угол, который по существу, но не совсем прямой, и он был отрегулирован таким образом, что длинный край находился в дверном проеме, а короткий - в стене комнаты или квартиры, с прямым углом в углу между ними. Этот камень, очевидно, был обработан путем разрушения, вероятно, каменным молотком, и регулярность разрушения, несомненно, была частично обусловлена мастерством, а частично - случайностью. На нем нет следов резца, дискового или потертости, а там, где квадрат нанесен на стороны или углы, грубость камня совершенно очевидна.

На рис. 41а представлен песчаник, обтесанный американскими мастерами в форме кирпича, и он призван показать путем сравнения огромную разницу между обработанным камнем цивилизованного человека и более грубым камнем каменщика в условиях варварства. Сравнение показывает, что при обработке камня в пуэбло не использовались инструменты для придания точности и что к точности никто не стремился. Но точность опытного глаза и руки, какую позволяли их методы, была достигнута, и это было все, к чему они стремились. Из таких грубых камней, как показано на рисунке, можно выложить красивую и даже респектабельную каменную стену. Искусство архитектуры из камня развивается медленно и с трудом. Камень, обработанный путем дробления каменным молотком, предшествует обработанному камню, для чего требуются металлические инструменты. Аналогичным образом глиняный раствор или саманный раствор предшествует раствору из извести и песка. Деревенские индейцы Америки экспериментально, шаг за шагом, прокладывали себе путь в искусстве домостроения, как было вынуждено делать все человечество, каждая раса сама по себе; и постройки, возведенные деревенскими индейцами в различных частях Америки, какими бы несовершенными они ни были по контрасту, в высшей степени похвальны для их интеллекта.

Для этих дверных проемов не использовались каменные перемычки, поскольку потребовались бы камни длиной в три фута. Ни в одной из стен не видно камней вдвое меньшей длины. У них, однако, была идея каменной перемычки, поскольку они использовали их в этой конструкции над отверстиями площадью в фут для света и воздуха. Мы нашли каменную перемычку над отверстием шириной восемнадцать дюймов в доме на скале на реке Манкос. Она была вмурована так прочно, что мы сочли невозможным ее демонтировать. Для перемычки они использовали шесть круглых кедровых поперечин, рис. 42, каждая диаметром около четырех дюймов и теперь совершенно прочная.

[Иллюстрация: Рис. 42. — Секция кедровой перемычки.]

В некоторых из этих дверных проемов мы заметили странную особенность. Со стороны, обращенной к внешней стене, располагалась одна, а иногда и две из этих деревянных перемычек, на четыре, а иногда и на шесть дюймов ниже остальных, так что при входе из внешней комнаты во вторую верхняя часть дверного проема поднималась выше по мере входа в комнату. Возникла необходимость уберечь голову от ударов, и удивительно, что им не пришлось в голову поднять дверные проемы на высоту тела. Поскольку дверные проемы всегда были открыты, а двери не использовались, вполне возможно, что большие отверстия создавали бы более сильные потоки воздуха по зданию, чем им хотелось бы. Концы этих перемычек были обрублены какими-то каменными орудиями.

Своеобразное расположение дверных проемов указывает на то, что этот большой дом был разделен на секции перегородками, простиравшимися от двора до внешней стены; и что комнаты наверху были соединены с нижними с помощью люков и лестниц. Если это предположение обосновано, то пять комнат на первом этаже, со стороны заднего двора, сообщались друг с другом дверными проемами. Четверо на втором этаже общались друг с другом таким же образом, а также с теми, кто находился внизу, через люки в этажах. Три комнаты на третьем этаже сообщались друг с другом дверными проемами, а также с нижними, как и раньше. То же самое можно было бы сказать и о двух комнатах на четвертом этаже. Представляется вероятным, что смежные комнаты были заняты группой родственных семей.

Впоследствии мы обнаружили, что почти то же самое было продемонстрировано в ныне оккупированном пуэбло Таос в Нью-Мексико. Мы обнаружили, что семьи жили на втором и верхних этажах, а комнаты под ними использовались под склады и зернохранилища. У каждой семьи было две, четыре или шесть комнат, а те, кто занимал верхние комнаты, занимали нижние.

В упомянутом выше южном крыле несколько комнат на первом этаже все еще в идеальном состоянии, потолки на месте, а мусор наверху не убран. Отверстия или люки в двух из этих комнат все еще в идеальном состоянии, но лестниц больше нет. Комнаты были открыты, как мы утверждали в другом месте, поздними исследователями. Один из этих люков имел размеры шестнадцать на семнадцать дюймов, а другой - шестнадцать дюймов в квадрате. Каждый был образован в полу из сложенных вместе кусков дерева. Работа была выполнена аккуратно. Эти комнаты были меньше, чем комнаты наверху. Некоторые были узкими - четыре фута шесть дюймов, другие - шесть футов, что указывало на то, что одна комната была разделена на две. Подвальные помещения, вероятно, использовались исключительно для хранения, отсюда и их разделение. В них было темно, за исключением того, что свет проникал сверху через люк.

Сооружение, соединяющее крылья и ограничивающее двор, очевидно, представляло собой одинарный или двойной ряд квартир. Об этом свидетельствует количество упавшего материала, которое больше, чем потребовалось бы для возведения стены, а также ямы или углубления, которые четко обозначали контуры квартир.

В главном здании есть два круглых эстуфа, один диаметром двадцать три фута, а другой - двадцать восемь футов. Часть стены первого устья все еще стоит. Она каменная, в основном из блоков площадью около пяти квадратных дюймов, и уложена рядами со значительной регулярностью. Эта работа приравнивается к лучшей каменной кладке в здании. На открытом дворе, рядом с внешним сооружением, ограничивающим его спереди, находится еще одно устье большого размера, шестьдесят три с половиной фута в диаметре. Эти эстуфы, которые используются как места собраний и для совершения религиозных обрядов, до сих пор встречаются во всех ныне населенных пуэбло в Нью-Мексико. В Таосе их шесть, по три в каждом доме, и они частично погружены в землю в результате земляных работ. В них можно попасть через люк в крыше, а спуск осуществляется по лестнице.

За передней стеной, замыкающей корт, на расстоянии примерно тридцати футов от нее находятся остатки низкой стены, пересекающей весь фасад и простирающейся за его пределы. Концевые конструкции были примерно шестьдесят пять футов в длину и сорок футов в ширину, в

то время как в центре находилось сооружение поменьше, пятьдесят четыре фута в длину и восемнадцать в ширину. Все его части были соединены. Очевидно, он был возведен в оборонительных целях, но по остаткам невозможно определить его характер. Одно крыло на несколько футов длиннее другого, а стена со стороны двора примерно на двадцать футов длиннее противоположной внешней стены, что показывает, что они не использовали точных измерений.

В этом сооружении не было каминов с дымоходами. В руинах на Юкатане и в Центральной Америке их нет. Таким образом, справедливо предположить, что дымоходы были совершенно неизвестны аборигенам на момент их открытия. С тех пор они были заимствованы в старых домах пуэбло из американских или испанских источников. Они расположены в одном углу комнаты. Недавно мы видели в Таосе две трубы и два камина в одной и той же комнате, один для приготовления пищи, а другой для разведения огня, чтобы согреть комнату; убедительное доказательство того, что они были созданы не для дымохода. Они находились в квартире одного из главных вождей.

В ряде комнат в стене остались углубления, похожие на ниши, шириной и высотой около двух футов шести дюймов и глубиной около восемнадцати дюймов. Эти оборудованные места для размещения предметов домашнего обихода вместо каминной полки. Впоследствии мы видели точно такие же ниши в Таосе, которые использовались именно таким образом.

Остается подсчитать количество комнат или апартаментов, содержащихся в этом огромном здании. Очевидно, что он был построен в форме террасы, второй этаж располагался на некотором расстоянии от первого, третий - от второго и так далее до последнего, который представлял собой единый ряд квартир, где-то наверху, но не обязательно с обратной стороны. Пуэбло были не совсем однородны в этом отношении: здание в Таосе отступает спереди, сзади и даже по бокам. Возможно, этот дом был построен таким же образом, но это нельзя ни доказать, ни опровергнуть по руинам. Количество квартир не сильно различалось бы независимо от того, были ли верхние этажи симметричной или неправильной формы. При симметричной форме главное здание вмещало двести шестьдесят квартир, а каждое крыло - по семьдесят, что делало подсчет последнего по площади и количеству углублений все еще заметным, таким образом, в общей сложности получилось четыреста комнат.

Дом был крепостью, доказывающей незащищенность, в которой жили люди. Это также был многоквартирный дом по образцу американских аборигенов, что указывало на недостаточно понятный образ жизни. Это может указывать на древний коммунизм в жизни, практикуемый большими семьями, сформированными по принципу родства. В таком случае коммунизм ограничивался домашним хозяйством как частью родства.

Те, кто знаком с остатками индейских пуэбло в руинах, сразу заметят сходство между этим пуэбло и каменными пуэбло в руинах на Рио-Чако, в Нью-Мексико, примерно в шестидесяти милях от этих руин, особенно с тем, что называется Ханго Пави, так подробно описанным генералом Дж. Х. Симпсоном. Есть одна особенность, с которой согласуется кладка, а именно использование рядов тонких камней толщиной около полудюйма, иногда по три вместе, а иногда по пять и шесть. Эти дорожки проложены вдоль стены от одной стороны к другой, но часто выламываются. Эффект довольно красивый. Эти камни имеют шесть дюймов в длину и полдюйма в толщину. Генерал Симпсон обнаружил такие же ряды тонких камней, или даже еще тоньше, в руинах Чако и прокомментировал приятный эффект, который они произвели.

Это сооружение было заслугой мастерства и трудолюбия мужчин из деревни индейцев, поскольку архитекторами и каменщиками были мужчины, а не женщины, хотя женщины, несомненно, помогали в выполнении работ. Женщины приносили камень, саман и кедр и, без сомнения, делали саманный раствор, как делают это до сих пор. Одной из обнадеживающих черт в их развитии было начало отмены старого обычая, который возлагал весь труд на женщин. В настоящее время среди деревенских индейцев принято, чтобы мужчины брали на себя тяжелую работу, что, несомненно, имело место при строительстве этого пуэбло. Они выращивали кукурузу, бобы и кабачки на грядках и орошали их водой, которую брали из реки по каналу и пропускали несколькими ручьями поменьше через свои сады. Мужчины теперь занимаются самосовершенствованием. Это верный признак прогресса.

Рядом с южным крылом здания и за его пределами находятся остатки дополнительного здания, достаточно большого для двадцати или тридцати комнат на первом этаже, некоторые части которого, несомненно, были возведены на высоту двух или более этажей; но это масса неясных руин, о которых мало что можно сказать, за исключением того, что некоторые комнаты были необычно большими. Возможно, это было первое построенное здание, в котором жили во время строительства каменного пуэбло.

[Иллюстрация: рис. 43. — Очертания каменного пуэбло на реке Анимус.]

Этот общий план представлен с некоторыми колебаниями, потому что эскиз, с которого он взят, был сделан в спешке и без ожидания его использования. Это всего лишь приближение. Недалеко от описанного ранее пуэбло, примерно в пятистах футах к северо-востоку от него, находится еще одно пуэбло, разделенное на две части, рис. 43, с пространством шириной около пятнадцати футов между ними. Возможно, они были соединены и, вероятно, были заселены как единое строение. Некоторые стены все еще стоят, и ряд комнат на первом этаже хорошо сохранились, потолки все еще остаются на месте. Хотя строение, как и предыдущее, в основном каменное, некоторые стены выложены булыжником и глинобитным раствором. Похоже, что в центре самой большой секции был открытый двор в форме параллелограмма. Эта особенность увеличила сложность понимания первоначальной формы дома и расположения комнат. Стены первого, частей второго, а иногда и частей третьего этажей все еще стоят на своих местах. Многие комнаты небольшие, как показывают измерения следующих комнат на втором этаже самого маленького здания из двух:

3 фута 4 дюйма на 6 футов 6 дюймов, 4 фута на 8 футов 4 дюйма, 4 фута 7 дюймов на 14 футов 2 дюйма, 6 футов 5 дюймов на 14 футов 9 дюймов, 7 футов 3 дюйма на 16 футов 9 дюймов, 6 футов 4 дюйма на 11 футов 7 дюймов, 7 футов 3 дюйма на 7 футов 5 дюймов, 8 футов 7 дюймов на 15 футов. Высота комнат 8 футов. Комнаты были облицованы камнем, выложенным в основном рядами. Они были небольшими, от четырех до восьми квадратных дюймов, а стены толщиной от двух до трех футов. Для внутренней части стены в изобилии использовался глинобитный раствор, но на поверхности в местах стыков его не было видно, камни были уложены друг к другу настолько плотно, насколько позволяли естественные поверхности камня, и без раствора у края. Эта особенность была характерна и для стен впервые описанного пуэбло.

Г-н Банделье недавно высказал мне важное предположение о том, что, насколько можно судить о каком-либо прогрессе или улучшении в этой архитектуре, в стиле или характере, это, по-видимому, заключалось в переходе от комнат меньшего размера к комнатам большего размера с последующим уменьшением размеров дома на первом этаже. Последнее более конкретно

проиллюстрировано домами на Юкатане, где в редких случаях встречаются одноместные комнаты длиной шестьдесят футов, но где размеры дома в пересчете на землю намного меньше, чем в Нью-Мексико. Это произошло в результате исследования очень древних руин пуэбло в Нью-Мексико, к востоку от Рио-Гранде, недалеко от Санто-Доминго. Там пуэбло было больше похоже на скопление келий, чем на комнаты, поскольку многие из них имели площадь всего четыре или пять квадратных футов, что сильно контрастировало с нынешними населенными пуэбло. Тот же факт можно увидеть в Таосе. Упоминалось (стр. 144), что индейцы Таос много лет назад завоевали и изгнали бывших жителей пуэбло на этом месте, и что некоторые остатки старого пуэбло все еще стоят. В 1878 году я посетил одну из комнат на первом этаже старого здания, все еще стоящего в полном одиночестве. Он был размером примерно пять футов на шесть в пересчете на землю, и в то время его местом жительства служил одинокий индеец из племени Таос, своего рода отшельник. Койка с одной стороны служила ему и кроватью, и сиденьем, а оставшейся комнаты едва хватало, чтобы повернуться, но она давала ему весь дом, который у него был, и, несомненно, все пространство, в котором он нуждался. Еще одна комната, в нескольких футах от нас, также часть старого пуэбло, все еще стояла. Эти комнаты были глинобитными и имели высоту около шести футов. По мере того как индеец приобретал опыт и знания в использовании и строительстве многоквартирных домов, улучшения постепенно проявлялись сами собой. Важно найти и проследить этот прогресс, поскольку у нас есть все основания полагать, что это единая архитектурная система, по крайней мере, во всей Северной Америке, со связью всех ее форм.

Вдоль изгиба или западной стороны первого здания, а также вдоль северной стороны, есть кедровые балки, выступающие примерно на четыре фута от стены на втором этаже по линии потолка. Они около четырех дюймов в диаметре. Их назначение неясно.

В одной из подвальных комнат второго здания на оштукатуренной стене есть серия пиктограмм. Наше ограниченное время не позволило бы сделать набросок.

На полпути между пуэбло, рис. 40, и тем, которое сейчас рассматривается, находятся круглые руины длиной в триста тридцать футов, которые, по-видимому, состояли из двух концентрических рядов жилых помещений вокруг замкнутого устья реки. Он был построен из булыжника и глинобитного раствора. Ямы указывают на форму и план прилегающих комнат, но руины слишком расплывчаты, чтобы составить четкое представление о его структуре. Удаление сыпучих материалов, вероятно, раскрыло бы первоначальный план грунта.

В нескольких сотнях футов к северу находятся руины четырех других строений из булыжника и самана, расположенных совсем рядом друг с другом. Это были, без сомнения, дома пуэбло, но сейчас они представляют собой массу неразличимых руин, и, судя по нынешнему виду, вероятно, были руинами, когда каменные пуэбло были заселены. Река здесь протекает ближе к западной границе долины, чем к восточной, и совсем недалеко от пуэбло, которое мы видели в последний раз, но с этого места она течет к восточной стороне долины.

Примерно в миле к юго-востоку и недалеко от реки находятся руины двух других крупных пуэбло, из которых нижнее имеет тысячу сорок футов в окружности, а второе - четыреста пятьдесят два фута выше. Оба построены из песчаника, булыжника и глинобитного раствора. Ни одна часть стен не возвышается над мусором; но они, по-видимому, были современниками каменных пуэбло. Первый стоит на берегу реки, которая сейчас разрушает его фундамент, что доказывает, что он был расположен ненадежно. Масса упавшего материала очень велика, видимая глубина

составляет не менее пятнадцати футов. Некоторые подвальные помещения в каждом из этих пуэбло, вероятно, все еще целы, судя по огромной массе материала над ними. Большие ямы указывают на расположение камер и ограждающих стен. Глубина самого большого из двух пуэбло составляет 300 футов. В одном месте, где были проведены раскопки, виден угол подвального помещения. Все эти руины должны быть повторно обследованы и раскопаны настолько глубоко, чтобы восстановить полные планы местности.

Говорят, что недалеко от устья реки находятся еще другие руины, а также другие на восточном берегу реки, которые у нас не было времени осмотреть.

Долина реки Анимас здесь широкая и красивая, шириной около трех миль. Река протекает почти через центр долины. Утес на восточной стороне ровной равнины крутой и гористый, высотой от полутора тысяч до двух тысяч футов, в то время как на западной стороне долина двумя уступами граничит с горной формацией мяса, один из которых возвышается позади другого, и оба ровные, как пол, а вдалеке высокогорье образует водораздел между реками Анимас и Ла-Плата.

Судя по количеству и размерам домов, в этом поселении, вероятно, проживало не менее пяти тысяч человек, занимавшихся садоводством. В настоящее время неизвестно, каким племенем индейцев были заселены или построены эти пуэбло.

Эти пуэбло, недавно построенные и в своем лучшем состоянии, должно быть, имели внушительный вид. Судя по материалам, использованным при их строительстве, по их дворцовым размерам и уникальному дизайну, а также по ухоженным садам, которыми они, несомненно, были окружены, они были рассчитаны на то, чтобы произвести на зрителя очень благоприятное впечатление о том уровне культуры, которого достигли люди. Примечательно, что ни одно из населенных пуэбло в Нью-Мексико в настоящее время не сравнится по материалам или конструкции с теми, что были найдены в руинах. Это, как правило, свидетельствует об упадке искусства среди них со времен европейских открытий.

К западу от рек Анимас, Ла-Плата и Манкос, которые впадают в Сан-Хуан на юго-западе, находится долина Монтесума, широкая и ровная равнина, названная так генералом Хеффернаном из города Анимас. Он имеет около пятидесяти миль в длину и, по-видимому, десять миль в ширину на ранчо мистера Генри Л. Митчелла, которое расположено в начале каньона Макэлмо.

[Иллюстрация: рис. 44. — Пуэбло в начале каньона Макэлмо.]

Он простирается на юг на тридцать шесть миль до Сан-Хуана. В этой долине, по которой в настоящее время не протекает ни одного ручья (и нет уверенности, что она когда-либо протекала), в которой нет воды, за исключением родников и прудов, и в течение года выпадает лишь небольшое количество осадков, мистер Митчелл на момент нашего визита успешно выращивал пшеницу, овес, кукурузу и огородные овощи. Долина необитаема, за исключением семьи мистера Митчелла и одинокого мужчины, живущего в четырех милях к западу. Их ближайшие соседи находятся на реке Манкос, в двадцати пяти милях отсюда. Утесы, окаймляющие восточную сторону долины, отвесно возвышаются примерно на полторы тысячи футов, выше - плоскогорья, в то время как на западе долина окаймлена горами. Примерно в десяти милях к юго-западу от ранчо мистера Митчелла гора Ют возвышается над равниной и с этой точки кажется одинокой и обособленной горой. Каньон Макэлмо проходит вдоль его

северной и западной сторон, в то время как главная долина проходит на юг вдоль его восточного основания. Эта высокая и благородная гора расположена в юго-западном углу штата Колорадо, недалеко от пересечения границ штатов Колорадо, Юта, Аризона и Нью-Мексико. Это заметный объект из долины Ла-Плата. Долина Монтесума обладает удивительной природной красотой.

Рядом с ранчо мистера Митчелла, на пространстве площадью менее квадратной мили, находятся руины девяти домов пуэбло средних размеров. Они построены из песчаника, смешанного с булыжником и глинобитным раствором. Сейчас они находятся в очень разрушенном состоянии, ни в одной части из них нет стен, возвышающихся над мусором. Самый большой из них обозначен № 1 на плане рис. 44, на котором все еще различимы очертания первоначального сооружения. Он имеет девяносто четыре фута в длину и сорок семь футов в глубину и показывает остатки каменной стены спереди, ограждающей небольшой дворик шириной около пятнадцати футов. Масса материала над некоторыми частями этого сооружения достигает десяти или двенадцати футов в глубину. Несомненно, есть помещения, часть стен которых все еще покрыта мусором, удаление которого обнажило бы значительную часть первоначального плана.

На небольшом расстоянии ниже названных последним пуэбло находится еще одно скопление из того же числа пуэбло и во многом в таком же состоянии; а на возвышенности у подножия утеса, на восточной стороне долины, находятся, как сообщил мне мистер Митчелл, руины нескольких каменных пуэбло. Он также сообщил мне, что подобные руины можно найти кое-где в долине Сан-Хуана. В четырех милях к западу, недалеко от ранчо мистера Шира, находятся руины другого большого каменного пуэбло, а также индейское кладбище, где каждая могила отмечена бордюром из плоских камней, установленных вровень с землей в форме параллелограмма восемь на четыре фута. Рядом с группой из девяти пуэбло, показанных на рисунке, на земле разбросаны многочисленные фрагменты керамики высокого качества с орнаментом, изящно сформованные наконечники стрел из кремня, кварца и халцедона, а также в значительном количестве лезвия небольших ножей с выпуклыми и зазубренными краями.

[Иллюстрация: рис. 45.— Общий план каменного пуэбло у подножия горы Уте.]

Это огромные руины, сохранившие небольшие фрагменты стен, особенно круглую каменную башню с тремя концентрическими стенами, встроенную в сооружение, и несколько камер в северной части главного здания. Круглая башня все еще стоит почти на высоте первого этажа. В его нынешнем состоянии было невозможно составить план местности, показывающий несколько камер, или с уверенностью определить, какая сторона была передней частью сооружения, предполагая, что оно было построено в террасной форме. Он расположен на отвесном утесе из желтоватого песчаника высотой около двадцати футов и примерно в четырех милях ниже ранчо мистера Митчелла в направлении горы Ют и недалеко от ее северо-восточного подножия. В одном месте утес пробит до самого дна шириной около двадцати футов. Здесь есть некоторые свидетельства того, что источник воды был заключен в резервуар с помощью каменной кладки. Здание состоит из двух секций, разделенных этим проломом, из которых главная имеет пятьсот десять футов в длину, а самая маленькая - сто двадцать футов, образуя почти непрерывный фасад. Они стоят на расстоянии десяти-пятнадцати футов от края обрыва и построены из пластинчатых кусков песчаника и саманного раствора. Многочисленные углубления в каждом сооружении указывают на камеры и линию ограждающих стен. Удаление

сыпучих материалов, несомненно, позволило бы увидеть план местности, но это потребовало бы огромного труда. С величественно возвышающейся горой Юте на заднем плане и широкой долиной впереди, положение пуэбло удивительно прекрасное.

Круглая башня - самая необычная особенность этого сооружения. Хотя она напоминает обычную эстуфею, общую для всех этих сооружений, она отличается от них наличием трех концентрических стен. В сохранившейся части не видно дверных проемов, следовательно, в нее, должно быть, проникли через крышу, в этом отношении она соответствует обычному устью. Внутренняя камера имеет около двадцати футов в диаметре, а промежутки между окружающими стенами составляют около двух футов каждая; стены имеют толщину около двух футов и были выложены в основном камнями площадью около четырех квадратных дюймов, причем, по большей части, рядами. Похожая круглая башня, имеющая только две концентрические стены, находится в начале каньона Макэлмо и недалеко от ранчо мистера Митчелла. Она показана на рис. 44 и стоит совершенно изолированно. Диаметр башни составляет тридцать четыре фута, из которых внутренняя камера - двадцать три фута; расстояние между двумя стенами составляет около шести футов, а толщина стен - около двух футов шести дюймов. Он сложен тем же способом, что и предыдущий, из камней примерно того же размера, а все еще сохранившиеся стены имеют высоту около пяти футов. Внешнее пространство разделяют перегородки, одна из которых имеет толщину двадцать дюймов.

В нескольких сотнях футов от последнего названного пуэбло, дальше по долине, находится другое пуэбло большой протяженности, в очень разрушенном состоянии.

Милей или более ниже ранчо мистера Митчелла, у окаймляющих каньон Макэлмо стен, стоят два дома на скалах. Стены утеса здесь имеют высоту около двадцати футов, то тут, то там в них образовались большие полости. Эти дома, каждый из которых состоит всего из двух или трех небольших комнат, построены из камня и возвышаются всего на несколько футов над дном каньона. Они узкие и не очень высокие, так как углубление в скале не очень глубокое. Рядом с этими домами в тех же углублениях в скале находятся загоны для некоторых домашних животных. Это подтверждается массой экскрементов глубиной около фута, которые все еще там, принадлежат ли они козам или овцам, сказать невозможно, но этот факт показывает, что они были заселены после периода открытия Европы, хотя, возможно, они были построены и использовались раньше. Ширина каньона в этом месте составляет от трехсот до пятисот футов.

Я хочу еще раз привлечь внимание к району Сан-Хуан, к его многочисленным руинам и к его важности как раннего очага деревенской индейской жизни. Эти руины и руины аналогичного характера в долине реки Чако, вместе с многочисленными остатками сооружений из песчаника, булыжника и самана в долине Сан-Хуан, в долине Пайн-Ривер, в долине Ла-Плата, в долине реки Анимас, в долине Монтесума, на реке Ховенвип и на Рио-Долорес, предполагают вероятность того, что замечательная территория в пределах русла реки Сан-Хуан и ее притоков занимала видное место в первом и самом древнем развитии деревенской индейской жизни в Америке. Свидетельств индейского заселения и культивирования на большей части этой территории достаточно, чтобы выдвинуть гипотезу о том, что здешние индейцы впервые достигли состояния Среднего уровня варварства и послали мигрирующие группы, которые принесли эту развитую культуру в долину Миссисипи, в Мексику и Центральную Америку, и, что не маловероятно, также в Южную Америку.

Миграции индейцев - это постепенный отток населения с перенаселенной территории, за которым следует организация в независимые племена, продолжающаяся на протяжении веков, пока этническая жизнь каждого племени не иссякнет или, наконец, не будет достигнуто успешное становление на новой и, возможно, далекой земле. Они сажали сады и строили дома по мере продвижения из района в район и переезжали, когда обстоятельства вынуждали менять местоположение.

Поскольку выращивание кукурузы и других растений предшествует этой стадии развития или происходит синхронно с ней, это приводит к предположению, что кукуруза, должно быть, была аборигенной в этом регионе и что здесь ее впервые начали возделывать. Есть некоторые факты, которые, по-видимому, свидетельствуют в пользу этой гипотезы.

[Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

В настоящее время я хотел бы привлечь внимание к таким существующим свидетельствам, которые указывают на район Сан-Хуан как на прародину ряда исторических индейских племен.

1. Строители курганов. Хотя эти племена исчезли в эпоху европейских открытий и не могут быть отнесены ни к одному из известных индейских племен, их положение как племен, занимающихся садоводством, их знание некоторых самородных металлов и высокое качество их каменных орудий труда и керамики относят их к кланам деревенских индейцев. Ближайший регион, из которого они могли быть получены, - Нью-Мексико. Нет никаких оснований относить их скорее к региону Сан-Хуан, чем к более близкой стране Рио-Гранде, если только не покажется вероятным, что жители последней долины сами были мигрантами из того же региона. Но есть веские причины выводить Строителей Курганов из деревень индейцев в какой-то части Нью-Мексико.

2. Мексиканские племена. Семь основных племен Мексики, собирательно называемых науатлаками, говорили на диалектах одного и того же языка, и у всех была одинаковая традиция, согласно которой их предки пришли с севера и что отдельные племена пришли в Мексику с большими интервалами друг от друга. Они прибыли в следующем порядке по времени: 1, сохомилькос; 2, чалкас; 3, тепанеканцы; 4, тескуканцы; 5, тлатлуиканцы; 6, тлашкаланцы; 7, ацтеки или мексиканцы. Они поселились в разных частях Мексики. Чолуланы, тепеаки и хексацинко говорили на диалектах языка науатлак и были отдельными подразделениями того или иного предшествующего племени. У них были те же традиции северного происхождения. Эти несколько племен были одними из самых известных в Мексике в период открытия Испании. У некоторых племен Юкатана и Центральной Америки также были похожие традиции первоначальной миграции их предков с севера.

Акоста, посетивший Мексику в 1585 году и чья работа была опубликована в Севилье в 1589 году, излагает порядок миграции мексиканских племен, как указано выше, и далее говорит, что они "пришли из других далеких стран, которые лежат к северу, где теперь они открыли королевство, которое называют Нью-Мексико. В этой стране есть две провинции, одна называется Ацтлан, что означает место обитания Цапель [Журавлей], а другая Текульуакан, что означает землю таких, чьи деды были божественны. Наваталька [науатлаки] указывают на свое начало и первую территорию в виде пещеры и говорят, что они вышли из семи пещер, чтобы заселить землю Мексики". [Сноска: Естественная и моральная история Ост- и Вест-Индии, лондонское изд., 1604, пер. Гримстоуна, стр. 497, 504.] По существу, та же традиция изложена Эррерой, [Сноска:

Всеобщая история Америки, лондонское изд., 1725, пер. Стивенса. III, 188.], а также Клавиджеро.

[Примечание: История Мексики, пер. Каллена, 1, 119.]

Если под словом "Ацтлан" подразумевалось "место журавлей", и исходя из предположения, что эти племена мигрировали из региона Сан-Хуан, причины такого обозначения оправданны. Канадский журавль (*Grus Canadensis*) - одна из крупнейших и наиболее заметных американских птиц, которая до сих пор встречается от британских владений до Нью-Мексико и зимует в последнем. Я видел пару этих огромных птиц в 1878 году в долине реки Анимас. Доктор Конес отмечает, что "тысячи песчаных журавлей каждый год возвращаются в долину реки Колорадо, стоя за стаями по течению великого ручья с момента их прибытия в сентябре до отлета следующей весной. Более высокие, чем Древесные ибисы или самые крупные цапли, с которыми они ассоциируются, величественные птицы стоят на переднем плане пейзажа долины.... Такие тяжелые тела, движущиеся с медленно бьющимися крыльями, дают прекрасное представление об инерции, основанной на простом весе, силе движения без стремительности; ибо они тяжело плывут, и, кажется, им нужен каждый дюйм их широких крыльев, чтобы поддерживать себя". [Примечание: Птицы Северо-Запада, 1874, с. 534.]

Это индийская черта - отмечать местность каким-либо заметным признаком или фактом, и выбор сэндхиллского журавля для обозначения своей родной страны соответствовал бы индийским обычаям.

Опять же, Эррера, который представляет современные традиции, отмечает, что "эти народы нарисовали свой оригинал в виде пещеры и сказали, что они вышли из семи пещер, чтобы заселить страну Мексику После того, как шесть вышеупомянутых рас покинули свою страну и поселились в Новой Испании, где они значительно увеличились, седьмой расой была мексиканская нация, воинственный и вежливый народ, который поклонялся своему богу Вицилпузтли, он приказал им покинуть их собственную страну, пообещав им, что они будут править другими расами в изобильной стране и много богатств". [Примечание: История Америки, iii, стр. 188, 190.]

Следует отметить, что пещерные жилища или дома на скалах находятся в районе Сан-Хуан, большинство из них находится на реке Манкос и в западной части Сан-Хуана. Эти традиции действительно могут относиться к этим пещерным жилищам как к первоначальным домам их предков, и в то же время не исключают предположения, что они также построили и заселили некоторые сооружения пуэбло, ныне находящиеся в руинах, в других частях того же района. Все ранние свидетельства сходятся в представлении ацтеков или мексиканцев, когда они впервые прибыли в Мексику, как живущих за счет выращивания кукурузы и других растений, строящих дома из камня и придерживающихся религиозной системы, признававшей личных богов. Эти утверждения, вероятно, верны. Они добрались до статуи деревенских индейцев. Это снова делает Нью-Мексико их вероятным первоначальным домом как единственный район на севере, где были обнаружены руины сооружений племен, достигших столь высокого уровня развития.

Район Сан-Хуан замечательно расположен в своем географическом отношении. Эта река, берущая начало на гребнях высоких гор, образующих водораздел между Атлантическим и Тихим океанами, течет на юг, пока не войдет в плоскогорье, через которое она течет в юго-западном, а затем северо-западном направлении, делая длинный, стремительный изгиб в Нью-

Мексико и Аризоне, после чего течет на запад до своего впадения в Колорадо. С севера она принимает следующие притоки, берущие начало, как и она сама, в высоких горах: Пьедра, Пайн-Ривер (Лос-Пинос), Анимас, Ла-Плата, Манкос, Макэлмо, ныне пересохшие, и ручьи Ховенвип и Монтесума, ныне почти пересохшие. Его южными притоками являются реки навахо, Чако и Де Челли.

Такие свидетельства древнего заселения здесь и в других местах страны Сан-Хуан приводят нас к выводу, что количество деревенских индейцев в этой области росло и размножалось, и что в какой-то ранний период здесь была замечательна демонстрация этой формы индейской жизни и архитектуры домов в виде крепостей, которая, должно быть, дала о себе знать в отдаленных частях континента. Исходя из гипотезы о том, что долина Колумбии была рассадником семьи гановани, где они питались главным образом рыбой, мы имеем в стране Сан-Хуан второй центр и начальную точку миграций, основанный на мучном пропитании. То, что борьба деревенских индейцев за сопротивление непрерывным потокам миграции, текущим на юг вдоль горных цепей, была тяжелой на протяжении многих веков, доказывается многочисленными руинами заброшенных или завоеванных пуэбло, которые до сих пор отмечают их поселения во многих местах. В настоящее время в округе Сан-Хуан нет ни одной индейской деревни. Здесь совершенно нет жителей этого класса.

То, что первоначальные предки основных исторических племен Мексики когда-то населяли страну Сан-Хуан, чрезвычайно вероятно. Столь же вероятно, что предки основных племен Юкатана и Центральной Америки обязаны своим отдаленным происхождением тому же региону. И то, что Строители Курганов были выходцами из одной и той же страны, является, с нашими нынешними знаниями, по крайней мере разумным выводом.

Миграции индейцев происходили почти исключительно под влиянием физических причин, действующих единообразно. Будет обнаружено, что эти миграции, охватывающие весь период существования здесь жителей обоих американских континентов, имеют общую и взаимосвязанную историю. Изучение всех фактов все же может привести к выяснению и объяснению этих миграций с некоторой степенью достоверности. Гипотеза о том, что долина реки Колумбия была родиной семьи ганованиан, имеет наилучшие шансы решить великую проблему происхождения и распространения индейских племен.

[Перенесенная сноска: Неизвестно, где произрастала кукуруза, за исключением того, что это было где-то на американском континенте. Это единственный злак, который Америка дала миру. В период открытия Европы он был обнаружен культивируемым и являлся основным продуктом питания на большей части Северной Америки и в некоторых частях Южной Америки. Там также были найдены бобы, кабачки и табак, с добавлением в некоторых районах перца, помидоров, какао и хлопка. Проблема места происхождения кукурузы, вероятно, неразрешима, но предположения правомерны, и это все, что я могу предложить.

Изобилие растительной жизни в Скалистых горах поразительно, особенно на южных склонах, где они переходят в плоскогорье к северу от реки Сан-Хуан. Континентальный водораздел проходит на восточной окраине региона. Первое предположение, которое я хочу высказать, состоит в том, что все злаки и культурные растения, должно быть, возникли в огромных континентальных горах двух полушарий и распространились по водотокам горных долин вплоть до равнин, пересекаемых великими реками, образованными этими горными притоками. Все

злаки принадлежат к семейству Злаковых (Gramineae), и каждое из них, несомненно, является последней из ряда предшествующих форм.

В нынешнем сезоне я видел рожь, ячмень и овес, растущие в диком виде путем саморазмножения в горных долинах Колорадо; а также дикий горох, чьи низкорослые семена имели вкус культурного гороха. Репа, лук, помидоры и хмель растут в диком виде в долине Пайн-Ривер, а пай-плант, или ревень, как говорят, пышно растет в долинах Элк-Маунтин. Я также видел дикий лен и тыкву, растущие путем саморазмножения в долине Анимас. Смородина, крыжовник, малина и клубника встречаются в горных долинах во множестве мест вместе с цветущими растениями многих видов и разновидностей. Крошечные формы цветущих растений можно увидеть над пятнами снега в тех местах, где снег недавно растаял. Это изобилие растительной жизни на высоте от десяти до двенадцати тысяч футов над уровнем моря и связь этих горных притоков с Сан-Хуаном, который течет с востока на запад, недалеко от подножия этих гор, таким образом, чтобы приглашать и принимать в свои объятия, так сказать, растительные богатства, произрастающие в этих горных цепях, - факты, которые сами по себе привлекают внимание наблюдателя.

Высота долины Сан-Хуан колеблется от семи тысяч футов у Пагоса-Спрингс до пяти тысяч девятисот семидесяти футов в устье Анимаса и уменьшается до четырех тысяч четырехсот сорока шести футов вблизи того места, где она впадает в Колорадо (Атлас Колорадо Хейдена, лист 111). Высота в Конехосе составляет семь тысяч восьмьсот восемьдесят футов (ib.), что примерно настолько велико, насколько позволяет успешно выращивать кукурузу. Я заметил на кукурузном поле в Конехосе, что стебель вырастал всего около трех футов в высоту, а початок вырастал из него всего в шести дюймах от земли. Образцы початка, которые мы получили, показали, что он был около пяти дюймов в длину, с маленькой кремнистой сердцевинкой. Ухо бывает четырех цветов: белого, красного, желтого и черного, каждый из которых является тем или иным из этих цветов. В нескольких случаях в одном ухе были смешаны два цвета. Казалось вероятным, что это примитивная кукуруза американских аборигенов, из которой были выведены все остальные разновидности. Несколько початков, которые мы нашли в домике на утесе на реке Манкос, по размеру соответствовали початку Конехоса и, вероятно, были того же сорта. Впоследствии в Таосе я нашел такой же початок белого, красного, желтого и черного цветов; основная кукуруза, которую сейчас выращивают в этом пуэбло, но гораздо крупнее. Я привез несколько прекрасных початков, оставленных на семена. Один черный початок имел двенадцать дюймов в длину и двенадцать рядов зернышек, в то время как у белой разновидности, как в Конехосе, так и в Таосе, было по четырнадцать рядов в каждом.

Наконец, сухая страна, не слишком жаркая и не влажная, как регион Сан-Хуан, по-видимому, была бы наиболее благоприятной для развития и саморазмножения кукурузы, а также других растений, пока не появился человек для их одомашнивания. Это всего лишь предположения, но если они подтолкнут к дальнейшим исследованиям относительно места рождения этого замечательного злака, который был таким важным фактором в развитии индийской семьи и которому также суждено оказать такую поддержку нашей собственной, эти предположения будут сделаны не напрасно.]

ГЛАВА IX.

ДОМА СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ.

Представленный до сих пор общий взгляд на домашнюю жизнь и жилища индейских племен будет способствовать укреплению гипотезы, которая будет изложена относительно земляных работ строителей курганов. Помимо объяснения, которое могут дать длинные дома северных племен и дома с совместным проживанием у оседлых индейцев, они совершенно необъяснимы. Строители курганов обрабатывали самородную медь, выращивали кукурузу и другие растения, изготавливали керамику и каменные орудия более высокого качества, чем племена более низкого варварского статуса; и они возводили земляные сооружения огромного масштаба, превосходящие любые работы прежних племен. Они справедливо принадлежат к классу оседлых деревенских индейцев, хотя и не во всех отношениях равных по уровню культуры и развития. Их насыпи, окружавшие прямоугольное пространство, были, по всей вероятности, фундаментами, на которых они возводили свои дома. Предлагается рассмотреть эти насыпи в рамках этой гипотезы.

Под названием Строителей курганов признаются некоторые неизвестные племена американских аборигенов, которые ранее населяли в качестве своей основной территории долину реки Огайо и ее притоков. Следы их обитания были обнаружены и в других местах, от Мексиканского залива до озер Эри и Верхнее, от Аллегани до Миссисипи, а также в некоторых населенных пунктах к западу от этой реки.

Не вдаваясь в обсуждение этих работ, эта глава будет ограничена четырьмя основными вопросами:

I. Домашняя жизнь американских аборигенов, в обычаях которой обязательно участвовали строители курганов.

II. Вероятный центр, из которого строители курганов эмигрировали в эти районы.

III. Цели, для которых были предназначены их основные земляные работы, с предполагаемой реставрацией одного из их поселений; и,

IV. Вероятная численность людей.

Строители курганов исчезли или, по крайней мере, выпали из человеческих знаний, оставив эти работы и их ткани как единственное свидетельство их существования. Следовательно, предлагаемые вопросы, за исключением первого, не могут дать конкретных ответов; но они не выходят за рамки приблизительных решений. Тайна, которой окутаны эти племена, и уникальный характер их земляных работ приведут к обманчивым выводам, если факты и принципы не будут тщательно рассмотрены и неукоснительно применены, и такие выводы делаются только в том случае, если они будут справедливо оправданы. Легко преувеличивать значение этих останков и делать экстравагантные выводы относительно них; но ни то, ни другое не приблизит к истине. Они представляют собой состояние человеческого прогресса, образующее связующее звено в прогрессивном развитии человека. Таким образом, если природу их искусства и, в особенности, характер их институтов можно определить с достаточной степенью уверенности, то можно определить истинное положение Строителей

курганов на шкале человеческого прогресса и узнать, что было возможным, а что невозможным с их стороны.

ДОМАШНИЙ УКЛАД АМЕРИКАНСКИХ АБОРИГЕНОВ, В ОБЫЧАЯХ КОТОРОГО ОБЯЗАТЕЛЬНО УЧАСТВОВАЛИ СТРОИТЕЛИ КУРГАНОВ.

Предполагается, что племена, построившие земляные сооружения в долине Огайо, были американскими индейцами. Никакое другое предположение не выдерживает критики. Орудия труда и утварь, найденные в курганах, очень ясно указывают на то, что они достигли Среднего уровня варварства. Они не вполне отвечают критериям этого условия, поскольку, насколько известно, они не занимались земледелием с помощью орошения и не строили домов из саманного кирпича или камня; но, в дополнение к земляным работам, которые следует рассмотреть, они добывали самородную медь и изготавливали из нее орудия труда и утварь — действия, которых не выполняло ни одно из племен, находящихся на более низком уровне варварства; и они зависели главным образом от садоводства в плане пропитания. Они также довели гончарное искусство до уровня орнамента и производили текстильные изделия из хлопка или льна, остатки которых были найдены обернутыми вокруг медных долот. Эти факты, наряду с другими, которые появятся позже, оправдывают признание за ними того же статуса, что и за деревенскими индейцами Новой и Старой Мексики и Центральной Америки. Они занимали районы, как правило, свободные от озер, и, следовательно, самые бедные для пропитания рыбой. Это само по себе показывает, что они в основном полагались на садоводство. Основными местами, где располагались их деревни, были незаселенные территории в эпоху европейских открытий, поскольку они не были приспособлены к племенам, находившимся в состоянии одиночества и варварства, которые зависели от рыбы и дичи, а также от кукурузы и других растений.

Знание общего характера жилищ американских аборигенов позволит нам сделать вывод о том, каким должен был быть общий характер жилищ строителей курганов. На это, опять же, влияло состояние семьи. Среди индейских племен, на какой бы стадии развития они ни находились, семья была парной, с разделением по выбору любой из сторон. Она была основана на браке между одинокими парами, но не соответствовала моногамной семье цивилизованного общества. В их положении это была слишком слабая организация, чтобы в одиночку противостоять жизненной борьбе, и они искали убежища в больших семьях, сформированных на основе родства, где коммунизм был неотъемлемой частью их жизненного плана. Хотя исключительные случаи одиноких семей, живущих сами по себе, существовали среди всех племен, это не нарушало общеправила больших домохозяйств и существовавшей в них практики коммунизма в образе жизни. Эти обычаи вошли в архитектуру их домов и определили ее характер. Во всех частях Северной и Южной Америки в период открытия Европы были обнаружены коммунальные дома с совместным проживанием, от достаточно больших, чтобы вместить пять, десять и двадцать семей, до достаточно больших, чтобы вместить пятьдесят, сто, а в некоторых случаях двести и более семей. Эти дома отличались друг от друга по своему плану и структуре, а также по размеру; но в них прослеживался общий принцип, который проявился в их адаптации к коммунистическому использованию. Они отражают их состояние и образ жизни с такой исключительной отчетливостью, что дают практические подсказки относительно жилищ строителей курганов.

ВЕРОЯТНЫЙ ЦЕНТР, ИЗ КОТОРОГО СТРОИТЕЛИ КУРГАНОВ ЭМИГРИРОВАЛИ В ЭТИ РАЙОНЫ.

Хорошо известно, что наивысший тип деревенской индейской жизни был обнаружен на Юкатане, в Чьяпасе и Гватемале, и что стандарт снижается по мере продвижения этого типа на север, в Мексику и Нью-Мексико, что указывает на то, что он был лучше всего приспособлен к теплому климату; но из этого не следует, что мы должны искать в этих отдаленных регионах первоначальную родину строителей курганов. Ближайшей точкой, из которой они могли быть выведены, был Нью-Мексико, и это представляется вероятным из-за физических соображений, и еще больше из-за их большей близости по состоянию к деревенским индейцам Нью-Мексико, ниже которых их следует ставить. Миграции племен американских индейцев были постепенными перемещениями под действием физических причин, занимавшими длительные периоды времени и с медленным прогрессом. Нет никаких оснований предполагать, что в каком-либо числе случаев это были преднамеренные миграции с определенным пунктом назначения. Благодаря кукурузе, фасоли и кабачкам (основным продуктам устоявшегося садоводства) деревенские индейцы были независимы от рыбы и дичи как основных средств существования, а благодаря им они обладали превосходными ресурсами для миграции по широким просторам открытых прерий между Нью-Мексико и Миссисипи. Перемещение племен, построивших земляные сооружения, о которых идет речь, можно объяснить естественным распространением деревенских индейцев из долины Рио-Гранде на Сан-Хуан к берегам Мексиканского залива, а оттуда на север, в долину Огайо, что было и легко, и осуществимо. Его успешное распространение на сколько-нибудь значительное расстояние к северу от залива стало маловероятным из-за возрастающей суровости климата. Есть некоторые основания предполагать, что климат задержал это движение на столетия и, в конце концов, свел на нет попытку навсегда перенести даже новомексиканский тип деревенской жизни в северные условия, температура которых намного ниже в течение большей части года.

Ряд археологов, рассматривавших вопрос о вероятной прародине строителей курганов, склонны выводить их из Центральной Америки. Основанием для такого мнения, по-видимому, является тот факт, что садоводство, должно быть, зародилось в полутропическом регионе, где этот тип деревенской жизни был впервые развит, и, следовательно, что все формы этой жизни произошли оттуда. Как представляется автору, было бы ошибкой принимать путь садоводства за путь миграции индейцев. При своем первом распространении садоводство было бы более склонно вернуться на путь последнего, чем ждать, пока его перенесут настоящие миграции вместе с людьми. Более того, нет необходимости приводить такой аргумент по той причине, что Нью-Мексико на протяжении веков был резиденцией индейцев-садоводов и деревенских жителей и обязательно был заселен ими задолго до заселения страны к востоку от Миссисипи. Все предположения говорят в пользу их происхождения из Нью-Мексико как их непосредственной передней родины, где они привыкли к снегу и умеренной степени холода.

[Примечание: На недавнем заседании Национальной академии наук в Вашингтоне, где рассматривался этот вопрос, профессор О. К. Марш в подтверждение этого предположения заметил, что "при серии сравнений черепов индейцев он был поражен сходством между черепами индейцев пуэбло из Нью-Мексико и строителей курганов. Поскольку форма черепа строителя Кургана очень своеобразна, совпадение очень поразительное".]

ЦЕЛИ, ДЛЯ КОТОРЫХ БЫЛИ СПРОЕКТИРОВАНЫ ИХ ОСНОВНЫЕ ЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, С ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РЕСТАВРАЦИЕЙ ОДНОГО ИЗ ИХ ПУЭБЛО.

Краткая справка о характере и объеме этих работ необходима для понимания их использования. Авторы книги "Древние памятники долины Миссисипи" отмечают в своем предисловии, что "количество древних огораживаний и групп произведений, исследованных лично, превышает сотню.... Также было раскопано около двухсот курганов всех форм и размеров, занимающих самые разнообразные положения". [Сноска: Смитсоновский институт знаний, Предисловие, XXXIV.] Из девяти пяти земляных сооружений, не считая насыпей, изображенных и описанных в этих ценных мемуарах и, вероятно, отмечающих места расположения индейских деревень, сорок семь относятся к одному типу и могут быть без колебаний отнесены к строителям насыпей; четырнадцать представляют собой группы символических земляных сооружений, в основном в Висконсине, и также могут быть отнесены к ним; но остальные тридцать четыре очень низкого качества, а также отличаются по характеру. Они не стоят выше работ индейцев, находящихся на более низком уровне варварства, и, следовательно, вероятно, не принадлежат деревенским индейцам, которые построили эти сооружения в долине Шиото. Если к первым названным добавить символические земляные работы, изображенные и описанные Лэфемом, [Сноска: Смитсоновский институт знаний, том V.] и несколько других работ, неизвестных Сквайру и Дэвису, а поскольку они описаны другими лицами, то насчитывается более сотни работ, больших и малых, указывающих на места расположения индейских деревень, из которых, возможно, три четверти были заселены одновременно. Многочисленные конические курганы, воздвигнутые над индейскими могилами, не включены. [Примечание: Когда индейское поселение постигает бедствие, оно обычно заброшено.]

"Большая, возможно, самая большая часть этих работ, - отмечают те же авторы, - имеют правильные очертания, преобладают квадрат и круг.... Регулярные сооружения почти неизменно возводятся на ровных речных террасах Квадрат и круг часто встречаются в сочетании, часто соединяясь друг с другом Большинство кольцевых сооружений небольшие, от двухсот пятидесяти до трехсот футов в диаметре, в то время как другие имеют милю или больше в окружности. [Сноска: Смитсоновский институт знаний, I, стр. 6 и 8.]

Эти насыпи, по большей части, небольшие, высотой от двух футов до шести, восьми, десяти и двенадцати футов, с широким основанием, образовавшимся в результате подмыва берегов в течение столетий. Эти факты подтверждаются многочисленными поперечными сечениями, прилагаемыми авторами к планам местности. Но круглые насыпи обычно примерно вдвое ниже прямоугольных.

Необходимо иметь некоторое представление о размерах индейских деревень и об их близости друг к другу, чтобы составить представление об их образе жизни и способе поселения. Иллюстрации должны быть взяты из деревенских индейцев, к классу которых, несомненно, принадлежали Строители Курганов. Неумевая пользоваться колодцами, они основывали свои поселения на берегах рек и небольших ручьев, которые предоставляли намывные земли для возделывания, и часто на расстоянии нескольких миль друг от друга. В долине Рио-Чако, в штате Нью-Мексико, на расстоянии двенадцати миль находилось несколько пуэбло, каждое из которых состояло из одного многоквартирного дома, построенного обычно с трех сторон двора; а к западу от долины Чако были и остаются семь пуэбло Моки, протяженностью в двадцать пять миль. В настоящее время в долине Рио-Гранде единственный дом пуэбло, вмещающий пятьсот

человек, представляет собой индейскую деревню. Два или три таких дома, как в Таосе и Санто-Доминго, образуют большое пуэбло, а группа из нескольких таких домов, как в Зуньи, - пуэбло самого большого размера, в котором когда-то проживало, возможно, пять тысяч человек, а теперь их число сократилось до полутора тысяч. Нет никаких оснований предполагать, что в период испанского завоевания численность какого-либо пуэбло на Юкатане или в Центральной Америке достигала десяти тысяч жителей, хотя эти страны были чрезвычайно благоприятны для увеличения численности индейцев. Их деревни были многочисленными и маленькими. Кастаньяда, сопровождавший экспедицию Коронадо в Нью-Мексико в 1540-1542 годах, оценил население семидесяти деревень, посещенных отрядами и расположенных между рекой Колорадо Зуньи и Арканзасом, в двадцать тысяч человек, что дает общую численность населения на этой обширной территории в сто тысяч индейцев.

В каждой деревне было по семь деревень Сибола, Тусаян, Кивира и Хемес и двенадцать - Тигекс; в среднем в каждой деревне проживало около тысячи четырехсот пятидесяти человек. По всей вероятности, это точные данные о количестве жителей деревень Строителей Курганов, за исключением исключительных случаев, таких как деревня на месте Мариетты в Огайо, где могло быть пять тысяч человек, если можно составить впечатление о масштабах земляных работ, выполненных предложенным ниже способом. Там, где несколько деревень были найдены рядом друг с другом на одном и том же ручье, как в Нью-Мексико, люди обычно говорили на одном и том же диалекте, что, как правило, показывает, что члены каждой группы были колонистами из одной первоначальной деревни. Земляные работы строителей насыпей следует рассматривать как места расположения их деревень. Тогда возникает вопрос, с какой целью они возводили эти насыпи, затратив столько труда? Должно быть, они жили где-то на них или вокруг них. На этот вопрос не было дано ответа, и не было предпринято серьезной попытки объяснить их использование. Их называли защитными ограждениями, но нельзя предположить, что они жили в домах внутри насыпей, поскольку это превратило бы эти места в загон для бойни в случае нападения. Некоторые из них были названы священными оградами, но это ни о чем не говорит, кроме некоторого знания об их использовании. Они были построены с практической разумной целью, и эту цель следует искать в потребностях и образе жизни Строителей Курганов как деревенских индейцев; и это должно быть выражено в самих работах. Если удастся найти разумное применение этим насыпям, их принятие избавит нас от обманчивых выводов, которые, несомненно, будут сделаны из них, пока им позволено оставаться в категории тайн.

Предлагается представить гипотетическое объяснение объектов и видов использования основных насыпей и отстаивать его принятие на основании присущей ему вероятности. Это будет основано на предположении, что строителями курганов были индейцы из деревень садоводов, иммигрировавшие из-за Миссисипи; что как таковые они привыкли жить в домах из саманного кирпича, подобных тем, что встречаются в Нью-Мексико; что они привыкли жить на своих террасах на крышах в виде приподнятых платформ и в больших семьях; и что их дома имели характер крепостей из-за небезопасности, в которой они жили. Более того, до того, как они эмигрировали в долину Огайо, они привыкли к снегу и умеренному зимнему холоду; носили одежду из кожи и, возможно, тканые накидки из хлопка, как это делали жители сиболана из Нью-Мексико во времена экспедиции Коронадо.

[Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

Пища жителей Нью-Мексико в то время состояла из кукурузы, фасоли и кабачков, а также ограниченного количества дичи, которая, несомненно, была пищей строителей курганов. Капитан Хуан Харамильо, сопровождавший ту же экспедицию, отмечает в своем рассказе, что у тиболанцев "едва хватало провизии для самих себя; все, что у них было, состояло из кукурузы, бобов и кабачков (маиса, фасоли и цуккини).... Индейцы одеваются в оленьи шкуры, очень хорошо выделанные. У них также есть выделанные шкуры буйволов, в которые они заворачиваются". [Сноска: Coll. Терно-Компан, ix, 369.]

Хотя несколькими столетиями ранее строители курганов, ведущие образ жизни, сходный с образом жизни киболанцев, в 1540 году разбирались, помимо садоводства, в использовании саманных кирпичей и искусстве возведения длинных многоквартирных домов, закрытых в первый этаж по оборонительным соображениям и построенных в виде террас высотой в два, три и четыре этажа, причем подъем на крышу первого этажа осуществлялся по лестницам.

Если бы, таким образом, племя деревенских индейцев с такими привычками и опытом эмигрировало столетия назад в поисках новых домов, и со временем они или их потомки достигли долины Сиото в Огайо, они обнаружили бы невозможность строить дома из саманного кирпича, способные противостоять дождям и морозам того климата, даже если бы они нашли саманную почву. Климатические причины вынудили бы их внести некоторые изменения в архитектуру своих домов. Они могли бы использовать камень, если бы обладали достаточными навыками, чтобы добывать его в карьерах и возводить стены из камня; но они не производили таких домов. Или же они могли бы наткнуться на дома более низкого качества, расположенные на ровном месте, такие как фахверковые дома миннитариетов и манданов, и в этом случае не было бы необходимости в насыпях, о которых идет речь. Или же они могли бы насыпать эти земляные насыпи, огораживающие прямоугольники или квадраты, и построить на них длинные дома, что, как утверждается, именно так они и сделали. Такие дома по общему характеру и плану, а также по использованию, к которому они были приспособлены, совпадали бы с домами аборигенов, обитающих во всех частях Америки.

Приподнятая земляная платформа в качестве площадки для строительства дома является элементом индийской архитектуры, который вновь проявляется заметным образом в массивных пирамидальных платформах, на которых были возведены великие каменные сооружения на Юкатане и в Центральной Америке, и которые возникли из оборонительных и общинных принципов жизни. Этот последний принцип требовал больших домов для размещения ряда семей, находившихся на более низком уровне варварства, и достаточно больших в некоторых случаях, когда люди находились на Среднем уровне, для размещения целого племени. Когда использовались саманные кирпичи, дом обычно представлял собой цельное сооружение глубиной в три или четыре комнаты и высотой в три или четыре этажа, построенное в виде блока и напоминающее крепость. Первый этаж практически не использовался, за исключением складских помещений, и они жили практически на террасах на крыше. Когда начали использовать камень, строение часто состояло из главного здания длиной в четыреста или пятьсот футов и двух крыльев длиной в двести и триста футов, охватывающих с трех сторон открытый двор, четвертая сторона была защищена низкой каменной стеной. Такими были пуэбло, ныне лежащие в руинах на Рио-Чакко в Нью-Мексико.

В высшей форме этой архитектуры на Юкатане и в Чьяпасе пирамидальное возвышение кажется облицованным сухими каменными стенами. Здания на его вершине часто имели форму

четыреугольника с открытым двором в центре; но здания обычно были разъединены по четырем углам, как в Доме монахинь в Ушмале. Все эти формы являются частями единой системы местной архитектуры; и эти несколько частей могут быть объединены в серию, представляющую прогрессивное развитие общей идеи совместного проживания с практикой коммунизма, заключающейся в проживании большими группами в одном доме или в одной группе, состоящей из всего семейства.

Давайте, в таком случае, зададимся вопросом, были ли основные насыпи строителей курганов приспособлены в виде земляных платформ для строительства длинных домов, построенных по коммунистическим принципам и в общем стиле домов американских аборигенов.

В долине реки Сьото, в штате Огайо, на расстоянии двенадцати миль были обнаружены остатки семи деревень строителей курганов, четырех на восточном и трех на западном берегу реки. Они являются одними из лучших их работ и представляют собой прекрасные примеры целого. Одно из них, Пуэбло на Высоком берегу, показано в плане на гравюре, рис. 46. Это единственный дом, в котором ограждение восьмиугольное, а не квадратное. Остатки каждого из семи состоят в основном из насыпей, похожих на железнодорожные насыпи высотой в несколько футов и соответствующей ширины у основания, охватывающих квадратную или слегка неправильную площадь, причем насыпь с каждой из четырех сторон имеет длину около тысячи футов, с отверстием или воротами посередине и по четырем углам квадрата. К пяти из семи примыкают или совсем рядом с ними большие круглые ограждения, каждое из которых образовано аналогичной, хотя и более низкой земляной насыпью и охватывает пространство несколько большего размера, чем квадраты. Соответствующие высоты насыпей, образующих четыре прямоугольника, даны равными четырем, шести, десяти и двенадцати футам; а трех круглых насыпей - пяти и шести футам соответственно.

Набережные, окаймляющие площади, вероятно, были местом расположения их домов; поскольку они были самыми высокими и прямыми, то лучше всего соответствовали назначению. Расположение этих пуэбло на небольшом расстоянии друг от друга на одном и том же ручье соответствует обычаям деревенских индейцев Новой и Старой Мексики и Центральной Америки при размещении своих деревень. Эти пуэбло, вероятно, были заселены строителями курганов из одного племени и, не исключено, находились под общим управлением правительства, состоящего из совета вождов. Вероятно также, что они были построены один за другим колонистами из первоначальной деревни.

На гравюре, рис. 46, показаны форма и расположение насыпей, а поперечные сечения указывают их высоту и нынешние размеры грунта. Это взято из работы Сквайера и Дэвиса. [Сноска: Smith Con., том i, стр. 1. xvi.]

Эти авторы отмечают, что "основная работа состоит из восьмиугольника и круга, первый из которых имеет девятьсот пятьдесят футов, второй - тысячу сто пятьдесят футов в диаметре Стены восьмиугольника очень смелые, и там, где они меньше всего подвергались обработке, сейчас имеют высоту от одиннадцати до двенадцати футов при основании около пятидесяти футов. Стена круга намного меньше, нигде не превышая четырех-пяти футов в высоту. Во всех этих отношениях, как и в отсутствии канавы и наличии двух маленьких кругов, эта работа напоминает работы Хоуптона ". [Сноска: ib., стр. 50.]

О последнем, который находится в девяти милях выше по реке Сциото, они отмечают, что "стены прямоугольного сооружения сложены из глинистого суглинка высотой двенадцать футов и основанием пятьдесят футов Они напоминают рельсовое полотно железной дороги и достаточно широки сверху, чтобы пропустить карету". [Сноска: ib., стр. 51.]

Следует отметить, что восьмиугольная работа, изображенная на гравюре, состоит из семи отдельных насыпей. Шесть из них имеют длину около четырехсот пятидесяти футов, а оставшаяся, которая когда-то состояла из двух равных секций, как показывает насыпь, обращенная к первоначальному отверстию в центре, теперь образует одну непрерывную насыпь, обращенную к одной стороне огороженной территории. Если бы эти насыпи были перестроены, материалы смыты и теперь распределены по основанию в пятьдесят футов, с наклонными сторонами и ровной вершиной, они образовали бы новые насыпи шириной в тридцать семь футов у основания, высотой в десять футов и с платформой на вершине шириной в двадцать два фута. Если бы использовали поверхностное покрытие из глины, борта можно было бы сделать круче, а платформу на вершине шире. На бережных, перестроенных таким образом из их первоначальных материалов, были бы предоставлены респектабельные и достаточные площадки для длинных многоквартирных домов, разделенных на камеры, похожие на стойла, выходящие на центральный проход через строение из конца в конец, как в длинных домах ирокезов. Такие насыпи были поразительно приспособлены к домам аборигенного американского образца, характерной особенностью которых была достаточная длина, чтобы позволить себе несколько квартир. Эта особенность стала более заметной в домах деревенских индейцев, среди которых, как указано в другом месте, были обнаружены дома длиной в триста, четыреста и даже пятьсот футов.

Эти насыпи заменяли первый этаж дома, построенного из саманных кирпичей, который обычно имел высоту от десяти до двенадцати футов и снаружи плотно прилегал к земле. Можно предположить, что ворота, ведущие на площадь, были защищены частоколом из круглого бревна, врытого в землю, причем каждый ряд кольев начинался на противоположных концах насыпей и сужался после прохождения друг друга к узкому отверстию внутри, которое могло быть постоянно закрыто. Индейские племена, находившиеся в более низком положении, чем строители курганов, были знакомы с частоколами. Таким образом, огороженная площадь была полностью защищена длинными домами, стоящими на этих насыпях, и воротами, охраняющими несколько входов. Внешне пуэбло представляло бы собой непрерывные земляные валы высотой в десять футов вокруг огороженной территории, увенчанные домами с деревянным каркасом, стены которых были наклонными, как насыпи, и покрыты землей, смешанной с глиной и гравием, возвышающиеся на десять или двенадцать футов над их вершинами; оба они образуют наклонную земляную стену высотой в двадцать футов. По изложенным причинам представляется чрезвычайно вероятным, что они возвели эти насыпи в качестве фундамента и построили на них свои длинные дома, объединив таким образом оборонительный принцип с принципом коммунизма в жизни. Такие дома гармонировали бы с общим планом жизни американских аборигенов и с общим типом архитектуры их домов.

Нет необходимости знать точную форму или внутренний план этих домов, чтобы подтвердить эту гипотезу. Достаточно показать, что восстановленные бережные были не только приспособлены, но и превосходно приспособлены для многоквартирных домов аборигенного американского типа. Реставрация, рис. 47, была составлена моим другом Джеймсом Г. Катлером, эскавайром, архитектором из Рочестера, в соответствии с вышеупомянутыми

предложениями. Это показывает не только целесообразность застройки этих насыпей длинными домами, но и то, что каждое пуэбло было спроектировано строителями курганов как крепость, способная противостоять нападению с помощью приемов индейской войны. Исходя из оборонительного характера больших домов индейской деревни в целом, можно было ожидать появления этой особенности в домах строителей курганов.

В этой реставрации дома имеют почти треугольную форму и простую конструкцию. Индейцы, гораздо более грубые, чем принято считать, такие как миннитари и манданы, обшивали свои дома деревянными плитами, стоящими на склоне, и покрывали их под меньшим углом, покрывая как наклонные внешние стены, так и крышу "бетоном из прочной глины и гравия" толщиной в фут или более. Длинные треугольные дома шириной с вершину этих насыпей, с дверными проемами, выходящими на площадь, и с внутренним убранством в виде прилавков по обе стороны центрального прохода, вместе с огороженным двором, могли бы воплотить в себе некоторые черты и почти все преимущества домов нью-мексиканских пуэбло. Занимавшие край насыпей, строители курганов не могли быть успешно атакованы снаружи ни индейским оружием, ни огнем; а внутри их жилища были бы такими же безопасными и просторными, как жилища деревенских индейцев в целом в период их открытия. Огороженный двор необычных размеров является одной из примечательных особенностей планировки. Это обеспечило защищенное место для жителей деревни и место отдыха для их детей, а также место для их сушильных лесов, из которых г-н Катлер представил несколько моделей Minnetaree и Mandan, и для садов, если они решили использовать часть территории для этой цели. Им также потребовалось бы место для большого накопления топлива для зимнего использования. Единственными доступными пунктами являются шлюзы, которых на насыпях указано семь. Они, несомненно, были защищены рядами круглых бревен, врытых в землю и проходящих друг мимо друга таким образом, что оставляли узкий проход с холмиком позади каждого, на котором лучники могли стоять и пускать свои стрелы поверх голов тех, кто находился между ними и воротами впереди. Таков, по крайней мере, объект, на который указывает наличие кургана в каждом конкретном случае.

На гравюре, рис. 48, изображен план участка одного из длинных домов, опирающихся на восстановленную набережную. На нем изображены восемь квартир по разные стороны центрального прохода, каждая шириной девять футов и глубиной шесть футов и окруженная приподнятыми койками, используемыми как сиденья, так и кровати. Проход имеет ширину восемь футов и проходит через весь дом из конца в конец, с кострищами в центре для каждой из четырех квартир. В плане интерьера это точная копия длинного дома ирокезов и, следовательно, приспособленного для совместного проживания большого количества родственных семей и для практики коммунизма.

В другом разделе показана насыпь ниже линии А-В, которая, как указано, имеет высоту десять футов при ширине основания тридцать семь футов и платформу на вершине шириной двадцать два фута, которая образует пол дома. Над этим изображен поперечный разрез конструкции. Круглые столбы диаметром шесть дюймов установлены в земле по линиям центрального прохода, определяя также несколько стоек. Эти столбы, возвышающиеся на восемь футов над уровнем пола и разветвленные вверх, поддерживают веревки, которые тянутся по всей длине дома. Напротив них укладываются доски из расщепленной древесины таким образом, чтобы образовалась наклонная внешняя стена, и они покрываются глиной и гравием толщиной в фут или более. Более простым методом было бы использование шестов, установленных близко друг

к другу и воткнутых в землю, после чего покрытых таким же образом. Поперечины из круглого бруса опираются на стрингеры над каждой парой стоек. Крыша над центральным проходом формируется независимо из столбов, упирающихся друг в друга в центре с противоположных сторон. Она также покрывается бетоном или глиняным раствором. Над кострищами оставлены отверстия в крыше для выхода дыма. Принятый принцип строительства аналогичен тому, что используется в грунтовыхдомиках миннитариетов и манданов Верхнего Миссури. Восстановленное таким образом, это пуэбло строителей курганов не превосходит по устройству домов дома названных племен. [Примечание: Есть некоторые основания предполагать, что миннитари являются потомками строителей курганов.]

Также украшено возвышение части одного из домов со стороны двора, на котором изображена набережная с опирающейся на нее лестницей, используемой в качестве ступеней и по которой можно было подняться ночью; также одна из дверей, через которые входили в дом.

Нет необходимости, как предполагалось ранее, показывать действительную форму и структуру домов строителей курганов, чтобы подтвердить гипотезу о том, что эти насыпи были настоящими местами расположения их домов. Если станет очевидным, что верхние платформы этих насыпей, перестроенные из их собственных материалов, обеспечат пригодные площадки для строительства домов, которые после постройки были бы удобными жилищами, приспособленными к климату и к жизни индейцев на среднем этапе варварства, то это все, что может потребоваться. Восстановление этого пуэбло подтверждает правильность этого утверждения с дополнительным подтверждением того оборонительного характера, который отличает всю архитектуру домов деревенских индейцев в Новой и Старой Мексике и Центральной Америке.

С их несомненным прогрессом по сравнению с ирокезами и миннитариетами, строители курганов, возможно, построили на этих возвышенностях лучшие дома, чем указано на планах. В связи с этими насыпями не было найдено никаких остатков каменных плит, и ничего, указывающего на то, что на них когда-либо возводились стены из такого кирпича. По прошествии многих веков разрушенная масса проявила бы себя в виде насыпи. Напротив, они были найдены в точном виде, который они приняли бы под атмосферными воздействиями, после того, как сооружения описанного типа погибли, а насыпи были заброшены на столетия.

Следовательно, для этих набережных требуются треугольные дома описанного типа, а также длинные дома, занимающие всю их длину. Но внутренняя планировка могла быть иной, например, проход мог проходить вдоль внешней стены, а киоски или жилые помещения - со стороны двора, и их было вдвое меньше, и вместо одного сплошного дома внутри, длиной в четыреста пятьдесят футов, его могли разделить на несколько, отделенных друг от друга поперечными перегородками. Однако образ жизни, который мы вправе им приписывать, исходя из известных обычаев индейских племен, находящихся в сходных условиях развития, привел бы нас к ожиданию больших семей, сформированных на основе родства, с практикой коммунизма в проживании в каждом доме, большом или малом. В принципе существует прямая связь между возвышенностями платформ, окружающих большую площадь, на которой был построен Высокий берег Пуэбло, и пирамидальными платформами на Юкатане, меньшими по диаметру, но более высокими по высоте, на которых были возведены самые художественные дома, построенные американскими аборигенами. В последних случаях центральная площадь поднимается до общего уровня набережных, на которых были построены дома. В первом случае

безопасность достигается за счет возвышения участка дома над уровнем окружающей местности; и это отражает почти все успехи, достигнутые деревенскими индейцами в военном искусстве по сравнению с племенами, находящимися на более низком уровне варварства. Они разместили свои дома в позиции, неприступной с точки зрения методов ведения войны индейцами.

Как и следовало ожидать, размеры площадей, окаймленных этими насыпями, несколько различаются. Они варьируются от четырехсот пятидесяти до семнадцати сотен футов, большинство из них имеют размеры от восьмисот пятидесяти до тысячи футов. Врата обычно находятся под четырьмя углами и в центре каждой стороны. Сравнение размеров двадцати таких квадратов, приведенных в "Древних памятниках долины Миссисипи", дает в среднем девятьсот тридцать семь футов. Общая длина насыпей, показанных на рис. 46, составляет три тысячи шестьсот футов, что при среднем значении в десять футов на каждую квартиру дало бы триста шестьдесят с каждой стороны прохода, или семьсот двадцать всего. Из этого числа следует вычесть те, которые использовались для хранения, для дверных проемов и для общественных нужд. Учитывая наличие двух квартир для каждой семьи из пяти человек, в пуэбло Хай-Бэнк могло бы разместиться от полутора тысяч до двух тысяч человек, живущих по обычаю индейцев, что примерно соответствует численности среднего населения пуэбло деревенских индейцев. Этот результат можно усилить, сравнив дома существующих индейских племен. Деревня Тиотохаттон, принадлежавшая сенека-ирокезам, два столетия назад оценивалась в сто двадцать домов. Возьмем число в сто при средней длине в пятьдесят футов, и это даст линейную длину жилого помещения в пять тысяч футов. Это была самая крупная из деревень сенека и самая крупная из деревень ирокезов, в ней проживало около двух тысяч жителей. Аналогичный результат получен при другом сравнении. Общая протяженность квартир в пуэбло Четтро Кеттл в Нью-Мексико, ныне находящихся в руинах, включая квартиры на нескольких этажах, составляет четыре тысячи семьсот футов. В нем проживало, вероятно, примерно столько же жителей.

Приведенное выше объяснение использования этих насыпей основывается на оборонительном принципе в архитектуре домов деревенских индейцев и на положении семьи, требующем совместного проживания в домах коммунистического характера. Обоим этим требованиям эта предполагаемая реставрация одного из поселений Строителей Курганов удивительным образом соответствует. В разнообразных формах домов деревенских индейцев во всех частях Америки оборонительный принцип является постоянной чертой. У строителей насыпей земляной вал высотой в десять футов вокруг деревни не обеспечивал никакой защиты, но был окружен длинными домами, стены которых поднимались непрерывно с насыпями, прочность этих стен, хотя и из бревен, покрытых землей, сделала бы преодоленный таким образом вал удвоенной высоты грозным барьером против нападения индейцев. Второй принцип, принцип коммунизма в совместной жизни, который не менее отчетливо проявляется в домах деревенских индейцев в целом, чем в предполагаемых домах Строителей Курганов, полностью согласуется с первым. Из этих двух вместе возникла архитектура домов американских аборигенов с ее разнообразием форм, и они кажутся достаточными для ее интерпретации. Строители насыпей в своем новом районе к востоку от Миссисипи, обнаружив невозможность строить многоквартирные дома из саманного кирпича, к которым они привыкли, заменили их сплошными земляными насыпями на месте первого этажа, заделанного землей, и возвели на них треугольные дома, засыпанные землей. Когда обстоятельства вынуждают изменить план, второй вариант не является насильственным отходом от первого. Между ними существует

естественная связь. Наконец, считается вполне достаточным поддержать интерпретацию, учитывая, что эти насыпи были в высшей степени приспособлены для указанного использования, и что восстановленное пуэбло с его огороженным двором предоставило бы своим жителям приятные, защищенные и привлекательные дома.

Что касается больших круглых ограждений, примыкающих к квадратам и сообщающихся с ними, то нам необязательно знать их объект. Тот, что примыкает к Пуэбло на Высоком берегу, занимает двадцать акров земли и, несомненно, служил какой-то полезной цели в их плане жизни. Первое предположение, которое напрашивается, состоит в том, что вместо забора он окружал деревенский сад, в котором они выращивали кукурузу, бобы, кабачки и табак. В деревне Миннетари похожую ограду теперь можно увидеть на окраине деревни, окружающей их обрабатываемые земли, состоящие частично из живой изгороди, частично из кольев, а за ними простирается открытая прерия. Мы не можем знать всех предметов первой необходимости, которые сопровождали их образ жизни, хотя дома, сады, пища и одежда были одними из тех, которые должны были существовать.

Существует еще один класс круглых насыпей диаметром около двухсот пятидесяти футов, соединенных друг с другом в некоторых случаях длинными и низкими параллельными насыпями, как можно видеть на рис. 46. Несомненно, они предназначались для какой-то полезной цели, которая может быть угадана правильно, а может и нет, но знание которой не является необходимым для нашей гипотезы относительно основных насыпей. Можно предположить, что строители курганов были организованы в роды, фратрии и племена. Если бы это было так, то фратриям понадобились бы отдельные места для проведения своих советов и совершения религиозных обрядов. Эти кольцевые насыпи наводят на мысль о круглых эстуфах, найденных в связи с нью-мексиканскими пуэбло, по два, четыре, а иногда и пять в одном пуэбло. Круги были приспособлены для проведения советов под открытым небом по обычаю американских индейских племен. Поскольку два из них связаны друг с другом, а два не связаны, не исключено, что строители курганов в этой деревне были организованы в две, а возможно, и в четыре фратрии, и что они проводили свои религиозные церемонии и общественные дела в этих открытых эстуфах.

[Примечание: Твердые прямоугольные платформы, найденные в Мариетте, штат Огайо, и в нескольких местах в районе Персидского залива, аналогичны платформам на Юкатане. Они являются усовершенствованием кольцевых ограждений и, вероятно, были предназначены для религиозных целей. О том, что строители курганов когда-то привыкли к саманному кирпичу, свидетельствует его присутствие в Сельцртауне, штат Миссисипи, в качестве части стены кургана. (См. книгу Фостера "Доисторические расы США", стр. 112.)]

Практика кремации.—Среди других работ - многочисленные конические курганы, найденные внутри круглых насыпей или вблизи них. Они различаются по высоте от пяти до десяти и двадцати футов; один из них, курган Грейв-Крик, высотой семьдесят футов. Сквайер и Дэвис, которые обследовали их, классифицировали их на "Курганы жертвоприношений", "Курганы захоронений" и "Курганы наблюдений". Следует обратить внимание только на первый вид, в котором встречаются так называемые алтари.

В центре каждого из курганов этого класса и на уровне земли был обнаружен слой глины, искусственно сформованный в неглубокую впадину, а затем затвердевший в огне. Эти впадины были названы Сквайером и Дэвисом "алтарями" в их работе "Древние памятники долины Миссисипи". Мистер Сквайер отмечает в резюме этой работы, опубликованном отдельно, что "некоторые из них круглые, другие эллиптические, а третьи квадратные или параллелограммные Обычные размеры составляют от пяти до восьми футов". [Сноска: Пер. Am Eth Soc]

[Иллюстрация: РИС. 49 — Искусственный глиняный бассейн на насыпи]

В Маунд-Сити на реке Сьото есть группа из двадцати шести курганов, расположенных в одном месте, гравюра одного из которых, взятая из статьи мистера Сквайера, показана на рис. 49. Его высота составляет семь футов, основание - пятьдесят пять футов, и в нем находится рассматриваемый искусственный глиняный бассейн. "F" - это круглый бассейн, размеры которого от с до d составляют девять футов, а от а до е - пять футов. Высота от b до е составляет двадцать дюймов, а наклон кривой от а до е равен девяти дюймам. "Тело алтаря, - замечает мистер Скуайер, - обожжено повсюду, хотя в большей степени внутри чаши, где оно было настолько твердым, что не устояло перед ударом тяжелого топора, инструмент отскакивал, как от удара о камень. Чаша, или углубление в алтаре, была даже доверху заполнена сухим пеплом, к которому примешивались фрагменты керамики.... Одна из ваз, фрагментированная из кургана, была почти восстановлена. На рисунке Б представлены ее очертания и характер орнамента. Его высота составляет шесть, а наибольший диаметр - восемь дюймов.... Над слоем пепла, покрывавшим всю чашу, был слой серебристой или непрозрачной слюды в виде листов, накладывающихся друг на друга, а непосредственно над центром чаши было навалено некоторое количество человеческих костей, вероятно, размером с один скелет, в виде фрагментов. Их расположение обозначено буквой О в разделе. Следует отметить, что слой слюды и обожженных костей, во избежание недоразумений, был характерен только для этого отдельного кургана и не обнаружен ни в одном другом из этого класса ". [Примечание: Наблюдения и т.д., Trans Am Eth Soc ii, стр. 161] Однако кальцинированные кости были обнаружены в трех из примерно двадцати исследованных курганов этого класса. [Сноска: Ape Monte, стр. 157, 159]

Теперь возникает вопрос, для чего использовалась глиняная чаша и каково назначение самого кургана? Термины "алтари" и "жертвенные курганы", используемые при их описании, подразумевают, что на этих "алтарях" приносились человеческие жертвы, "на которых горели жертвенные костры". [Сноска: Ib, стр. 15]

Я со всем уважением заявляю, что нет ничего уместного ни в использовании любого из этих терминов, ни в выводах, которые они заставили бы нас принять, человеческие жертвоприношения были неизвестны на более низком уровне варварства; но они были введены на Среднем уровне, когда появилось первое организованное жречество, отличающееся своей одеждой. В некоторых частях Мексики и, как утверждается, в некоторых частях Центральной Америки совершались эти жестокие обряды, но в Нью-Мексико они были неизвестны, и, без более веских доказательств, чем эти ошибочно называемые алтари, они не могут быть возложены на Строителей курганов. Более того, эти глиняные грядки не были приспособлены для варварской работы. Везде, где, как известно, у американских аборигенов совершались человеческие жертвоприношения, это место представляло собой возвышенную насыпную

платформу, напоминающую храм, как Теокалли в Мексике, а возвышенный алтарь или жертвенный камень стоял перед идолом, в поклонении которому совершались обряды. Это не храм и не идол, а полое глиняное ложе, покрытое курганом, воздвигнутым в честь праха умершего вождя, ибо, несомненно, такой курган не был бы воздвигнут над прахом жертвы. Индейцы никогда не обменивались военнопленными. Альтернативой плену было усыновление или сожжение на костре; но над сожженными останками никогда не возводили курган. Человеческие жертвоприношения, по-видимому, возникли в попытке использовать predetermined смерть военнопленных на службе богам, пока рабство, наконец, не стало выгодной заменой на Высшем уровне варварства.

Напрашивается другое применение этого искусственного бассейна, более соответствующее индийским обычаям, а именно, в нем производилась кремация тела умершего вождя, после чего над его прахом в соответствии с индийским обычаем был воздвигнут курган, о котором идет речь.

Кремация практиковалась деревенскими индейцами только среди американских аборигенов. Это не было распространено даже среди них, поскольку захоронение в земле было обычным делом; но это было более или менее распространено в случае вождей. Способ кремации варьировался в разных районах, но ни в одном случае не приводятся полные подробности. В Никарагуа тело умершего вождя высшего ранга заворачивали в одежду и подвешивали на веревках перед огнем, пока тело не запекалось досуха; затем, после годичного хранения, его относили на рыночную площадь, где сжигали, полагая, что дым уходит "к месту, где находится душа умершего". [Примечание: История Эрреры. Америка, ii, 133.] Из этого или какого-то подобного тщеславия, вероятно, возникла практика кремации.

ВЕРОЯТНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ.

Судя по количеству их деревень, нет оснований предполагать, что строители курганов были многочисленным народом. Мой друг, проф. Дж. Чарльз Уиттлси, обсуждая темпы увеличения численности человеческой расы, оценивает их в 500 000 человек. [Сноска: Пер. с англ. А.М. Асс. для адв. науки, 1873, с. 320.]

Благодаря умеренности оценки, одна треть от этого числа была бы более удовлетворительной. Плотное население, выражение, иногда применяемое к Строителям курганов, никогда не существовало ни без стад, ни без полевого земледелия с использованием плуга. В некоторых благоприятных районах, где ирригационные сооружения были необычны, значительное население занялось садоводством; но никаких следов оросительных каналов, связанных с работами строителей курганов, обнаружено не было. Более того, в их районах в этом не было необходимости. Переселившись из сравнительно мягкого климата в холодный, они, должно быть, обнаружили, что борьба за существование усилилась. Как и у киболанцев в 1540 году, для них, несомненно, во все времена было одинаково верно то, что "у них едва хватало провизии для самих себя". И все же нет злака, равного кукурузе по богатому вознаграждению, которое она приносит даже при плохом выращивании. Она растет на холмах, ее можно есть как зеленой, так и спелой, она вынослива и плодovита. В то же время, хотя его можно сделать основой существования человека, самого по себе его недостаточно для поддержания энергичной, здоровой жизни. Овощи и дичь были необходимы для пополнения запасов продовольствия. Трудности на пути производства ограничивают их численность. Этим также объясняется малочисленность их поселений на обширных территориях, по которым они расселены. Хотя они

нашли самородную медь на южном берегу озера Верхнее и обмолотили ее в стамески и разновидность заостренной лопаты, количество найденных медных инструментов невелико, слишком мало, чтобы можно было предположить, что это ощутимо повлияло на их выращивание. Кирка, заостренная каменным долотом, деревянная лопата и треугольный кусок кремня, вставленный в деревянную рукоятку и используемый как нож, были настолько совершенными орудиями, насколько это было возможно. Садоводство, практикуемое таким грубым образом, неизбежно имело ограниченную продуктивность.

Была выдвинута идея о том, что "состояние общества среди строителей курганов не было состоянием свободных людей, или, другими словами, что государство обладало абсолютной властью над жизнями и судьбами своих подданных". [Примечание: "Доисторические расы" Фостера и др., стр. 386.]

Достаточным ответом на этот замечательный отрывок является то, что народ, неспособный выкопать колодец или построить сухую каменную стену, должно быть, не смог создать политическое общество, которое было необходимо для существования государства.

Из отсутствия каких-либо традиционных знаний о строителях курганов среди племен, обитающих к востоку от Миссисипи, напрашивается вывод, что период их заселения был древним. Их уход, вероятно, был постепенным и завершился до появления предков нынешних племен или одновременно с их прибытием. Представляется более вероятным, что их уход из страны был добровольным, чем то, что они были изгнаны наплывом диких племен. Если бы их изгнание было результатом затяжной войны, то все воспоминания о столь замечательном событии вряд ли были бы утрачены среди племен, которыми они были вытеснены. Теплый климат был необходим для успешного поддержания высшей формы деревенской индейской жизни. В борьбе за существование в этом холодном климате индийское искусство и изобретательность, должно быть, облагались такими же высокими налогами, чтобы обеспечить себя одеждой, как и едой. Поэтому не исключено, что попытка перенести новомексиканский тип деревенской жизни в долину Огайо оказалась неудачной, и что после огромных усилий, продолжавшихся на протяжении столетий, она была окончательно оставлена из-за их ухода, сначала в район Персидского залива, через который они проникли, и, наконец, из страны вообще.

Тласкаланцы практиковали кремацию, но обычно она ограничивалась вождями. [Сноска: История Эрреры. Америка, ii, 302.] То же самое было и у ацтеков. "Другие были сожжены, а пепел захоронен в храмах, но все они были похоронены вместе со всеми ценными вещами, которыми они обладали". [Примечание: ib., iii, 220.] Майя Юкатана приблизились к римлянам в этой практике, поскольку они хранили пепел в глиняных сосудах. "По усопшим много оплакивали, - замечает Эррера, - днем в тишине, а ночью с жалобными воплями.... наполняя их рты молотой пшеницей [маисом], чтобы они не нуждались в пище в другом мире.... Тела их господ сжигались, а их пепел помещался в большие сосуды, над которыми строились храмы. Некоторые делали деревянные статуи своих родителей и, оставив углубление на их шеях, засыпали их прахом и хранили среди своих идолов с великим почитанием". [Примечание: ib., iv, 175.] В настоящее время в Нью-Мексико кремация иногда практикуется.

То, что у Строителей Курганов был этот обычай, учитывая его распространенность среди деревенских индейцев, не вызывает удивления. Я думаю, мы можем, и не без оснований, признать в этом искусственном глиняном бассейне кремационное ложе, на которое тело

помещали в сидячем положении, обмазывали горючим, а затем сжигали — в некоторых случаях частично, а в других — до тех пор, пока все останки тела не превращались в пепел, - после чего или даже до сожжения над ними насыпали курган в знак чести и уважения. В этих курганах обнаружено большое количество медных и каменных орудий труда, трубок, фрагментов кувшинов для воды и других предметов, которые обычно хоронят вместе с останками умерших. По-видимому, это был их метод кремации; и следует признать, что он столь же респектабелен, как и любая известная форма этой странной практики значительной части человеческой расы.

[Перенесенная сноска: "Снега и холода обычно бывает много, - замечает Коронадо в своем рассказе, - ибо так говорят жители страны; и весьма вероятно, что так оно и есть, как в отношении образа жизни страны, так и в отношении стиля их домов, так и в отношении их мехов и других вещей, которыми люди вынуждены защищать себя от холода Они не выращивают хлопок, потому что в стране холодно, и все же они носят плащи из хлопка, как ваша честь может видеть по их виду; и верно то, что в их домах была найдена определенная пряжа, изготовленная из хлопка.... В этой стране есть определенные шкуры, хорошо выделанные, и они выделывают их и раскрашивают, когда убивают своих быков [буйволов], потому что так они сами говорят ". — Сборник путешествий Хаклуита, Последнее изд., 1600, iii, 377.]

ГЛАВА X.

ДОМА АЦТЕКОВ Или ДРЕВНИХ МЕКСИКАНЦЕВ.

Первые сообщения о мексиканских пуэбло произвели настоящую сенсацию в Европе. На островах Вест-Индии испанские первооткрыватели обнаружили небольшие индейские племена под управлением вождей, но на континенте, в долине Мехико, они обнаружили конфедерацию трех индейских племен под управлением более развитого, но похожего правительства. Посреди долины находилось большое пуэбло, самое большое в Америке, окруженное водой, к которому вели дамбы; короче говоря, окруженная водой крепость, неприступная для нападения индейцев. Это пуэбло представило испанским авантюристам необычайное зрелище индейского общества, находящегося на два этнических периода позади европейского общества, но с правительством и планом жизни одновременно разумным, упорядоченным и законченным. Было возбуждено ненасытное любопытство к дополнительным деталям, которое продолжалось в течение трех столетий и которое вызвало к жизни большее количество работ, чем когда-либо прежде, написанных о каком-либо народе такого же числа и такой же значимости.

Испанские авантюристы, захватившие мексиканские пуэбло, видели в Монтесуме короля, в ацтекских вождях - повелителей, а в большом многоквартирном доме, занимаемом на индейский манер Монтесумой и его товарищами-домовладельцами, - дворец. Возможно, в то время это был неизбежный самообман, потому что они ничего не знали об общественной системе ацтеков. К сожалению, это положило начало истории американских аборигенов на основе неправильного представления о жизни индейцев, которое до недавнего времени оставалось практически неоспоримым. Первые очевидцы внесли основной вклад в эту историю, представив Монтесуму как короля, занимавшего огромный дворец, переполненный слугами, и расположенный посреди большого и густонаселенного города, над которым и многим другим он слыл властелином. Но король и королевство со временем оказались слишком обычными, чтобы выразить всю славу и великолепие, которые воображение начинало представлять себе об ацтекском обществе; и император и империя постепенно вытеснили

более скромные представления о завоевателях. [Примечание переписчика: пространная сноска 1 перенесена в конец главы.]

Психологический факт, заслуживающий особого внимания, раскрывается в этих работах, написанных такими, какими они были, со стремлением к правде и без намерения ввести в заблуждение. Этим авторам следовало бы знать, что каждое индейское племя в Америке представляло собой организованное общество с определенными институтами, обычаями и поведенческими нормами, которые, будучи выяснены, прекрасно объяснили бы его правление, социальные отношения людей и их образ жизни. Индийское общество можно было бы объяснить так же полно и понять так же безукоризненно, как цивилизованное общество Европы или Америки, найдя его точную организацию. Это, как ни странно, никогда не предпринималось или, по крайней мере, никогда не достигалось ни одним из этих многочисленных и объемистых авторов. Для каждого автора, от Кортеса и Берналя Диаса до Брассера де Бурбура и Хьюберта Х. Бэнкрофта, индийское общество было непостижимой загадкой, и их работы до сих пор оставляют это загадкой. Не имея представления о его структуре и принципах и неспособные понять его особенности, они задействовали воображение, чтобы сделать все необходимое для полноты картины. Когда разум из-за недостатка фактов неспособен понять и, следовательно, объяснить структуру данного общества, воображение смело вступает в игру и бесстрашно возносит свою сверкающую ткань до небес. Таким образом, в данном случае мы имеем грандиозный исторический роман, нанизанный на завоевание Мексики, как на ниточку; деяния испанцев, мексиканские пуэбло и их захват являются историческими, в то время как описания индейского общества и правительства вымышлены и вводят в заблуждение. Эти живописные рассказы читались с удивлением и восхищением по мере их появления на протяжении трехсот пятидесяти лет; хотя они и оказались романами, их по-прежнему будут читать так, как читают Робинзона Крузо, не потому, что они правдивы, а потому, что они доставляют удовольствие. Психологическое откровение - это страстный, неопределимый интерес, вызываемый любой картиной древнего общества. Это ощущает каждый незнакомец, когда он впервые прогуливается по улицам Помпеи и, стоя в стенах ее домов без крыш, пытается представить себе жизнь и общество, которые процветали здесь восемнадцать столетий назад. В Мексике испанцы обнаружили организованное общество, на несколько тысяч лет отставшее от их собственного, чем помпейское, по своим искусствам, институтам и уровню развития. Именно это откровение о фазе древней жизни человечества обладало и до сих пор обладает такой силой, чтобы разжигать воображение и внушать энтузиазм. Она захватила воображение и превзошла критические суждения Прескотта, нашего самого очаровательного писателя; она опустошила живой мозг Брассера де Бурбура и вихрем унесла нашего автора к Золотым воротам.

Похвала, которую эти работы получили от критических журналов, с болезненной отчетливостью показывает тот факт, что у нас нет такой науки, как американская этнология. Такая наука, основывающаяся, как и должно быть, на проверенных фактах, и имеющая дело с учреждениями, искусствами и изобретениями, обычаями, языками, религиозными верованиями и планом правления индейских племен, была бы, если бы она была достаточно обоснована, пользовалась бы уважением американского народа и заслуживала его. За исключением отдельных любителей, американские ученые не были готовы посвятить себя столь обширной работе. На данный момент можно с уверенностью сказать, что структура и принципы индийского общества известны лишь частично, и что сам американский индеец все еще остается для нас загадкой. Перед нами как нацией все еще стоит вопрос, возьмемся ли мы за

работу по представлению миру научного описания индийского общества или оставим его таким, каким оно предстает сейчас, - грубым, бессмысленным, невразумительным, хаосом противоречий и ребяческой нелепости. С областью несравненного богатства и огромной протяженности, с одной и той же красной расой на всех стадиях развития, обозначенных тремя великими этническими периодами, а именно статусом дикости, Низшим статусом варварства и Средним статусом варварства, [Примечание: Определение предлагаемых этнических или культурных периодов см. в ante, стр. 43, примечание, и в Древнем обществе, глава 1, "Этнические периоды".] следует найти больше людей, желающих поработать над этим материалом ради признания американской науки. Им необходимо будет поступить так, как Геродот поступал в Азии и Африке, посетить местные племена в их деревнях и стойбищах и изучить их институты как живые организмы, их состояние и их образ жизни. Когда это будет сделано от региона Северного Ледовитого океана до Патагонии, индийское общество станет понятным, потому что будут понятны его структура и принципы. Она демонстрирует три отчетливые фазы, каждая со свойственной ей культурой, лежащей за цивилизацией и за Высшим статусом варварства, имеющей очень мало общего с европейским обществом трехсотлетней давности и очень мало общего с современным американским обществом. Его институты, изобретения и обычаи не находят аналогов в цивилизованных нациях и не могут быть объяснены в терминах, адаптированных к такому обществу. Наши более поздние исследователи все больше и больше работают по плану прямого посещения, и я не сомневаюсь, что среди нас еще возникнет такая наука, как американская этнология, которая высоко поднимется в глазах общественности благодаря важным результатам, которых она быстро достигнет. Именно то, что сейчас необходимо, - это констатация и научная обработка этого материала.

После столь общего осуждения испанских и американских писателей, поскольку они представляют ацтекское общество и правительство, следует привести некоторые факты и некоторые причины, чтобы оправдать обвинение. Признавая свою обязанность, я предлагаю подвергнуть сомнению достоверность столь значительной части второго тома "Коренных народов" и столь значительной части других испанских историй, которые касаются двух тем — характера дома, в котором жил Монтесума, стилизованного под дворец; и рассказа о знаменитом обеде Монтесумы, который представлен как ежедневный банкет императорского властелина. Ни та, ни другая тема, рассматриваемая сама по себе, не имеет большого значения; но если описания в этих двух подробностях будут признаны вымышленными и вводящими в заблуждение, будет пробита брешь в жизненно важном участке ткани ацтекской романтики, которая в настоящее время является самым смертоносным препятствием для американской этнологии.

Исходя из того, что известно о жизни и обществе индейцев, можно предположить, что существует большая вероятность того, что дом, в котором жил Монтесума, был многоквартирным домом по образцу аборигенов Америки, принадлежавшим большому количеству родственных семей и занимаемым ими совместно как совладельцы; что обед, о котором идет речь, был обычным ежедневным приемом пищи в общем доме, приготовленным на общей кухне из общих запасов и разделенным, по индейскому обычаю, из котла; и что все испанцы, обнаруженные в Мексике, были простой конфедерацией трех индейских племен, аналогом из которых были найдены во всех частях Америки.

Далее можно предположить, что испанские авантюристы, устремившиеся в Новый Свет после его открытия, обнаружили ту же самую расу краснокожих индейцев на островах Вест-Индии, в Центральной и Южной Америке, во Флориде и в Мексике.

[Примечание: "Но среди всех других жителей Америки есть такое поразительное сходство в форме их тел и качествах их ума, что, несмотря на различия, вызванные влиянием климата или неодинаковым прогрессом в совершенствовании, мы должны объявить, что они произошли из одного источника". — История Америки Робертсона, изд-во Лоу, стр. 69.]

По своему образу жизни и средствам к существованию, по своему оружию, искусствам, обычаям и направленности, по своим институтам, а также по своим умственным и физическим характеристикам они были одними и теми же людьми на разных стадиях развития. Никаких расовых различий не наблюдалось, и фактически их не существовало. Они были разделены на множество независимых племен, каждое из которых находилось под управлением совета вождей. Среди более развитых племен существовали конфедерации, которые представляли собой высшую стадию, достигнутую их правительственными институтами. В некоторых из них, как, например, в конфедерации ацтеков, у них был главный военный вождь, избираемый пожизненно или за хорошее поведение, который был главным командующим военными отрядами. Его полномочия были полномочиями генерала и неизбежно были произвольными, когда он находился в полевых условиях. За этим военным вождем — правда, отмеченным испанскими авторами, но без объяснения или даже констатации его функций — стоял совет вождей, "великий совет, без полномочий которого, - замечает Акоста, Монтесума "не смог бы сделать ничего важного". [Примечание: Естественная и моральная история Ост- и Вест-Индии, Последнее изд., 1604, пер. Гримстоуна, стр. 485.]

Гражданские и военные полномочия правительства были в определенном смысле скоординированы между советом вождей и военным командующим. Правительство конфедерации ацтеков было по сути демократическим, потому что таковыми были ее организация и институты. Если требуется более специальное обозначение, то достаточно будет описать его как военную демократию.

Испанцы, захватившие Мексику и Перу, совершенно по-разному интерпретировали эти две организации. Обнаружив, как они и предполагали, две абсолютные монархии с феодальными чертами характера, история институтов американских индейцев была отлита по этой форме. Главное внимание европейцев в шестнадцатом веке было приковано к этим двум правительствам, которым были подчинены дела многочисленных оставшихся племен и конфедераций. Последующая история более трех столетий шла по одному и тому же руслу, усердно стремясь подтвердить то, подтверждение чего было невозможно. Возможно, достаточно правильным было обобщение, что если институты ацтеков и перуанцев, таких высокоразвитых индейских племен, увенчались монархией, то институты индейских племен в целом были по существу монархическими, и, следовательно, институты Мексики и Перу должны представлять институты Красной расы.

Наконец, можно предположить, что историям Испанской Америки можно доверять во всем, что касается действий испанцев, а также действий и личных характеристик индейцев; во всем, что касается их оружия, орудий труда и утвари, тканей, продуктов питания и одежды и вещей

подобного характера. Но во всем, что касается индийского общества и правительства, их социальных отношений и образа жизни, они почти бесполезны, потому что они ничему не научились и ничего не знали ни о том, ни о другом. Мы имеем полное право отвергнуть их в этих отношениях и начать заново, используя любые факты, которые они могут содержать и которые согласуются с тем, что известно об индийском обществе. Катастрофой для всей Красной расы было то, что достижения деревенских индейцев Мексики и Центральной Америки в развитии их институтов потерпели столь почти полное крушение. Единственное средство от причиненного им зла - восстановить, если возможно, знания об их институтах, которые только и могут поставить их на надлежащее место в истории человечества.

Чтобы понять такое простое событие в жизни индейцев, как обед Монтесумы, необходимо знать определенные обычаи и даже определенные институты индейских племен в целом, которые имели непосредственное отношение к обеду каждого индейца в Америке в эпоху испанского завоевания. Хотя это может показаться странным читателю, для понимания этого обеда требуется знание нескольких категорий фактов, таких как: 1. Организация родов, фратрий и племен. 2. Совместное владение землями. 3. Закон гостеприимства. 4. Практика коммунизма в жизни. 5. Общинный характер их домов. 6. Их обычай есть только одно приготовленное блюдо каждый день, ужин. 7. Их разделение во время еды: мужчины едят первыми, а женщины и дети - потом. Эти несколько тем были рассмотрены в предыдущих главах.

От древнего мексиканского пуэбло (Теночтитлан) не осталось и следа, который помог бы нам лучше узнать его архитектуру. Его сооружения, которые были бесполезны для людей с европейскими привычками, были быстро разрушены, чтобы освободить место для города, приспособленного к нуждам цивилизованной расы. Мы должны искать его характеристики в современных индийских домах, которые все еще находятся в руинах, и в тех ранних описаниях, которые дошли до нас, а затем оставить этот предмет с небольшим количеством точных знаний. Его расположение, частично на суше, а частично в водах неглубокого искусственного пруда, образованного дамбами, привело к образованию улиц и площадей, которые были необычны для индейских пуэбло, и придало ему примечательный вид. "Существовало три вида широких и просторнейших улиц, - замечает Эррера. - Одна была полностью водной с мостами, другая - земной, а третья состояла из земли и воды, там было пространство для прогулок по суше, а остальное - для прохода каноэ, так что по бокам большинства улиц были дорожки, а посередине - вода". [Примечание: История Америки, ii, 361.]

Многие дома были большими, намного превосходящими предполагаемые потребности одной индийской семьи. Они были построены из саманного кирпича и камня и в обоих случаях оштукатурены гипсом, который придавал им ослепительно белый цвет; а некоторые были построены из красного пористого камня. Для огранки и обработки этого камня использовались кремневые орудия. [Сноска: Клавиджера, ii, 238.]

Тот факт, что дома были оштукатурены снаружи, наводит нас на мысль, что они не научились обрабатывать камень и укладывать его рядами. Точно не установлено, что они научились пользоваться известково-песчаным раствором. В заключительной атаке и захвате говорится, что Кортес в течение семнадцати дней разрушил и сравнял с землей три четверти пуэбло, что демонстрирует непрочный характер каменной кладки. Некоторые дома были построены с трех сторон двора, как на Рио-Чакко в Нью-Мексико, другие, вероятно, окружали открытый двор или четырехугольник, как Дом монахинь в Ушмале; но это четко не показано. Лучшие дома обычно

были двухэтажными, при этом упоминались верхний и нижний этажи. Второй этаж отступал от первого, вероятно, в форме террасы. Клавиджеро отмечает, что "дома лордов и людей состоятельных были построены из камня и извести. Они состояли из двух этажей, с залами, большими дворами и помещениями, расположенными надлежащим образом; крыши были плоскими и имели форму террас; стены были так хорошо выбелены, отполированы и блестели, что испанцам на расстоянии они казались серебряными. Тротуар или пол был оштукатурен, идеально ровный, простой и гладкий.... Большие столичные дома, как правило, имели два входа: главный - на улицу, другой - к каналу. У них не было деревянных дверей в домах". [Сноска: История Мексики, ii, 232.]

В дом входили через дверные проемы с улицы или со двора, расположенные на первом этаже. Ни один из ранних авторов не упоминает ни об одном доме в Мексике, где жила бы одна семья. Очевидно, это были многоквартирные дома по образцу американских аборигенов, в каждом из которых проживало от пяти и десяти до ста семей, а в некоторых случаях, возможно, и по двести семей в доме.

Прежде чем рассматривать архитектуру домов ацтеков, остается вкратце отметить общий характер домов деревенских индейцев в районах посещения испанцами. Обычно это были многоквартирные дома американского образца, приспособленные к жизни при коммунизме, подобные ранее описанным, которые помогут нам понять дома мексиканских пуэбло.

Эррера, говоря об уроженцах Кубы, отмечает, что "у них были касики и городки по двести домов, в каждом из которых проживало по несколько семей, как это было обычно на Эспаньоле". [Сноска: ib., ii, 15.]

Кубинцы стояли ниже оседлых индейцев. На Юкатане дома майя и племен Гватемалы, Чьяпаса и Гондураса лежат в руинах, которые говорят сами за себя, и станут темой следующей главы. Во время похода в Мексику Кортес и его люди, "спустившись на равнину, поселились в загородном доме, в котором было много квартир". [Сноска: ib., ii, 320.]

"В Истапалапе его принимали в доме с большими дворами, верхними и нижними этажами и восхитительными садами. Стены были каменными, деревянные изделия хорошо обработаны, было много просторных комнат, увешанных хлопчатобумажными портьерами, необычайно богатыми в своем роде". [Сноска: "История Америки", 325.]

Его проживание в мексиканском пуэбло будет замечено и в других местах. После захвата пуэбло Альваредо был отправлен на юг с двумястами пешими и сорока всадниками в провинцию Тутутлепек на Тихом океане. "Когда он прибыл, сеньор Тутутлепека предложил разместить испанцев в своем дворце, который был очень великолепен".

"В 1525 году Кортес совершил свой знаменитый поход в Гватемалу со ста пятьюдесятью всадниками, таким же количеством пешеходов и тремя сотнями индейцев. Будучи хорошо принят в городе Апоксалан, Кортес и все испанцы со своими лошадьми были размещены в одном доме, мексиканцы были рассредоточены по другим, и всех их обильно снабдили провизией на время их пребывания. Первый "дворец", описанный Эррерой, был обнаружен Бальбоа где-то на территории нынешней Коста-Рики, и Комагре вошел в историю как его владелец. Этот дворец был более замечательным и лучше построен, чем любой, который когда-либо видели на островах или на том немногом, что было тогда известно о континенте, имея сто пятьдесят шагов в длину и восемьдесят в ширину, основанный на очень больших столбах, обнесенных каменной

стеной со вперемешку бревнами наверху и пустотами, выполненными так красиво, что испанцы были поражены его видом и не могли описать его устройство и любопытство. В нем было несколько комнат и покоев и одна, похожая на кладовую, набитая провизией, какой только могла дать страна, - хлебом, олениной, свиным мясом и так далее. Там была еще одна большая комната, похожая на погреб, полная глиняных сосудов с несколькими сортами белых и красных ликеров, приготовленных из индийской пшеницы и т.д. Примечательным фактом в этом описании являются две комнаты, содержащие провизию и припасы для домашнего хозяйства, что, несомненно, имело место со всеми названными лицами. Земпоала недалеко от Вера-Крус описывается как очень большой город с величественными зданиями хорошей работы из дерева, и у каждого дома был сад с водой, так что он выглядел как земной рай Разведчики, продвигавшиеся верхом, прибыли на большую площадь и дворы, где стояли первоклассные дома, которые были недавно оштукатурены и были очень легкими, поскольку индейцы были выдающимися мастерами в этой работе ", [Сноска: История Америки, ii, 211.] и далее говорится, что "дома были построены из "известня и камня".

Эти пуэбло, как правило, были небольшими, состоящими из трех или четырех больших многоквартирных домов, с другими домами меньшего размера, причем различные классы домов отражали относительную бережливость и процветание нескольких групп, которыми они принадлежали и занимали. Сомнительно, существовало ли в Северной Америке хоть одно пуэбло, за исключением Тлашкалы, Чолулы, Тецкоко и Мексики, в котором проживало десять тысяч человек. Нет смысла применять термин "город" к какому-либо из них. Ни одно из испанских описаний не позволяет нам понять точную форму и структуру этих домов или их взаимосвязь друг с другом при формировании пуэбло. Если бы не населенные или находящиеся в руинах пуэбло в Нью-Мексико и более примечательные пуэбло в руинах на Юкатане и в Центральной Америке, мы бы очень мало знали об архитектуре домов оседлых деревенских индейцев. Из приведенных цитат очевидно, что самый большой из этих многоквартирных домов мог вместить от пятисот до тысячи или более человек, живущих по обычаю индейцев; и что дворы, вероятно, представляли собой четырехугольники, образованные постройкой здания с трех сторон огороженного пространства, как в пуэбло Новой Мексики, или с четырех сторон, как в Доме монахинь в Ушмале.

Авторы, описывающие завоевание, не смогли описать дом ацтеков таким образом, чтобы его можно было достаточно ясно понять. Они также не смогли объяснить образ жизни в нем. Но можно с уверенностью сказать, что большинство этих домов были большими, намного превосходящими любые предполагаемые потребности отдельной индийской семьи; что они были построены, когда стояли на суше, из саманного кирпича, а когда стояли в воде, из камня, замешанного на каком-то известковом растворе, и в обоих случаях оштукатурены гипсом, который придавал им ослепительно белый цвет. Некоторые из них также были построены из красного пористого камня. Некоторые из этих домов были построены с трех сторон двора, как дома в Чако, но двор выходил на улицу или дамбу. Другие, что не маловероятно, окружали открытый двор или четырехугольник, в который, должно быть, входили через ворота; но это четко не показано. Большие дома, вероятно, были двухэтажными; в некоторых случаях упоминаются верхний и нижний этажи, но редко третий.

Коммунизм в больших семьях, при том, что коммунизм ограничивался домашним хозяйством, вероятно, был правилом жизни древних мексиканцев во времена Завоевания.

[Примечание переписчика: пространная сноска 2 перенесена в конец главы.]

Два дома в Мексике были особенно отмечены солдатами Кортеса, чем другие, — тот, в котором они были расквартированы, и тот, в котором жил Монтесума. Нельзя сказать, что ни то, ни другое не было описано. Я ограничусь этими двумя структурами.

Кортес впервые вступил в Мексику в ноябре 1519 года с четырьмя сотнями пятидесяти испанцами, согласно Берналю Диасу, [Сноска: Завоевание Мексики Диасом, изд. 1803, пер. Китинга, i, 181, 189. Эррера говорит, 300, ii, 327.] в сопровождении тысячи союзников-тлашкаланцев. Их поселили в пустующем дворце покойного отца Монтесумы, наивно замечает Диас, отмечая, что "весь этот дворец был очень светлым, воздушным, чистым и приятным, вход в него был через большой двор". [Сноска: Диас, I, 191.] Кортес, описав оказанный ему прием, сообщает нам, что Монтесума "возвращался по улице в уже описанном порядке, пока не достиг очень большого и великолепного дворца, в котором мы должны были разместиться. Затем он взял меня за руку и повел в просторный салон, перед которым находился двор, через который мы вошли". [Примечание: Дешети Кортеса, пер. Фолсома, стр. 86.]

Вот и все показания двух очевидцев. Эррера собрал некоторые дополнительные подробности. Он утверждает, что "они пришли в очень большой двор, который был гардеробом идолов и когда-то был домом Аксаякатзина, отца Монтесумы.... Его поселили в таком большом доме, который, хотя это и кажется невероятным, содержал столько просторных комнат со спальнями, что все сто пятьдесят испанцев могли разместиться поодиночке. Также стоило отметить, что, хотя дом был таким большим, каждая его часть до последнего угла была очень чистой, опрятной, застеленной циновками и увешанной драпировками из хлопка и перьев нескольких цветов, а над ними стояли кровати и циновки с беседками. Ни у одного мужчины какого бы то ни было качества нет другой кровати, и никто другой не используется". [Сноска: История Америки, ii, 330.] В опрятности этих комнат мы находим некоторые свидетельства характера ацтекских женщин.

Многоквартирные дома и образ жизни, на который они указывают, были в то время неизвестны в Европе. Они принадлежали к более древнему состоянию общества. Поэтому неудивительно, что испанцы, пораженные их величием, называли их дворцами и, будучи с большим размахом приняты Монтесумой как главнокомандующим войсками ацтеков, считали его королем, поскольку монархическое правление было формой, с которой они были в основном знакомы. Итак, достаточно сказать, что один из великих домов ацтеков был достаточно велик, чтобы вместить Кортеса и его тысячу четыреста пятьдесят человек, включая союзников-индейцев, поскольку ранее они размещались в одном доме в Чолулане и в других местах по пути в Мексику. От Нью-Мексико до Панамского перешейка едва ли нашлась бы хоть одна крупная деревня, в которой такое же количество людей не могло бы разместиться в одном доме. Когда выясняется, что называть его дворцом нет необходимости, чтобы объяснить его размеры, мы приходим к выводу, что обычный ацтекский дом был освобожден от своих обитателей, чтобы освободить место для незваных гостей. После приема ацтекское гостеприимство снабдило их провизией. Г-н Бандель в упомянутой выше статье очень удовлетворительно описал этот дом как "текпан, или официальный дом племени". Он говорит: "Дом, где были расквартированы испанцы, был "текпан", или официальным домом племени, освобожденным официальной семьей для этой цели". Совершая вылазку, чтобы поприветствовать вновь прибывших у дамбы, "вождь Гнева" (Монтесума) действовал просто как представитель племенного гостеприимства,

оказывая необычные знаки внимания необычным, таинственным и потому внушающим страх гостям. Оставив их во владении "текпана", он удалился в другое из больших общественных зданий, окружающих центральную площадь, где тем временем велись официальные дела. Его возвращение в испанские кварталы, даже если оно было вынужденным, произвело на туземцев меньшее впечатление, чем принято считать. Это была реконструкция старых кварталов, и поэтому Тлатокан (Совет вождей) сам без колебаний собрался там снова, пока не была выяснена истинная природа опасных посетителей, после чего совет постепенно вышел из ловушки, оставив несчастного "вождя людей" в руках испанцев ". [Примечание: 12 Ежегодный отчет Музея Пибоди, стр. 680.]

Далее мы рассмотрим второй так называемый дворец, тот, в котором жил Монтесума, и обед Монтесумы, свидетелями которого были эти солдаты и который вошел в историю как одно из доказательств существования в Мексике монархии феодального типа. У них было очень мало времени, чтобы сделать свои наблюдения, потому что это воображаемое королевство почти сразу же погибло, и люди, в основном, рассеялись. Так называемый дворец Монтесумы не описан Диасом, вероятно, по той причине, что не было ничего, что отличало бы его от ряда подобных сооружений в пуэбло. Это не описано ни Кортесом, ни Анонимным Завоевателем; Кортес просто заметил в общих чертах, что "в пределах города его дворцы были настолько замечательными, что едва ли возможно описать их красоту и размах; я могу только сказать, что в Испании нет ничего равного им". [Примечание: Дешети, стр. 121.]

Готические соборы тогда стояли в Испании, Альгамбра на Гренаде и, без сомнения, общественные и частные здания из обработанного камня, уложенные рядами. Хотя это сравнение было лживым, мы можем понять желание завоевателя преувеличить свои подвиги. Эррера, пришедший позже и располагавший дополнительными ресурсами, отмечает, что во дворце, в котором жил Монтесума, "было двадцать ворот, все они вели на площадь или рынок, и на главные улицы, и в три просторных двора, и в одном из них был очень большой фонтан.... Там было множество залов длиной в сто футов, комнат на двадцать пять и тридцать и сто ванн комнат. Деревянная заготовка была небольшой, без гвоздей, но очень тонкой и прочной, чем испанцы очень восхищались. Стены были из мрамора, яшмы, порфира, черного камня с красными прожилками, похожими на кровь, белого камня и другого прозрачного. Крыши были деревянными, хорошо обработанными и украшенными резьбой.... Комнаты были расписаны и устланы циновками, и на многих из них висели богатые драпировки из хлопка и конской шерсти или из перьев. Кровати не соответствовали великолепию дома и мебели, были бедными и убогими, состояли из одеял на циновках или на сене.... В этом дворце покоится мало мужчин, но в нем была тысяча женщин, а некоторые говорят, что три тысячи, что считается наиболее вероятным... Монтесума брал к себе дам, которые были дочерьми великих людей, которых было много". [Сноска: История Америки, ii, 345.]

Наружные стены домов были покрыты штукатуркой. Из описания кажется вероятным, что внутри больших комнат тут и там были видны естественные грани камня в стенах, некоторые из красного пористого камня, некоторые из мрамора и некоторые, напоминающие порфир, поскольку невозможно предположить, что они могли вырезать этот камень кремневыми орудиями. Большие камни, использованные для внутренней облицовки стен, возможно, были оставлены непокрытыми и, таким образом, имели упомянутый пятнистый вид. У ацтеков не было сооружений, сравнимых с сооружениями Юкатана. Их архитектура напоминает архитектуру Нью-Мексико везде, где ее черты отчетливо проявляются на свидетельствах, которым можно

доверять. Лучшие помещения, найденные в последнем регионе, построены из тонких кусков песчаника, подготовленных методом разрушения и уложенных с однородной поверхностью. У Эрреры не было случая говорить об использовании мрамора и порфира в стенах этого дома в такой расплывчатой манере и на основании еще более расплывчатой информации. Ссылка на тысячу или более женщин, составляющих гарем Монтесумы, является грубой клеветой.

Мистер Хьюберт Х. Бэнкрофт, последний из длинной череды писателей, писавших об ацтеках, завершил эту картину следующими словами: "Главный дворец короля Мексики представлял собой неровное нагромождение низких зданий огромной протяженности, построенных из огромных блоков тецонтли, разновидности пористого камня, распространенного в этой стране, скрепленного строительным раствором. Расположение зданий было таково, что они окружали три большие площади, на одной из которых непрерывно бил прекрасный фонтан. Двадцать огромных дверей открывались на площадях и улицах, и над ними был высечен из камня герб короля Мексики - орел, сжимающий в когтях ягуара. Внутри было много залов, и один из них, по словам писателя, сопровождавшего Кортеса, известного как Анонимный Завоеватель, был достаточно просторным, чтобы вместить три тысячи человек.... В дополнение к ним было более сотни комнат поменьше и столько же мраморных ванн.... Стены и полы залов и апартаментов во многих из них были облицованы полированными плитами из мрамора, яшмы, обсидиана и белого текали; высокие колонны из тех же прекрасных камней поддерживали мраморные балконы и портики, каждый дюйм и уголок которых был украшен чудесной орнаментальной резьбой или украшала ухмыляющаяся, гротескно изваянная голова. Балки и наличники были сделаны из кедра, кипариса и других ценных пород дерева, обильно обработаны и сколочены без гвоздей.... Великолепные циновки самой изысканной отделки были расстелены на мраморных полах; гобелены, которыми были задрапированы стены, и занавески, висевшие на окнах, были сделаны из ткани, удивительной своей нежной текстурой, элегантным рисунком и яркими цветами; по залам и коридорам тысячи золотых курильниц, в которых горели драгоценные специи и благовония, распространяли тонкий аромат". [Примечание: Коренные народы Тихоокеанских штатов, ii, 160.]

По поводу этой рапсодии будет достаточно отметить, что залы были совершенно неизвестны в индийской архитектуре. Ни зала, как мы используем этот термин, никогда не видели в индийском доме, ни одного из них не было найдено в руинах какого-либо индийского сооружения. Внешний коридор иногда находили в руинах домов в Центральной Америке. Огромные двери открываются на площади и улицы; ацтекские занавески на окнах тонкой фактуры, мраморные ванны и портики, полы из полированных мраморных плит, как плод беспокойного воображения, напоминают о ярком описании великого королевства Сандвичевых островов - с его королем, кабинетом министров, парламентом, армией и флотом, которое Марк Твен справедливо охарактеризовал как "попытку приготовить блюдо из сардин с помощью великолепных восточных механизмов"; и это наводит на мысль также об индейском вожде, с юмором упомянутом Ирвингом как щедро "разодетого в треуголку и военный мундир, в котором он был одет. контрастирует с его набедренной повязкой и кожаными леггинсами, будучи великим офицером сверху и оборванным индейцем снизу". [Сноска: Бонневиль, стр. 34.] Что бы ни говорили легковверные и восторженные авторы об украшении этого индейского пуэбло, его домов и людей в набедренных повязках, невозможно скрыть в нем "оборванного индейца", нарядив его в европейский костюм.

На седьмой день после въезда в Мексику Монтесума был вынужден путем запугивания покинуть дом, в котором он жил, и поселиться у Кортеса, где его держали пленником до его смерти, которая наступила несколько недель спустя. Что бы ни было известно о его образе жизни в его обычном месте жительства, это практически ограничивалось пятью днями между приходом испанцев и его пленением. Наши знания о фактах в основном почерпнуты из того, что эти солдаты сообщили о слабых и несовершенных средствах наблюдения. Берналь Диас и Кортес оставили нам необычное описание не его жилища, а его повседневной жизни, и, в частности, ужина, о котором сейчас пойдет речь. Стоит попытаться рассмотреть фотографии этих и последующих авторов и посмотреть, нельзя ли извлечь истинную правду из их собственных утверждений. Несомненно, под ними лежала фактологическая основа, потому что без такой основы надстройка не могла быть создана.

Можно с полным основанием предположить, что испанцы обнаружили Монтесуму и его родню-язычницу в большом доме, состоящем из нескольких квартир, в котором проживало, возможно, пятьдесят или сто семей, объединенных в общее хозяйство. Ужин, свидетелями которого они стали, был единственным ежедневным приемом пищи в этом доме, приготовленным на общей кухне из общих запасов и разделенным в котле. Обед каждого человека подавался в глиняной миске, с которой в руке индеец не нуждался ни в стуле, ни в столе, и, более того, не имел ни того, ни другого. Мужчины ели первыми и сами по себе, по индийскому обычаю, а женщины, которых видели лишь немногие, - потом и сами по себе. Исходя из этой гипотезы, обед, о котором идет речь, поддается удовлетворительному объяснению.

Было показано, что каждая ацтекская община людей владела общими землями, от которых они получали поддержку. Их способ обработки почвы и распределения продуктов, каким бы он ни был, вернул бы каждой семье или домохозяину, большому или малому, его законную долю. Коммунизм в жизни в больших семьях, состоящих из родственных семей, естественным образом прорастает из такой почвы. Это можно считать законом их положения и, достаточно очевидно, наиболее экономичным образом жизни, который они могли вести до тех пор, пока идея собственности не была достаточно развита в их умах, чтобы привести к разделу земель между отдельными лицами с правом собственности за плату и правом отчуждения. Их социальная система, которая имела тенденцию объединять родственные семьи в общее домашнее хозяйство, их совместное владение землями и их групповое владение домом с совместным проживанием, что неизбежно последует за этим, не допускала права отдельных лиц продавать и, таким образом, вводить незнакомцев во владение такими землями или такими домами. Земли и дома принадлежали и удерживались в рамках общей системы, которая входила в их жизненный план. Идея собственности формировалась в их умах, но она все еще находилась в том незрелом состоянии, которое относится к Среднему уровню варварства. У них не было денег, они торговали товарами по бартеру; личной собственности было очень мало, и вряд ли было что-либо ценное для европейцев. Они все еще были людьми в набедренных повязках, носившими это варварское тряпье как безошибочное свидетельство своего положения; и семья была синдицированной, или парной, с разделением в любой момент по выбору любой из сторон. Именно слабость семьи, ее неспособность в одиночку противостоять жизненной борьбе привела к строительству индейскими племенами домов с совместным проживанием по всей Северной и Южной Америке; и именно языческая организация побудила их заполнить эти дома по принципу родства родственными семьями.

В таком большом пуэбло, как мексиканское, которое было самым большим в Америке и, возможно, вмещало тридцать тысяч жителей, должно было быть несколько больших общественных домов разных размеров, от тех, которые назывались дворцами из-за их размеров, до тех, которые занимали несколько семей. Степень процветания проявляется как в варварской, так и в цивилизованной жизни в народных кругах. Эррера утверждает, что дома более бедных людей были "маленькими, низкими и убогими", но "какими бы маленькими ни были дома, в них обычно проживали две, четыре и шесть семей". [Примечание: История Америки, ii, 360.]

Где бы ни было домашнее хозяйство в индийской жизни, будь то несколько супружеских пар, составляющих его, или много, это домашнее хозяйство практиковало коммунизм в жизни. Из того, что в самом большом из этих домов не обязательно следует, что все его обитатели питались общими припасами, потому что они могли образовывать несколько домашних групп в одном доме; но в большом доме, членом которого был Монтесума, ясно, что его кормили из общих припасов, приготовленных на общей кухне и разделенных из котла в глиняные миски, каждая из которых содержала обед на одного человека. Предполагалось, что Монтесума был абсолютным хозяином Мексики, и то, что они увидели на этом ужине, было интерпретировано исключительно применительно к нему как к центральной фигуре. Результат удивительно гротескный. Это был их собственный самообман, без какой-либо помощи со стороны ацтеков. Рассказы, приведенные Диасом и Кортесом, на которых последующие авторы основывались с пылким энтузиазмом и вольными дополнениями, - это просто сплетни о лагере солдат, внезапно оказавшихся в более ранней форме общества, которую из всего человечества тогда лучше всего представляли деревенские индейцы Америки. Никто не ожидал, что они смогут это понять. Привыкший к монархии и привилегированным классам, главный военачальник ацтеков вполне естественно казался им королем, а сахемы и вожди следовали их представлениям о принцах и лордах. Но то, что они должны были оставаться в истории как таковые в течение трех столетий, является забавным комментарием к ценности исторических трудов в целом.

Обед Монтесумы, свидетелем которого были в течение пяти дней, указанных испанскими солдатами, дошел до нас благодаря небольшой доле достоверных фактов. Рассказы Берналя Диаса и Кортеса составляют основу всех последующих описаний [Примечание: анонимный Завоеватель этого не замечает.]. Монтесума был центральной фигурой, вокруг которой вращались все остальные. Как утверждает Диас, в доме и во дворах было замечено несколько человек, ходивших взад и вперед; часть из них считалась вождями, сопровождавшими Монтесуму, а остальные, как предполагалось, были стражниками. Необходимы более веские доказательства использования охраны, чем предположение Диаса. Это подразумевает знание военной дисциплины, неизвестной индейским племенам. Было замечено, что индейцы ходили босиком в присутствии Монтесумы, что было истолковано как акт подобоострастия и почтения, хотя босые ноги, должно быть, были скорее правилом, чем исключением в Теночтитлане. Далее Диас сообщает нам, что "у его поваров было более тридцати различных способов заправки мяса, и у них были глиняные сосуды, сконструированные таким образом, что они всегда оставались горячими. Для стола самого Монтесумы было приготовлено более трехсот блюд, а для его стражи - более тысячи. Перед обедом Монтесума выходил и проверял приготовления, а его офицеры указывали ему, какие блюда самые лучшие, и объясняли, из какой птицы и мяса они приготовлены, и из чего их он будет есть.... Монтесума сидел на низком троне или стуле за столом, пропорциональным высоте его сиденья. Стол был накрыт белой скатертью и салфетками, и четыре красивые женщины поднесли ему воду для рук в сосудах, которые они

называли ксикалес, а под ними другие сосуды, похожие на тарелки для сбора воды; они также подарили ему полотенца. Затем две другие женщины принесли ему маленькие лепешки, и когда король приступил к еде, перед ним поставили большую ширму из позолоченного дерева, чтобы люди не видели его в это время. Женщины удалились на некоторое расстояние, четыре древних владыки встали у трона, к которым Монтесума время от времени обращался с речью или задавал вопросы и в знак особого расположения подал каждой из них тарелку с тем, что ел сам.... Это подавалось на фаянсовой посуде из Чолулы, красной и черной.... Я заметил несколько банок, около пятидесяти, наполненных пенящимся шоколадом, из которых он взял несколько, подаренных ему женщинами. Пока Монтесума ужинал, две очень красивые женщины были заняты приготовлением маленьких лепешек, в которые были замешаны яйца и другие продукты. Они были нежно-белыми, и когда их приготовили, они подали их ему на тарелках, покрытых салфетками. Также ему принесли другой вид хлеба в виде длинных буханок и тарелок с пирожными, напоминающими вафли. После того как он пообедал, они поднесли ему три маленькие палочки, богато украшенные, с жидким янтарем, смешанным с травой, которую они называют табаком; и когда он вдоволь нагляделся на певцов, танцоров и шутов, он вдохнул немного дыма от одной из этих палочек и затем улегся спать; и на этом его основная трапеза завершилась. После того, как с этим было покончено, вся его охрана и слуги сели обедать, и, насколько я могу судить, перед ними было поставлено более тысячи тарелок с теми яствами, о которых я упоминал, а также сосуды с пенящимся шоколадом и фрукты в огромном количестве. Для его женщин и различных низших слуг его заведение было огромным расходом, и мы были поражены среди такого изобилия той огромной регулярностью, которая царила ". [Примечание: История завоевания Мексики, i, 198-202.] Диас написал свою историю более чем через тридцать лет после завоевания (он говорит, что писал ее в 1568 году), [Сноска: ib., ii, 423.] что может служить оправданием его предположения об использовании настоящих стульев и стола там, где их не было, и описания остальных как сидящих за ужином. Тезозомок, за которым следует Эррера, говорит, что стол Монтесумы состоял из двух кож. Как они были скреплены вместе и поддерживались, не указано.

Заявления в Дешах Кортеса, в том виде, в каком они появились сейчас, являются улучшением по сравнению с Диасом, поскольку звучат в более высокой тональности. Он отмечает, что Монтесуме "прислуживали следующим образом: каждый день, как только начинало светать, во дворце присутствовало шестьсот дворян и людей высокого положения, которые либо сидели, либо прогуливались по залам и галереям и проводили время в беседах, но не заходили в апартаменты, где находилась его персона. Слуги и сопровождающие этих вельмож оставались во дворах, которых было два или три больших, и на прилегающей улице, которая также была очень просторной. Все они оставались при нем с утра до вечера; и когда подавались его трапезы, дворяне также получали столь же обильное угощение, а их слуги и секретари также получали свое содержание. Ежедневно его кладовая и винный погреб были открыты для всех, кто желал поест или выпить. Трапезу обслуживали триста или четыреста молодых людей, которые приносили бесконечное количество блюд; действительно, когда бы он ни обедал или ужинал, стол ломился от всевозможных видов мяса, рыбы, фруктов и овощей, которые производила страна. Поскольку климат здесь холодный, они ставят жаровню с раскаленными углями под каждую тарелку, чтобы сохранить их в тепле. Блюда подавались в большом зале, в котором Монтесума привык есть, и тарелки полностью заполняли комнату, которая была застлана циновками и содержалась в очень чистой. Он сидел на маленькой подушечке, причудливо выделанной из кожи. Во время трапезы присутствовали, на небольшом расстоянии

от него, пять или шесть пожилых касиков, которым он угощал. И там постоянно присутствовал один из слуг, который расставлял и раздавал блюда и получал от других все, что требовалось для сервировки стола. Как в начале, так и в конце каждого приема пищи они давали воду для рук, и салфетки, использовавшиеся в этих случаях, никогда не использовались во второй раз, и это относилось также к тарелкам и блюдам, которые больше не приносили, а заменяли их новыми; то же самое было и с жаровнями". [Примечание: Дepeши Кортеса, Перевод Фолсома, стр. 123]

Поскольку скоропись была неизвестна ацтекам, присутствие этих секретарей является забавной чертой в рассказе. Винный погреб также примечателен по двум причинам: во-первых, потому что уровень улиц и дворов был всего на четыре фута выше уровня воды, что делало погреба невозможными; и, во-вторых, потому что ацтеки ничего не знали о вине. Кислое пиво (пульке), приготовляемое путем брожения сока магуи, было распространенным напитком ацтеков, но вряд ли даже его употребляли за ужином. Он заметил, что, согласно этому рассказу, обед был подан всем одновременно, Монтесума и несколько вождей ели в одном конце комнаты, но не упоминается, как ели остальные. Мы вполне можем предположить, что шестьсот человек (или меньше), которые оставались в доме и во дворах в течение дня, вместе со своими семьями были совместными жильцами и совладельцами заведения Монтесумы. В этих описаниях смешаны две или три структуры, которые, вероятно, были совершенно разными в своем использовании.

Эррера собрал последующее развитие этой истории, которая, несомненно, произвела большую сенсацию в Европе как часть картины жизни в Новом Свете, и приукрасил ее из чистого восторга от чудесной истории. Несколько фактов, изложенных Берналем Диасом, выражающих интерпретацию испанских солдат, были плодотворными семенами, посеянными триста лет назад, которые воображение авторов-энтузиастов превратило в яркое и живописное повествование. Основная часть отчета Эрреры звучит следующим образом: "Монтесума всегда ел в одиночестве, и к его столу подавалось такое большое количество мяса, такого разнообразного и так богато сервированного, что его хватало на всех лучших мужчин его семьи. Его стол представлял собой подушку или два куска цветной кожи; вместо стула - маленький низкий табурет, сделанный из цельного куска, с выдолбленным сиденьем, вырезанный и раскрашенный наилучшим образом, какой только возможен; скатерть, салфетки и полотенца из тончайшего хлопка, белые, как снег, и никогда не подавались больше одного раза, являясь платой соответствующих офицеров. Мясо приносили четыреста пажей, все джентльмены, сыновья лордов, и накрывали вместе в зале; король шел туда и жезлом или рукой указывал, что ему нравится, а затем ассенизатор ставил его на противни, чтобы оно не остыло; и он никогда не упускал случая сделать это, если только стюард не рекомендовал ему какое-нибудь особое блюдо. Прежде чем он сел, пришли двадцать самых красивых женщин и принесли ему воды вымыть руки, а когда он сел, канализация закрыла деревянную перегородку, разделявшую комнату, чтобы знать, пришедшая посмотреть, как он обедает, не загромождила стол, и он один сел и убрал посуду, потому что пажи не подошли и не произнесли ни слова. Соблюдалось строгое молчание, никто не осмеливался заговорить, если только это не был какой-нибудь шут или человек, о котором он задавал вопрос. Коллектор всегда был на коленях и босиком, ухаживал за ним, не поднимая глаз. Ни один мужчина в обуви не должен был входить в комнату под страхом смерти. Канализация также давала ему пить из чаши разной формы, иногда из золота, иногда из серебра, иногда из тыквы, а иногда из рыбьих раковин". [Примечание: Солис, считая скорлупу кокосового ореха слишком простой, украшает ее драгоценными камнями: "У

него были золотые чаши и такие же подносы; иногда он пил из кокосовых орехов и натуральных раковин, очень богато украшенных драгоценными камнями". — История завоевания Мексики, Лондон, изд. 1738, Перевод Таунсенда, I, 417.]

На расстоянии присутствовали шесть древних владык, которым он подал несколько блюд из тех, что ему больше всего нравились, и они съели их с большим уважением. У него всегда была музыка флейт, тростника, рожков, раковин, литавр и других инструментов, ничего приятного для ушей испанцев.... За ужином всегда присутствовали карлики, кривоногие и другие уродцы, вызывавшие смех, и они ели то, что оставалось в дальнем конце зала, вместе с шутами и скоморохами. То, что оставалось, раздавалось трем тысячам индейцев, которые постоянно стояли на страже во дворах и площадях, и поэтому там всегда было три тысячи блюд с мясом и столько же кружек с ликером; кладовая и погреб никогда не закрывались из-за того, что их постоянно носили туда и обратно. На кухне они готовили все виды мяса, которые продавались на рынке, в огромном количестве, помимо того, что приносили охотники, арендаторы и данники. Блюда и прочая утварь были из хорошей фаянсовой посуды и служили царю только один раз. У него было множество сосудов из золота и серебра, но он не пользовался ими, потому что они не должны были служить дважды". [Сноска: История Америки, ii, 336.] Далее, не на своем месте, Эррера приводит нам то, что, по-видимому, было призывом разбросанных домочадцев к обеду. "Когда наступало время обеда, - замечает он, - восемь или десять человек очень громко свистели, сильно ударяя в барабаны, как бы предупреждая тех, кто должен был танцевать после обеда; затем появлялись танцоры, которые, чтобы развлечь своего великого государя, все должны были быть знатными людьми, одетыми так богато, как только могли, в дорогие мантии белого, красного, зеленого, желтого, а некоторые и нескольких цветов". [Сноска: ib., 443.]

Число четырех женщин Диаса, которые приносили воду Монтесуме, теперь увеличилось до двадцати; но, поскольку испанские авторы заявляли о большой свободе действий в вопросе цифр, пятикратное увеличение, возможно, не является необоснованным, особенно если Эррере не приходило в голову, что Диас, возможно, с самого начала увеличила реальное число вчетверо. Согласно Кортесу, "триста или четыреста молодых людей", которые принесли обед, при Эррере составляют "четыреста страниц, все джентльмены, сыновья лордов"; и здесь мы должны признать разборчивость историка в том, что он счел наибольшее число, указанное Кортесом, полностью соответствующим случаю. Можно обратить внимание на две другие вещи: обувь исчезла с ног всех индейцев перед лицом ужасающего наказания, и три тысячи голодных индейцев стоят в мирной тишине, пока их обед остывает на полу, а Монтесума ест в одиночестве, в полном величии. Ни один американский индеец не смог бы понять эту картину. Ей не хватает реализма индийской жизни, и она воплощает в себе ту долю ребячества, которой не подвержена индийская природа. Европейцы и американцы могут оказаться на высоте положения, потому что их ментальный диапазон шире, а воображение глубже питается детскими сказками. Диас ограничился тем, что сказал, что у Монтесумы "было двести человек из его знати на страже в апартаментах, примыкающих к его собственным" [Сноска: История завоевания Мексики, I, 198.], в которых можно узнать его собратьев по дому; но Кортес великодушно увеличил их число до "шестисот дворян и людей высокого положения", которые появлялись при свете дня и оставались при исполнении служебных обязанностей в течение дня. Однако ни того, ни другого числа было недостаточно, чтобы соответствовать представлениям испанского историографа, и, соответственно, три тысячи человек, все гвардейцы, были приняты Эррерой как подходящее количество для того, чтобы подать эклат к

обеда Монтесумы. Если бы какой-нибудь человек, знакомый с характером индейцев, мог показать, с помощью какого инструмента пятьсот индейцев могли продержаться вместе двенадцать часов, ухаживая за любым человеком из чувства долга, он бы кое-что добавил к нашим знаниям о красной расе; и если бы он мог далее доказать, что они действительно ждали в присутствии такого количества глиняных мисок, покурявая за несколькими обедами, в то время как их военачальник в той же комнате готовил свою трапезу в одиночестве, проверяющий тем самым наделил бы характер индейцев элементом снисходительности, которого с тех пор никто не проявлял. Можно использовать деревянный брус, выдолбленный для табурета или сиденья, поскольку в нем чувствуется простота индийского искусства. Вполне вероятно, что у ацтеков были салфетки грубой фактуры, сотканые вручную; как и то, что они были белыми, потому что хлопок белый.

Воображение могло бы легко превратить салфетку в скатерть, при условии, что существовал стол, на котором ее можно было бы расстелить; но в данном случае, без должного учета взаимосвязи между ними, скатерть была создана, но стол так и не появился. Таким образом, с производством салфеток, похоже, немного перестарались. Наконец, призыв разрозненных домохозяев к ужину с помощью барабанов и свиста слишком сильно напоминает индийские обычаи, чтобы их можно было превратить в призыв к танцорам, как предлагает Эррера. Этот званый ужин у ацтеков, по масштабам соизмеримый с большим общинным хозяйством, был бы потерян в истории, если бы в нем не было замечено особое применение для украшения сказки. В нем угадываются празднующиеся привычки ацтекского семейства и, возможно, нерегулярность времени ужина.

Оставляя без внимания описание Саагуна, Клавиджеро и Прескотта, которые пришли в восторг от этого обеда Монтесумы, мистеру Хьюберту Х. Бэнкрофту будет позволено представить нам самую последнюю версию. "Каждый день, - замечает он, - с восхода до заката в приемных дворца Монтесумы в Мексике находились шестьсот аристократов и джентльменов, которые проводили время, бездельничая и вполголоса обсуждая дневные сплетни, поскольку громко разговаривать или производить какой-либо шум в пределах дворца считалось неуважением. Им были предоставлены апартаменты во дворце, и они питались тем, что оставалось от изобилия королевского стола, как и их собственные слуги, из которых каждому знатному человеку полагалось от одного до тридцати в зависимости от его ранга. Эти слуги численностью в две или три тысячи человек заполняли несколько внешних дворов в течение дня. Король принимал пищу в одиночестве в одном из самых больших залов дворца.... Он сидел на низкой кожаной подушке, на которую были брошены различные мягкие шкуры, и его стол был похож по описанию, за исключением того, что он был больше и несколько выше и был покрыт белыми хлопчатобумажными скатертями тончайшей текстуры. Обеденный сервиз был из лучшей посуды Чолулы, а многие кубки были из золота и серебра или украшены красивыми раковинами. Говорят, что у него был полный сервиз из чистого золота, но поскольку считалось ниже королевского достоинства использовать что-либо за столом дважды, Монтесума, при всей своей расточительности, был вынужден хранить этот дорогой обеденный сервиз в храме. Меню включало в себя все съедобное из рыбы, мяса и птицы, которое можно было раздобыть в империи или импортировать за ее пределы. Для доставки деликатесов издалека использовались курьеры.... У ацтеков были искусные повара, и в приготовлении этих экстравагантных блюд было почти такое же разнообразие, как и в приготовленном материале. Саагун приводит внушительный список жареных, тушеных и запеченных блюд из мяса, рыбы и птицы, приправленных многими видами трав, из которых, однако, чаще всего упоминается

чили. Далее он описывает множество видов хлеба, все они более или менее похожи на мексиканскую тортилью ... затем тамале всех видов и множество других любопытных блюд, таких как лягушачья икра и тушеные муравьи, приготовленные с чили..... Каждое блюдо поддерживалось в тепле на подставленной под него жаровне. Авторы расходятся во мнениях относительно точного количества блюд, подаваемых на каждый прием пищи, но оно, должно быть, было огромным, поскольку наименьшее количество подаваемых блюд - триста, а наибольшее - три тысячи. Их привели в зал четыреста пажей благородного происхождения, которые поставили свою ношу на устланный циновками пол и бесшумно удалились. Затем король указывал на те яства, которые он хотел отведать, или оставлял выбор своему управляющему, который, несомненно, приложил все усилия, чтобы изучить вкусовые предпочтения королевского вкуса. Управляющий был чиновником высочайшего ранга и важности; только ему выпала честь ставить указанные деликатесы перед королем на стол; он, по-видимому, выполнял обязанности и королевского резчика, и виночерпия; и, по словам Торквемады, делал это босиком и на коленях. [Примечание: "Виночерпий" вполне согласуется с "оконными занавесками".] Когда все было готово, вошли несколько самых красивых женщин короля, неся воду в круглых сосудах, называемых Ксикалес, чтобы король вымыл руки, и полотенца, чтобы он мог их вытереть, другие сосуды были поставлены на землю, чтобы собирать капли. В то же время две другие женщины принесли ему несколько маленьких буханок очень нежного хлеба, приготовленного из лучшей кукурузной муки, взбитой с яйцами. После этого перед ним поставили деревянную ширму, резную и позолоченную, чтобы никто не мог видеть его во время еды. Там всегда присутствовали пять или шесть престарелых лордов, которые стояли возле королевского кресла босиком и со склоненными головами. Им, в знак особого расположения, король иногда посылал отборный кусочек со своей тарелки. Во время трапезы монарх развлекался, наблюдая за выступлениями своих жонглеров и акробатов, чьи удивительные подвиги силы и ловкости я опишу в другом месте; в другое время были танцы, сопровождавшиеся пением и музыкой.... За более плотной пищей последовали выпечка, сладости и великолепный фруктовый десерт. Единственным напитком, который пили, был шоколад, которого было около пятидесяти банок; его брали ложечкой тонкой работы из золота или ракушки из бокала из того же материала. Покончив с ужином, король снова вымыл руки водой, принесенной ему, как и прежде, женщинами. После этого принесли несколько раскрашенных и позолоченных трубок, из которых он вдыхал через рот или нос, как ему больше подходило, дым смеси жидкого янтаря и травы, называемой табаком. По окончании этой сцены он посвятил себя бизнесу и приступил к аудиенции иностранных послов или депутатов из городов империи, а также тех своих лордов и министров, у которых были к нему дела ". [Сноска: Коренные народы Тихоокеанских штатов, ii, 174-178.]

В этом рассказе, хотя и основанном на рассказах Диаса и Кортеса и не содержащем ничего принципиально нового, мы имеем окончательный рост истории до настоящего времени, но без какой-либо уверенности в том, что пределы ее возможного расширения были достигнуты. Очищение нашей исконной истории путем выбрасывания массы мусора, которым она так сильно нагружена, вынуждает нас спасти американскую разведку от заслуженного позора. Что бы ни говорили об американских аборигенах в целом или об ацтеках в частности, они были наделены здравым смыслом в том, что касалось их ежедневного питания, которое стоило им труда, предусмотрительности и заботы. Представленная здесь картина индийской жизни просто невозможна. Деревенские индейцы Среднего уровня варварства были моложе возраста столов и стульев для сервировки ужина; они также не научились готовить ужин так, чтобы его

ели в обществе за общим столом, или даже делить его со своими женами и детьми. Их совместные дома, их общие запасы, их коммунизм в образе жизни и разделение полов за едой - вот подлинные индийские обычаи, которые объясняют этот ужин. Это было неверно понято испанцами вполне естественно, и с представленными здесь гротескными результатами; но нет никакого оправдания для продолжения этого неправильного представления при наличии известных фактов, доступных всем.

Нет никаких сомнений в том, что к Монтесуме относились с большим уважением все классы людей. Индейцы уважают своих вождей. Как их главный военный вождь, Монтесума занимал среди них самое высокое официальное положение. Он представлен дружелюбным, великодушным и мужественным, хотя и встревожен внезапным появлением и новым смертоносным оружием испанцев. Он отвечал за прием и развлечение Кортеса и его людей, которые жестоко отплатили ему за гостеприимство и доброту. Но если принять во внимание его домашнюю жизнь, то он жил не лучше своих собратьев по дому, разделяя с ними их общий ужин. Эти рассказы, если отбросить их ошибочные представления, делают вероятным, что Монтесума жил со своими благородными родственниками в доме, которым они владели совместно; и что испанцы видели общий обед в этом доме, который, вместе с женщинами и детьми, мог насчитывать от пятисот до тысячи человек. Когда были созваны разрозненные члены семьи, несколько человек приносили единственную ежедневную трапезу из общей кухни в глиняных мисках и блюдах и расставляли на полу комнаты, используемой как место для ужина по обычаю индейцев. Какими бы индейцами они ни были, они, несомненно, брали эти миски одну за другой, в каждой из которых был разделенный в котелке обед на одного человека. Они ели стоя, или, возможно, сидя на полу, или прямо на земле в открытом дворе. Поскольку они были индейцами, мужчины ели первыми и в одиночестве, а женщины и дети - потом. После обеда они, вероятно, развлеклись музыкой и танцами и развеселились, как это обычно делают сытые индейцы. Едва ли может быть сомнение в том, что один и тот же обед, проводимый сходным образом, происходил во всех домах пуэбло, больших и малых, раз в день.

"Обед Монтесумы", вошедший в историю и читаемый на протяжении трех столетий с удивлением и восхищением, является превосходной иллюстрацией того скудного материала, из которого была составлена история американских аборигенов. Более того, в качестве предупреждения это показывает, к каким результатам приводят серьезные ошибочные представления, порожденные конструктивной способностью авторов.

Конфедерация трех индейских племен, говорящих на диалектах одного языка, была именно тем, что испанцы обнаружили в Мексике, и это было все, что они нашли. В своих отчетах они не имели возможности продвинуться ни на шаг дальше этого простого факта. Удовлетворительное объяснение этой конфедерации можно найти в аналогичных индийских конфедерациях. Это был рост из обычных институтов индийской семьи. Под этими обманчивыми картинками скрывается совет вождей, который был естественным и законным инструментом правления при индийских институтах. Никакая другая форма правления среди них была невозможна. Кроме того, у них был, что было столь же законной частью этой системы, избираемый и подлежащий смещению военный вождь (Теухтли), власть избирать и смещать которого принадлежала постоянному избирательному округу, постоянно присутствующему и готовому действовать, когда того требовал случай. Организация ацтеков предстала перед испанцами как

конфедерация индейских племен. Ничто, кроме грубейшего искажения очевидных фактов, не могло позволить испанским писателям превратить монархию ацтеков в демократическую организацию.

Не выяснив, на какой основе строилась их социальная система, если она была организована в роды, каковой они, вероятно, и были, и не получив никаких сведений о существовавшей организации, они смело изобрели для ацтеков монархию с высокими феодальными характеристиками на основе приема Кортеса их главным военачальником и таких других надуманных материалов, как обед у Монтесумы. Это заблуждение сохранялось из-за американской лени ровно столько, сколько оно того заслуживает.

С тех пор, как было написано вышеизложенное, были опубликованы исследования г-на Банделье "О социальной организации и способе правления древних мексиканцев". В новом свете, пролитом таким образом на предмет, эту главу следовало бы написать заново. Он показывает, что ацтеки состояли из двадцати родов. Таким образом, раскрывается существование двадцати автономных кровнородственных групп, и мы снова находим их во времена завоевания, в то время как их последние остатки сохранялись до 1690 года, когда Фрей Огюстен де Ветанкурт упоминает четыре главных квартала с их исконными индейскими названиями, включающими и подразделяющимися на двадцать "барриос". Теперь испанское слово "баррио" эквивалентно мексиканскому термину "кальпулли". И то, и другое указывает на род, локализованный и заселенный с целью постоянства ". [Примечание: Двенадцатый ежегодный отчет Музея археологии и этнологии Пибоди, Кембридж, 1880, стр. 591.]

Эта организация, как и следовало ожидать, лежит в основе их социальной системы. Среди прав, обязанностей и обязательств, связанных с родством, он называет следующие:

- I. Родня заявила о праве называть своих членов.
- II. Долгом рода было обучать своих членов всем отраслям общественной жизни.
- III. Родня имела право регулировать брак и контролировать его.
- IV. Одним из атрибутов рода было совместное погребение.
- V. Право рода на "отдельное богослужение", по-видимому, установлено не только на территории рода, но и признано даже в центральной лечебной ложе племени.
- VI. Род был обязан защищать личности и имущество своих членов, а также возмущаться и наказывать за любой причиненный им вред, как если бы это было преступление, совершенное против самого рода.
- VII. Род имел право избирать своих должностных лиц, а также право смещать их за ненадлежащее поведение.

[Примечание: Двенадцатая анна. Представитель. Музей Пибоди, стр. 615-638.]

Он также считает четыре "братства", занимавшие четыре четверти пуэбло, вероятно, фратриями. [Сноска: ib., стр. 584.] Он также показывает, что правительство находилось под контролем совета Тлатокан, состоящего из группы вождей. [Сноска: ib., стр. 646, и далее.]

Одним из наиболее интересных результатов этого исследования является открытие класса лиц, не связанных ни с одним родом, "отверженных от уз родства". [Примечание: ib., стр. 608, и далее.] Такой класс вырастает в каждом нееврейском обществе, достигшем такого уровня развития, каким были ацтеки. Он находит свой аналог в римских плебейх. Это замечательное эссе с избытком вознаградит за тщательное изучение.

Когда мы научимся говорить об американских индейцах языком, адаптированным к индийской жизни и индийским институтам, они станут понятными. До тех пор, пока мы применяем к их социальным организациям и домашним институтам термины, адаптированные к организациям и институтам цивилизованного общества, мы изображаем индейцев карикатурными и обманываем самих себя. Когда Америка была открыта, в ней не было ни политического общества, ни государства, ни какой-либо цивилизации; и, исключая эскимосов, существовала только одна раса индейцев - красная раса.

[Перенесенная сноска 1: В Дешах Кортеса термин король "Эль-король" используется не в отношении Монтесумы, а сеньора и касика.

Долина Мехико, включая прилегающие горные склоны и исключая площадь, покрытую водой, была примерно равна штату Род-Айленд, который занимает тысячу триста квадратных миль; незначительная территория для одного племени американских индейцев. Но конфедерация подчинила ряд племен к югу и юго-востоку от долины вплоть до Гватемалы и обложила их данью. Согласно их плану правления, было невозможно включить эти племена в конфедерацию ацтеков; языковой барьер представлял непреодолимое препятствие; и им было предоставлено самим управлять через своих собственных вождей и в соответствии со своими собственными обычаями. Поскольку они не находились ни под властью ацтекского правительства, ни под ацтекскими обычаями, нет оснований говорить о них как о части конфедерации ацтеков или даже как о придатке ее правительства. Власть конфедерации не простиралась дальше сотни миль за пределы мексиканских пуэбло на западе, северо-западе, севере, северо-востоке или востоке, и в каждом из этих направлений им противостояли независимые и враждебные племена.

Население трех конфедеративных племен было ограничено долиной и, вероятно, не превышало двухсот пятидесяти тысяч душ, включая мокилтов, хочомилеев и чалийцев, если бы оно равнялось этому числу, что дало бы почти вдвое больше нынешнего населения Нью-Йорка на квадратную милю и больше населения на квадратную милю, чем сейчас проживает на Род-Айленде. Испанские оценки численности индейцев были грубым преувеличением. Те, кто утверждает, что население долины Мехико больше указанного, должны будут показать, как варварский народ, без стад и без полевого земледелия, мог содержать на равных территориях большее число жителей, чем цивилизованный народ, вооруженный этими преимуществами.]

[Перенесенная сноска 2: Мой ученый друг, мистер Э. Ф. Банделье из Хайленда, штат Иллинойс, пришел по существу к тому же выводу, что и в заключении его недавних "Мемуаров о социальной организации и способе правления древних мексиканцев", 12-м Ежегодном отчете Музея американской археологии и этнологии Пибоди. Кембридж, 1880, стр. 699.

"Собирая все это вместе и добавляя к результатам наших исследований военной организации древних мексиканцев, а также их общинного способа владения землей и пользования ею, мы считаем себя вправе заключить, что социальная организация и способ правления древних мексиканцев были военной демократией, изначально основанной на жизненном коммунизме".]

ГЛАВА XI.

РУИНЫ ДОМОВ ОСЕДЛЫХ ИНДЕЙЦЕВ ЮКАТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

В эпоху их открытия Юкатан, Чьяпас и Гватемала были, вероятно, заселены более густо, чем любая другая часть Северной Америки равной площади; и их жители были более развитыми, чем остальные аборигены. Их пуэбло были посажены вдоль рек и ручьев, часто совсем рядом друг с другом, и представляли собой ту же картину занятий и деревенской жизни, которую можно было наблюдать в то же время в долине Рио-Гранде, Рио-Чако и, вероятно, Сан-Хуана, а в еще более ранний период - в Сьото. Они состояли из одного большого дома или из группы домов рядом друг с другом, образуя одно пуэбло или деревню. В некоторых случаях четыре или более строения были сгруппированы вместе на одной возвышенной платформе; и там, где таких платформ было несколько, каждая из которых была увенчана одним или несколькими зданиями, одно из них было посвящено религии, а часть другого - социальному и общественному использованию. Но нет никаких оснований предполагать, судя по каким-либо еще найденным руинам или по тому, что известно об этом народе исторически, что в каком-либо одном пуэбло проживало не более десяти тысяч человек. Ни одно племя или конфедерация племен не достигли господства ни в одной из этих областей за счет объединения окружающих племен. Напротив, они находились в том же состоянии раздробленности и независимости, которое неизменно сопровождает родовую организацию. Конфедерации, по всей вероятности, существовали среди таких соседних пуэбло, которые говорили на одном диалекте, как, вероятно, были объединены сиболанцы и как известно, были объединены ацтеки, тецуканцы и тлакопанцы. Однако такие союзы не могли выйти за рамки общего языка объединившихся племен.

Огромные каменные дома индейских деревень в названных районах, особенно на Юкатане и в Центральной Америке, сделали больше, чем все другие соображения, для того, чтобы обеспечить им их нынешнее положение в глазах человечества. Это высшие конструктивные произведения индейских племен. Можно также снова предположить, что с самого начала этой архитектуре была придана ложная интерпретация из-за непонимания ее объекта и назначения, или состояния и плана домашней жизни людей, которые занимали эти сооружения. Дизайн и цель, ради которых были построены эти сооружения, все еще ждут разумного объяснения.

Самый высокий тип архитектуры, который тогда существовал среди аборигенов в любой части Америки, был обнаружен в названных регионах, особенно на Юкатане, в Чьяпасе и Гондурасе. Говоря о Юкатане, Эррера замечает, что "язык везде один и тот же", поскольку майя являются языком его основных племен, но "вся страна, - продолжает он, - разделена на восемнадцать районов". [Примечание: История Америки, I. с., iv, 161.]

Если эта ссылка относится к классификации по племенам, то это показывает, что майя в процессе сегментации распались на такое количество независимых групп; пуэбло в каждом округе были объединены под руководством одного правительства для взаимной защиты. Однако представляется вероятным, что группа была меньше племени. В некоторых случаях по

языку Эрреры трудно определить, относится ли он к местным или испанским подразделениям. Аналогичным образом, говоря о Чьяпасе, он отмечает, что "эта провинция разделена на четыре народа с разными языками, которые являются чиапанеканцами, токами, зелсалесами и квеленами, все из которых отличаются некоторыми особенностями В нем двадцать пять городов, главный из них называется Текпатлан, то есть(среди токов).... В стране Зелсалес тринадцать городов.... у кельнов двадцать пять городов". [Сноска: ib., iv, 189.]

Шестьдесят три пуэбло в трех из четырех племен, населявших небольшую территорию Чьяпаса, - это очень большое число, если не считать предположения, что каждое пуэбло обычно состояло из одного большого дома, как в Нью-Мексико, что вполне вероятно; но даже тогда это кажется чрезмерным. Однако это имеет тенденцию показывать способ занятия и расселения деревенских индейцев в целом. Они сажали свои пуэбло у ручьев, где таковые существовали, каждое племя или подразделение племени собиралось в группе домов, числом четыре или пять, или в одном доме; и, как можно заключить из описаний Лас Касаса, так близко друг к другу на одной речке, что, если бы местный лес не загораживал обзор, они были бы видны друг другу на многие мили вдоль ее берегов. Разбросанные в настоящее время руины этих пуэбло на Юкатане, часто состоящие из одного большого сооружения, подтверждают эту точку зрения.

Тропический регион Юкатана и Центральной Америки, тогда, как и сейчас, несомненно, был покрыт лесами, за исключением ограниченных полей вокруг пуэбло, и, за исключением этих пуэбло, практически необитаем. Полевое земледелие, конечно, было неизвестно, поскольку у них не было ни домашних животных, ни плугов; но индейцы выращивали кукурузу, бобы, кабачки, перец, хлопок, какао и табак на грядках и проявляли некоторую заботу о некоторых местных фруктах; культивирование привело к их локализации в деревнях. Эррера замечает о деревенских индейцах Гондураса, что "они сеют три раза в год и имели обыкновение добывать большие дрова кремневыми топориками". [Примечание: История Америки, iv., 133.]

Без металлических орудий для вырубki леса или даже с медными топорами, какие были найдены у ацтеков, возделывалась бы лишь очень небольшая часть страны, и то в основном на берегах ручьев.

Лас Касас, епископ Чьяпаса, который был на Юкатане и в Чьяпасе около 1539 года, после замечания о жителях бывшей страны, что они "более цивилизованны в нравственном отношении и в том, что относится к хорошему общественному порядку, чем остальные индейцы", продолжает следующим образом: "Притворство о подчинении индейцев правительству Испании сделано только для того, чтобы продолжить намерение подчинить их власти частных лиц, которые делают их всех своими рабами". [Примечание: Отчет о первых путешествиях и т. Д. В Америку, Последнее изд., пер., стр. 52.]

И снова он цитирует письмо епископа Святой Марфы королю Испании по этому поводу: "Чтобы уладить жалобы этой провинции, ее следует избавить от тирании тех, кто ее разоряет, и передать на попечение честных людей, которые будут относиться к жителям с большей добротой и человечностью; ибо, если ее оставить на милость губернаторов, которые безнаказанно совершают всевозможные безобразия, провинция будет уничтожена в очень короткое время". [Сноска: ib., стр. 61.]

Есть два существенных вопроса, требующих первоочередного рассмотрения: во-первых, были ли дома, ныне находящиеся в руинах на Юкатане и в Центральной Америке, заселены во время

испанского завоевания; и, во-вторых, являются ли нынешние индейцы страны потомками людей, которые их построили. Нет никаких оснований для отрицания ни того, ни другого утверждения; но те, кто рассматривает так называемый дворец в Паленке и Дом губернатора в Ушмале как древние резиденции индийских властителей, предполагают, что великие города, которые когда-то окружали их, погибли, и, более того, что древность этих руин восходит ко временам испанского завоевания.

Мистер Стивенс приходит к выводу, "что во время завоевания и впоследствии индейцы жили в этих самых городах и оккупировали их". [Примечание: Дорожные происшествия на Юкатане, ii, 348, 375.]

Он также рассматривал нынешних индейцев страны как потомков тех, кто владел ими во время завоевания. Он мог бы добавить, что, поскольку язык майя был языком аборигенов Юкатана в эпоху открытия и сейчас является языком большей части туземцев, которые не утратили свою первоначальную речь, нет оснований ни для того, ни для другого предположения. Эррера замечает о жителях Юкатана, что "тогда люди жили вместе очень вежливо в городах, их содержали в очень чистой обстановке ... и причина, по которой они жили так близко друг к другу, заключалась в войнах, которые подвергали их опасности быть похищенными, проданными и принесенными в жертву; но войны испанцев заставили их разойтись". [Сноска: История Америки, iv, 168.] Последнее утверждение очень важно. Мистер Стивенс, чьи работы и наблюдения в основном столь ценны, в немалой степени ответственен за ложные выводы, которые были сделаны из архитектуры Юкатана, Гондураса и Чьяпаса. Если бы он подавил свое воображение и ограничился тем, что нашел, а именно некоторыми индейскими пуэбло, построенными из обработанного камня и с хорошей архитектурой, которые достаточно примечательны такими, какие они есть, в руинах, и полностью опустил бы такие термины, как "дворцы" и большие города, его читатели избежали бы обманчивых выводов относительно действительного состояния общества среди аборигенов, на которые, несомненно, наводили его терминология и способ обращения.

Достаточно достоверно установлено, что в течение нескольких лет после завоевания Мексики Юкатан и Центральная Америка были наводнены военными авантюристами, жадность и насилие которых изгнали безобидных и робких деревенских индейцев из их пуэбло в леса; таким образом, за несколько лет была уничтожена более высокая культура, чем та, которую испанцы смогли создать на ее месте. Я думаю, нет ничего более очевидного, чем тот дополнительный факт, что все, что когда-либо было от Паленке, Ушмаля, Копана и других индейских пуэбло в этих районах, здание за зданием, камень за камнем, сейчас лежит в руинах.

Есть основания полагать, исходя из более совершенного состояния архитектуры их домов, что Юкатан был заселен деревенскими индейцами с более раннего и гораздо более длительного периода, чем долина Мехико. Традиции йзаэсов из Чиченисы, возможно, Чичен-Ицы, и кокомов Майяпана, рассказанные Эррерой, [Примечание: История Америки, iv, 162, 163, 165.] утверждают о более древнем населении Юкатана, чем традиции ацтеков утверждают о населении долины Мехико. Тип деревенской жизни американских аборигенов был приспособлен к теплему климату и представлял в этой местности его наивысший образец.

Упоминания о великих домах Юкатана в испанской истории кратки и обобщенны. Говоря о его восемнадцати районах, Эррера отмечает, что "во всех них было так много величественных каменных зданий, что это было удивительно, и самое большое чудо в том, что, не используя

никакого металла, они смогли возвести такие сооружения, которые, по-видимому, были храмами, потому что их дома всегда были деревянными и крытыми соломой". [Сноска: ib., iv, 162.]

Это последнее утверждение не только расходится с предыдущим, процитированным выше, но и является еще одним из многочисленных заблуждений, которые так сильно снижают ценность испанской истории. Люди, несомненно, проживали в этих домах, которые были приспособлены только для такого использования, а также имели характер крепостей, что доказывало незащищенность, в которой они жили. Некоторая часть племени, возможно, проживала в низших и обычных жилищах поблизости от этих пуэбло и под их защитой; но большие каменные дома были построены для проживания, а не для храмов, и были домами основной массы народа. Таких пуэбло было много, почти все они состояли из одного или двух больших строений, разбросанных по всей стране в подходящих местах, похожих на образ жизни деревенских индейцев. Такая же адаптация к коммунизму при жизни в больших семьях обнаруживается во всех домах, которые сейчас находятся в руинах в этих районах. Это многоквартирные дома американского типа, очень похожие на те, что до сих пор встречаются в Нью-Мексико и на Сан-Хуане. В эпоху испанского завоевания они были оккупированы пуэбло и были покинуты индейцами, спасаясь от алчности испанских военных авантюристов, которые притесняли их и издевались над ними так, что индейцы не выдержали. Эррера упоминает случаи, когда большое количество людей уничтожало себя, спасаясь от притеснений испанских хозяев, которым они были не в состоянии противостоять. [Примечание: История Америки, III, 346.]

Многочисленные развалины пуэбло, разбросанные по лесам Юкатана и южнее, являются памятниками испанского правления, угнетения и алчности.

Самая обширная группа руин на Юкатане находится в Ушмале. Несколько его построек известны как "Дом губернатора"; "Дом монахинь", который состоит из четырех отдельных зданий, выходящих окнами на четыре стороны двора; "Дом голубей", состоящий из двух четырехугольников; "Дом черепах"; "Дом старухи"; и "Дом карлика", с некоторыми следами зданий меньшего размера и одним или двумя пирамидальными возвышениями, незанятыми строениями. Из них "Дом губернатора", возможно, был Теканом, или Официальным домом Племен, судя по необычным размерам центральных комнат, "Дом гнома", вероятно, был предназначен для соблюдения религиозных обрядов. Оставшиеся строения, очевидно, были жилыми районами пуэбло.

У ацтеков выделялись три вида домов: 1. Калли, обычный жилой дом, примером которого является "Дом монахинь". 2. Тикплантлакалк, "Каменный дом", в котором находились залы совета и т.д., Примером чего является "Дом губернатора". 3. Теокалли, "Дом Бога", например, "Дом карлика". Эстуфы в пуэбло штата Нью-Мексико заняли место двух последних в Мексике и на Юкатане.

Планы основных сооружений будут приведены для сравнения с планами в Нью-Мексико. Пирамидальные возвышенности, на которых они стоят, расположены довольно близко друг от друга и образуют одно индейское пуэбло. Дома построены из камня, уложенного рядами и обработанного до однородной поверхности, при этом верхняя половина наружных стен украшена гротескными орнаментами, вырезанными на гранях камня. Фостер утверждает, что "эти структуры состоят из мягкого кораллового известняка сравнительно недавнего

геологического образования, вероятно, третичного периода". [Примечание: Доисторические расы Соединенных Штатов, стр. 398]

Так называемые идолы в Копане - это самые большие камни, сработанные жителями Центральной Америки. Они имеют около одиннадцати футов в высоту, три фута в ширину и три фута в глубину, каждая грань покрыта скульптурами и иероглифами. На поле рядом с руинами, друг возле друга, стоят девять таких искусно украшенных статуй. Сбоку от каждого находится так называемый алтарь, площадью около шести футов и высотой четыре фута, сделанный из отдельного камня. Предполагалось, что эти идолы и Алтари имеют какое-то отношение к их религиозной системе, на заднем плане которой человеческие жертвоприношения. Исходя из их положения и характера, можно предположить, что перед нами Копанское кладбище, и что эти идолы - могильные столбы, а эти алтари - могилы вождей Копана. Оба типа все еще можно увидеть в Небраске на могильных столбах и курганах рядом с ними, в Айове и Отосе, а ранее во всех частях Соединенных Штатов к востоку от Миссисипи. Если бы мистер Стивенс открыл один из этих алтарей, он, если это предположение верно, обнаружил бы внутри или под ним индейскую могилу и, возможно, скелет с личными вещами, которые обычно хоронят рядом с умершими. У северных индейцев было принято, чтобы избранный друг умершего, с которым у него сложились особые узы, устанавливал его могильный столб, изображающий главные подвиги усопшего с одной стороны, с иероглифами и его собственными - с другой. "Камень, - замечает мистер Стивенс, - из которого сделаны все эти алтари и статуи, представляет собой мягкий песчаник". [Примечание: Центральная Америка, Чьяпас и Юкатан, 1-153.] Норман ранее описывал используемый материал как "мелкозернистый бетонный известняк". [Примечание: Прогулки по Юкатану, стр. 126.]

В другом месте, касаясь характера инструментов для огранки этого камня, он отмечает, что "несомненно, использовался кремьень". [Сноска: ib., стр. 184] Стивенс делает аналогичное заявление. Точный размер использованных камней не указан, но они не были большими. Норман замечает о Чичен-Ице, что "камни огранены в виде параллелепипедов примерно двенадцати дюймов в длину и шести в ширину, промежутки заполнены теми же материалами, из которых сложены террасы". [Примечание: Прогулки на Юкатане, стр. 127] Он также говорит об "огромных блоках тесаного камня, используемых в дверных проемах". [Примечание: ib. стр. 128]

Мягкий коралловый известняк можно было легко обрабатывать кремневыми орудиями, когда его впервые доставали из карьера, и он затвердевал под воздействием воздуха. Размер и природа используемых камней являются некоторым свидетельством ограниченного прогресса в архитектуре из цельного камня.

Эти конструкции, воспроизведенные на гравюрах Стивенса и Катервуда, вполне могут вызвать удивление и восхищение вкусом, мастерством и трудолюбием, которые они демонстрируют, а также степенью прогресса, которую они демонстрируют. При правильном понимании они позволят нам оценить масштабы фактически достигнутого прогресса, который был поистине замечательным для народа, все еще находящегося в состоянии варварства и продвинувшегося не дальше Среднего уровня.

[Иллюстрация: Боковое возвышение пирамидальной платформы
Дома губернатора]

Мы видели, что стиль архитектуры в Нью-Мексико привел индейцев к тому, что крыши домов стали обычным местом проживания. Сначала это было предложено для обеспечения безопасности, но со временем это стало устоявшейся привычкой. Та же нужда была удовлетворена на Юкатане и в Чьяпасе новым средством, а именно пирамидальной платформой или земляным возвышением высотой в двадцать, тридцать и сорок футов, на ровных вершинах которого были возведены их большие дома. Эти платформы были сделаны еще выше для небольших зданий. Естественное возвышение, поскольку, когда это было практически возможно, вершина была выровнена или приподнята искусственным способом, стены сделаны прямоугольными и наклонными и с четырех сторон облицованы сухой каменной стеной, подъем осуществлялся по каменным ступеням. Нередко можно было встретить две такие платформы, а иногда и три, одну над другой, как показано на рисунке. Эти платформы, называемые террасами, были местами сбора и времяпрепровождения жителей.

Здания в названных регионах почти неизменно имеют высоту всего в один этаж и глубину всего в две комнаты, стены поднимаются вертикально на равную высоту с боков и торцов и заканчиваются плоской крышей. Дверные проемы открывались на площадку или террасу, когда здание было одиночным, и там, где его носили четыре помощника закрытого двора, они обычно открывались на площадку. Поскольку их возвышение над уровнем окружающей местности придавало им характер крепостей, они защищались на линии или краю террасных стен, или, скорее, в начале лестничного пролета, с помощью которого достигался уровень вершины. Ни саманный кирпич, ни бутовая кладка, ни деревянные крыши не могли выдержать тропического климата с его проливными дождями в течение части года. Каменные стены и сводчатый потолок были необходимы для постоянного строительства. Несомненно, на Юкатане, в Чьяпасе и Гондурасе, как и дальше на юг, к перешейку, тут и там были пуэбло с деревянными каркасными домами с соломенными крышами; но преобладающим материалом был камень, о чем свидетельствует количество небольших пуэбло, лежащих в руинах до сих пор. На этих возвышенных платформах они наслаждались такой же безопасностью, как деревенские индейцы Нью-Мексико на крышах своих домов и в стенах своих домов. Они также были подняты над полетом комаров и мух, бича этого жаркого региона. Учитывая окружающие условия, одноэтажные дома на приподнятых платформах были естественным предложением, гармонирующим со стилем архитектуры, коммунальный характер которого был предопределен их социальным положением. Для получения подробной информации об этой архитектуре необходимо обратиться к опубликованным работам, которые легкодоступны, поскольку ее общие характеристики и принципы, на основе которых они возникли, являются единственными предметами, входящими в сферу данного исследования.

Фасад губернаторского дома в Ушмале, показанный на гравюре и взятый из работы Стивенса, послужит образцом для целого. Он стоит на верхней из трех платформ, из которых самая нижняя имеет пятьсот семьдесят пять футов в длину, пятнадцать футов в ширину у основания средней платформы и три фута в высоту. Вторая имеет пятьсот сорок пять футов в длину, двести пятьдесят футов в ширину у основания верхней платформы и двадцать футов в высоту. Третий имеет триста шестьдесят футов в длину, тридцать футов в ширину перед зданием и девятнадцать футов в высоту. Верхняя образована на задней половине средней платформы, о последней из которых мистер Стивенс замечает, что "эта большая терраса была не совсем искусственной. Основанием служила естественная порода, и это свидетельствовало о том, что была использована естественная высота, насколько это возможно, и благодаря этому была

сэкономлена некоторая часть огромного труда по возведению террасы ". [Примечание: Дорожные происшествия на Юкатане, i, 128.]

На гравюре показаны три террасы с наклонными стенами, дом стоит на возвышении на сорок два фута над окружающей местностью. Подъем с террасы на террасу осуществлялся по пролетам каменных ступеней, которые отчетливо не видны. Когда это сооружение было недавно построено и заселено, оно, судя по его главенствующему положению, огромным размерам и бросающимся в глаза террасам, должно было иметь поразительный вид. Сомнительно, чтобы какое-либо из арийских племен, находясь на Средней ступени варварства, построило дома, превосходящие те, что на Юкатане.

Дом имеет симметричную структуру, триста двадцать два фута в длину, тридцать девять футов в глубину и около двадцати пяти футов в высоту. В нем одиннадцать дверных проемов, не считая двух небольших проемов в передней части, и в нем двадцать две квартиры, две из которых имеют длину по шестьдесят футов каждая. Задняя стенка прочная, а в центральной части имеет толщину девять футов. Параллельная стена по центру делит интерьер на два ряда помещений, из которых те, что впереди, имеют глубину одиннадцать футов шесть дюймов и высоту двадцать три фута до верха арки, а те, что сзади, имеют глубину тринадцать футов и высоту двадцать два фута. Как внутри, так и снаружи стены из обработанного камня, выложенного рядами. В работе мистера Стивенса нет рисунков комнат в Доме губернатора. В задних комнатах темно, за исключением света, проникающего через парадный дверной проем.

"Дом монахинь, - говорит мистер Стивенс, - четырехугольный, с внутренним двором в центре. Он стоит на самой высокой из трех террас. Самый низкий имеет три фута в высоту и двадцать футов в ширину; второй - двенадцать футов в высоту и сорок пять футов в ширину; и третий - четыре фута в высоту и пять футов в ширину, простирающийся по всей длине фасада здания. Фасад [здания] имеет двести семьдесят девять футов в длину, а над карнизом, от одного конца до другого, украшен скульптурой. В центре находятся ворота шириной десять футов восемь дюймов, перекрытые треугольной аркой и ведущие во внутренний двор. С каждой стороны от этих ворот находятся четыре дверных проема с деревянными перемычками, ведущие в квартиры, имеющие в среднем двадцать четыре фута в длину, десять футов в ширину и семнадцать футов в высоту до верха арки, но не имеющие связи друг с другом. Здание, образующее правую, или восточную, сторону четырехугольника, имеет длину сто пятьдесят восемь футов; то, что слева, имеет длину сто семьдесят три фута, а ряд напротив, или в конце четырехугольника, имеет длину двести шестьдесят четыре фута. Эти три ряда не имеют дверных проемов снаружи, но снаружи каждый представляет собой глухую стену, а над карнизом все они украшены одинаковыми богатыми и замысловатыми скульптурами ". [Примечание: Дорожные происшествия на Юкатане, i, 299.]

[Иллюстрация: рис. 53.—План Дома монахинь.]

Всего в этих четырех строениях семьдесят шесть квартир, размеры которых варьируются от двадцати до тридцати футов в длину и от десяти до двенадцати футов в ширину. Здесь двадцать одноместных квартир и двадцать пять пар квартир, половина из которых, как и в Доме губернатора, темная, за исключением того, что они освещены из дверных проемов, соединяющих комнаты напротив. В пятом строении, которое не описано, есть шесть пар похожих квартир. В здании справа есть шесть смежных комнат, одна из которых, морозильная, показана на рис. 54. Такое количество смежных комнат настолько необычно в архитектуре

Юкатана, что привлекает внимание. Каждое из четырех зданий вмещало от шестисот до тысячи человек, по обычаю деревенских индейцев.

На этом виде интерьера комнаты в Доме монахинь, рис. 54, который был взят из работы Стивенса, показана форма треугольного потолка, распространенная во всех зданиях Юкатана и Чьяпаса. Это треугольная арка над линией внешнего карниза, без замкового камня, со скошенными гранями камней, образующая идеальный свод над каждой квартирой. Но у него есть такая особенность, что пространство шириной в фут или больше в центре поднято вертикально примерно на два фута и закрыто каменным колпаком, так что боковые стены, образующие сводчатый потолок, не сходятся так, чтобы упираться друг в друга. Механический принцип тот же, что и в арке Нью-Мексико, но здесь он применен в более расширенном и сложном масштабе. Это самая примечательная особенность этой архитектуры с механической точки зрения. Когда мы узнаем, что этот сводчатый потолок был построен над массивной каменной кладкой внутри камеры, впоследствии демонтированной — что и было фактом, — станет ясно, что эти индийские каменщики и архитекторы все еще экспериментально нащупывали путь к научному познанию искусства искусств. Над дверным проемом на внешней стороне стены виден выступающий карниз или срединный антаблемент, который несколько уравнивает внутреннюю проекцию потолка по мере его подъема, и, поскольку стена поднимается заподлицо с карнизом, вес лежащей сверху массы поддерживал каменную кладку. Показанная комната имеет тридцать три фута в длину, тринадцать в ширину и двадцать три фута в высоту до заглушки, а комната, сообщающаяся с ней, имеет такую же ширину и девять футов в длину. Помещения за ними соответствующего размера. [Примечание: Дорожные происшествия и т.д., i, 308.]

Первоначально над дверными проемами были перемычки из твердого сапотового дерева, из-за гниения которых обвалилась часть каменной кладки. Те, что над дверными проемами в перегородках, находятся на месте. Доказательство сравнительно современной даты этих сооружений убедительно только из этих фактов.

Следует отметить, что в здании справа от "Дома монахинь" есть шесть отдельных квартир, которые не имеют связи с остальными комнатами здания, а остальные расположены парами, задняя комната соединена с передней и ни с какой другой. На плане самого дома, по-видимому, очень ясно видно, что он был спроектирован для проживания различных групп, состоящих из родственных семей, каждая из которых сама по себе была большим домашним хозяйством. Если бы общинный принцип жизни действительно существовал среди них, можно было бы ожидать его выражения во внутреннем убранстве дома, причем в такой форме. Эта поразительная и важная особенность пронизывает все сооружения в этих районах, планы которых были получены.

Треугольный потолок, по сути, представляет собой попытку секционно расширить перемычку поперек свода помещения вместо балок, и, насколько известно автору, это единственная попытка, когда-либо предпринятая каким-либо варварским народом создать каменный потолок над обычными жилыми комнатами. В стене и потолке, сформированных таким образом и поднятых на несколько футов над вершиной треугольной арки, не было бы бокового выступа наружу из каменной кладки.

Следует отметить, что ни в одном из этих домов нет ни камина, ни дымоходов, ни окон; ни в одном древнем сооружении на Юкатане или в Центральной Америке, насколько известно

автору, ничего подобного обнаружено не было. Огонь не был нужен для согрева, но поскольку он предназначался для приготовления пищи, это очень ясно показывает, что в этих домах не готовили. Сразу напрашивается предположение, что их обитатели готовили пищу на открытом дворе или на средней террасе группами домочадцев, делая общий запас провизии и деля ее из глиняного котла, как ирокезы. Коммунистический характер этих домов проявляется в их больших размерах и разделении комнат, как правило, попарно, не имеющих никакой связи с остальной частью дома. В каждой паре комнат могли бы разместиться несколько супружеских пар с их детьми; то же самое можно было бы сказать и о каждой отдельной квартире, в зависимости от образа жизни деревенских индейцев. Более того, коммунизм в жизни, по-видимому, был законом состояния человека как на Низшем, так и на Среднем этапе варварства. У ирокезов единственный регулярный прием пищи в день был всем, что позволял их образ жизни; чувство голода утолялось мамалыгой, которую постоянно готовили, или другой пищей, насколько позволяли их домашние ресурсы. Маловероятно, что аборигены Юкатана были способны дополнять обычный завтрак или ужин. Они относятся к более высокоразвитому ведению домашнего хозяйства моногамной семьи в цивилизации.

Другой обычай, обычный на Более Низком уровне варварства, по-видимому, получил продолжение на Среднем уровне, а именно: мужчины едят первыми и в одиночестве, а женщины и дети - после. Не имея представления о столах или стульях, обед по необходимости представлял собой уединенное мероприятие между человеком и его глиняной миской или блюдом. Однако время ужина было одинаковым для всех мужчин, а затем для женщин и детей. Эррера в своем кратком описании привычек жителей Юкатана случайно обронил, что на их праздниках женщины "ели отдельно от мужчин". Это именно то, чего можно было бы ожидать, если бы по этому вопросу ничего не было сказано. [Сноска: История Америки, iv, 175.]

Есть несколько доказательств, имеющих прямое отношение к вопросу о древней практике коммунизма в этих домах Ушмаля. Они встречаются в нынешних обычаях индейцев майя с Юкатана, потомков строителей этих домов, которые, как можно разумно предположить, они унаследовали от своих предков. В Нохкакабе, недалеко к востоку от руин Ушмаля, находилось поселение индейцев майя, чей коммунизм в образе жизни был случайно обнаружен мистером Стивенсом, когда они нанимали рабочих. Он замечает следующее: "Их община состоит из сотни лабрадоров, или рабочих; их земли находятся в общем владении, а продукты делятся между всеми. Их еда готовится в одной хижине, и каждая семья посылает за своей порцией; это объясняет необычное зрелище, которое мы наблюдали по прибытии [в 1841 году], процессию женщин и детей, каждая из которых несла глиняную миску, содержащую некоторое количество дымящегося горячего бульона, все они шли по одной дороге и расходились по разным хижинам Из-за нашего незнания языка и множества других, более неотложных вопросов, требующих нашего внимания, мы не могли изучить все детали их внутренней экономики, но это, казалось, приближало к тому улучшенному состоянию ассоциации, о котором мы иногда слышим среди нас; и поскольку это существовало в течение неизвестного периода времени и больше не может считаться экспериментальным, Оуэн и Фурье, возможно, могли бы извлечь из них уроки с пользой Никогда прежде я так сильно не сожалел о своем незнании языка майя". [Сноска: Дорожные происшествия и т. Д., ii, 14.]

Сотня рабочих - это в общей сложности пятьсот человек, которые в то время ежедневно питались от одного костра и одной кухни, причем провизия доставлялась из общих запасов и делилась из котла. Вполне вероятно, что это правдивая картина образа жизни в Доме монахинь

и в Доме губернатора в период европейских открытий. Каждая группа, практикующая коммунизм, для удобства и экономии могла включать всех обитателей одного дома, или его обитатели могли быть разделены на меньшие группы; но предположение в пользу большей. В других местах приводились свидетельства существования у майя родовой организации с наследованием по мужской линии, из чего можно сделать вывод, что заселение этих домов происходило на основе родственного родства между семьями в каждом из них, когда отцы и их дети принадлежали к одному роду, а жены и матери - к другим родам. Все факты, по-видимому, указывают на то, что коммунизм в жизни практиковался среди деревенских индейцев в целом в масштабах, тогда неизвестных в других частях света, потому что только они представляли культуру и образ жизни Среднего уровня варварства. Рассмотренный выше обед Монтесумы является иллюстрацией.

[Иллюстрация: рис. 55.—План местности Зайи.]

Недалеко от Ушмаля находятся интересные руины Зайи, которые представляют собой новую особенность в архитектуре домов Юкатана. На невысоком возвышении находятся три независимых строения, второе внутри первого или самого низкого и над ним, а третье внутри и над вторым, издали представляющие собой единое четырехугольное здание в три отступающих этажа. Но каждый стоит на отдельной террасе и построен напротив внутреннего, который возвышается над ним, за исключением внутреннего, единого здания, занимающего вершину. Внешний четырехугольник расположен на самой нижней террасе. Размеры нескольких зданий указаны на плане. Вместе они содержат восемьдесят семь квартир, если предположить, что части, находящиеся в руинах, соответствовали сохранившимся частям. Номера, как обычно, либо одноместные, либо парные. Внешняя лестница с передней и задней сторон разделяет здания с этих сторон от нижней террасы к верхней. Точки в отверстиях обозначают колонны, которые находятся в этом и нескольких других сооружениях. В случае нападения внешний четырехугольник был непригоден для обороны; но его обитатели могли отступить на вторую террасу наверху и защищать свою крепость на верху лестниц, которые были единственными подходами, если не взбираться по внешнему четырехугольнику, что было весьма маловероятным предприятием.

[Иллюстрация: рис. 56. — Поперечный разрез в одной квартире.]

Внимание было привлечено к этому поселению, которое могло бы вместить две тысячи или более человек, по особой причине. Это, по-видимому, является убедительным доказательством того, каким образом были возведены эти величественные сооружения с целью создания своеобразного треугольного каменного потолка, который является поразительной характеристикой этой архитектуры.

Чтобы понять проблему, примыкающее поперечное сечение отдельной комнаты окажет некоторую помощь, показав отношение стен к камере и ее потолку. Камера со сводчатым потолком была построена на массивном ядре каменной кладки, уложенном одновременно со стенами, которое было удалено после того, как последние затвердели и осели. Это показывает, что при использовании небольших камней такого размера, около фута в длину и шести дюймов в толщину, треугольный потолок, выступающий к центру при подъеме, требовал внутренней опоры в виде сердцевины, чтобы обеспечить возможность строительства их методами. Будучи собранным поверх такой сердцевины и поднятым на несколько футов над вершиной арки, вес

лежащей сверху массы будет соединять и удерживать кладку вместе. Это также показывает, что в этом устройстве отсутствует существенная особенность арки.

Доказательством этого утверждения является фактическое присутствие неповрежденного остова в одном из этих зданий во всех его помещениях. Мистер Стивенс обнаружил, что каждая комната заднего здания на второй террасе снизу доверху заполнена каменной кладкой, оставленной точно такой, какой она была, когда здание было закончено. Он отмечает, что "северная половина второго хребта имеет любопытную и необъяснимую особенность. Он называется Casa Cerrada, или "закрытый дом", в нем десять дверных проемов, каждый из которых изнутри заложен камнем и известковым раствором Перед некоторыми из них были навалены груды камней, которые они [его рабочие] извлекли из дверных проемов, а под перемычками были отверстия, через которые мы могли пролезть внутрь; и здесь мы оказались в помещениях, стены и потолки которых были отделаны так же, как и все остальные, но заполнены, за исключением тех случаев, когда они были опустошены индейцами, твердыми массами раствора и камня. Всего таких помещений было десять, длиной двести двадцать футов и глубиной десять футов, которые, будучи таким образом засыпаны, превратили все здание в сплошную массу; и самой странной особенностью было то, что засыпка помещений, должно быть, происходила одновременно с возведением зданий; поскольку засыпка поднималась выше верхушек дверных проемов, люди, которые ее выполняли, никогда не смогли бы приступить к своей работе через двери. Должно быть, это было сделано при возведении стен, а потолок, должно быть, закрывал сплошную массу". [Дорожные происшествия и т.д., ii, 22.]

Мистеру Стивенсу, похоже, не приходило в голову, что каменная кладка внутри каждой комнаты была ядром, без которого сводчатая камера такой формы не могла бы быть построена с их знаниями строительного искусства. Это показывает грубость их механических средств, а также реальное состояние их искусства, но в то же время повышает нашу оценку их оригинальности, изобретательности и трудолюбия. Они экспериментально прокладывали себе путь наверх в архитектуре, как это делали все другие народы, заслужив право с гордостью указывать на эти сооружения как на выдающиеся памятники достигнутого ими прогресса.

Отсюда следует важный вывод, а именно, что этот "закрытый дом" был последним в истории, возведенным в этом пуэбло, и не был освобожден от своего ядра и введен в эксплуатацию, когда испанское вторжение вынудило людей покинуть это пуэбло. Это позволило бы установить период его строительства в 1520 году н.э. или после него, таким образом решив вопрос о его современной дате и устранив одно из заблуждений относительно древности руин на Юкатане и в Центральной Америке. Это строение так же сильно разрушено, как и любое другое на Юкатане. Есть много других строений, сохранившихся даже лучше, чем это.

Краткое упоминание о Паленке завершит это уведомление, но без рассмотрения фактов настолько полно, насколько они того заслуживают. В этом пуэбло есть четыре или пять пирамидальных возвышенностей, очень похожих по плану и общему расположению на те, что в Ушмале. Одно из них намного больше, и сооружения на нем называются "Дворцом". Обычно он считался образцом архитектуры американских индейцев. Поскольку дворец подразумевает властителя для своего занятия, персонажа, который никогда не существовал и не мог существовать при их институтах, это было средством самообмана относительно положения аборигенов, от которого следовало навсегда отказаться. Несколько отдельных зданий сгруппированы здесь на одной возвышенной террасе и более или менее связаны между собой.

В общей сложности они имеют двести двадцать восемь футов в длину, спереди и сзади, и сто восемьдесят футов в глубину, занимая не только четыре стороны четырехугольника, но и большую часть того, что первоначально, по всей вероятности, было открытым двором. Использование внутреннего двора для дополнительных построек свидетельствует об упадке архитектуры и этнической жизни народа, поскольку подразумевает нежелание возводить новое пирамидальное сооружение, чтобы обеспечить жильем большее число людей. Таким образом, использование первоначального двора, столь необходимого для освещения и воздуха, а также для простора, и который является такой поразительной чертой в общем плане архитектуры индейской деревни, было отходом от принципов этой архитектуры. Почти все здания на Юкатане и в Центральной Америке сходятся в одном, а именно в том, что они построены с тремя параллельными стенами с разделительными перегородками через равные промежутки, что дает два ряда квартир под одной крышей, обычно, если не всегда, плоских. Там, где несколько зданий сгруппированы вместе на одной платформе, как в Паленке, они находятся по отдельности под независимыми крышами, а промежутки между ними, называемые кортами, представляют собой просто открытые дорожки или проходы между строениями. Изучение плана местности руин Паленке в фолианте Дюпэ или в работе мистера Стивенса может ввести в заблуждение, если не учитывать эту особенность архитектуры. На самом деле на верхнем уровне платформы расположены семь или восемь различных зданий, сгрудившихся вместе. мистер Стивенс говорит о них как о единой структуре. "Здание, - замечает он, - было построено из камня, и весь фасад был покрыт штукатуркой и раскрашен.... В дверных проемах нет ни дверей, ни каких-либо остатков Все верхушки дверных проемов были сломаны. Они, очевидно, были квадратными, и над каждым из них каждой стороны в стене были большие ниши, в которые были вставлены перемычки. Все эти перемычки упали, и камни наверху образовали сломанные естественные арки". [Сноска: Центральная Америка и ок., ii, 310-312.]

Внутренние стены в двух комнатах, изображенных на гравюрах, были оштукатурены. В архитектурном отношении Паленке уступает Дому монахинь, но более декоративен. У него также есть одна особенность, обычно не встречающаяся в сооружениях Юкатана, а именно коридор шириной около девяти футов, который, как предполагается, огибал большую часть фасада с четырех сторон. Наружные стены этих коридоров опираются на ряд опор, а центральная или следующая параллельная стена не нарушена, за исключением одного дверного проема с каждой из трех сторон и двух с четвертой, образуя таким образом узкий проход. Одно из внутренних зданий состоит из двух таких коридоров, но более широких, расположенных по разные стороны центральной продольной стены. Все помещения в нескольких зданиях большие. На одном из открытых пространств возвышается башня площадью около тридцати квадратных футов, высотой в три этажа. Сооружения Паленке весьма примечательны, они стоят на искусственном возвышении высотой около сорока футов и достаточно велики, чтобы вместить три тысячи человек, живущих по обычаю деревенских индейцев.

План этих домов, а также домов на Юкатане, по-видимому, показывает, что они были спроектированы для проживания групп людей, состоящих из нескольких семей, чьи частные границы были установлены прочными перегородками. Они в точности приспособлены к такому способу заселения, и это особое приспособление, столь явно наложенное на всю эту архитектуру, неотразимо приводит к выводу, что они были заселены по общинному принципу и, следовательно, были ни много ни мало как многоквартирными домами по образцу, который можно отчетливо назвать домом американских аборигенов. Ни одно из этих зданий не

сравнится по размерам с постройками на Рио-Чачо, и ни одно из них не сравнится по вместимости с Пуэбло Бонито, в котором насчитывалось шестьсот сорок комнат. [Примечание: Отчет лейтенанта Симпсона, Сенатский экс-документ, 1-я сессия, 31-й Конгресс, 1850 г., стр. 81.]

Но в этом теплом климате и с приподнятыми террасами, используемыми в качестве мест сбора, большее количество людей могло бы жить в равных пространствах.

Каждое сооружение или группа сооружений, возведенных таким образом, были крепостью. Они доказывают незащищенность, в которой жили люди, поскольку труд, связанный с возведением этих платформ, по крайней мере частично искусственных, никогда бы не был предпринят без веского мотива. Одним из главных благ цивилизации является безопасность, которую дает людям более высокая организация общества, под защитой которой они могут как земледельцы занимать обширные площади земли. На Среднем этапе варварства они были вынуждены жить в основном в деревнях, которые были укреплены различными способами; и каждая деревня, мы должны предположить, была независимой, самоуправляющейся общиной, за исключением нескольких родственных по происхождению людей, говорящих на одном и том же диалекте или диалектах одного и того же языка, объединенных для взаимной защиты. Распространялось впечатление, что Паленке и другие пуэбло в этих регионах были окружены плотным населением, живущим в дешевых многоквартирных домах. Приписав найденные сооружения, которые, несомненно, были всем, что когда-либо существовало, индийским королям или властителям, вполне можно задать вопрос: "если такие дворцы были предоставлены правителям страны, то что стало с резиденциями народа?" мистер Стивенс прямо поддержал это абсурдное предположение. [Примечание: Центральная Америка и др., ii, 235.]

В своих ценных работах он проявил склонность разжигать пламя фантазии по отношению к этим руинам. Описав так называемый "дворец" в Паленке и отметив, что "вся территория, покрытая этими [руинами], насколько это пока известно, как видно из плана, не больше нашего парка или батареи" [в Нью-Йорке], он продолжает: "Однако уместно добавить, что, рассматривая пространство, ныне занимаемое руинами, как место расположения дворцов, храмов и общественных зданий, и предполагая, что дома жителей были, подобно домам египтян и нынешней расы индейцев, из хрупких и скоропортящихся материалов, как в то время. Мемфис и Фивы полностью исчезли, города, возможно, занимали огромную территорию". [Примечание: Дорожные происшествия, Центральная Америка, Чьяпас и Юкатан, ii, стр. 355 и далее.] Это явный случай ложного внушения со стороны мистера Стивенса, который обычно так осторожен и надежен и даже здесь так сдержан в своих высказываниях. Он впал в ошибку, рассматривая эти останки как город в руинах, а не как маленькое индейское пуэбло в руинах. Но он предоставил общий план всех найденных руин в пуэбло Паленке, из которого было ясно, что четыре или пять строений на пирамидальных платформах на некотором расстоянии друг от друга, а все пространство, на котором они были разбросаны, примерно равнялось Батареи, представляли собой жалкое зрелище для города. Самый доверчивый читатель легко поймет, что называть их руинами города было неправильным термином; отсюда предположения мистера Стивенса о том, что "учитывая пространство, ныне занимаемое руинами, как место расположения дворцов, храмов и общественных зданий, и предполагая, что дома жителей, построенные ... из хрупких и скоропортящихся материалов, исчезли ... город, возможно, занимал огромную территорию". Возможно, сам мистер Стивенс считал или предполагал, что и то, и другое было правдой, но это кажется маловероятным, и в любом случае он несет

ответственность за ложную окраску, таким образом приданную этим руинам, и за ложные выводы, сделанные на их основе.

Эти сооружения в высшей степени заслуживают похвалы интеллекта их строителей, и их можно заставить раскрыть способ их использования и фактический прогресс, которого они достигли в искусстве жизни; но они никогда не могут быть рационально объяснены, пока о них высказываются такие дикие взгляды. До тех пор, пока не станут известны действительный характер и значение этих руин, можно ожидать, что относительно них будут преобладать такие мнения. Они проистекают из предполагаемого существования общества, достаточно развитого для развития властителей и привилегированных классов, обладающих властью принуждать людей к труду для личных целей. Нет никаких доказательств в поддержку такого предположения. Вполне вероятно, что небольшое количество представителей каждого пуэбло часть года проживало в лесах во временных жилищах, занимаясь земледелием или охотой и рыбной ловлей; но из кратких отчетов первых исследователей известно достаточно, чтобы показать нам, что основная масса жителей Юкатана и Центральной Америки была собрана в пуэбло или деревнях. Более того, они были движимы тем же духом, что и киболанцы, в том, что касалось личной независимости. Вместо того, чтобы жить в подчинении у испанских надсмотрщиков, те самые индейцы, которые с таким трудом возвели эти дома, как утверждает Коронадо о сиболанах, "Привели в порядок все свои товары и имущество, своих женщин и детей и бежали в горы, оставив свои города, так сказать, заброшенными" [Сноска: Эррера, История Америки, iii, 346, ср. 348.] предпочитая возврат к низшей стадии варварства, а не потерю личной свободы. В 1524 году Кортес послал офицера "усмирить взбунтовавшихся жителей Чьяпаса, что этот командир успешно выполнил, ибо, когда они больше не могли сопротивляться, эти отчаявшиеся негодяи бросились со своими женами и детьми очертя голову из пропастей, так что их осталось не более двух тысяч, чьи отпрыски населяют эту провинцию в настоящее время". Жители Паленке, возможно, были включены в это описание. [Сноска: ib., iv, 169.]

Профили индейцев Паленке, скопированные Стивенсом с гипсовых изображений в разных частях нескольких сооружений, показывают, что у них были плоские головы, как у индейцев чинук с реки Колумбия; их лбы были сплющены искусственным сжатием. Эррера, говоря в целом о жителях Юкатана, отмечает, "что они сплющили свои головы и лбы". [Сноска: ib., iv, 169.] Было ли это общепринятой практикой, неизвестно, если не считать памятников Паленке и бесцеремонного заявления Эрреры.

Все еще остается открытым другой важный вопрос, а именно, достигли ли индейцы Юкатана и Центральной Америки первой стадии научной архитектуры, использования каменных столбов и перемычек в качестве строительного принципа в каменной кладке. Египтяне использовали столб и перемычку, поэтому их архитектура была охарактеризована как горизонтальная. Греки не пошли дальше этого, хотя и ввели в архитектуру три порядка. Круглая и стрельчатая арка, использованные в качестве принципов строительства, со всем, что они придавали архитектуре, были недоступны даже грекам. Говоря о Доме губернатора, мистер Стивенс замечает, что "все двери исчезли, а деревянные перемычки над ними упали". [Примечание: Дорожные происшествия на Юкатане, i, 175.]

"В некоторых внутренних помещениях перемычки над дверными проемами все еще были на месте, а некоторые лежали на полу, прочные и невредимые, что, несомненно, объяснялось тем,

что они были более защищены, чем те, что над наружным дверным проемом". [Примечание: ib., стр. 178.] То же самое верно для Дома монахинь и ряда других сооружений, фигурирующих и описанных в работах мистера Стивенса. Но в некоторых домах встречаются каменные перемычки. Так, об одном из зданий в Кабе он говорит: "Перемычки над дверями каменные". [Сноска: ib., i, 398.]

В данном случае в середине дверного проема стояла каменная колонна, а перемычка состояла из двух секций. Норман, говоря о руинах в Чичен-Ице, отмечает, что "дверные проемы представляют собой почти квадрат около семи футов, чем-то напоминающий египетские; стороны которых образованы из больших блоков тесаного камня. В некоторых случаях перемычки сделаны из того же материала". [Сноска: Прогулки на Юкатане, стр. 128.]

Для перемычек обычно использовали древесину сапоте, которая отличается своей прочностью и долговечностью. Можно с уверенностью сказать, что деревянная перемычка была правилом на Юкатане, а не исключением. В то время как они понимали использование каменной перемычки, которая сама по себе могла обеспечить долговечность конструкции, ее обычное использование было выше их возможностей. Использование камня требуемого размера, как правило, превосходило их возможности в каменной кладке. Поэтому нельзя сказать, что столб и перемычка из камня стали принципом строительства в их архитектуре. Поскольку майя, построившие эти сооружения, находились на средней ступени варварства, нельзя было ожидать, что их архитектура достигнет научной стадии.

История и этнология американских аборигенов были извращены и даже изображены в карикатурном виде различными способами, и, среди прочего, с помощью ложной терминологии, которая сама по себе способна исказить истину. Когда мы научимся заменять индийское королевство индийской конфедерацией; короля, принца и владыку - Теухтли, или главным военным вождем, сахемом и шефом; "великие города" - индийскими деревнями; "дворцы" - общинными домами, а монархические институты - демократическими; вместе с рядом подобных замен обманчивых и неподходящих терминов "подходящими", индеец прошлого и настоящего будет представлен с пониманием и займет свое истинное положение на шкале человеческого прогресса. В то время как арийская семья полностью утратила все следы своего опыта, предшествовавшего завершающему периоду варварства, индийская семья в ее различных ветвях предложила для нашего исследования не только состояние дикости, но также состояние как начального, так и среднего периода варварства в полном и всестороннем развитии. Американские аборигены наслаждались непрерывным и безмятежным прогрессом на огромном континенте в течение двух этнических периодов и последней части предыдущего периода в замечательных масштабах. Если бы эта возможность была разумно использована, рациональное знание опыта наших собственных предков, находящихся в том же статусе, могло бы быть получено путем изучения этих прогрессивных условий. Кроме того, прежде чем появится этнологическая наука, применяемая к американским аборигенам, необходимо устранить неверные представления и интерпретации, которые сейчас загромождают первоначальные памятники. До тех пор, пока это каким-либо образом не будет эффективно достигнуто, эта наука никогда не сможет утвердиться среди нас.

Наша этнография была начата для нас европейскими исследователями и искажена в своей основе неправильным пониманием фактов. Те немногие американцы, которые взялись за эту тему, в целом пошли по тому же пути и усугубили первоначальные ошибки интерпретации до тех

пор, пока романтика не охватила все поле деятельности. Возможно ли начать все заново и вернуть то, что было утрачено, я не могу претендовать на определение. Это стоит усилий.

Наконец, что касается состояния и строений деревенских индейцев Юкатана и Центральной Америки, то из представленных фактов можно сделать следующие выводы, которые являются обоснованными:

[Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

Первое: Семья среди них была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку противостоять жизненной борьбе, и поэтому укрывалась в больших семьях, состоящих, вероятно, из родственных семей.

Второе: что они, вероятно, были организованы в роды и, как следствие, были разделены на независимые племена, с конфедерациями тут и там для взаимной защиты; и что их институты были по существу демократическими.

Третье: из плана и внутреннего устройства этих домов можно сделать вывод о практике коммунизма в домашних хозяйствах.

Четвертое: эти люди были деревенскими индейцами Средней ступени варварства; они жили в одном доме с совместным проживанием или в нескольких таких домах, сгруппированных вместе и образующих одно пуэбло.

Пятое: гостеприимство и коммунизм в жизни были законами их условий, которые нашли выражение в форме домов, приспособленных к коммунизму в жизни большими семьями.

Шестое: все, что когда-либо было от Ушмаля, Паленке, Копана и других пуэбло в этих районах, здание за зданием, камень за камнем, теперь лежит в руинах.

Седьмое: Ничто из изложенного здесь не противоречит предположению, что некоторые из этих сооружений были предназначены для религиозных целей.

Наконец, что общий принцип пронизывает всю эту архитектуру, от реки Колумбия и Святого Лаврентия до Панамского перешейка, а именно приспособление к жизни при коммунизме.

Когда мы пытаемся понять "Дворец в Паленке" или Дом губернатора в Ушмале как резиденции индийских властителей, они совершенно непонятны; но как общинные многоквартирные дома, воплощающие социальные, оборонительные и общинные принципы, мы можем понять, как они могли быть созданы и так тщательно и кропотливо отделаны. Очевидно, что они были работой людей, созданной для их собственного удовольствия и защиты. Принудительный труд никогда не создавал их. Напротив, очарование всех этих зданий, вместительных, оформленных со вкусом и замечательных, заключается в том, что они были возведены индейцами для их собственного использования, добровольными руками и заселены ими на условиях полного равенства. Свобода, равенство и братство, несомненно, являются тремя великими принципами рода, и эта архитектура отвечает этим чувствам. И это в высшей степени похвально для индийского ума, что, находясь в Среднем варварском состоянии, они развили способность планировать и промышленность для возведения сооружений такого архитектурного дизайна и внушительных размеров.

Теперь я представил все, что намеревался представить в отношении архитектуры домов американских аборигенов. Это лишь малая часть великой темы. В качестве ключа к интерпретации этой архитектуры были использованы два принципа: практика гостеприимства и практика коммунизма в жизни. Они, по-видимому, дают удовлетворительное объяснение его специфических особенностей в полной гармонии с индийскими институтами. Если обычный читатель сможет согласиться с такой интерпретацией, это приведет к реконструкции истории наших аборигенов, которая сейчас так настоятельно востребована.

[Перенесенная сноска: Научились ли индейские племена какой-либо части Северной Америки добывать камень для использования в строительных целях, все еще остается вопросом. В Нью-Мексико нет никаких свидетельств того, что они добывали камень. Они подбирали и использовали такие камни, которые были найдены в обломках у подножия скал или которые были найдены на поверхности и могли быть легко извлечены из их ложа. В Центральной Америке, если вообще где-либо, они должны были добывать камень в строгом смысле этого термина, но пока нет убедительных доказательств этого факта. Необходимо будет найти карьеры, из которых были взяты камни, с такими доказательствами их обработки, какие могут быть в этих карьерах. Камни, используемые в зданиях на Юкатане и в Центральной Америке, представлены как "мягкий коралловый известняк", а в некоторых случаях, как в случае с так называемыми копанскими идолами, из "мягкого песчаника". Добыча камня, даже такого характера, требует применения большего, чем обычный интеллект и мастерство. У местных племен не было металлов, кроме самородной меди, золота и серебра, и у них не было упряжи, необходимой для рычага или долота; и у них не было взрывчатки для взрывных работ. Возможно, использовались другие средства. Мы находим, что каменная перемычка для дверного проема выходит за рамки их возможностей для обычного использования, и что из-за отсутствия таковой они не смогли возвести постоянные сооружения из камня. Искусством добычи камня человечество овладело еще до того, как возникла цивилизация, но оно должно начаться в грубой форме, прежде чем на опыте будут открыты более эффективные средства. Если какое-либо из племен американских индейцев продвинулось к этим знаниям и обладало навыком и способностью добывать камень, важно, чтобы этот факт был установлен, и чтобы им приписывали прогресс в знаниях, подразумеваемый этим навыком и способностью. Наличие обработанного камня со стен в Ушмале, Паленке и других местах на Юкатане и в Центральной Америке должно быть подтверждено с помощью квадрата, чтобы определить, были ли на них сформированы ровная поверхность и правильный угол. Следует также убедиться, действительно ли стены вертикальные, а также научились ли они делать строительный раствор из негашеной извести и песка. Прежде чем наши писатели-авантюристы используют в связи с нашими местными племенами и их произведениями такие термины, как "цивилизация, великие города, дворцы и храмы", и присваивают индейским вождям такие внушительные титулы, как "король, принц и повелитель", они должны быть готовы показать, что по крайней мере некоторые из их племен научились пользоваться колodцами и как их рыть, добывать камень, готовить известковый раствор и песок; формировать прямой угол и ровную поверхность камня и возводить вертикальные стены. Эти необходимые приобретения предшествуют первым зачаткам цивилизации.]